

Annotation

Вольф Мессинг - одна из самых любопытных загадок XX века. Он стал знаменитым на весь мир благодаря своим уникальным способностям читать мысли, предвидеть судьбы людей, безошибочно предсказывать исторические события. Но жизнь ясновидца сложилась так, что ему не раз приходилось задумываться, божественным даром или дьявольским проклятием наделила его природа. О судьбе великого прорицателя рассказывает роман известного кинодраматурга Эдуарда Володарского.

- [Эдуард Яковлевич Володарский](#)
  - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
    -
  - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
    -
  - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
    -
  - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
    -
  - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
    -
  - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
    -
  - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
    -
  - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
    -
  - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ](#)
    -
  - [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ](#)
    -
  - [ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ](#)
    -
  - [ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ](#)
    -

Эдуард Яковлевич Володарский
Вольф Мессинг. Видевший сквозь
время

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Москва, 1970-е годы

В 1971 году журналист Виталий Блинов готовил для газеты “Неделя” беседу с известным артистом-телепатом Вольфом Григорьевичем Мессингом. Интервью пролежало почти два года, и в 1973 году главный редактор “Недели” Валентин Архангельский заверил Виталия, что материал стоит в номере, но нужно еще раз получить визу его собеседника. Все-таки прошло два года. И Блинов снова отправился к Мессингу. Эту встречу журналист запомнил на всю жизнь...

...Дверь ему открыл сам Мессинг, пожилой мужчина с улыбочивым, но утомленным лицом. Широкий лоб с глубоко врезавшимися морщинами, зачесанные назад темные, курчавые, с густой проседью волосы. Лицо не старое, но немногие морщины столь глубоки и рельефны, что невольно приходила мысль: этому человеку довелось пережить немало.

– Вольф Григорьевич, добрый вечер. Это я вам звонил час назад. Я Виталий Блинов.

– Могли бы этого и не говорить, – улыбнулся Мессинг. – Я знал, что вы мне позвоните, еще месяц назад.

– Простите, забыл, с кем имею дело...

Они прошли по освещенному короткому коридору и вошли в кабинет. Мессинг предложил гостю сесть в кожаное кресло неподалеку от письменного стола, заваленного множеством бумаг и газет, включил настольную, старинной бронзы лампу со стеклянным зеленым абажуром и сказал с мягкой улыбкой:

– Я даже могу назвать причину вашего визита. Вам нужно повторно завизировать интервью, которое я дал вам два года назад?

– Мне остается только развести руками... – удивленно произнес Виталий и действительно развел руками.

– Давайте интервью...

Журналист протянул свернутые в трубку листы. Мессинг взял их и, проглядывая, сел за стол, предложил:

– Хотите курить? Курите. Пепельница рядом с вами на столике.

Блинов вновь, не скрывая удивления, покачал головой, достал сигарету и щелкнул зажигалкой, прикуривая.

Мессинг быстро пробежал глазами строчку за строчкой, отложил один лист, потом другой... третий... Потом взял авторучку и сказал:

– Автограф оставляю. Только вы зря нервничаете. В последний момент нашу беседу снимут без объяснения причин, статью вы опубликуете лет через двадцать, если, конечно, останется такое издание, как “Неделя”. А меня уже на этом свете не будет...

– Не понимаю, Вольф Григорьевич... впрочем, что я спрашиваю... просто невероятно... Почему интервью снимут? Мне главный сообщил, оно уже поставлено в номер. Почему его должны снять? – заволновался Виталий.

– Этого я сказать вам не могу, – расписываясь, ответил Мессинг.

– Странно, что вы этого не знаете...

– Знаю. Но говорить не хочется. Вас это не касается, поверьте... – Вольф Григорьевич поднял голову и с улыбкой потянул журналисту подписанные листы. – Хотите кофе?

...Он оказался прав, этот загадочный телепат... За два часа до подписания номера газеты в набор материал сняли по приказанию главного редактора без каких-либо объяснений. И опубликовали это интервью ровно через двадцать лет, как Мессинг и говорил. Опубликовали в “Неделе”. Главный редактор Станислав Сергеев сказал Виталию, что это последний номер, еженедельник закрывают... Через год его открыли снова... А самого Вольфа Григорьевича уже давно не было в живых.

Виталий Блинов встречался с этим человеком не однажды и каждый раз во время разговора боялся смотреть ему в глаза. Его пугала глубина этих глаз... страшная, пугающая глубина бездонного омуты...

*Польша, конец 1939 года,
через пару месяцев после вторжения
германских войск*

Вторжение германских войск в Польшу... Немецкие войска, не встречая сопротивления, переходят границу... Самолеты со свастикой на крыльях кружат над Варшавой, пикируют вниз. Сыплются бомбы... По улицам города в панике мечутся жители...

Маршируют колонны немецкой пехоты. В строю – улыбающиеся, довольные солдаты... С грохотом движутся колонны танков с крестами на броне. На головном танке развевается штандарт с черной свастики... Бредут понурые пленные – польские солдаты и офицеры...

...Вместе со своим многолетним импресарио Питером Цельмейстером и его помощникомлевой Кобаком Мессинг почти сутки ехал по проселочным дорогам. Моросил мелкий ледяной дождь, шуршал по крыше кареты, копыта лошадей чавкали и хлюпали по непролазной грязи. Лева Кобак молча курил, Цельмейстер нервничал, то и дело смотрел на светящийся в полумраке циферблат часов. Вольф Мессинг дремал, прикрыв глаза, забившись в угол кареты, которую то и дело встряхивало и раскачивало из стороны в сторону.

Цельмейстер вдруг наклонился к Мессингу, спросил зло и настойчиво:

– Ты знал, что это будет? Скажи, пророк чертов?! Ты знал, что будет такое? Почему молчал?

– Нет, не знал... я видел только войну... и говорил о ней... Нет, Питер, прости... не мог знать... – Мессинг закрыл глаза и добавил с болью, исказившей его лицо: – Такое мог знать только Господь Бог...

– Да на кой черт мне нужен такой Господь! – выругался Цельмейстер. – Я и раньше в него не верил, а теперь тем более!

Кучер, правивший парой лошадей, накрыв голову кулем из рогожи, постучал в стенку кареты и, когда дверца приоткрылась, сказал громко по-польски:

– Подъезжаем, панове! А вдруг там немцы?

– Какие немцы?! – рявкнул Цельмейстер. – Что им делать в этой глухомани!

– Темно чего-то... огней не видать! – произнес кучер.

– Прячутся люди, не понимаешь, что ли? – зло прокричал Цельмейстер и захлопнул дверцу.

Карета въехала в местечко Гора-Кальвария. Действительно, дома по обе стороны улицы стояли черные, без единого огонька. Даже собаки не лаяли.

– Остановись! – открыв дверцу, крикнул Вольф, и кучер послушно натянул вожжи. Лошади встали.

Мессинг спрыгнул в грязь, не жалея лакированных ботинок, и зашагал в темноту.

– Ну куда ты, Вольф? Мы бы подъехали прямо к дому! – крикнул вслед Цельмейстер. – Охота по грязи шлепать?

Не услышав ответа, он махнул рукой, тоже спрыгнул в грязь и пошел вслед за Мессингом.

Из кареты молча высунулся Лева Кобак и тоже спрыгнул на дорогу. Покрутил головой, обернулся и сказал кучеру:

– Янек, поищи пока кого-нибудь. Должны же быть жители.

Кучер вздохнул, поправил куль из рогожи и потянул вожжи. Лошади медленно тронулись.

Они подошли к дому. Трухлявый, полусгнивший забор местами вовсе повалился, калитка была сорвана и валялась в стороне. А вот и яблоневый сад. Намокшие яблони низко опустили отяжелевшие от яблок ветви к самой земле. Вольф Мессинг пошел по тропинке, вдруг остановился, оглядывая яблоневый сад и почерневший от дождя дом в глубине сада. Память прошлого сдавила сердце. Вольф закрыл глаза, ладонями провел по мокрому от дождя лицу...

Старая Польша, 1911 год

Местечко Гора-Кальвария в Польше – место уж вовсе забытое Богом. Дороги – сплошное месиво грязи, где без сапог пройти немислимо, по бокам этой широченной, разбитой десятком глубоких колея грунтовки стояли перекошенные в разные стороны, словно пьяные, домишки с подслеповатыми окошками и полусгнившими плетнями. На шестах сушились пустые горшки и кубаны, висело выстиранное тряпье – рубашки, кальсоны, юбки и портянки.

Но сейчас была ночь, и большущая луна, бледно-зеленая, словно лицо мертвеца, стояла в середине пустого, сизого цвета небосвода. Изредка взбредивали собаки, начинали подвывать длинно и тоскливо, потом вновь наступала глубокая вековая тишина.

Волик спал на полу у печки на большом ватном матрасе вместе с братом и двумя сестрами, и укрывались они одним одеялом. Волик и сам не понял, почему проснулся. Худенький мальчик лет десяти, он поднялся, откинув край одеяла, встал и медленно пошел через комнату, вытянув перед собой тонкие ручонки. Глаза у него были закрыты, и выражение лица – как у спящего человека. Волик медленно прошел по

комнате к окну, открыл его и взобрался на подоконник. Постоял, обратив лицо к луне, большой и яркой, заливавшей землю зеленоватым светом. Мальчик протянул к ней руки. Он стоял на самом краю подоконника: одно неловкое движение – и он рухнет вниз, на завалину, откуда торчат острые колья. Но он стоял не двигаясь и тянул руки к луне.

Сзади тихо подошла мама Сара, осторожно обняла мальчика за плечи, другой рукой взяла под коленки и понесла обратно в постель, прижав к груди. Она уложила его на матрас на полу, рядом с братом и сестрами, села рядом и долго сидела неподвижно, лишь рука ее гладила мальчика по голове, словно успокаивая...

– Что это, ребе, я никак в толк не возьму? Неужели он лунатик? – с тревогой говорила Сара, глядя на раввина страдальческими глазами.

– Ну и что, если лунатик? – спокойно ответил раввин. – Мало ли чего бывает на свете, Сара? Лунатики тоже люди и даже очень хорошие люди, ничем не хуже нас. – Он улыбнулся.

– Ну почему он ходит? Стоит и руки к луне протягивает, будто молится, это же страшно, ребе.

– Что же тут страшного? Манера у них такая, Сара, по ночам ходить... Луна их притягивает.

– Кого это их? – со страхом спросила Сара.

– Лунатиков. Да ты не пугайся, Сара, среди евреев лунатики не новость.

– Мне-то какво с ним, ребе? – покачала головой Сара.

– А утром ты спрашивала у него, что он ночью делал?

– Спрашивала. Он ничего не помнит.

– И очень хорошо. И ты ему не напоминай. Лунатики воды боятся – ты ему перед окном воду в тазике на пол поставь. Он как в окно полезет, обязательно в тазик наступит и сразу очнется, – посоветовал раввин.

– Откуда ты знаешь, ребе?

– Сара, я так долго живу на свете и так много видел, – вздохнул раввин. – Меня трудно чем-то удивить. Разве что хорошей выпивкой и закуской.

– Да ты не больше меня живешь на свете, ребе.

– Я с Богом общаюсь, Сара, а это очень старит человека... человек хоть и мудреет, но очень быстро старится... Так что живи и радуйся, Сара... А ты в школу его определила?

– Так ведь далеко школа, ребе. Куда такому маленькому семь верст пешком... да еще через лес... через кладбище... Вот он и не хочет в школу.

– Надо, чтоб захотел, – сказал раввин и вдруг усмехнулся. – Хочешь, помогу?

– Всегда на твой совет и помощь надеемся, ребе. На кого же еще надеяться?

*Польша, 1939 год,
немецкая оккупация*

– Вольф, ты оглох, что ли? – кричал Цельмейстер, стоя на крыльце дома. Входная дверь косо висела на одной петле.

– Что? Извини... Что там? – очнувшись, спросил Вольф Мессинг и пошел по тропинке к дому.

– Никого нет! – громко проговорил Цельмейстер. – Разбросанные вещи... побитая посуда... Они, наверное, уехали, Вольф.

– Куда они могли уехать? Им некуда ехать. – Мессинг поднялся на крыльцо и вошел в дом.

Действительно, в комнатах повсюду были разбросаны вещи, под ногами хрустели осколки посуды, дверцы от буфета валялись на полу, ящики выдвинуты и пусты.

Вольф стоял посреди комнаты, растерянно оглядывался, и вновь сердце защемило от воспоминаний...

Старая Польша, 1911 год

Единственное, чего много было в Горе-Кальварии, – это солнца. Оно заливало убогое местечко жаркими лучами, и поэтому лопухи и крапива вдоль плетней и штакетников росли неистово, буйно, захватывая и пешеходные тропинки, и прополотые грядки с огурцами, помидорами и картошкой.

У Гришки Мессинга был большой яблоневый и вишневый сад, в котором с утра до темноты трудилась вся его семья, кроме самого Григория. Мать семейства Сара носила на коромысле ведра с водой. Босые ноги утопали в жидкой грязи выше щиколоток, ступали

осторожно, тяжело. Она сворачивала с дороги и шла к дому, огибала палисадник и по тропинке входила в сад. Устало ставила ведра на землю и утирала пот с лица. Здесь было прохладней – широко раскинулись густые кроны старых яблонь и вишен. К ведрам бежали дети – Волька, Семка, Сонька и Бетька. Вольке десять лет, и он самый старший. В руках у ребятишек – большие жестяные лейки. Они окружили ведра и стали набирать в лейки воду. Мать осторожно наливала, поднимая ведро все выше и выше. Наконец ведра опустели, малышня разобрала свои лейки и медленно двинулась к яблоням и вишням, чтобы полить взрыхленную вокруг стволов землю.

А мать подняла коромысло с пустыми ведрами и вновь пошла к калитке месить босыми ногами черноземную грязь. Она подошла к колодезному сруб, поставила ведра на землю и начала крутить тяжелый деревянный барабан с металлической цепью, опуская пустое ведро вглубь, за водой.

Наполнив водой ведра, Сара зацепила их за крючки коромысла, подняла тяжелую ношу, уложила коромысло на плечи и, наклонив голову, пошла обратно к дому.

– Мама, я больше не могу! – закричал самый маленький Сенька. – У меня руки болят!

– И у меня болят! – подхватила Сонька.

– Я тоже устала, деточки мои! – ответила Сара, опуская ведра на землю. – Но если мы не будем поливать яблони и вишни, будет плохой урожай... У нас даже не хватит расплатиться за аренду этого проклятого сада. Кто об этом должен думать, я или ваш проклятый папаша? Об чем такой папаша только думает? Об хлопнуть рюмку водки и об дать кому-нибудь по морде...

Григорий Мессинг сидел в шинке и был уже основательно пьян. По лысой голове и мясистому лицу стекали капли пота, жилетка расстегнута, рукава грязной рубахи завернуты по локти. Он сидел в компании двоих таких же людей. И одеты они были одинаково бедно, и пьяны тоже одинаково. В полутемном шинке стояли еще несколько столов, за которыми сидели такие же посетители. Тучи жирных мух жужжали над ними, над кусками вареной курятины, помидорами и солеными огурцами. Разговаривали все на смешанном польско-украинском диалекте, хотя мелькали в разговоре и русские слова.

– Тебе, Гришка, хорошо! У тебя сад вон какой! По осени урожай-то соберешь, продашь – вот и зиму, и весну с прибытком будешь.

– Э-э, Моня-балабоня! Твои слова да в жопу нашему раввину! Как я продам урожай, ка-ак?! Пока до Варшавы довезешь – сколько денег раздать надо? А где они у меня? Тут яблочко полушку стоит, а пока до Варшавы довезешь – оно и гривенник будет стоить! Уряднику дай, квартальному дай, городовому лапу позолоти! Да еще бандиты на базаре мзду свою требуют! А кто за гривенник покупать будет? И получается – себе в убыток торгуешь! А перекупщику разом урожай отдать – и вовсе без штанов останешься. А чем аренду платить? Уж два года в должниках хожу, будь она проклята – жизнь эта! Э-э, да что там толковать-то!

– Душат нас, душат... – качал головой Моня. – На что завтра жить? А ведь я только и слышу от поляков и русских – вы сами во всем виноваты! Господи, ну почему во всем виноваты только евреи!

– Почему мы одни?

– А кто еще-то?

– Еще армяне во всем виноваты! И эти... как их?... студенты! Поляки так говорят... – покачал головой Григорий.

– И эти... как их? Русские! – засмеялся Моня.

– А ты горилку не пей, вот и на завтра гроши будут, – засмеялся третий собутыльник. – А по мне – гори оно все огнем ясным! Будет день – будет пища! Господь не оставит...

Моня проворно схватил штоф из темного стекла и разлил по кружкам горилку. Чокнулись, выпили, шумно задышали, стали закусывать курятиной, грызли дольки чеснока, ели помидоры.

– Господи-и! – вдруг прошамкал с набитым ртом Григорий Мессинг и ударил кулаком в грудь. – Ну зачем ты уродил меня евреем?! За какие такие грехи моих предков?

– А ежели б он тебя негром уродил? – с ехидцей спросил Моня.

– Да хоть китайцем! – рявкнул Григорий. – Хоть папуасом! У меня вон четверо голодных ртов есть просят! Как их прокормить, ка-ак?

Собутыльники рассмеялись, Моня стал вновь разливать по кружкам горилку. Рядом с шинкарем запела скрипка. Тощий, в белой рубашке и бархатной жилетке скрипач, согнувшись и улыбаясь, начал пикивать на старенькой скрипке знакомую мелодию “Семь сорок”, и весь шинок встрепенулся. Бородатые и небритые, в картузах и

камилавках, мужики заулыбались, начали в такт пристукивать по столам ладонями, а какой-то пожилой еврей вскочил и стал плясать. А скрипач все убыстрял мелодию, и танцор все быстрее перебирал ногами в стоптанных башмаках.

– Ле хаим, еврей! – крикнул пожилой еврей, крутя ладонью над головой, и тут же из-за столов выскочили еще трое и пустились в пляс.

В комнате горела керосиновая лампа, и язычок пламени колебался, облизывая закопченное стекло. Четверо мальцов сидели за столом, и перед каждым была маленькая тарелка. Еще на столе стояла глиняная миска с горькой моченых яблок и кубан с молоком.

Мама Сара большим ножом отрезала от темного каравая толстые ломти черного хлеба, ставила перед Воликом... перед Семей... перед Соней... перед Бетей. Потом налила из кубана молока в кружки.

– Ешьте, мои хорошие, ешьте... – едва слышно сказала мама Сара.

И дети быстро и одновременно схватили ломти хлеба и стали жадно есть. Брали из миски моченые яблоки, откусывали и то и другое и торопливо ели, ели, ели...

Мама Сара отрезала еще один ломоть хлеба, потоньше, и тоже стала медленно есть, откусывая то хлеб, то яблоко. Она ела и смотрела на детей, и в ее глазах медленно закипали слезы.

Волик ел хлеб с яблоком, запивал молоком, потом опустил обкусанный ломоть под стол, отломил корку и спрятал ее в карман коротких штанов.

– Ешьте, деточки, ешьте... – тихо повторила мама Сара и тяжело поднялась из-за стола, пошла к печке.

Следом за ней, взяв два яблока, из-за стола выскользнул Волик и быстро вышел из комнаты.

*Польша, 1939 год,
немецкая оккупация*

– Я говорю, ехать обратно надо! – голос Цельмейстера вернул Мессинга к действительности. – Если дождь не прекратится, дороги так развезет, что мы не проедем. Никакие лошади не вытащат. Ты слышишь, Вольф?

– Слышу, слышу... не кричи... – поморщился Мессинг и пошел из дома.

– Разве я кричу? – удивился Цельмейстер. – Ягромко говорю, чтобы до тебя дошло! До тебя же все, что я ни говорю, доходит, как до жирафа!

Они пошли по раскисшей тропинке через сад к калитке. Мессинг вдруг остановился, подошел к яблоне, поднял тяжелую, унизанную яблоками ветвь, уткнулся лицом в листву. Холодные капли воды покатались по лицу. Казалось, Мессинг плачет. Он оторвал большое яблоко, холодное, мокрое, медленно надкусил его и так же медленно стал жевать.

Старая Польша, 1911 год

В полумраке мальчик обогнул дом и вышел к небольшому хлеву, отворил тяжелую створку ворот, ступил внутрь. Куры, сидевшие на шесте рядом с сеновалом, обеспокоенно заквохтали, заходили по жердочкам. За невысокой загородкой стояла корова и мерно жевала. Ее большущие, с лиловым отливом глаза ярко блестели в полумраке.

– Здравствуй, Розка... – тихо сказал Волик и погладил корову по длинной морде, почесал за ухом. Корова шумно вздохнула. Волик достал из кармана несколько хлебных корок и поднес одну на ладони. Корова ткнулась в ладонь мокрым большим носом, взяла корку, стала медленно жевать.

Волик вновь погладил корову по морде, тоже вздохнул и проговорил:

– Как жалко, Розка, что ты скоро умрешь... как жалко... – Он снова протянул ей корочку, и корова взяла ее. Волик поцеловал корову в морду возле огромного глаза, который, казалось, смотрел на него с благодарностью, повторил: – Как жалко...

За его спиной неслышно возникла фигура матери.

– Ты что тут делаешь? А ну спать быстро. Что ты тут бормочешь? Чего тебе жалко?

– Розу нашу жалко... Она умрет скоро, – тихо сказал Волик и вновь обнял шею коровы и сунул ей последнюю корочку.

Животное благодарно вздохнуло, принялось медленно двигать мощной челюстью, глядя на мальчика понимающим взглядом.

– Кто умрет? – всполошилась мама Сара. – Розка умрет? Кто тебе сказал эту гадость?! Соседи, да? Небось Мойша Губерман сказал? У этого старого пьяницы одни пакости на уме! О, Господи праведный, за

что ты наказал меня?! Таким мужем и такими детьми! – Сара схватила Волика за руку и потащила из хлева, ругаясь на ходу. – Один в шинке последние гроши пропивает, другой пророком заделался! Розка умрет, тьфу, чтоб тебя! Да если Розка умрет, мы все с голоду подохнем! Что ты вздумал предсказывать, сволочи кусок! Что тебе в башку всякая дрянь лезет! Не-ет, это не Розка, это я скоро умру! Боженька заберет меня к себе, и избавлюсь я от этих мук! От этой нищеты! От пьяницы мужа! От детей-дураков! Если Розка умрет, я тебя до смерти прибью, Волик, заруби это себе на носу! Прибью! До смерти!

Бедный Волик молчал, тащился за матерью, морщился от боли, и слезы катились по его щекам.

А ночью Волик снова проснулся. Он встал с матраса с закрытыми глазами и медленно пошел через комнату к окну. Он шел медленно, вытянув перед собой руки. У стены под окном мать поставила небольшое деревянное корыто с водой. И Волик, подойдя, ступил ногой в холодную воду и проснулся. Вздрыгнул, открыв глаза, испуганно посмотрел вокруг себя.

Тут же за его спиной возникла мама, подняла его на руки, прижала к себе, стала целовать в щеки и глаза, шептала:

– Не пугайся, мой дорогой... не пугайся, мой хороший... все у нас замечательно... пойдем спать, золотце ты мое...

– А почему там вода? – спросил Волик сонным голосом.

– А ты испугался?

– Нет... просто я спал, и мне сон снился, а как попал в воду – сон сразу исчез...

– А что тебе снилось?

– Снилось, что я в поезде еду... а потом большой город снился... будто я в этом городе... и очень есть хочется...

– Глупости какие, мой родной... – мама уложила его рядом с братом на матрас. – Разве мы собираемся куда-нибудь ехать? Мы никуда не собираемся уезжать... Спи, золотце мое, спи спокойно... пусть тебе только хорошие сны снятся... – Она присела рядом на полу и гладила Волика по голове...

Утром Сара вымыла руки под рукомойником, перекинула через плечо чистое полотняное полотенце и пошла из дома в хлев.

Ребята и мрачный похмельный Григорий сидели за столом. Дети ели вареную картошку с мочеными яблоками, отец наливал из кувшина мутный рассол, пил из кружки и тяжело вздыхал.

Сара прошла к хлеву, открыла створку ворот и шагнула внутрь, громко приговаривая:

– Розочка, красавица ты наша! Кормилица ты наша! Радость ты наша ненаглядная! Я за молочком пришла. Дашь нам молочка, Розочка?

Сара прошла к загородке и оцепенела: Розки не было видно. Приглядевшись, она увидела, что корова лежит на боку, мордой к дверце, совершенно неподвижно.

– Роза ... – прошептала Сара и кинулась к корове, открыв дверцу. Рухнула на колени, стала гладить морду коровы, шею, приговаривая: – Роза... Розочка... Господи, пресвятая Богородица! Да что это такое?! Померла! Померла-а-а!

Сара сорвалась на крик, вскочила и выбежала из хлева.

Перепуганно квохтали куры на насестах.

Раввин, Григорий Мессинг и его жена Сара молча рассматривали мертвую корову. Сзади переминались дети – Волик, Семка, Соня и Бетя.

– Как же так, ребе, ничем не болела и вдруг подохла? – удрученно спросил Григорий.

– Раз подохла, значит, чем-то болела – у Бога просто так никто не подышает, – глубокомысленно изрек ребе.

– Ох, ребе, а мой Волик вчера сказал мне – Розка наша помрет... Как вам это нравится, ребе? – И Сара посмотрела на раввина.

– Мне это совсем не нравится, – ответил ребе. – Почему он так сказал?

– А вы сами у него спросите, ребе, – посоветовала мама Сара. – Это уже не первый раз с ним такое!

– Что? – не понял ребе.

– Предсказывает, – шепнула на ухо ребе Сара. – В мае месяце сказал соседу Мойше Губерману, что у них скоро сарай сгорит. И что вы думаете, ребе? Через неделю сарай сгорел до последней досточки. – Сара хихикнула. – А Мойша до сих пор говорит, что это мы спалили его курятник, который и приличным сараем назвать нельзя... А вот

помните, цирк приезжал? Так этот паршивец за неделю вдруг меня спрашивает: мама, а ты поведешь меня посмотреть на послушных медведей и собачек? Яуж подумала, умом тронулся, какие собачки? Какие медведи? Где он тут у нас мог видеть медведей?

Ребе слушал трескотню Сары и смотрел на Волика мрачными черными глазами. Потом спросил:

– В синагогу детей водите? Талмуд читаете? Детям читаешь Талмуд? Что-то я не видел тебя, Сара, в синагоге с детьми!

– Хожу, ребе! Не сойти мне с этого места, хожу! – истово поклялась Сара.

– Но я вас там не видел ни разу, Сара, – уставился на нее ребе.

– Зато вы, ребе, часто моего мужа в шинке видите! – вспыхнула Сара. – Потому что пьянствуете с ним в этом проклятом шинке!

– Придержи язык, женщина! – грозно сдвинул лохматые черные брови раввин. – Знай свое место!

– У меня корова подохла! Хоть бы помолился за нас, ребе! Как мы жить теперь будем? Чем я детей накормлю? Конечно, разве тебя это интересует! Тебя больше интересует, сколько тебе денег принесут в синагогу! А потом ты в шинок пойдешь с моим обалдуем! Будете там горилку жрать и песни распевать!

– Тьфу! – сплюнул ребе и быстро пошел из хлева, на ходу обернулся, крикнул: – На месяц лишаю тебя посещения синагоги! – Пройдя несколько шагов, он снова обернулся и приказал: – Ну-ка, Волик, пойдём со мной.

Волик вышел из хлева, раввин обнял его за плечи, и они вместе пошли по тропинке к калитке.

– Ну-ка, скажи мне, пострел, а как ты узнал, что ваша Розка скоро умрет? Явление какое-то тебе было?

– Нет, не было... Я просто закрыл глаза и увидел нашу Розку мертвой, – ответил Волик.

– А почему ты увидел ее, а не что-нибудь другое? – допытывался раввин.

– Не знаю... я про нее всегда думал... я очень любил нашу Розу...

– Очень любил... – повторил негромко раввин, раздумывая. – И часто с тобой такое бывает? Ну, часто ты видишь будущее?

– Не знаю... Вот помните Мойшу Чертока? Все тогда думали, что он в реке утонул, а я подумал про него и увидел его на базаре в

Варшаве, он там картошкой торговал.

– Помню Мойшу Чертока, помню... – пробормотал раввин.

– Я тогда сказал, что он живой, так все надо мной стали смеяться.

А он к Новому году сам пришел. Помните, ребе?

– Помню, помню... А скажи мне, ты разве бывал на базаре в Варшаве?

– Нет, не бывал.

– А как же ты мог увидеть то, чего никогда не видел? Как ты узнал, что это Варшава?

– Не знаю... – растерянно ответил Волик.

– Ты не знаешь, и я не знаю... – вздохнул раввин.

Он открыл калитку, и они пошли по грязной улице, и рука раввина по-прежнему лежала на плече мальчика. За заборами брехали собаки, от низких, покосившихся домишек тянуло сыростью и навозом, доносились крикливые голоса, посреди изъезженной широченной дороги блестели длинные лужи. Ветер захолустья и нищеты гулял по местечку.

– Слушай меня, мой мальчик, – вдруг заговорил раввин. – Господь дал тебе великий дар, и тебе будет тяжело жить с ним... Очень тяжело, но ты будешь жить и приносить большую пользу людям. Но ты... ты должен пообещать мне сейчас, что никогда, слышишь, никогда не будешь делать людям плохо... Обещаешь?

– Обещаю... – ответил Волик.

– Или Господь тебя самого страшно за это накажет... Тебе нужно уезжать отсюда, мальчик. Какое у тебя будущее в этом нищем, убогом местечке? Тут ни у кого нет будущего. А сколько великих, знаменитых евреев вышли из таких местечек! Потому что не побоялись и сами пошли навстречу своей судьбе. Пойдешь в школу? – вдруг спросил раввин и, остановившись, погладил Волика по голове.

– Не хочу...

– Почему?

– Далеко ходить... через кладбище ходить боюсь...

– Э-эх ты, а ведь уже взрослый мальчик...

– А что мне школа? – Волик поднял на раввина черные глаза. – Я и так читать и писать умею.

– Кто же тебя научил? – удивился раввин.

– Сам научился...

– Ладно, несносный еврейский мальчик, тебя не переспоришь, ступай домой. Мама Сара уже беспокоится.

– Дождалась? – зло глянул на Сару муж. – Э-эх, дура женщина... – И Григорий махнул рукой и тоже пошел из хлева за раввином, ругаясь на ходу: – Это все лунатик твой напророчил, чтоб его черти забрали! Предсказатель! Зачем мне такой ребенок нужен, а? А если завтра дом сгорит? Или я помру?! На луну посмотрелся, маленький негодяй! Прибью!

Сара всхлипнула, концом платка утерла слезы в углах глаз и тихо завывала. Дети стояли в стороне, боясь подойти к матери, молча смотрели на нее печальными глазами.

Вечером, после изнурительной работы, они вновь сидели за столом при свете керосиновой лампы, ели вареную картошку с хлебом и огурцами и запивали пустым чаем. В дом ввалился отец, сильно навеселе. В руке у него был зеленый штоф с горилкой.

Он молча прошел к столу, плюхнулся на свободный стул, с глухим стуком поставил штоф, при этом совсем не обращая внимания на детей и жену. Вытащил из кармана жилетки мешочек и брякнул им об стол. В мешочке звякнули монеты.

– Вот и все, что осталось от нашей Розки...

Сара проворно взяла мешочек со стола.

– Сколько здесь? – Она высыпала монеты на ладонь, быстро пересчитала. – Как? Всего три рубля и два гривенника? Гриша, разве ты торговец? Ты просто кусок дурака!

– А за сколько, по-твоему, можно продать мясо коровы, которая не была забита, а померла неизвестно от чего, за сколько?

– Разве на эти деньги мы сможем купить телочку? – вместо ответа спросила Сара и сама себе ответила: – На эти деньги можно купить только полудохлую козу. Ты, наверное, пропил рублей пять? Признавайся, подлый пьянчужка? Вместе с ребе пропил, да?

– М-м-м! – громко замычал Григорий, встал, открыл застекленный буфет и достал оттуда граненый стограммовый лафитник, снова плюхнулся за стол и налил в лафитник водки.

– Ле хаим, еврей! – выдохнул он и махом выпил.

– Какой ты еврей? – вздохнула Сара и погладила Волика, который сидел к ней ближе всех, по головке. – Кацап паршивый! Или того хуже

– хохол нахальный... упаси меня, Боже, от таких евреев. Позор, и больше ничего... ни продать, ни купить не умеет – разве это еврей?

– Цыц! – Григорий грохнул кулаком по столу, взял соленый огурец из миски и стал жевать. – Сколько денег в дом ни приноси, тебе все будет мало! Ненасытна алчность женская, сказал Соломон! Не могу я прокормить такую ораву! Вот его спроси, почему померла корова? – Отец ткнул пальцем в Волика. – Пусть он скажет! А что он завтра нам напроорочит? Все помрем? Чтоб завтра же отправлялся в хедер!

– Я не хочу в хедер, – сказал Волик. – Там плохо... там розгами бьют.

– Бьют, зато жрать дают! – возразил Григорий. – Ребе обещал тебя на казенный кошт определить! Хоть одним голодным ртом меньше! Нету у меня возможностей тебя кормить, нету! Что zenки вылупил? Небось меня похоронить собрался? Пшел вон отсюда! Завтра в хедер не пойдешь, домой не приходи, лунатик чертов! Прибью! – И отец замахнулся на Волика кулаком.

Волик опрометью выскочил из дома.

– Рятуйте, люди добрые! Идиот! Пьяный идиот мой муж! – взывала Сара.

Мальчик шел по вечернему местечку. Тепло светили желтые огни в окнах домишек, блеяли козы и протяжно мычали коровы, доносились человеческие голоса. Кривой, похожий на ятаган серпик серебристой луны висел над домами. Совсем рядом за покосившимся забором громко захрюкала свинья, потом женский голос сказал со злобой:

– Зарублю я тебя, сволочь! И дом подожгу! И пойду куды глаза глядят! Тут счастья нету – в другом месте обязательно встретится!

И вдруг из-за поворота навстречу Волику вышел огромный бородатый мужик в длиннополом пиджаке, картузе со сломанным козырьком, в грязных высоких сапогах. Он поднял над головой длинные руки и зарычал низким гулким голосом:

– Мальчи-и-ик! Ступай в школу-у учиться! Немедленно ступай! Ослушаешься меня, в пруду утоплю-у!!

Волик шархнулся от мужика, споткнулся и растянулся в грязи. Потом вскочил и побежал, не разбирая дороги...

*Польша, 1939 год,
немецкая оккупация*

Они вышли на дорогу, остановились. Продолжал шуршать мелкий дождь.

– А где карета? – оглядываясь, спросил Цельмейстер. – Неужели он нас бросил, подлец?!

– Я послал его поискать кого-нибудь из жителей, – сказал Лева Кобак. – Да вон он едет! Вон, видите?

Из темноты показались лошади и темная коробка кареты. Лошади медленно приближались.

– Ну, что, Янек? Удалось что-нибудь узнать?

Когда лошади поравнялись с людьми, кучер потянул вожжи. Потом медленно слез на землю, высморкался, снял с головы рогожный куль.

– Ну говори же, пень волосатый! – не выдержал Цельмейстер.

– А чего говорить-то? Немцы тут были... какая-то зондеркоманда. Всех евреев угнали. Другие разбежались куда глаза глядят.

– Куда угнали? – спросил Мессинг.

– Сказали, в Варшаву...

– Кто сказал? Да говори же ты, дьявол! – заорал Цельмейстер. – Каждое слово из него клещами вытаскивать надо!

– Там два старика прячутся. В лесу живут. Пришли посуды кой-какой собрать да хлеба по пустым домам пошукать... Они и рассказали...

– А много их там попряталось? В лесу? – спросил Мессинг.

– Да нет. Сказали, человек пятнадцать... Тех, кто в гетто не хотел и прятался, немцы два дня искали. Постреляли много народу...

– Постреляли? – вздрогнул Лева Кобак. – За что?

– Лева, вы давно взрослый человек, а продолжаете задавать идиотские вопросы, – раздраженно ответил Цельмейстер. – Вольф, надо ехать... Я уверен, ты найдешь их всех в Варшаве... живых и здоровых.

Вольф Мессинг не отвечал, стоял и расширившимися глазами смотрел в темноту. Дождевые капли стекали по его лицу, пальто на спине и плечах блестело от воды.

Старая Польша, 1912 год

Волик остановился, послушал, но страшный голос бородатого человека больше не был слышен.

Он дошел до шинка. Его окна были ярко освещены, доносились пьяные голоса и бойкая мелодия, которую наигрывали на скрипке, в окнах мелькали черные тени. Потом из дверей в темноту вывалились два пьяных мужика и пошли, обнявшись и раскачиваясь из стороны в сторону. Волик стоял неподалеку и смотрел на освещенные окна шинка. Вдруг он круто развернулся и пошел прочь.

...Мальчик пришел на станцию. Одиноким фонарь светил над маленьким станционным строением. На дощатом перроне, на двух деревянных сундуках с навесными замочками сидели толстая женщина и трое ребятишек – ровесники Волика. Мужчина в длинном черном пальто одиноко стоял под фонарем и курил папиросу. Над ним была видна покосившаяся вывеска с надписью “ГОРА-КАЛЬВАРИЯ”.

В станционном строении светило всего одно окно. Из дверей вышел пожилой усатый железнодорожник в черном кителе и фуражке, сказал сипло:

– Санкт-Петербургский прибывает... Стоянка пять минут...

И в ночи, будто в подтверждение его слов, раздался протяжный гудок паровоза. Во тьме появился живой красный глаз. Он иногда мерцал, но становился все ярче и больше, и скоро донеслись перестук колес по рельсам и частые вздохи паровоза.

Волик заморожено смотрел во тьму на этот красный глаз, который быстро приближался.

И вот черный промасленный паровоз промелькнул мимо Волика, его обдало облаком пара и дыма, и пошли вагоны с рядом освещенных окон. Поезд медленно останавливался. Из станционного строения вышли несколько человек – два господина и дама, которая несла на руках болонку. Здоровенный детина нес за ней кожаный кофр и несколько картонок. Все они направились к одному вагону первого класса. Толстая женщина, подхватив свои сундуки, засемила к другому вагону, в конце поезда, и детишки затоптали за ней, как цыплята за курицей.

Волик стоял и смотрел на освещенные окна – за ними мелькали люди, смутно доносилась патефонная музыка, голоса, женский смех.

Наконец все пассажиры погрузились в вагоны, а Волик все стоял и смотрел.

Усатый железнодорожник вышел на перрон и взмахнул зажженным фонарем, потом три раза свистнул в свисток. Паровоз

отозвался длинным гудком, окутался клубами белого пара, и колеса медленно завертелись. Покачнулись и поплыли вагоны, и проводники стали закрывать двери.

И тут Волик рванулся с места и бросился к вагонам. Он подождал, пока открытая площадка поравняется с ним, прыгнул на нее, схватившись за грязный поручень. Проводник, стоявший на площадке, влепил Волику сильную затрещину, и тот грохнулся на железный пол, ударившись лбом о противоположную дверь.

– Марш в вагон, пся крев! – приказал проводник и сам пошел в вагон.

В вагоне было много пассажиров. Все тесно сидели на лавках, положив на колени поклажу или посадив маленьких детей. Волик робко прошел несколько отделений и, увидев свободное место, юркнул под лавку, забился в угол, свернулся калачиком. Покачивался вагон, потрескивали старые деревянные переборки, стучали, перекликаясь, колеса на стыках рельс, тихо переговаривались пассажиры. Эта музыка убаюкивала, и Волик скоро и крепко уснул.

...Проснулся он от громкого голоса:

– Прошу предъявить билеты... Прошу предъявить билеты...

По проходу шел контролер в форменном кителе и фуражке. Он был старый и сгорбленный, мешки под глазами, иссеченное морщинами лицо, круглые очки в железной оправе. Пассажиры показывали ему билеты, и контролер рассматривал их, потом пробивал компостером. Проверив всех пассажиров в отделении, контролер задержал взгляд на лавке – из-под нее виднелись кончики разбитых ботинок.

– А там кто прячется? – спросил контролер. – Эй, ну-ка вылезай! – Контролер нагнулся и заглянул под лавку.

Двое пассажиров отодвинулись в разные стороны.

Контролер заглянул поглубже и встретился с перепуганными глазами Волика. Он смотрел на страшного дядю в потертом мундире и боялся пошевелиться.

– Вылезай, заяц! – скомандовал контролер, хотя голос его звучал совсем не строго. – Или за ногу вытащу.

Волик вылез из-под лавки, но не вставал, и снизу умоляюще смотрел на контролера.

– Билета, конечно, нет? – спросил контролер.

Волик молча протянул ему небольшой клочок газеты. Контролер взял его, посмотрел с самым серьезным видом и вдруг, пробив газетный обрывок компостером, вернул Волику и сказал по-польски:

– Чего ты под лавкой едешь? Садись – вон мест много, – и ободряюще улыбнулся.

– Спасибо... – тихо ответил Волик и сел на свободное место на лавке, все еще со страхом глядя на контролера.

– Странный какой мальчик, – улыбнулся еще раз контролер и пошел дальше по проходу.

А Волик вдруг двинулся за контролером и все смотрел ему в спину. В конце вагона он остановился и увидел, что контролер вышел в тамбур. Дверь он лишь прикрыл, и было хорошо видно, как он остановился посреди тамбура, оглянулся в растерянности и вдруг открыл дверь вагона. Грохот колес сделался громче, он нарастал, заглушая все.

Волик продолжал смотреть на контролера.

А тот смотрел в открытую дверь вагона на мелькавшие перед ним насыпь, высокий густой кустарник, телеграфные столбы, редкие небольшие деревушки и кирху с высоким крестом...

И вдруг контролер шагнул вперед, держась за поручень, снова оглянулся – лицо его было несчастным, смертельно испуганным. Он вдруг встретился взглядом с глазами Волика, которые стали огромными и страшными.

– Не надо... – умоляюще прокричал кондуктор. – Не надо!

Волик продолжал смотреть на него остановившимися, бездонными черными глазами.

Контролер отпустил поручень и прыгнул вниз. Он страшно закричал, но грохот колес заглушил крик, и только пронзительно скрипела дверь тамбура...

Волик вздрогнул, приходя в себя. Медленно вышел в тамбур, подошел к раскрытой двери и выглянул. Черные деревья в сумерках неслись навстречу, мелькали далекие огоньки, и желтая луна, пробираясь между туч, бежала, не отставая от поезда.

*Польша, 1939 год,
немецкая оккупация*

И вновь они тряслись в темной карете. Громко скрипели колеса, чавкали по грязи конские копыта.

– Думаю, они собирают евреев по всей Польше, – вдруг проговорил Лева Кобак.

– От вас всегда услышишь что-то сногшибательное, Лева, – язвительно ответил Цельмейстер. – Интересно, зачем?

– Чтобы всех держать в одном гетто.

– В одном варшавском гетто все евреи не поместятся, – усмехнулся Цельмейстер.

– Вы же читали творения Гитлера? Все евреи подлежат уничтожению, – сказал Лева Кобак. – Я читал...

– Какой умный мальчик – читает все, что пишут сумасшедшие дегенераты, – опять усмехнулся Цельмейстер и вдруг помрачнел, зябко передернул плечами. – А впрочем, в нашем страшном мире все может быть... – Он взглянул на Мессинга. – Нет, Вольф, я никак не поверю, что вы этого не предвидели.

– Такого безумия я предвидеть не мог, – хрипло выдавил из себя Мессинг. – Я даже не могу представить, что случилось с моей семьей... Пытаюсь и не могу...

– Нам в Варшаве вообще появляться нельзя... – вздохнул Цельмейстер. – Это даже я предвижу...

Вольф не отвечал, сидел, откинувшись на стенку кареты и закрыв глаза. Казалось, он дремлет.

– У нас только один выход, Вольф, – продолжал Цельмейстер. – Бежать в Советский Союз... Я думаю, по всей Варшаве развешаны плакаты с твоей физиономией и обещание выкупа за твою дурацкую башку. Я думаю, надо остановиться в пригороде. Там у меня есть надежные люди. За хорошую плату они доведут нас до Буга и переправят на тот берег. Они старые контрабандисты, дорогу знают великолепно. То есть такую дорогу, по которой можно проехать и никого не встретить. Так что в Варшаву соваться не надо. Тем более что тебя там каждый прохожий знает в лицо.

– Нет, мы едем в Варшаву, – не открывая глаз, проговорил Мессинг. – Я должен увидеть мать и братьев... я должен их увидеть...

– Пойми, там на каждом шагу сейчас немцы... – снова начал Цельмейстер, но Мессинг резко перебил его:

– Мы едем в Варшаву... Попроberемся в гетто, и я найду мать и братьев... – Мессинг открыл глаза, посмотрел на спутников. – Если вы не хотите... если боитесь, я не держу вас... и совсем не обижусь... Я пойду в гетто один.

– Умное предложение... – пробормотал Цельмейстер. – Как-нибудь мы с Левой им воспользуемся.

Мессинг улыбнулся и снова закрыл глаза.

Дальше ехали молча. Цельмейстер и Лева Кобак задремали, съежившись, засунув руки в рукава пальто. Карету покачивало и встряхивало.

Варшава, 1912 год

Мальчик бродил по Варшаве уже третий день, голодный и уставший. Остановивался у магазинов и жадными глазами смотрел на ветчины и колбасы, гирлянды сосисок и лоснящиеся окорока. Волик с трудом отрывал взгляд от витрин, проглатывая слюну, и брел дальше... И невольно останавливался у следующей лавки, смотрел, в глазах рябило. Вот у него закружилась голова, и Волик пошатнулся, шагнул к подъезду какого-то дома, сел на ступеньку и закрыл глаза. Сил подняться не было. Мимо текла толпа прохожих, одиночки и пары, и все были заняты своими делами и не обращали внимания на маленького бродягу, сидящего на ступеньке у подъезда.

Волик открыл глаза, с трудом поднялся и побрел дальше. Его взгляд упал на вывеску на польском языке: “ПОЧТА”. Он постоял секунду, раздумывая, шагнул, ухватился за бронзовую ручку и потянул на себя тяжелую дверь.

...В подсобном помещении коренастый мужчина в несвежей белой рубашке и суконной жилетке, с брезгливой миной разглядывая маленького Волика, спросил:

– Тебе сколько лет, недоносок?

– Мне две... – Волик быстро поправился. – Четырнадцать лет.

– Четырнадцать? Что-то не похоже. Зовут как?

– Волик... Вольф Мессинг.

– Откуда ты родом? – спросил мужчина, кривя губы.

– Из Горы-Кальварии.

– Что же тебя мать одного отпустила в Варшаву? Впрочем, меня это не касается. Зовут меня пан Анджел, запомни. Если нагрянет

инспектор и будет спрашивать, сколько тебе лет, говори – шестнадцать, понял? Будешь по адресам разносить посылки. Получка каждую неделю. Вот, бери первую. Читать умеешь? – И мужчина ногой подвинул к Волику пачку чего-то, обернутого плотной бумагой и перетянутого бечевкой. Сверху на упаковку был наклеен адрес.

– Умею.

– Адрес на посылке. Давай быстро, туда и обратно. Чем больше посылок разнесешь за день, тем больше получишь, понял, Вольф?

– А сейчас нельзя? – проглотив ком в горле, робко спросил Волик.

– Что сейчас? – не понял Анджел.

– Немного денег мне дать?

– Жрать хочешь?

– Пожалуйста, если можно...

Мужчина достал из кармана жилетки две монеты, протянул Волику:

– На, держи два злотых... Но сначала доставь по адресу посылку.

– Да. Спасибо. – Волик взял посылку и вышел через черный ход.

Он вез посылку на трамвае, потом шел по улице, отыскивая нужный номер дома... потом поднялся на второй этаж... позвонил в дверь... Ему открыла пожилая женщина. Волик вручил ей посылку и попросил расписаться в тетрадке.

Следующую посылку – тяжелый фанерный ящик – Волик тащил на плече, неловко изогнувшись... опять на трамвае и потом пешком... тяжело поднялся по лестнице. Позвонил в дверь. Ему открыл старик в теплой безрукавке-жилетке из овчины. Старик долго расписывался в тетрадке...

Следующая посылка – мягкий тюк, завернутый в рогожу. Волик тащил его, взвалив на спину, и едва передвигал ноги... И опять полутемный подъезд, широкая лестница с полустертыми ступенями. Звонок в дверь. Ему открыли, и он занес посылку в прихожую. Хозяин расписался в тетрадке...

И так до вечера. Он забирал посылку на почте. При этом хозяин почты пан Анджел что-то сердито выговаривал Волику, тыча пальцем в его тетрадь. Волик кивал и, взвалив на плечо очередную посылку, шел к двери. Потом он опять ехал на трамвае... шел пешком... входил в подъезды... звонил в двери... В тетрадке на пустом листе уже выросла

длинная колонка фамилий людей, получивших посылки. Вот он вышел из дома, побрел по улице. Уже вечерело, зажигались витрины магазинов, фонари на улицах. Стучали колесами и конскими копытами запряженные экипажи, рычали автомобили.

Волик смотрел перед собой, и цветные круги расплывались перед его глазами. Почти на ощупь он дошел до ступенек какого-то подъезда и упал. Послышался чей-то возглас:

– Мальчику плохо! Мальчик упал!

– Эй, пан полицейский! Тут мальчик упал!

К столпившимся вокруг лежащего на ступеньках Волика людям подошел полицейский. Какая-то женщина в широкополой соломенной шляпке держала Волика за руку.

– Он совсем не дышит! Господи Иисусе, он, кажется умер!

Усатый полицейский наклонился над мальчиком, посмотрел внимательно на его лицо, потрогал щеки, тонкую шею и пробормотал озадаченно:

– И верно, не дышит, пся крив!

Женщина в соломенной шляпке с ужасом посмотрела на полицейского:

– Неужели он умер? Но почему?

– А я почему знаю? – огрызнулся полицейский. – Небось от голоду... Таких вот каждый день по улицам больше десятка подбираем!

– Несчастный мальчик...

Подошел средних лет человек, в пальто и картузе:

– Я врач. Что случилось?

– Да вот мальчишка... не дышит вроде... – развел руками полицейский. – Кажется, обморок у него с голоду... А может, другая какая хвороба...

Врач наклонился над Воликом, взял его руку, стал нащупывать пульс и проговорил озадаченно:

– Так у него пульса вообще нет! – Врач похлопал Волика по щеке – тот никак не отреагировал. – Врач разогнулся, платком вытер руки. – Остановите карету и везите.

– Куда? В больницу? – спросил полицейский.

– Ну да, в больницу. А там в морг положат...

Два санитаров в грязных белых халатах на носилках внесли Волика в приемное помещение морга, поставили носилки на большой, обитый жестью стол и начали раздевать. Волик лежал бездыханный. Наконец его раздели, и он лежал голый, тощий, похожий на нелепую куклу.

– Куда его? – спросил один из санитаров.

Приемщик, тоже в белом не первой свежести халате, послонявил острое химического карандаша и написал на бедре мальчика крупными синими цифрами номер 78. Скомандовал:

– Несите в холодильник. На свободное место бросьте, – и стал записывать данные в толстый потрепанный журнал.

Один из санитаров легко поднял Волика, как мешок, перекинул тело через плечо и понес через приемное отделение к большой белой двери. Вдруг он обернулся и сказал:

– Слушай, а чего он мягкий? У мертвецов-то ведь тело твердое, а у него мягкое...

– Неси, тебе сказали! – повысил голос приемщик. – Успеет еще затвердеть.

В полумраке на деревянных трехэтажных стеллажах лежали голые трупы. Сквозь окна, забранные железными решетками, светила бледно-зеленая луна, придавая помещению морга вид еще более зловещий, чем при дневном свете. На одном из нижних ярусов находился и мальчик Волик. Он не подавал признаков жизни и ничем не отличался от других мертвецов.

Открылась тяжелая дверь морга, и неожиданно зажегся яркий свет. В морг вошел доктор Абель, а за ним еще четверо молодых людей в белых халатах и белых шапочках.

– Прошу, господа практиканты, – громко заговорил по-польски доктор Абель. Он был тоже в белом халате и белой шапочке, высокий, с густой черной шевелюрой и черными усами. – Прошу ознакомиться с заведением под названием “холодильник морга”. Здесь обретаются тела тех, чьи души отбыли, смею надеяться, в царствие небесное. В вашу задачу входит выбрать любой труп, который вам понравится (простите за подобное выражение), осмотреть его и сделать заключение о причине смерти сего несчастного. Даю вам пять минут. – Доктор Абель отодвинул полу халата, достал из кармашка жилетки золотые часы-луковицу, посмотрел на них и захлопнул крышку часов.

Практиканты разбрелись вдоль стеллажей, с брезгливым любопытством осматривая трупы: приподнимали руки и ноги, всматривались в лица, переворачивали мертвые тела со спины на живот.

– Пан доктор, он живой! – испуганно воскликнул невысокий толстячок, отпрянув от голого Волика. От испуга у него на лице выступила испарина.

– Понимаю, бывает, и мертвые встают, и кресты ходить начинают, и даже ведьма в ступе и с помелом летает, – насмешливо проговорил доктор Абель.

– Честное слово, пан доктор, он живой! Рукой опять шевельнул, – вновь перепуганно воскликнул толстяк Житовицкий.

Доктор Абель, а следом за ним и остальные практиканты направились к Житовицкому.

Подойдя, доктор Абель уставился на голого тощего мальчика. И мальчик смотрел на него широко раскрытыми глазами.

– Здравсте! Милейший пан с того света? – поклонился доктор Абель. – Вы явились обратно, чтобы доложить нам, что там все хорошо и вы прекрасно устроились?

– Пи-и-ить... – едва слышно просипел Волик. – П-и-ить, пожалуйста...

– Воды кто-нибудь принесите, – обернулся доктор к практикантам. – Послушайте, как же вы здесь пробыли три дня и три ночи? Вы не замерзли? – Доктор взял мальчика за руку, погладил по груди, животу.

– Я не помню... я спал... – ответил Волик.

– Вы спали целых трое суток.

– Не знаю...

– А как вы проснулись, помните?

– Я услышал голоса, а потом до меня дотронулись.

– А эти три дня до вас никто не дотрагивался?

– Я не помню... не знаю...

Толстяк Житовицкий принес стакан с водой, передал доктору Абелю.

– Вы сесть можете? – спросил доктор.

Волик сел на стеллаже, свесив ноги и стыдливо прикрывая ладонями причинное место.

– Нас вы можете не стесняться, – усмехнулся доктор, протягивая ему стакан с водой. – Нас вы не испугаете – здесь все мужчины. Да и пугать вам пока особенно нечем. – Доктор усмехнулся. – А покойникам вообще стесняться не положено.

Практиканты, напряженно смотревшие на странного мальчика, заулыбались, переглядываясь.

– Я не покойник, я живой...

– Пейте, пейте... – Доктор Абель вновь обернулся к практикантам: – Житовицкий, голубчик, сходите за старшим дежурным по моргу. И одежду какую-нибудь там прихватите. Халат хотя бы.

– И часто подобные штуки с тобой случаются? – по-польски спросил доктор Абель, внимательно разглядывая Волика.

Тот сидел напротив за столом, пил чай и жадно поедая бутерброды с колбасой и сыром, горкой лежавшие на тарелке.

– Иногда бывает... – Волик тоже отвечал на польском, но иногда примешивал русские слова.

– И сколько времени ты спишь вот так?

– Говорили, дня три-четыре... – Волик прикончил очередной бутерброд и взял с тарелки следующий.

– Это называется летаргический сон, тебе говорили?

– Говорил как-то ребе... я не знаю...

– Ты говорил, из Гора-Кальварии родом? Сбежал, что ли?

– Сбежал...

– Отец-мать били? Жили плохо? – вежливо допрашивал доктор Абель, глядя, как Волик поглощает бутерброды и запивает их сладким чаем.

– Нет, они меня любили и брата с сестрами любили. Очень бедно жилось. Отец сказал, что четверых он не может прокормить...

– Тебе сказал?

– Нет, он маме говорил...

– А ты подслушал... – улыбнулся доктор Абель.

– Я не нарочно... я просто видел его желание, чтобы я пошел в хедер или вообще уехал. Он сказал, если не пойду в хедер, он меня из дому выгонит. Вот я и решил уехать...

– Видел желание? – удивленно переспросил доктор Абель. – Ты умеешь видеть желания?

– Иногда... не знаю, как сказать... я их, может быть, чувствую...

– Интересно, интересно... – вновь улыбнулся Абель и закурил папиросу на длинном мундштуке. – Любопытный ты мальчик... весьма любопытный... Ну-ка, попробуй, почувствуй... или угадай... какое у меня сейчас желание будет? Ну как, попробуешь?

– Попробую... – Волик перестал жевать бутерброд и уставился на доктора серьезными глазами.

Доктор долго смотрел ему в глаза, потом отвел взгляд и уставился в пол.

Волик поднялся из-за стола, прошел к двери и нажал кнопку выключателя – в комнате вспыхнул электрический свет.

– Потрясающе, – восхищенно проговорил доктор Абель. – Как ты понял?

– Не знаю... – Волик вернулся к столу, взглянул на Абея. – Можно мне еще бутерброд?

– Ешь, конечно, ешь! – Доктор подвинул к нему поближе тарелку.

– Как вы думаете, меня с работы не прогонят? Ведь я столько времени не приходил. Начальник почты очень строгий дядечка.

– А тебе и не надо туда ходить, – решительно сказал доктор.

– Мне надо работать, а то будет не на что купить хлеба, – ответил Волик. – И жить мне тоже негде.

– Будет у тебя другая работа, Волик. А жить пока будешь у меня. Нравится тебе здесь?

Они сидели в кабинете доктора. Волик обвел глазами стеллажи со множеством книг, фотографий и небольших бронзовых и гипсовых статуэток, широкий кожаный диван, просторный письменный стол на двух тумбах, красивую настольную лампу на бронзовой подставке, старинные часы в корпусе из красного дерева, висевшие на стене.

– Нравится...

– Вот и живи, – улыбнулся доктор Абель и закурил папиросу, пыхнув дымом.

– А какая у меня будет работа?

– Будешь лежать в гробу! В хрустальном! – ответил доктор и засмеялся.

Волик внимательно посмотрел на него и спросил:

– А сколько мне за это будут платить?

– Хорошо будут платить, пан Мессинг! – заговорщицким тоном произнес доктор и даже подмигнул Волику. – Мы с тобой богатыми людьми станем, пан Мессинг!

– Я знаю, – ответил Волик. – Вы давно об этом подумали.

– Слушай, ты опасный человек, пан Мессинг, с тобой ухо держи остро! – оторопел доктор Абель. И продекламировал: – “Молчи, скрывайся и тай и чувства, и мечты свои...” – Он перестал смеяться, вновь серьезно посмотрел на Волика. – Я говорю с тобой совершенно как со взрослым, деловым человеком. Ты сможешь помогать своей семье – отцу, матери, братьям и сестрам. Ты хочешь им помогать?

– Конечно. Очень хочу.

– Вот и будешь им помогать. И тебе хватит на приличную жизнь. Сможешь учиться дальше... – Доктор вдруг задумался, добавил невесело: – Если, конечно, не случится нечто ужасное...

– Будет война... – сказал Волик.

– Что ты сказал? Война? – вскинул голову Абель. – Черт возьми, я тоже об этом сейчас подумал. И когда, по-твоему, случится война?

– В августе четырнадцатого года начнется большая война... – спокойно ответил Волик и взял последний бутерброд с тарелки, откусил и стал жевать...

– Слушай, ты страшный человек... – вновь покачал головой доктор Абель. – Запомни: люди не любят пророков. Знаешь, что говорили древние данайцы, когда видели пророка? Они говорили: этот человек слишком умен, чтобы жить среди нас, его место у Бога. И вешали его на ближайшем дереве.

– За что же вешали? – со страхом спросил Волик.

– За шею, – улыбнулся доктор.

– За какую вину? – поправился Волик.

– За то, что слишком умный, слишком много знает. – Доктор наклонился к Волику, заглянул ему в глаза. – За то, что слишком много видит.

В большом зале кунсткамеры с высокими готическими окнами всегда было сумрачно, что придавало таинственность фигурам, стоявшим вдоль стен, в проемах между окнами, и делало их почти живыми. Здесь были и премьер Великобритании Герберт Асквит, и бывший президент США Теодор Рузвельт, и Наполеон, и адмирал

Нельсон, и польский король Стефан Баторий, и Николай Коперник, и страшный Дракула, и Джек Потрошитель, и множество знаменитостей того времени. Они стояли в разных позах, но все были обращены лицами к зрителям, и многие даже смотрели на них. Зрители смутно ощущали на себе эти взгляды, и невольный страх и смущение охватывали их, хотя умом они понимали, что смотрят на них всего лишь восковые фигуры.

В центре зала на высоком постаменте находился открытый хрустальный гроб, в котором лежал обнаженный, в одних трусиках Волик. Глаза его были закрыты, а руки сложены на груди, как у покойника. Высокая женщина в черном жакете и юбке, сопровождавшая многочисленных посетителей, громко сказала, указывая на гроб:

– Прошу вас, панове, обратите внимание. Вам повезло: этого мальчика можно увидеть здесь один раз в два или даже три месяца. Мальчик находится в летаргическом сне... пребывает в состоянии восковой гибкости... дыхание практически останавливается, пульс не прощупывается, но мальчик жив... Вы можете убедиться в этом, потрогав его за руку – это не рука мертвеца или восковой фигуры – это рука живого человека...

– Как долго может длиться этот летаргический сон? – спросил кто-то из зрителей.

– От трех до семи дней... Сейчас мальчик спит пятый день...

– Когда он просыпается, он помнит что-нибудь?

– Нет, он ничего не помнит и ничего не чувствует.

Зрители столпились вокруг хрустального гроба, разглядывая лежащего в нем обнаженного мальчика со скрещенными на груди руками и закрытыми глазами. Кто-то, самый подозрительный и смелый, протянул руку и потрогал мальчика, ущипнул за ногу, за бедро. И как всегда, как в каждой толпе экскурсантов, нашелся недоверчивый садист, который незаметно, но сильно несколько раз ткнул мальчика иголкой, внимательно следя за выражением его лица. Но оно было неподвижно. Мальчик на уколы не реагировал. Разочарование и даже злость появились на лице недоверчивого, он ткнул иголкой еще раз, затем медленно, нехотя отошел от гроба и даже оглянулся, в надежде увидеть хоть небольшую гримасу боли на лице спящего мальчика.

– Прошу внимания, панове, великая Сара Бернар – кумир миллионов. Женщина-легенда, женщина-сфинкс, женщина-мечта...

Гора-Кальвария, 1913 год

Григорий, Сара и заметно подросшие дети Сема, Соня и Бетя работали в саду – собирали урожай яблок. Под яблонями стояли большие плетеные корзины, и дети поднимали с земли спелые плоды, относили их в корзины. Отец, забравшись на яблоню, сачком на длинной ручке снимал яблоки, потом опускал сачок вниз, и мать доставала из сачка яблоки, протирала их тряпкой и клала в корзину.

За штакетником показалась фигура почтальона Збигнева. Он открыл калитку и, сняв фуражку, помахал ею в воздухе:

– Э-эй, Григорий! Сара! Вы сейчас упадете в обморок! Приготовьтесь!

– Кто это? – спросил с яблони Григорий.

– Почтальон Збигнев, – ответила Сара. – Небось притащил налоговые квитанции.

– От него другого ждать не приходится, – слезая с яблони, пробурчал Григорий.

А почтальон уже шел по тропинке к саду и улыбался во всю физиономию:

– Ни за что не догадаетесь, что я вам принес!

– Что ты можешь такого особенного принести, кроме налоговых квитанций, Збигнев? – спросил Григорий.

Дети бежали к почтальону, и каждый нес в руке яблоко. Окружив Збигнева, они вручили ему по яблоку. Почтальон взял яблоки, погладил детей по головкам:

– Спасибо, мои хорошие... спасибо... А ты все же попробуй угадай, Григорий. Сара, угадай попробуй!

– Ну говори давай, старая ворона, – пробурчал Григорий.

– Вы, наверное, забыли своего сына Вольфа? Ну скажите честно, небось и не вспоминаете о нем?

– Волик, пресвятая Богородица Ченстоховская! – всплеснула руками Сара. – Волик, золотце мое, он прислал письмо?

– Он прислал вам деньги! – Почтальон достал из кожаной сумки почтовую квитанцию с печатями, замахал ею над головой, повторил

радостно: – Он прислал вам деньги! Ле хаим, евреи! Пляшите! – И почтальон запел мелодию “Семь сорок” и сам стал приплясывать.

– Ну-ка дай сюда! – Григорий ринулся к почтальону, вырвал из его руки квитанцию, уставился на нее. – Что тут написано, Збигнев?

– Там написано, что сын ваш Вольф Мессинг прислал вам целых десять рублей! Нет ничего прекраснее для отца с матерью, чем благодарный сын!

– Сколько? – в ужасе выдохнул Григорий. – Десять рублей? Сара, ты слышала? Это же целое состояние! Ты слышишь, Сара? Десять рублей! Откуда у него такие деньги?

– Пан Збигнев, прошу в дом, – кланялась Сара. – Такое известие непременно надо отметить. Просту вас, пан Збигнев... – Сара поймала за руку Сему, шепнула ему: – Беги позови ребе, скорее...

Мальчик кивнул и опрометью бросился бежать по тропинке, ведущей из сада.

Посреди стола красовался жареный гусь, разрезанный на куски, а вокруг него блюда с разными закусками

– Смотри, ребе, жена выставила все, что копили к празднику, – неодобрительно сказал Григорий.

– А сегодня разве не праздник? – засмеялась Сара. – Сегодня мой самый большой праздник!

– Муж умен умом жены, – глубокомысленно изрек раввин. – Сегодня и верно для вас большой праздник, ибо исполнилась одна из заповедей Моисея и дети стали кормить родителей своих...

Григорий взял зеленый штоф с водкой, принялся разливать ее по граненым лафитничкам. Потом сказал повеселевшим голосом:

– И то верно! Надо же, десять рублей! До сих пор не верится, ребе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Варшава, 1913 год

Волик сидел в кабинете за письменным столом и читал толстую книгу, время от времени делая карандашом пометки на полях, а потом принимался выписывать в блокнот отдельные строчки. Старинные часы мелодично пробили шесть, и в кабинет вошел доктор Абель с подносом в руках.

– Хватит читать! Пора передохнуть! – Он составил с подноса на маленький столик у кожаного дивана серебряный кофейник, молочник, чашки для кофе, сахарницу и вазочки с печеньем и орехами.

Волик за столом сладко потянулся.

– Что читал? – спросил Абель, наливая в чашки горячий кофе.

– Доктора Фрейда...

– Неужели что-то понимаешь?

– Кое-что неясно, но... в общем понимаю...

– Смог бы ты такому человеку, как Фрейд, что-либо приказать сделать?

– Не знаю... не уверен... Но если сильно напрячься, то, думаю, да...

– Боже мой, сколько сомнений. А ты очень напрягаешься, когда отгадываешь чье-то желание? – спросил доктор Абель. – Давай попробуем. Дай-ка руку, буду считать пульс... Ну, давай. Я кое-что загадал. Отгадывай. – Доктор сел рядом с Воликом, взял его руку, нащупал пульс. – Ну что, отгадываешь?

– Да... пытаюсь... – Волик сосредоточенно смотрел в пространство.

– Что я загадал? Учти, я загадал нечто сложное.

– Я это уже понял.

– Пульс учащается... на лбу у тебя испарина... – Доктор пальцами прикоснулся ко лбу Волика.

– Я знаю, что вы загадали, – сказал Волик.

– Ну-ну, давай...

Доктор отпустил руку подростка, и тот встал, не спеша прошел к стеллажу с книгами, пробежался глазами по корешкам, отыскивая

нужное название, и уверенно взял толстый том “Адам Мицкевич. Избранное”.

– Эта? – Волик повернулся к доктору.

– Перший класс! – прищелкнул пальцами доктор Абель. – Молодец, пан Мессинг! А попробуем более сложный вариант. Садись.

Волик присел на диван. Доктор отошел в угол кабинета, подумал секунду и сказал:

– Я готов.

– Я тоже, – улыбнулся Волик.

Он встал, прошел к стеллажу с книгами, поискал глазами и уверенно взял тонкую книжку с золотым тиснением “Восстание Костюшко”. Мальчик открыл книгу и взглянул на Абеля:

– Пятьдесят седьмая страница, девятнадцатая строчка сверху, правильно?

– Перший класс! – вновь восхищенно произнес Абель, прищелкнул пальцами и возбужденно заходил по кабинету. – Теперь давай посложнее вариант попробуем. Я, конечно, понимаю, ты меня давно знаешь, и потом я – врач... я занимаюсь телепатией, и поэтому мне внушить что-либо будет особенно трудно, но ты попробуй... Или уже пробовал? – Абель остановился и пытливо взглянул на Волика. – Или уже пробовал? Ну, говори, говори, я по твоей хитрой роже вижу, что пробовал.

– Сознательно – никогда, но вот... бессознательно... Я ехал в Варшаву без билета. И тут контролер. Я перепугался до смерти, просто душа в пятки ушла. Он спрашивает: “Билет”, а я трясусь весь от страха и протягиваю ему клочок газеты. Он этот клочок компостером пробил, мне вернул и говорит: “Чего ты под лавкой прячешься? Вон место свободное, садись”. И ушел...

– Замечательно! – улыбнулся доктор Абель и потер руки. – Перший класс! К черту эти кунсткамеры, восковые фигуры, хрустальные гробы! Ну-ка, попробуем, пан Мессинг! Вы мне что-то приказываете, а я выполняю. Идет?

– Не знаю, получится ли... – смущенно улыбнулся Волик.

– Давай, давай. Только что-нибудь поглубже. Я человек туповатый, тонких мыслей не улавливаю.

Волик сосредоточился, потом взглянул на Абеля большими черными глазами, которые, казалось, стали еще больше, и в глубине их

гасли и вспыхивали искры.

– Готово... – тихо сказал он.

Доктор Абель некоторое время стоял неподвижно, потом закрыл глаза, открыл их снова и медленно пошел к двери. Волик остался на месте, глядя ему в спину.

Доктор вышел в коридор, прошел до двери, открыл ее и вошел в столовую, огляделся, затем двинулся к столу, накрытому белой накрахмаленной скатертью, на котором стоял никелированный прибор с солонкой и перечницей, подумал, взял солонку и вышел из столовой.

– Ты приказал мне принести это? – спросил Абель, входя в кабинет.

– Это солонка?

– Солонка... – пожал плечами доктор.

– Плохо, – вздохнул Волик. – Я просил вас принести перечницу...

– Я же говорил – попроще, поглубже, – усмехнулся доктор. – Я тонких мыслей не улавливаю... Брось, Волик, все отлично! Просто я бессознательно сильно защищался. А может, и сознательно – в знак подсознательного протеста.

– Все равно, получается, результат не чистый. Я же просил вас принести перечницу, а вы принесли солонку.

– Да они же одинаковой формы, и крышечки одинаковые, обе хрустальные! – возразил доктор. – Ну хорошо, предположим, не совсем чисто... но это ноль целых три десятых процента неточности! Это такая мизерная неточность!

– И все-таки неточность, – упорствовал Волик, и теперь он выглядел не беззащитным подростком, а решительным, непреклонным ученым. – Вы не против, если мы попробуем еще раз?

– Извольте, пан Мессинг, готов до бесконечности, – вскинул руки Абель. – Приказывайте...

И вновь Волик уставился на доктора расширившимися черными большущими глазами.

– Готово...

Абель закрыл глаза, подумал и снова медленно пошел из кабинета, открыл дверь, вышел. Волик напряженно смотрел ему в спину.

Доктор вышел в коридор, постоял секунду, оглядываясь, и направился в прихожую. Остановился перед вешалкой, отделил от

висящей одежды светлый плащ, достал из кармана перчатки, некоторое время думал, глядя на них, затем положил правую обратно в карман плаща и с левой перчаткой вернулся в кабинет.

– Это? – поинтересовался Абель.

– Какую вы взяли, правую или левую?

– Левую. Что, опять ошибся?

– Правильно... – расплылся в улыбке юноша.

– Что и требовалось доказать! – Доктор подбросил перчатку к потолку, ловко поймал ее. – Вперед, солдаты! Поют нам трубы, и барабан зовет в поход!

Волик обессиленно сел на диван, откинулся на спинку и закрыл глаза. На его лбу выступила испарина, он поморщился от боли и пальцами дотронулся до висков. И будто сквозь вату услышал голос доктора:

– Что такое, Вольф? Тебе плохо?

– Ужасно болит голова...

– Ну-ка... – Доктор подошел к Волику, стал пальцами массировать ему голову. – Ну как, так легче?

– Да, спасибо... – едва слышно ответил Волик.

– Да, пан Мессинг, за все на свете, к сожалению, приходится платить. А за такие способности – втройне... Я думаю, дружище, хватит с тебя этой кунсткамеры, хрустальных гробов и прочей чепухи. Тем более, что заработки совсем не те, на которые я рассчитывал. Что ты хочешь, Вольф, нищая страна, люди не могут больше платить за билеты, чем они платят. Разве нас с тобой это устраивает? Разве в этом смысл жизни?

– А в чем же смысл жизни?

– В победах! В славе! Наполеон Бонапарт знал это лучше всех! Что нам нищая Варшава?

– Вы хотите ехать в Берлин? – спросил Волик, не открывая глаз.

– Гм-гм, простите, пан Мессинг, все время забываю, с кем имею дело. Да, дружище, мы поедem в Берлин! Вся европейская высшая элита обитает там! Художники! Литераторы! Артисты! Ученые!

– Раньше вы говорили, все это находится в Париже, – улыбнулся Волик.

– И в Париже тоже! Но Берлин ближе! В Берлине любят представления! Любят театр! Любят необычных людей! А ты как раз и

есть тот самый необычный человек. А если ты станешь знаменитым в Берлине, ты скоро станешь известным на весь мир!

Доктор перестал массировать голову Волика, прошелся по кабинету и резко обернулся:

– Ну что, решено? Мы с тобой, пан Мессинг, поедem в Берлин!

– В Берлин?

– А о чем я с тобой только что разговаривал? Ты не слышал? Ты спал, что ли, Вольф?

– Я смотрел Берлин, – улыбнулся Волик. – И он мне понравился. Я видел большой зал, полный зрителей... освещенный огромными люстрами... я видел себя на сцене... в белом смокинге... Едем в Берлин, пан доктор.

*Польша, 1939 год,
немецкая оккупация*

К утру карета выехала к небольшой железнодорожной станции.

Вдруг Цельмейстер встрепенулся, достал из-под сиденья саквояж, открыл его и стал рыться внутри.

– Что вы там ищете? – спросил Кобак.

– Вот... – Цельмейстер вытащил из саквояжа несколько пачек ассигнаций. – Это деньги, друзья мои. Неизвестно, как дальше сложится, где мы окажемся и будем ли вместе... Возьмите, Лева. – И Цельмейстер протянул Кобаку две пачки. – Здесь в каждой пачке по двадцать тысяч марок.

– Если вы так считаете... – смутился Кобак.

– У вас же нет денег с собой?

– Кое-какая мелочь есть...

– Вот и берите.

Кобак взял пачки, а Цельмейстер уже протягивал две пачки Мессингу:

– Возьмите, Вольф. И спрячьте получше...

– Зачем?

– А мало ли что... На всякий поганый случай, – улыбнулся Цельмейстер. – В пальто под подкладку спрячьте. Прошу вас, Вольф, послушайте глупого Цельмейстера.

Мессинг взял деньги, спрятал их в карман пальто.

– Нет-нет, за подкладку, – запротестовал Цельмейстер. – Ну-ка снимайте пальто.

Мессинг досадливо поморщился, но повиновался. Цельмейстер взял пальто, вывернул его, ловко надорвал вверху под карманом подкладку и запихнул туда пачки ассигнаций. Встряхнул пальто и вернул его Мессингу.

Они подъехали к станции. Небольшое деревянное строение с длинным рядом освещенных окон. Рядом водокачка, деревянный сарай-склад, конюшня с распахнутыми воротами. У входа в здание станции горел подслеповатый фонарь, его обтекало седое облако водяной пыли.

Кучер остановил. Путники выбрались наружу.

– Держи, Янек. – Лева протянул кучеру деньги. – Спасибо.

Кучер пересчитал деньги, проговорил гулко:

– Премного благодарен, пан.

– Будь здоров, Янек... – Лева Кобак помахал ему рукой, кучер дернул вожжи, и карета медленно покатила.

– Когда поезд до Варшавы? – спросил Цельмейстер железнодорожного служащего. – Или уже не ходят?

– Ходят... Только когда он пройдет, сказать вам не могу, уважаемый пан, – ответил пожилой железнодорожник.

И в это время в глубине дороги сверкнули фары и послышался треск моторов. Железнодорожник с тревогой посмотрел в ту сторону и обернулся к Цельмейстеру:

– У вельможных панов есть документы?

– Ну, есть, конечно... А для чего? Это кто едет? – спросил Цельмейстер.

– Немцы. Патруль. Вам и документов не нужно – достаточно взглянуть на ваши лица, – сказал железнодорожник, посмотрев на Вольфа, Цельмейстера и Кобака. – Пойдемте со мной. Скорее. – И он быстро направился ко входу в станционное здание.

Мессинг, Цельмейстер и Кобак заторопились за ним. Они вошли в небольшой зал ожидания, где толпилось до полусотни человек. Железнодорожник подошел к дверце рядом с окошком кассы, вошел внутрь, и друзья проследовали за ним.

Все трое прошли небольшую комнату с кроватью, столом и шкафом. Железнодорожник отодвинул в сторону большой деревянный

щит с расписанием поездов и открыл потайную дверь, оклеенную теми же обоями, что и стены. Жестом он указал на черный просвет.

...К станции подкатили три мотоцикла с немецкими автоматчиками. Пятеро автоматчиков попрыгали на землю и не спеша направились ко входу на станцию.

Они вошли в зал ожидания, оглядели толпу. Люди сидели или спали прямо на заплеванном, закиданном окурками и бумажками грязном полу. Из двери рядом с окошком кассы вышел железнодорожник, неуверенно отдал честь.

Люди напряженно смотрели на немцев. Один из них, с погонами унтера, поправил ремень висевшего на шее автомата, прошел к высокому мужчине и произнес отрывисто:

– Аусвайс!

Мужчина полез во внутренний карман пальто, вынул затрепанный паспорт с польским орлом на обложке. Унтер брезгливо взял паспорт, открыл, посмотрел и поднял взгляд на мужчину:

– Юде?

Мужчина даже не успел ответить. Двое автоматчиков подошли, взяли его под руки и повели к выходу. Унтер еще раз внимательно оглядел толпу, ткнул пальцем в грудь черноволосой женщине:

– Аусвайс.

Женщина достала из потрепанной, вышитой бисером сумочки паспорт и протянула унтеру, глядя на него черными глазами. Он так же брезгливо взял паспорт.

В это время за стенами станции раздалась короткая автоматная очередь...

...Мессинг, Цельмейстер и Кобак, сидевшие в темноте потаенной каморки, разом вздрогнули.

– Немцы... – прошептал Цедбмейстер. – Хотел бы я знать, в кого они стреляют.

– В поляков... – прошептал Лева Кобак.

– В евреев... – поправил его Цельмейстер. – Боже мой, Боже мой, что творится...

Мессинг поморщился, вздохнул и вновь закрыл глаза... Память услужливо осветила прошлое...

Берлин, 1913 год

Большой зал был переполнен зрителями. Разодетые дамы и солидные господа тихо переговаривались, шикарные туалеты и фраки дополняли сверкающие кольца и диадемы, ожерелья и огромные перстни. Дамы подносили к глазам лорнетты, разглядывая высокого черноволосого юношу в белом смокинге, стоявшего на сцене. Среди всех зрителей выделялись два человека среднего возраста, но не шикарными костюмами – этих людей знала в лицо почти вся Европа. Один – с густыми усами, тронутыми сединой, с большими залысинами над выпуклым большим лбом и веселым, насмешливым взглядом темных глаз. Другой – сухощавый, с жестким взглядом, похожий, скорее всего, на строгого учителя, который не дает спуска своим ученикам. Это были Альберт Эйнштейн и Зигмунд Фрейд.

А еще в зале сидел франтоватого вида молодой человек лет тридцати, со щегольскими усиками, в клетчатом сером костюме. На безымянном пальце его правой руки сверкал большой золотой перстень с внушительным бриллиантом. Человек этот не сводил со сцены пристального взгляда, наполненного фанатичным, лихорадочным блеском.

Из-за кулис появился ассистент в темном костюме, подошел к самому краю сцены и громко произнес, четко и раздельно выговаривая каждое слово:

– Дамы и господа, начинаем второе отделение нашего концерта. У господина Мессинга есть предложение к зрителям. Может быть, кто-нибудь из господ желает что-нибудь загадать? Какую-либо комбинацию цифр, слово. Загадавшего прошу выйти на сцену.

Шумок прокатился по залу, дамы и господа перешептывались, пожимали плечами, скептически улыбались.

– Неужели совсем нет желающих? – спросил ассистент. – Смелее, господа!

Доктор Абель притаился за кулисами, у края занавеса, и напряженно следил за поведением Вольфа Мессинга. Тот стоял неподвижно и смотрел в зал.

Наконец с места поднялся толстяк средних лет и стал пробираться к проходу, затем твердым солдатским шагом пошел к сцене. По виду – настоящий бюргер, толстощекий, с усами а-ля кайзер Вильгельм. Он поднялся на сцену. Ассистент подошел к нему, поклонился и жестом попросил выйти на середину. Бюргер подошел и остановился, свирепо

глядя на Вольфа, будто собирался вступить с ним в схватку. Даже кулаки сжал.

– Как вас зовут? – громко и отчетливо, чтобы слышали зрители, спросил ассистент.

– Курт Майер, бюргер, – решительно ответил толстощекий.

– Вы загадали господину Мессингу свое желание? – громко спросил ассистент.

– Да, загадал... – хриплым от волнения голосом произнес бюргер, не отрывая взгляда от Мессинга.

– Прошу вас, повторите, пожалуйста, громче, чтобы все слышали, – попросил ассистент.

– Загадал...

– Прошу вас, господин Мессинг.

Вольф на секунду задумался, закрыв глаза, потом обвел взглядом зал и так же громко и отчетливо проговорил:

– Господин Майер, вы загадали число тысяча восемьсот восемьдесят один. Могу только добавить, что это год вашего рождения.

Доктор Абель, стоявший за кулисами, улыбнулся и победно потряс в воздухе кулаком:

– Вот так-то, пан Мессинг, молодец!

– Господин Майер, вас удовлетворяет ответ господина Мессинга? – продолжал ассистент. – Это то самое число, которое вы загадали?

Курт Майер молчал, словно на него напал столбняк. Выпучив глаза и открыв от изумления рот, он смотрел на Вольфа Мессинга и не мог выдать из себя ни слова.

– Господин Майер, – повторил ассистент, – вы можете ответить на мой вопрос? Господин Мессинг правильно назвал число, которое вы загадали?

– Правильно... – прохрипел Майер, весь побагровев. – Но откуда он знает, что я в этот год родился?

По залу прокатился смех, раздались аплодисменты. Однако несколько голосов в разных концах зала стали выкрикивать:

– Да это явно подставное лицо!

– Неужели можно так просто дурачить почтенную публику?!

– Мошенничество и больше ничего!

– Почему мошенничество? Блестящие способности фокусника. Я видел в Париже нечто подобное.

– Как вы думаете, Зигмунд, это очередной ловкий фокусник или в его проделках что-то есть? – весело спросил Эйнштейн у своего спутника.

– Думаю, обычный шарлатан... – прищурившись, ответил Фрейд. – Но... молодой, красивый...

– Но ведь он угадал число. И даже угадал, что это год рождения, – возразил Эйнштейн. – Или вы думаете, что это опять подставное лицо?

– Почему бы и нет?

– Многовато получается подставных лиц, – усмехнулся Эйнштейн. – А сами не хотите попробовать?

– Ну вот еще... выставять себя на всеобщее обозрение? Мне только этого не хватало, – поморщился Фрейд.

Между тем толстяк бургер вернулся в зал на свое место, и все время, пока шел, он не уставал повторять, разводя руками:

– Черт знает что, в самом деле! Откуда он узнал, что это мой год рождения?

Франтоватый молодой человек с тонкими усиками продолжал не отрываясь смотреть на ВольфаМессинга, потом достал из внутреннего кармана тонкий блокнотик, карандаш, что-то быстро записал.

– Уважаемые господа! Может быть, есть еще желающие выйти к нам на сцену со своей загадкой? – громко спросил ассистент. – Не бойтесь и не стесняйтесь! Загадывайте любые мысли и пожелания! Прошу вас, смелее!

И вдруг в зале поднялся Эйнштейн и стал медленно пробираться к проходу. Зрители смотрели на него, и по рядам поползли перешептывания, многие начали оборачиваться. Все отчетливее слышалось:

– Эйнштейн... Неужели это Эйнштейн?.. Это сам Альберт Эйнштейн! Все газеты пишут о каком-то его колоссальном научном открытии! Но он такой молодой. Неужели тот самый? Да, да, он самый. Знаменитый физик? Да, да, знаменитый физик!

Раздались хлопки, сначала редкие, одиночные, но с каждой секундой их становилось все больше и больше, и наконец загремели аплодисменты. Раздались выкрики:

– Господину Эйнштейну ура!

Эйнштейн поднялся на сцену – он выглядел явно смущенным, – поднял руку, призывая к тишине. Зал долго не мог успокоиться. Альберт Эйнштейн подошел к Вольфу и протянул руку. Они поздоровались. Эйнштейн громко сказал:

– У меня есть одно желание. Можете приступить к делу.

– Сам знаменитый господин Эйнштейн изъявил желание быть участником телепатического опыта Вольфа Мессинга! – подхватил ассистент. – Как вы понимаете, господа, господин Эйнштейн никак не может быть подставным лицом!

Медленно стихали хлопки, зрители взволнованно ерзали в креслах, не спуская взгляда с Вольфа Мессинга. Тот тоже смотрел в зал и молчал. Пауза затянулась.

Эйнштейн все так же весело глядел на Вольфа, потом улыбнулся, словно подбадривал его.

– Чтобы выполнить ваше желание, мне нужно пройти в зал, – наконец нарушил молчание Вольф.

– Извольте, – улыбнулся Эйнштейн. – Разве я вам запрещаю?

Вольф спустился по ступенькам в зал и решительно пошел по проходу между креслами. Зрители с удвоенным любопытством следили за ним, сидевшие впереди поворачивали назад головы.

Мессинг дошел до седьмого ряда и стал пробираться вдоль кресел, то и дело приговаривая:

– Простите, пожалуйста, позвольте пройти... Простите великодушно, разрешите пройти...

Зрители вставали, освобождая проход и переглядываясь. Вольф добрался почти до середины ряда, остановился перед Зигмундом Фрейдом и уставился на него пронзительным взглядом черных глаз. Под этим пронизывающим взглядом Фрейду даже стало как-то не по себе.

– Я вынужден попросить вас, господин Фрейд, достать из левого кармана вашего пиджака носовой платок.

– Извольте... – Фрейд достал из левого кармана белый платок и подал его Вольфу.

Тот взял платок, аккуратно сложил его и проговорил:

– Благодарю вас. Кроме того, у вас есть золотые часы-луковица фирмы “Лонжин” на золотой цепочке. Вы не дадите их мне?

Зрители, затаив дыхание, следили за происходящим. Дамы, сидевшие вдали, не отрывали от глаз лорнетов.

– Извольте... – Глаза Фрейда расширились от удивления, он достал из кармашка жилетки часы-луковицу, отстегнул цепочку и протянул Вольфу.

– Благодарю вас, господин Фрейд. – Мессинг взял часы и добавил: – Кроме этого, господин Эйнштейн просил передать вам “Ку-ку!”

– Что? – не понял Фрейд.

– Господин Эйнштейн просил передать вам “Ку-ку!”. Что это обозначает, я не знаю.

– Ну что ж, я тоже благодарю вас, – усмехнулся Фрейд.

Вольф поклонился и стал медленно пробираться вдоль кресел обратно к проходу. По залу прокатились смешки, перешептывания. Зрители спрашивал у тех, кто был поближе :

– Что он сказал?

– Ку-ку.

– Что такое “ку-ку”?

– Это Эйнштейн мысленно приказал Мессингу передать Фрейду.

– А этого господина зовут Фрейд?

– Ну да, это Зигмунд Фрейд.

– Тот самый знаменитый врач-психоаналитик?

– Ну да!

– Черт знает что! Он-то здесь что делает?

Потом Вольф прошел к сцене, поднялся по ступенькам и подошел к Эйнштейну. Он протянул ему платок и часы и громко сказал:

– Это и было вашим желанием, господин Эйнштейн?

– Совершенно верно, господин Мессинг, – вы исполнили мое желание с потрясающей точностью. Мне остается только развести руками. – Эйнштейн улыбнулся, забирая часы и платок. Потом повернулся к залу, посмотрел в сторону Фрейда и помахал рукой с зажатыми в ней предметами: – Не беспокойся, Зигмунд, все у меня.

Зал грохнул от смеха и разразился аплодисментами. Вольф кланялся и блестящими от счастья глазами смотрел в зал. Франтоватый молодой человек в клетчатом костюме старался хлопать громче всех.

– Ваши опыты замечательны, – перекрывая шум аплодисментов, сказал Эйнштейн. – Вы не согласились бы прийти ко мне в гости? Буду с нетерпением ждать. – И он протянул Вольфу визитку.

– Благодарю вас. – Вольф взял карточку и долго жал Эйнштейну руку.

Доктор Абель смотрел из-за кулис на Вольфа Мессинга и Эйнштейна, и глаза его наполнялись слезами от счастья и гордости за мальчика. Одна из них медленно поползла по щеке. Доктор достал платок, утер глаза и громко высморкался.

...А франтоватый молодой человек в клетчатом сером костюме продолжал хлопать и глядеть на сцену, на Вольфа Мессинга, и по лицу его блуждала хищная улыбка.

Берлин, 1914 год

Они сидели в кабинете Эйнштейна – доктор Фрейд, доктор Абель, Вольф Мессинг и сам Эйнштейн. Фрейд был, как всегда, в черном сюртуке, жестко накрахмаленный воротник подпирал худую, жилистую, уже в морщинах шею. На Эйнштейне – белая рубашка с расстегнутым воротом и наброшенный на плечи толстый шерстяной свитер.

Стены кабинета великого физика представляли собой сплошные стеллажи, плотно заставленные книгами. Письменный стол завален бумагами и научными журналами.

Еще один стол находился у окна, и на нем расположились чашки с чаем, пузатый заварной чайник, дольки лимона в большой вазе, сахарница. За этим столом пили чай и беседовали.

– А недавно получаю я письмо от одного пожилого еврея из Польши, – улыбаясь, весело рассказывал Эйнштейн. – “Господин Эйнштейн, что вы там пишете о теории относительности? Это же проще пареной репы, это же у нас в местечке все знают с молодых лет. Неужели из-за такой ерунды можно стать знаменитым и богатым? Такие сумасшедшие деньги! Я бы на вашем месте постыдился брать такие деньги за подобное шарлатанство. Не лучше ли раздать их бедным?”

Все расхохотались, и Эйнштейн тоже.

– А я думаю, этот человек, написавший тебе письмо, тысячу раз прав, – насмешливо сказал Фрейд. – Твою теорию относительности ни пощупать, ни, тем более, увидеть нельзя. А вот покажи ему то, что вытворяет господин Мессинг, – он же с ума сойдет. Он падет ниц, как древний египтянин пред великим жрецом бога Ра.

– Я могу вам сказать, господин Эйнштейн, – глядя на молодого ученого, произнес Вольф, – что в двадцать первом году ваша научная деятельность будет отмечена очень высокой международной наградой....

– В двадцать первом? – весело переспросил Эйнштейн. – М-м-м... очень долго ждать. Вы не могли бы, юноша, устроить это дельце побыстрее? – И Эйнштейн засмеялся.

– Он намекает тебе, что ты получишь Нобелевскую премию, – ехидно произнес Фрейд. – Только могу тебя заверить, что ни черта ты не получишь.

– Это почему же? – обиделся Эйнштейн.

– Потому что в двадцать первом Нобелевскую премию получу я, – сказал Фрейд, и оба разом захохотали.

Вольф вежливо улыбнулся и сказал:

– Я говорю вам правду, господин Эйнштейн.

– Я готов пасть ниц перед господином Мессингом, – улыбнулся Эйнштейн. – И я согласен: моя теория относительности чистой воды шарлатанство в сравнении с вашими гипнозами и телепатиями. Натуральное колдовство! Знаете, что я думаю, дорогой Вольф? Просто необходимо создать лабораторию... да-да, специальную лабораторию по изучению ваших необычайных способностей. Чтобы там работали самые разные специалисты: врачи, гипнотизеры, парапсихологи... и даже маги, колдуны и прочее, прочее... Вас надо изучать, господин Мессинг. Вы сами-то знаете, кто вы? Откуда у вас это? Как это в вас работает?

– Нет... – покачал головой Вольф.

– Это мучает вас?

– Часто – да...

– Оставьте молодого человека в покое, – потребовал Фрейд.

– Не мешайте, Зигмунд, – нервно махнул рукой Эйнштейн. – Я все-таки немножко ученый... молодой и глупый, но тем не менее.

– Дорогой Вольф, вы не можете мне отомстить Эйнштейну за его выходку на вашем представлении? – не отставал Фрейд. – Когда он отобрал у меня золотые часы и заставил вынуть всем на обозрение несвежий носовой платок.

Все опять засмеялись, и Вольф ответил:

– Я готов помочь вам.

– Хорошо, – ехидно улыбнулся Фрейд. – Я сейчас загадаю желание, а вы его исполните. – Фрейд замолчал, закрыв глаза, потом сказал после паузы: – Всё. Загадал.

Вольф внимательно посмотрел на него, широко улыбнулся и проговорил:

– Право, не знаю, удобно ли это?

– С другим человеком это, возможно, и было бы неудобно, но с моим другом Альбертом – вполне. Он же доказал, что все в мире относительно. Так что прочь сомнения, Вольф, и действуйте. Действуйте! – ответил Фрейд, сидя в кресле с закрытыми глазами.

– Господин Эйнштейн, вы не скажете, где у вас можно взять пинцет? – спросил Вольф, поднимаясь из кресла.

– Пинцет? – встревожился Эйнштейн. – Зачем вам пинцет?

– Для того, чтобы исполнить желание господина Фрейда.

При этих словах Фрейд зловеще усмехнулся.

– Извольте, пинцет лежит на письменном столе. Кажется, в стакане для карандашей, – ответил Эйнштейн.

Вольф подошел к столу, нашел в стакане с карандашами пинцет и вернулся с ним к Эйнштейну.

– Прошу прощения, господин Эйнштейн, но придется потерпеть. Будет немножко больно.

– Больно? – вновь встрепенулся Эйнштейн. – Я очень плохо переношу боль. А при виде крови могу упасть в обморок, так что...

– Успокойся, Альберт, крови не будет, – понизив голос, проговорил Фрейд. – А жаль...

– Что вы там задумали? – с некоторой тревогой спросил Эйнштейн. – Вы ведете себя, как типичный маньяк-садист.

– Мне лучше знать, как ведет себя маньяк-садист, – вновь зловеще осклабился Фрейд. – Я врач, психиатр. А вы... жалкая пародия на великого ученого.

– Ну и черт с вами, – пробормотал Эйнштейн и закрыл глаза. – Делайте что хотите. Сопrotивляться маньякам вдвойне опасно...

Вольф наклонился к Эйнштейну и пинцетом ловко выдернул у него волосок из левого уха.

– Ой! – вскрикнул Эйнштейн, хватаясь за усы. – Больно же, черт вас подери!

– Прошу прощения, это не все... – сказал Вольф. – Я должен сделать это еще два раза.

– Нет-нет, достаточно одного! – запротестовал Эйнштейн, закрывая ладонями усы. – Я полагаю, одного волоса из моих усов достаточно, чтобы удовлетворить чувство мести самого злобного маньяка... коим вы и являетесь, господин Фрейд...

– Что ж, если вам так жалко двух волосиков из ваших усов, придется уступить, – вздохнул Фрейд. – Я бы на вашем месте на голове волосы берег – смотрите, совсем лысый.

– Я очень лысый, потому что очень умный. Это мне так мешает жить, вы даже не представляете, как мне это мешает жить... – сокрушенно вздохнул Эйнштейн и спросил, глядя на Фрейда: – А вам, я вижу, хорошо и легко живется?

– О да! – важно кивнул Фрейд. – Я лысеть не собираюсь...

И тут все начали хохотать, показывая пальцами друг на друга. А Эйнштейн смеялся заливистее всех и даже в порыве озорства показал Фрейду язык, хлопая себя ладонями по коленям.

...Когда они простились, Альберт Эйнштейн обнял Вольфа за плечи и проговорил:

– Дорогой юноша, вас ждет необыкновенная жизнь... и необыкновенное будущее. Я не обладаю вашими удивительными талантами, но могу с уверенностью предсказать это... – Эйнштейн похлопал Мессинга по плечу. – И если вдруг вам будет плохо, приходите ко мне. Чем смогу – помогу... Кстати, насчет такой лаборатории я постараюсь что-нибудь придумать. Не уверен, что скоро получится – для этого нужны деньги, – но буду стараться... и сразу вас извещу...

*Польша, 1939 год,
немецкая оккупация*

Двое немецких автоматчиков вернулись в зал ожидания, высокого черноволосого мужчины с ними не было.

Унтер посмотрел на паспорт, потом на черноглазую темноволосую женщину, усмехнулся и спросил:

– Юде? – и еще произнес пару фраз на немецком.

Женщина не отвечала, с ужасом глядя на него. Унтер спрятал паспорт в карман кителя и сделал знак рукой. Автоматчики подошли к

женщине, один взял ее под руку и повел к двери. Женщина не сопротивлялась, только один раз оглянулась на людей страшными черными глазами.

Они вышли, хлопнула дверь. Унтер остановился перед пожилым человеком в старом пальто и поношенной кепке, с улыбкой сказал:

– Аусвайс.

Цельмейстер и Кобак напряженно прислушивались к тому, что делалось в зале ожидания. Мессинг сидел, прислонившись спиной к стене и закрыв глаза. Неожиданно снова прогремела автоматная очередь. Мессинг вздрогнул и открыл глаза, спросил:

– Опять стреляли? Или мне померещилось?

– Стреляли, стреляли, успокойтесь, Вольф Григорьевич... – горько усмехнулся Цельмейстер. – Интересно, сколько нам еще придется здесь сидеть?

– А вы хотите выйти подышать свежим воздухом? – поинтересовался Лева Кобак.

– Я-то могу выйти, Лева, – парировал Цельмейстер. – Я на еврея совсем не похож, а вот вы... и документов спрашивать не надо, ваш нос – это нос Моисея, идущего по пустыне.

– Прекратите, – резко оборвал их Мессинг. – Нашли время шутить...

– А когда же шутить, Вольф, солнце мое? Когда в нас стрелять будут?

– Послушайте, Питер, никогда не думал, что после стольких лет совместной жизни вы начнете мне надоедать, – пробурчал Мессинг.

– Совместной? – спросил Цельмейстер. – Что вы имеете в виду?

– Перестаньте паясничать. Если не прекратите, можете убираться ко всем чертям, – уже зло проговорил Мессинг. – Концертов и выступлений больше не будет... стало быть, и необходимость друг в друге отпала.

– Благодарю тебя, Господи, наконец-то я стану свободным человеком, – пробормотал Цельмейстер. – Ни секунды больше не задержусь в этой проклятой, сумасшедшей Европе... В Америку, только в Америку!

За стенами взревели мотоциклы, послышались громкие голоса, говорившие по-немецки, смех. Потом рев мотоциклов сделался громче, а затем стал быстро затихать.

– Кажется, они уехали... – пробормотал Цельмейстер.

– Тише, – прошептал Лева Кобак. – Сюда кто-то идет.

Действительно, за стенами послышались шаги, потом узкая дверца отворилась, в кромешной тьме образовалась полоска света, и в ней стал виден железнодорожник:

– Выходите... Скоро поезд...

Они вышли из своего убежища, прошли через комнату с кассиршей и оказались в зале ожидания. Цельмейстер достал несколько крупных купюр, протянул железнодорожнику:

– Возьмите, пожалуйста. Не могу передать, как мы благодарны вам...

– Благодарю, вельможный пан. – Железнодорожник спрятал деньги в карман форменного кителя. – Я же пана Мессинга сразу узнал...

– Вы его видели?

– А как же! В позапрошлом году был в Варшаве... на его представлении был... каждый его фокус помню... Волшебник, да и только! – Железнодорожник довольно улыбался. – Неземной человек!

– Как вы сказали? – вытаращил на него глаза Цельмейстер. – Неземной человек?

– А как же? Самый что ни на есть... разве простой смертный такое делать сможет? Никогда.

Цельмейстер покосился на Мессинга и ничего не сказал.

Они вышли из здания станции и сразу увидели лежащих на земле у стены мужчину и женщину.

– Пресвятая Дева Мария! – охнул железнодорожник, быстро пошел куда-то в сторону и исчез, свернув за угол дома.

– Хуже зверей... – тихо проговорил Цельмейстер, глядя на убитых людей, потом глянул на Вольфа Мессинга: – Теперь вы понимаете, что в Варшаву ехать нельзя?

– Куда нам еще можно ехать? – спросил Мессинг.

– Да куда угодно. Я смогу договориться с нужными людьми, и нас переправят через Буг в Советский Союз. Сейчас это единственное место, где мы будем в безопасности. Поймите, Вольф, я говорю совершенно серьезно... Вас ищут. Вы, надеюсь, не забыли, что за вашу расчудесную голову Гитлер обещал сто тысяч марок? Да вас первый встречный опознает!

– Я должен найти мать и братьев, – упрямо повторил Мессинг.

– Вы уверены, что найдете их в Варшаве?

– Я уверен, что они живы. Значит, я должен их найти.

И в это время в туманной морозной дали послышался долгий гудок паровоза, предупреждавшего о своем прибытии.

Из здания станции стали выходить люди, толпились на перроне. Многие оглядывались на мертвых мужчину и женщину, торопливо крестились.

Показался маслянисто-черный паровоз, пускавший клубы белого пара. И вновь он тонко, пронзительно загудел...

Вена, 1914 год

Гостиничный номер состоял из нескольких комнат – большой гостиной, двух спален и кабинета с громадным камином. Две горничные и дежурный администратор внесли в гостиную большие букеты цветов и сложили их прямо на столе. Потом горничные расставили букеты по вазам и графинам, доставая их из большого застекленного буфета. Еще на столе стояли бокалы и бутылки шампанского. Некоторые бутылки были уже пусты.

– Черт возьми, сколько можно приносить цветы? – спросил доктор Абель.

– Там еще много, – ответил дежурный.

– Ты стал знаменит, как Карузо или Шаляпин! – усмехнулся Абель и сказал администратору: – Хватит, хватит! Остальные заберите себе!

– Но, герр Абель, нам их тоже некуда девать, – улыбнулся тот.

– Дарите всем дамам, которые проживают в отеле! И достаточно, дайте нам побыть одним! Не беспокойте нас! – Доктор Абель буквально силой вытолкал из гостиной дежурного и горничных и захлопнул за ними тяжелую дубовую дверь.

Вольф, уставший, но счастливый, сидел в кресле, держа в руке бокал с шампанским.

Абель налил себе шампанского, поднял бокал:

– Что-то вы, дружище, не пьете шампанское. Или не рады ошеломительному успеху?

– Я не люблю спиртное... – слабо улыбнулся Вольф. – И без него голова болит.

– Спиртное, голубчик, пьют не для того, чтобы болела голова, – назидательно произнес доктор Абель. – Спиртное пьют, чтобы испытать чувство радости! Чувство эйфории! Пьют, чтобы стряхнуть с души горести и тяготы каждодневной жизни! А голова болит – это уж, милейший, потом! Это называется похмелье! Впрочем, немцам это чувство незнакомо. И евреям тоже... Вот поляки или русские – это да! Они ужасно страдают от похмелья.

– Почему же такое разделение?

– Да потому, что у немцев и евреев срабатывает чувство самосохранения. А поляки и русские... у них этого чувства нет, бесстрашные народы – хлещут без всякой меры! Я бывал в Петербурге и Москве: Боже мой, как там пьют! Ведроми!

– И шампанское? – улыбнулся Вольф.

– Все что угодно! – Доктор осушил бокал с шампанским, почмокал губами от удовольствия. – Однако вкусно очень!

Раздался стук в дверь, потом она медленно отворилась, и в гостиную уверенно вошел франтоватый молодой человек в клетчатом темно-сером костюме и ярко-красном галстуке. Однако дверь за ним не закрылась – в гостиную вошли еще двое плечистых молодых людей в темных костюмах и остановились на пороге.

– Простите, господа, за внезапное вторжение. Могу ли я поговорить с господином Вольфом Мессингом? – Молодой человек, не дожидаясь ответа, шагнул ближе к Вольфу, сидевшему в кресле, чуть поклонился. – Прежде всего хочу вас еще раз от всего сердца поздравить с таким выдающимся успехом! Ваши способности феноменальны!

– Послушайте, милейший, – остановил его доктор Абель. – Господин Мессинг никого не принимает! Разве администратор не сообщил вам об этом? И вообще, как вы прошли сюда?

– Прошу прощения, с кем я разговариваю? – с той же радушной улыбкой спросил молодой человек.

– Прежде я вас должен спросить, с кем я разговариваю, – нахмурился Абель.

– Генрих Мария Канарис, коммивояжер. А это... – он указал на мрачных молодых людей у дверей, – мои работники.

– Так вот, герр Канарис, потрудитесь сию же минуту покинуть номер ... вместе со своими... гм-гм, работниками.

– Ну зачем же так грубить, господин Абель? – продолжал улыбаться Генрих Канарис. – Я пришел поговорить о важном деле...

– Если уж вы знаете мое имя, то отвечу вам как можно вежливее. Господина Мессинга не интересуют ваши дела. И потрудитесь выйти. Иначе я вызову полицию.

– Не надо полицию, доктор, – произнес Вольф и отпил глоток шампанского. – Я слушаю вас, господин Канарис. Что у вас за дело?

Доктор Абель красноречиво развел руками и отошел в сторону. Канарис обернулся к своим людям и сделал едва заметный знак рукой. Оба молодых человека молча повернулись и вышли из номера, закрыв за собой дверь.

– Я хотел бы поговорить наедине, господин Мессинг, если не возражаете, – сказал Канарис.

– Возражаю. От этого человека у меня нет секретов, – ответил Вольф, снова отпил глоток шампанского и поморщился. – Говорите, пожалуйста...

– Ну, что ж... – подумав, проговорил Канарис. – Прежде всего хочу еще раз поздравить вас. Ваши феноменальные способности вызвали у меня не только чувство безмерного восхищения, но вместе с тем невольно заставили задуматься... Вы так точно настраиваетесь на телепатическую волну любого человека, входите с ним в мысленный контакт, читаете его желания... – Канарис замолчал, внимательно глядя на Вольфа.

– Я слушаю вас. Что дальше? – поторопил Мессинг.

Доктор Абель между тем подошел к столу и налил себе еще шампанского. Он отпил глоток, насмешливо разглядывая молодого человека по имени Генрих Канарис.

– Но тут есть определенное взаимное стремление друг к другу. Ваш объект загадал желание и теперь ждет, когда вы настроитесь на него и прочтаете то, что он загадал. А если сделать это против воли объекта? Если вы видите человека и хотите узнать, о чем он думает, чего хочет в ближайшие, допустим, час-полтора?

– А объект этого не знает, – неожиданно продолжил Вольф. – Допустим, скачки... и я настраиваюсь на одного, другого... третьего жокея... и таким образом я могу выяснить, кто из них хочет ехать на победу, а кто не готов к этому... или сговорился с кем-нибудь и будет придерживать свою лошадь... А я, зная все это, смогу сделать верную

ставку и сорвать куш. Об этом вы собирались рассказать мне, господин Канарис? По крайней мере такие мысли были у вас, когда вы шли сюда.

Генрих Канарис даже попятился, со страхом глядя на Вольфа Мессинга, и забормотал, смешавшись:

– Я... мне, право, не по себе... еще я хотел рассказать вам про рулетку... и про карты... А вы действительно страшный человек, господин Мессинг: читать чужие мысли – это большой грех!

– Еще больший грех иметь такие плохие, а сказать точнее, преступные мысли, – вставил доктор Абель. – Только что вы, господин Канарис, пытаетесь втянуть господина Мессинга в преступные действия, и я могу заявить об этом в полицию.

– Да-да, конечно... можете... – Генрих Канарис пришел в себя, отступил на шаг к двери. – А то, что вы выступаете со своими психологическими опытами, которые могут нанести психическую травму зрителю, а лицензии на подобные выступления у вас нет, – об этом вы тоже заявите в полицию? Или это вы предоставите сделать мне?

– Какую травму? Что за чушь взбрела вам в голову? Я – врач! Широкого профиля! В том числе я практиковал и лечение психоанализом...

– Значит, эти разрекламированные концерты следует рассматривать как лечение? – усмехнулся Генрих Канарис. – Интересная получается картина, господа! Людей лечат, когда они об этом совсем не просили. Если через пару дней в газетах появятся статьи об этом, вы представляете, что начнется, господа? Вас сразу арестуют – в этом я даже не сомневаюсь. Но что потом начнется, а? Процесс века! Второе дело Дрейфуса! Вы действительно станете знаменитыми на весь мир! Ну уж на всю Европу – я просто ручаюсь!

Генрих Канарис говорил и не отрывал хищного взгляда от доктора Абеля. Он увидел, как тот побледнел, как дрогнул в его руке бокал с шампанским и вино пролилось на ковер.

Доктор спохватился, взял себя в руки, медленно выпил глоток, оценивающе посмотрел на Канариса. И не сказал ни слова, хотя было видно, что он лихорадочно раздумывает.

– Я вижу, вы серьезно восприняли мои слова и сможете сделать определенные... правильные выводы, – подчеркнул Генрих Канарис. –

Поверьте, мое предложение весьма заманчиво. Сколько вы имеете гонораров за эти представления? И сколько вы сможете иметь, если примете мое предложение? Знаете, какие выигрыши бывают, когда первой приходит, допустим, темная лошадка? До сорока пяти тысяч марок за один выигрышный билет, господин доктор. До сорока пяти тысяч... В одном заезде. А за один игровой день происходит семь заездов. – Генрих Канарис выдержал паузу и добавил медленно и вкрадчиво: – Это золотое дно, господа... и, кстати, никакого криминала. Все чисто и недоказуемо. – Он опять улыбнулся. – Совершенно недоказуемо. У меня большая просьба к вам, господин Абель, и к вам, господин Мессинг: подумайте хорошенько. Я приду за ответом послезавтра, в это же время. Засим позвольте откланяться. – Молодой человек коротко кивнул по очереди Вольфу и Абелю и вышел из номера.

Воцарилась долгая тишина. Абель поставил недопитый бокал на стол, торопливо достал коробку с папиросами, закурил и медленно прошелся по гостиной, пуская длинные и густые струи дыма. Наконец проговорил:

– Лицензии у нас действительно нет... действительно все может произойти так, как только сейчас говорил этот молодой мерзавец. До уголовного суда, думаю, дело не дойдет, но скандал может быть огромный. Как говорят русские, знать бы, где упасть, соломки подстелил бы.

– Значит, нужно прекратить мои выступления, – решительно сказал Вольф.

– Ты с ума сошел, Вольф! Ни в коем случае! Все только начинается! И как прекрасно начинается... Если бы не этот молодой негодяй... Пойми, Вольф, я нисколько не преувеличиваю. Тебе нужно развиваться, нужно углублять, совершенствовать свои уникальные способности. Вольф, это нужно не только для концертов, славы и денег. Это нужно для науки, ты понимаешь, Вольф? Я ведь веду записи всех выступлений, всех наших занятий... тренировок... – Доктор посмотрел на Мессинга лихорадочным, тревожным взглядом, он сильно волновался. – Гипноз... парапсихология... телепатия – эти явления так мало изучены... это бездна... Фрейд был глубоко прав, когда сказал, что за этим будущее... Человек не сможет управлять

миром, не научившись управлять самим собой... Он не познает мира, не познав самого себя...

– Вы думаете, это возможно?

– Что именно? – не понял доктор Абель.

– Познать самого себя... – уточнил Вольф. – Разве это кому-нибудь удавалось из живших ранее в этом мире?

– Но человек всегда стремился к этому, – резко возразил доктор Абель. – Ибо это и есть стремление человека к истине... это есть стремление к Богу... Иначе зачем Господь наделил тебя такими способностями? – Он подошел к Вольфу, наклонился и горячо зашептал на ухо: – Ты понимаешь меня?

– От ваших слов мне становится страшно, доктор, – глядя в упор в глаза Абеля, ответил Вольф. – Неужели вы не видите, как я страдаю от своих способностей?

– Вижу. Но ты такой, каким тебя создал Бог, и грешно проклинать свою судьбу... Надо жить...

– Значит, нам надо уезжать из Берлина... из Германии, – подумав, сказал Вольф.

– Конечно! – повеселел Абель. – Мы немедленно уедем! В Цюрих! В Париж! Куда желаете, пан Мессинг?

– Куда-нибудь подальше... Вы знаете, доктор, меня все это время не покидают нехорошие предчувствия. – Глаза Вольфа почернели, он замолчал, глубоко задумавшись или, скорее, впадая в транс.

– Что ж, предчувствия твои сбылись: появился этот мошенник и сорвал нам гастроли. Контракты на несколько месяцев вперед – хуже не придумаешь...

– Нет, предчувствия другие – мне кажется, грядут страшные времена... Мне кажется, скоро будет война.

В его черных глазах словно вспыхнули огни... они всплывали из самой глубины, озаряя лицо изнутри. В эти секунды он не видел ничего вокруг... он видел будущее...

Доктор Абель несколько попятился в страхе, не в силах оторвать взгляда от лица провидца.

На большой театральной тумбе пестрели афиши. И среди них выделялась одна: “ВОЛЬФ МЕССИНГ. СЕАНСЫ ТЕЛЕПАТИИ И ГИПНОЗА”. Прохожие останавливались и читали.

Мальчишки бежали по улице с большими почтовыми сумками на ремнях через плечо, их крики разносились во все стороны:

– Вольф Мессинг! Сеансы телепатии и гипноза! Предсказание будущего! Невиданный успех! Человек, который читает чужие мысли!

Мальчишек охотно останавливали и раскупали у них газеты.

И снова большой зал переполнен зрителями. На сцене – Вольф Мессинг и доктор Абель. Представление продолжается. Доктор что-то сказал, обращаясь к залу... и на сцену вышел человек... Вольф Мессинг заговорил с ним, человек кивнул, соглашаясь, и на лице его отразилось неприкрытое удивление и даже некоторый страх. Он покачал головой и развел руками... Зал взорвался аплодисментами. Вольф и Абель поклонились. На сцену полетели цветы...

А в зале, в гуще аплодирующих, находился франтоватый молодой человек Генрих Канарис. Он с улыбкой смотрел на Вольфа и с силой бил в ладоши. Вот взгляды их встретились, и Канарис весело подмигнул Вольфу...

Потом на сцену вышли сразу двое зрителей. Вольф закрыл глаза и что-то мысленно приказал им... Возникла пауза... Зрители смотрели на сцену, затаив дыхание... И вот один зритель медленно подошел ко второму, взял его за руку, не очень ловко вытащил из рукава рубашки золотую запонку и отнес ее Вольфу. Потом возвратился к своему партнеру, снял свой галстук и надел ему на шею.

Зал снова взорвался аплодисментами. Доктор Абель что-то проговорил, пытаясь перекрыть шум и поднимая вверх руки, а потом жестом указал на Вольфа Мессинга...

* * *

Вольф Мессинг сидел в кабинете за письменным столом. Напротив него на стуле пристроилась пожилая женщина. Она часто сморкалась в измятый, мокрый платок. Вольф внимательно изучил фотографию, которую держал в руках, потом посмотрел на женщину и медленно сказал:

– Успокойтесь, фрау Грасс, ваш муж жив и здоров. Он в Америке. Он много работает...

– Но уже год от него нет вестей, – всхлипнула женщина и приложила платок к глазам. – Ни одного письма... Он всегда был такой внимательный. Он обещал немедленно вызвать нас в Америку, как только устроится.

– Он нашел работу, смею вас уверить, – спокойно ответил Вольф. – И скоро вы получите от него известие.

– Правда? – Лицо женщины преобразилось, она с надеждой поглядела на Вольфа. – А когда будет это известие? У меня двое детей, герр Мессинг... Я совсем измучилась – так трудно их прокормить...

– Дела у него пошли хорошо. Скоро он даст знать о себе... – повторил Вольф.

– Скоро? А когда скоро? – настойчиво допытывалась женщина, продолжая прикладывать платок к глазам.

– Через две недели... – помолчав, проговорил Мессинг и вновь повторил уже уверенно: – Да, через две недели.

– Через две недели? – переспросила женщина и робко улыбнулась.

– Да, через две недели, – заверил Мессинг и тоже улыбнулся.

– Благодарю вас, герр Мессинг. – Женщина поднялась со стула, открыла сумочку, которую до этого держала на коленях, стала рыться в ней, бормоча: – Я не могу много заплатить вам, герр Мессинг... это все, что у меня есть.

– Оставьте это. Я не возьму с вас денег. Только одна просьба: когда получите известие от мужа, сообщите об этом мне.

– Конечно, герр Мессинг. – Женщина защелкнула сумочку и попятилась к двери. – Вы будете первый, кто об этом узнает... Еще раз примите сердечные благодарности...

Близился полдень. Мглистое пасмурное небо едва пропускало солнечные лучи. На тихой узкой улочке в пригороде, у старого двухэтажного дома, толпились с десятков журналистов в котелках, легких пальто, некоторые в одних пиджаках. Многие курили папиросы с длинными мундштуками. Один, в клетчатом пиджаке и такой же клетчатой кепке, надвинутой на глаза, установил на треноге большой ящик фотоаппарата и сосредоточенно возился с ним. Журналист с папиросой во рту достал из кармана жилетки часы, щелкнул крышкой:

– Однако без десяти полдень, а почты все нет, господа.

– Привезет ли почтальон письмо, вот что меня больше всего интересует, – проговорил второй.

– Господа, если письма не будет, я разгромлю этого шарлатана в завтрашнем номере, – сказал третий репортер, дымя папиросой. – Я наконец доберусь до него!

– Отто, что вы возитесь со своей бандурой? Надеетесь снять обезумевшую от счастья фрау Грасс с письмом в руках?

– Надеюсь, – коротко ответил фотограф в клетчатой кепке. – Послушайте, господин Вернер, отойдите от дверей – из-за вас ничего не будет видно.

В это время в глубине улицы показалась почтовая карета. Почтальон, толстяк в форменном темно-синем мундире с блестящими медными пуговицами и форменной же фуражке правил лошадью, сидя на козлах.

– Господин Штрумпф! – хором закричали репортеры. – Что вы везете фрау Грасс?

Господин Штрумпф принял важный вид и не ответил, словно не слышал вопроса. Лошадь остановилась точно напротив подъезда, украшенного дырявым жестяным навесом. Почтальон Штрумпф медленно слез с козел, не обращая внимания на журналистов, открыл дверцу кареты, покопался в почтовой сумке, достал оттуда желтый, с сургучной печатью конверт и торжественно прошествовал к входной двери.

– Неужели это письмо для фрау Грасс? – спросил репортер с папиросой.

– Да, – коротко ответил почтальон.

– Оно из Америки?

– Да, – последовал такой же короткий ответ.

– Эй, Штрумпф, остановись-ка! – зычно произнес фотограф.

Толстяк Штрумпф послушно остановился и приосанился. Перед собой на уровне груди он держал желтый конверт.

Вспыхнул магний, поднялось облако дыма. Фотограф разогнулся от ящика, довольно улыбнулся:

– Эй, Штрумпф, тебя хорошо снимать! Ты такой большой!

Штрумпф тоже улыбнулся и вошел в подъезд. Репортеры с шумом бросились за ним.

В квартиру фрау Грасс они ворвались лишь тогда, когда она уже прочитала письмо. Рядом с ней стояли два подростка, а женщина возбужденно говорила, и слезы текли у нее по щекам.

– Он жив! Он пишет, что скоро вышлет нам деньги на дорогу! У него там свое дело! Мы поедem в Америку...– Фрау Грасс всхлипнула и заплакала в голос.

Дети стали обнимать ее и успокаивать.

И в это время раздался грубый голос фотографа:

– Ну-ка, посторонитесь!

Он внес в комнату треногу с тяжелым ящиком, которые держал на плече, поставил на пол, раздвинул опоры треноги и склонился к ящику, блестящему глазом-объективом.

– Фрау Грасс! Я должен запечатлеть вас. Завтра вы увидите себя и своих счастливых детей в газете!

*Польша, 1939 год,
немецкая оккупация*

Они ехали в полупустом вагоне. Бедно одетые пассажиры сидели тихо, старались не смотреть никому в глаза. И они тоже не глядели друг на друга. Мессинг и Цельмейстер устроились один напротив другого, Лева Кобак – рядом с Цельмейстером. Рядом с ними на лавках – пожилой человек в плаще и шляпе и две пожилые женщины. Мессинг все так же дремал, прикрыв глаза. Питер Цельмейстер поднял голову и долго, пристально смотрел на него. Потом с натянутой улыбкой спросил:

– Вольф, о чем ты все время думаешь? Так много думать опасно для здоровья. Это еще мой дедушка говорил. А он понимал в жизни побольше нашего и потому прожил сто два года.

– Я не думаю, я вспоминаю, – не открывая глаз, ответил Мессинг.

Вена, 1914 год

Мессинг заканчивал завтрак в гостиной, когда вошел доктор Абель с пачкой газет.

– Доктор, простите, так хотел есть, что начал завтрак без вас, – извинился Мессинг, привстав из-за стола.

– Пустяки, Вольф! Я выпью только кофе. – Доктор бросил на стол пачку газет. – Читайте, герр Мессинг! Фрау Грасс получила письмо

ровно через две недели, как ты и предсказал, и теперь ждет денег от мужа, чтобы ехать в Америку! Вена и вся Австрия снова потрясены! Почитайте, почитайте.

– Не буду, – нахмурился Вольф. – Мне эта шумиха порядком надоела.

– Нехорошо, Вольф! Я понимаю, слава, конечно, утомительна, но ее надо воспринимать с достоинством и уметь получать от этого удовольствие.

– Сомнительное удовольствие.

– Эти сомнительные удовольствия, герр Мессинг, для вас только начинаются, – усмехнулся Абель, поднимая чашку с кофе и отпивая глоток. – Ч-черт, кофе совсем остыл...

По улицам Вены бежали мальчишки с газетными сумками через плечо. Крики оглашали утренний воздух:

– Россия объявила войну Австро-Венгрии! Германия объявила войну России! Война! Война! Выступление кайзера Вильгельма! Война!

14 августа 1914 года началась Первая мировая война...

БЕРЛИН. Кайзер Вильгельм выступает перед войсками, отправляющимися на Восточный фронт. Его окружают генералы в парадных мундирах, касках с шишаками... Полки солдат маршируют по площади... по улицам Берлина. Толпы разодетых дамочек и бюргеров, визжа от восторга, приветствуют своих защитников... под ноги солдатам и офицерам летят цветы. Офицеры улыбаются, отдают честь... Упряжки тяжелых, мощных лошадей тянут пушки...

ВЕНА. Император Франц-Иосиф напутствует армию... полки солдат проходят по улицам... и снова восторженные толпы обывателей, провожающих войска на смерть... цветы под солдатскими сапогами... улыбающиеся офицеры...

ПЕТЕРБУРГ. Николай II в парадном мундире с саблей на боку... Свита в белых мундирах и белых перчатках, сверкают золотые погоны и аксельбанты... Перед императором проходит гвардия... рысят казачьи сотни... кавалерия... Генералы в белых мундирах, их грудь украшают ордена... Солдаты маршируют по площади, по Невскому проспекту... И та же беснующаяся экзальтированная толпа

– женщины в шляпках, господа в черных сюртуках и белых рубашках...
Все охвачены патриотическим, смахивающим на безумие восторгом...

Они завтракали в молчании. Ели яичницу и сосиски, пили чай из белых пузатых чашек с розовыми цветами. За столом сидели втроем – Вольф, доктор Абель и его помощник Лев Кобак. Кроме чая на столе стояли никелированный кофейник, небольшие чашки с кофе и молочник. На краю стола – полуразвернутые газеты, их недавно просматривали.

– Лева, подайте, пожалуйста, кофейник, – попросил Абель. – Хочу попробовать, как наша новая хозяйка варит кофе...

Кобак молча передал кофейник и молочник доктору. Тот налил в чашку кофе, добавил молока, отпил глоток, причмокнул и заговорил:

– Так, дорогие мои коллеги и компаньоны, война разворачивается по всей Европе, и скоро кровь польется реками...

– А кто победит, по-вашему? – осторожно спросил Кобак. – Антанта или Тройственный союз?

– Лева, мне совершенно наплевать, кто победит, – скривил губы доктор Абель. – В любом случае будут сотни тысяч убитых... А не лучше ли спросить нашего дорогого Вольфа... что он видит?

– Будут миллионы убитых... – после паузы ответил Мессинг. – Ужасно, что будет...

– Кто же победит, Вольф? – нетерпеливо переспросил Абель.

– Антанта... – вновь после паузы ответил Мессинг. Он походил на художника – в те времена именно они носили длинные, почти до плеч, волосы, тонкие подстриженные бородки и усы. Но у Вольфа не было бородки и усов – только густые длинные черные волосы.

– И когда же это случится, господин Мессинг? – вновь спросил Абель.

Вольф долго смотрел в окно, наконец произнес:

– В семнадцатом... нет, в восемнадцатом году...

– Даже не могу представить, какая страшная будет бойня, – покачал головой Абель.

Вена, 1915 год

В кабинет Мессинга заглянул молодой человек и негромко сказал:

– Посетитель к вам, Вольф Григорьевич.

– Проси, проси...

– Позвольте представиться: Ганс Швебер, коммивояжер. – Снимая кепку, в комнату вошел мужчина лет пятидесяти, в пиджаке, штанах-галифе и высоких сапогах. – Мне посоветовали обратиться к вам, герр Мессинг, потому как я в большой тревоге: письмо от сына получил месяц назад, сказал, что едет домой, а его все нет и нет. А из Марселя дороги самое большее неделя... Вот, может, посмотрите? Говорят, вы большой мастак на эти дела. – И Швебер положил на стол письмо в конверте, присел в кресло напротив стола.

– На какие дела? – чуть улыбнулся Мессинг.

– Ну, это... – несколько растерялся Ганс Швебер. – Увидеть через время... или как это еще сказать? Через расстояние? Ну, не знаю, вам виднее... – совсем смешался коммивояжер.

– Увидеть через время? – переспросил Мессинг, разворачивая конверт. – Ну-ну...

Он долго читал строки письма... дочитывал до конца и возвращался к началу. Лицо его сделалось напряженным, и черные глаза вновь расширились. Потом он положил письмо, встал из-за стола и отошел к окну. Он смотрел в окно, а за спиной с нарастающей тревогой звучал голос коммивояжера Швебера:

– Понимаете, герр Мессинг, три года назад скончалась моя супруга от сердечного приступа, ав прошлом году умерла дочь Марта от воспаления легких. Сын – все, что осталось у меня. Когда умерла Марта, я стал звать сына домой... и вот наконец получил от него письмо. Но в нем он пишет о том, что скоро вернется, а его все нет и нет. Право, мне стало не по себе...

Мессинг вернулся к столу, вновь стал читать письмо, наморщил лоб. Потом положил письмо на стол, пальцами стиснул виски и закрыл глаза. Господин Швебер со страхом наблюдал за ним.

– Должен вас огорчить, господин Швебер, – наконец глухим голосом заговорил Мессинг. – Ваш сын не приедет... вы напрасно его ждете...

– Что? – перебил Швебер. – Как это не приедет? Он же пишет, что собирается домой. Как вы можете так говорить? У вас же в руках письмо.

– Это почерк мертвого человека... – с трудом выдавил из себя Мессинг.

– Как мертвого? Вы хотите сказать, что... что вы хотите сказать?

– Только то, что я сказал, господин Швебер. Поверьте, мне очень тяжело говорить вам это, но... письмо написано человеком, который... теперь уже мертв.

Швебер вскочил, схватил со стола письмо, конверт, с ненавистью посмотрел на Мессинга:

– Грязный шарлатан, ты заплатишь мне за это... Грязная жидовская морда! Всех вас на виселицу! – Швебер потряс сжатым кулаком и почти выбежал из кабинета, топоча сапогами.

Мессинг грустно смотрел ему вслед. Потом проглотил ком в горле, в глазах его блеснули слезы. Вошедший в кабинет Абель успел заметить этот блеск и мягко проговорил:

– К этому надо быть готовым, друг мой Вольф.

– К чему? – спросил Вольф, отворачивая лицо.

– Вас еще не раз назовут жидом и грязным шарлатаном...

– И что вы делаете, когда вас так называют? – спросил после паузы Мессинг.

– Представьте себе – ни-че-го... – улыбнулся Абель. – Ибо что я могу сделать? Ударить в ответ? Или выругаться? Разве это поможет чему-либо? Разве я не перестану быть грязной жидовской мордой?

– Я не понимаю вас, доктор... пытаюсь понять и не понимаю... – нахмурился Мессинг.

– И не надо, не напрягайтесь, Вольф... все равно не поймете. Об одном только прошу: отнеситесь к этому со спокойствием Спинозы... или Альберта Эйнштейна... И учтите, коллега, идет война... сердца людские наполняются злобой все больше и больше... Вы заметили, как пустеют залы? Закрываются театры... музеи... Кстати, вы хоть знаете, что мы зарабатываем все меньше и меньше?

– Вы мне ничего не говорили об этом, доктор.

– Господин Кобак вам не докладывал? – удивился Абель.

– Н-нет, он тоже ничего не говорил.

– И вы ни о чем не догадывались, когда видели полупустые залы?

– Я как раз думал, что именно в это тревожное время люди и будут приходить, чтобы удивляться... узнавать о будущем...

– Дорогой мой романтик, у людей нет денег, чтобы покупать билеты на ваши концерты, – укоризненно произнес доктор Абель. – Каким же слепым вы иногда бываете...

Вена, месяц спустя

Поздним вечером после представления Абель и Мессинг вышли из служебного подъезда театра. Доктор Абель дымил сигарой.

– Ну что, дорогой мой, неужели созерцание полупустого зала не навело вас на некоторые мысли? – спросил Абель. – Люди нищают... придется снизить цены на билеты... и притом значительно...

– Что ж, снижайте.

– И тогда придется расстаться с комфортабельной жизнью. А вы... простите, а мы к ней привыкли, – усмехнулся доктор.

– Есть русская пословица: по одежке протягивай ножки, – ответил Мессинг.

– Мудрая пословица, но меня она не утешает.

Едва они спустились по лестнице и ступили на тротуар, освещенный в этом месте газовым фонарем, как к ним быстро подошли двое. В одном Мессинг узнал пожилого немца Швебера, который обозвал Мессинга грязным жидом, второй был намного моложе, высокий и плечистый, в шляпе и дорогом шерстяном пальто, под которым виднелись белый воротничок и галстук. Чем-то он неуловимо напоминал самого Швебера.

– Господин Мессинг, мы долго ждали вас... Дело в том, что... я пришел попросить у вас прощения... – с ходу быстро заговорил Швебер.

– Неожиданное желание... даже для меня, – усмехнулся Вольф.

Доктор Абель пыхнул дымом и вынул сигару изо рта.

– Нет-нет, господин Мессинг, я совершенно искренне приношу вам свои извинения. Вот смотрите: это мой сын. Он приехал живой и здоровый. Я счастлив, господин Мессинг!

– Значит, я ошибся... – нахмурился Вольф. – Зачем же тогда извинения? Или вы извиняетесь, что назвали меня грязным жидом?

– И за это тоже приношу самые искренние извинения. Но вы не ошиблись, господин Мессинг, вы не ошиблись! Вы действительно волшебник! Письмо писал не мой сын, а его приятель, понимаете? – Господин Швебер торжествующе улыбался. – Курт был очень занят и попросил его написать письмо, чтобы успеть отправить его утренней почтой. Приятель написал, а вечером он утонул...

– Утонул? – удивленно переспросил Вольф.

– Вот именно, утонул! – почти с ликованием воскликнул Швебер. – Поэтому вы и сказали, что письмо написано мертвым человеком! Вы просто провидец, господин Мессинг! Что ты молчишь, Курт? – Швебер глянул на сына. – Скажи что-нибудь! Тебе выпало счастье увидеть великого человека!

– Я счастлив, господин Мессинг.. – чуть поклонился Курт. – Я сперва не поверил отцу, но потом... это просто похоже на чудо... Благодарю вас, господин Мессинг. Надеюсь, отец хорошо заплатил вам? Он человек... довольно прижимистый, так что я готов выписать чек на любую сумму... – С этими словами Курт достал из пиджака чековую книжку и карандаш, быстро написал сумму, затем вырвал листок из книжки и протянул его Вольфу.

– Теперь я поверил в искренность ваших слов, – усмехнулся доктор Абель и вновь пыхнул дымом.

– Благодарю вас, – улыбнулся Вольф, принимая чек.

– Вас подвезти? – спросил Курт и указал на экипаж, стоявший у обочины тротуара.

– Благодарю вас. Мы пройдемся – нам недалеко, – ответил Вольф.

– Еще раз позвольте от всего сердца поблагодарить вас, – улыбнулся Курт. – Пойдем, отец...

Они неторопливо пошли к экипажу. Доктор Абель хмыкнул:

– Напрасно вы отказались. Нам совсем не близко идти. Прокатились бы с ветерком...

Битва на Сомме... Окопы, где располагаются французские и английские солдаты и офицеры... Пулеметы, захлебываясь, ведут огонь по противнику... Батарея орудий стреляет... Усатый офицер дает команду “Огонь!”... Разрывы снарядов... Солдаты, припав к земле, ползут сквозь ряды порванной колючей проволоки...

Немецкие окопы... та же картина: строчат пулеметы... Черные смерчи взрывов... Поля, усеянные трупами... На фронтах Первой мировой войны продолжаются ожесточенные сражения противоборствующих сторон...

Восточный фронт – лавина казаков летит в атаку... сверкают над головами шашки... застыли пики, выставленные вперед, лошадинные морды в пене... комья земли вздымаются от взрывов... кругом трупы людей и лошадей... Русские армии под командованием

генерала Брусилова осуществили огромный прорыв на австро-венгерском фронте...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Париж, 1916 год

Представления шли в огромном зале одного из знаменитых парижских ресторанов. За столиками, изобиловавшими всяческими яствами – вино, закуски, фрукты, – сидели богатые посетители, господа и дамы в вечерних туалетах.

Сцена располагалась в дальнем конце ресторана. Под фривольную опереточную мелодию на сцену выходил артист, разодетый под миллионера. Блестящий фрак, цилиндр, пальцы в перстнях, толстая золотая цепь от золотых часов, висящая поперек большого живота, запонки с огромными бриллиантами. Громкий голос из-за кулис сопровождал выступление:

– Мсье Жак – известный миллионер! Мсье Жак вышел вечером погулять по Елисейским Полям, забыв, что в наше тревожное время опасно прогуливаться одному...

Тут же из-за занавеса появились злые разбойники. Они набросились на бедного мсье Жака и после короткой борьбы связали его, театрально размахивая огромными ножами. Потом несчастного миллионера ограбили, вытащив у него из карманов бумажник с деньгами, часы и разные драгоценности.

Затем размалеванные разбойники, в надвинутых на глаза шляпах, с ужасными ножами и револьверами, прошли между столиками и раздали смеющимся посетителям драгоценности, часы, портсигар, бриллиантовые запонки, перстни, снятые с пальцев. Достали из бумажника купюры разного достоинства и тоже раздали самым разным посетителям за столиками. И каждый из разбойников, отдавая мужчинам и женщинам какую-нибудь драгоценность или деньги, негромко приговаривал:

– Спрячьте это где захотите, только одна просьба: не выносите из зала.

Посетители, смеясь и весело переговариваясь друг с другом, спрятали деньги и драгоценности.

И вот на сцене появился “сыщик” Вольф Мессинг. Голос из-за сцены сообщил, что миллионер заявил в полицию об ограблении и

полиция прислала знаменитого сыщика Вольфа Мессинга, чтобы он нашел драгоценности, отнятые разбойниками.

Вольф мало походил на сыщика. В темном сюртуке, с черными волосами до плеч, в котелке, он выглядел, как вылитый художник с Монмартра или бродячий поэт-музыкант. Зрители с интересом разглядывали его, многие самодовольно улыбались, уверенные, что их тайник он уж точно не найдет.

Вольф медленно ходил между столиками, задумчиво поглядывая то на одного, то на другого посетителя... улыбался дамам, приподнимая черный котелок. И вдруг он остановился у одного столика и вежливо сказал:

– Простите, мадемуазель, не будете ли вы столь любезны достать из вашего бюстгальтера бриллиантовые запонки?

Мадемуазель смутилась, удивилась, но затем изящным жестом под аплодисменты присутствующих извлекла запонки из бюстгальтера. Однако среди смеха и одобрительных хлопков слышались и другие голоса:

– Наверняка эта дама подставная... она с ним работает...

Вольф пошел дальше, миновал пару столиков и вдруг остановился у третьего и произнес с полупоклоном:

– Простите, мсье, не достанете ли вы из кармана панталон три купюры достоинством в пятьдесят франков.

Мужчина восхищенно покачал головой и действительно вынул из кармана брюк три купюры. И снова раздались аплодисменты.

Верный своей привычке, доктор Абель наблюдал за происходящим в зале из-за занавеса, прикусив мундштук погасшей папиросы, улыбался, хмурился и снова улыбался.

– Простите, мсье, но вам придется дать распоряжение официанту, чтобы он принес золотые часы из кухни, где он их спрятал.

– А где он их там спрятал? – спросил посетитель, усмехаясь.

Официант уже подошел, и Вольф обратился уже к нему:

– Вы их спрятали в правом ботинке в шкафчике, где висит ваша одежда.

– Правильно... – Официант расплылся в улыбке. – В правый ботинок я их и положил.

– Несите сюда часы, – велел Вольф Мессинг. – Побыстрее, пожалуйста...

Официант исчез, а Вольф направился еще к одному столику и объявил с изящным полупоклоном:

– Два золотых луидора, которые вам дали, вы, мсье, передали вон тому господину за соседним столиком, а тот в свою очередь передал эти два луидора... – Вольф огляделся, прошел к самому дальнему столику и вновь поклонился: – Мадемуазель, будьте столь любезны отдать мне два луидора. Вы положили их вот в эту вазочку с мороженым.

– Bravo! Шарман! Bravo! – засмеялась полуголая красавица и в порыве чувств кинулась Вольфу на шею, поцеловала в щеку, успев при этом прошептать на ухо: – Господин Мессинг, у вас ведь есть свободное от ваших безумных представлений время? Буду счастлива, если мы увидимся наедине... – Полуобнаженная красавица едва уловимым движением сунула в нагрудный карман сюртука Мессинга маленькую визитную карточку и вновь шепнула: – Буду ждать и надеяться... – Затем она выпрямилась, поклонилась всему залу, потом обратилась к своему спутнику – чопорному господину средних лет в темном фраке с белой гвоздикой в лацкане: – Ты не сердись, дорогой, что я уделила так много внимания этому чародею? Он того заслуживает...

Господин улыбнулся и кивнул в знак согласия, продолжая хлопать.

И пока зал аплодировал, официант ложечкой выудил из вазочки с растаявшим мороженым золотые монеты и показал их всему залу.

В это время появился официант с золотыми часами и с поклоном вручил их Вольфу Мессингу. Зал зааплодировал еще громче, многие вставали из-за столиков, продолжая хлопать.

Мессинг во все стороны раскланивался публике и вдруг во время очередного поклона он встретился глазами с господином Канарисом. Тот, как и все, бил в ладоши и улыбался Мессингу, даже подмигнул пару раз. Мессинг тоже улыбнулся и поклонился отдельно Канарису. А Канарис, казалось, расцвел от счастья и в свою очередь поклонился Мессингу, прикладывая руку к сердцу. Потом взял со своего столика бокал с вином, высоко поднял его, отсалютовал Мессингу и стал медленно пить. Зал взорвался новыми аплодисментами.

* * *

Вся комната и коридор перед кабинетом Мессинга были заполнены людьми – главным образом пожилыми дамами и молодыми женщинами. Они сидели на стульях вдоль стены, некоторые стояли, и вид у всех был скорбный.

Лева Кобак, расположившись за небольшим столиком у двери в кабинет, что-то писал в пухлую конторскую тетрадь. Из кабинета, забыв притворить за собой дверь, вышла женщина. Слезы текли по ее щекам, она утирала их мокрым платком и комкала в другой руке исписанные листки. Она прошла мимо ряда посетителей, продолжая беззвучно плакать, и все женщины с молчаливым состраданием и нескрываемым ужасом проводили ее взглядами.

Лева Кобак встрепенулся, проговорил:

– Следующий, пожалуйста. Вы, мадам? Будьте любезны, пожалуйста.

Средних лет дама, в простеньком платье и скромной соломенной шляпке, поднялась со стула и направилась к двери в кабинет.

Вольф Мессинг сидел за столом, лицом к двери. Усилием воли он попытался прогнать с лица горечь и усталость.

– Здравствуйте, мсье Мессинг, – войдя, поздоровалась женщина. – Меня зовут Лили Пуатье. Вот фотография моего сына. Он на фронте с марта прошлого года. Он регулярно писал, но вот уже четыре месяца нет ни одного письма. Я очень волнуюсь, мсье Мессинг. Может, вы сможете мне помочь... – Она положила на стол фотографию молодого человека.

Вольф сильно потер ладонями лицо и взял фотографию. Долго смотрел. Потом перевел взгляд на посетительницу, затем снова стал смотреть на фотографию. Затем положил ее на край стола поближе к женщине, резко встал, отошел к окну и проговорил оттуда глухим измученным голосом:

– Простите, мадам Пуатье, но я вынужден сообщить вам тяжелое известие: вашего сына нет в живых.

– Его убили? – упавшим голосом спросила женщина.

– Не знаю... его нет в живых... Наверное, убили... на войне ведь убивают...

– Благодарю вас, мсье Мессинг. – Мадам Пуатье взяла фотографию, спрятала ее в небольшую расшитую бисером сумочку и встала. И вдруг резко пошатнулась и чуть не упала, но успела ухватиться рукой за спинку стула.

– Вам плохо? – резко повернулся к ней Мессинг и бросился поддержать женщину, но она усилием воли устояла на ногах и строго проговорила:

– Благодарю вас... не надо ничего... я сама... – и медленно пошла к двери.

Вольф смотрел ей вслед, и смертная мука отражалась на его лице. Мадам Пуатье вышла, но через секунду дверь отворилась и в кабинет решительно шагнул доктор Абель:

– Ты посмотри на себя – это черт знает что такое! – со злостью заговорил он. – Ты изматываешь себя до последней степени! Завтра выступление – как ты будешь вести представление, ты подумал? Ты же свалишься, и дело кончится больницей, Вольф! А представление? Если полетит контракт, знаешь, какую придется платить неустойку?

– Я не могу им отказать, как ты не понимаешь этого, а еще доктор, – устало возразил Мессинг. – У людей горе...

– Ты выгляни из кабинета, посмотри, сколько их там сидит. И очередь не уменьшается, к вечеру она будет в два раза больше! Ты же с ума сойдешь от такой работы! А если ошибешься? Они же тебя растерзают – никакая полиция не защитит. Ведь вероятность ошибки при таком количестве объектов будет возрастать с каждым днем. Ты что, не понимаешь этого? Ты знаешь, сколько денег ушло на оплату твоей учебы у разных профессоров? У Владычко, Регенсбурга, Орловского, подумай! А ты работаешь бесплатно – дурацкое благородство! Ты хоть знаешь, что все страшно дорожает?

– Что дорожает? – испуганно спросил Вольф.

– Все, черт бы тебя побрал! Хлеб! Мясо! Кофе! Овощи! Молоко! А гонорары наши мизерные, неужели ты этого не понимаешь? – Абель оперся руками о стол, глядя Вольфу в глаза. – Тебе надо отдохнуть, Вольф. Иначе твои способности начнут сходить на нет... ты будешь работать все хуже и хуже... Эти чертовы фотографии, письма... Сколько можно?

– Но люди в отчаянии, – ответил Вольф. – Они ждут помощи... они надеются...

– Ждут помощи? Надеются? – зло переспросил Абель. – А кто кричал “Ура! Ура!” Кто ликовал, когда началась война? Кто бросал цветы под ноги солдатам, марширующим на фронт? Визжал от восторга! Мы покажем этим бошам! Мы покажем этим лягушатникам! Мы загоним русского медведя в берлогу! Они радовались этой войне, как Рождеству Христову! Разве я это кричал? Или ты? Или Альберт Эйнштейн это кричал? Зигмунд Фрейд это кричал? Ромен Роллан? Бернард Шоу? Это они кричали! Восторженные дамочки! Которые сейчас со скорбными физиономиями сидят в прихожей! И тычут тебе фотографии своих сыновей и мужей! Помогите, мсье Мессинг! Скажите, живой или уже мертвый мой сын, муж, брат?

В это время раздался стук в дверь, и заглянувший Лева Кобак спросил осторожно:

– Вольф, вы будете вести прием? Тут огромная очередь.

– Не будет больше приема! – рявкнул разъяренный Абель и ринулся из кабинета. Следом за ним бросился Лева Кобак.

Вольф услышал из-за дверей сердитый голос доктора Абея:

– Мсье Мессинг больше никого принимать не будет! Будьте любезны покинуть помещение! И завтра не будет! Мсье Мессинг устал! Он заболел! Вы его замучили! Вы его смерти хотите? Вы думаете, это легко?! Я повторяю вам, уважаемые дамы, мсье Мессинг никого больше принимать не будет! Прошу вас покинуть помещение! Лева, помогите мне, черт вас возьми! И не надо плакать, умоляю вас! Слезами не поможешь! Очень прошу вас, покиньте помещение!

Женщины в ответ что-то возражали, но слов было не разобрать.

Вольф сидел за столом, тупо глядя в пространство. И вдруг память обожгла вспышка воспоминания...

...Тамбур вагона, открытая дверь, и контролер стоит у этой двери, держась за поручень, и со страхом смотрит наружу, на мелькающие деревья, кустарник и телеграфные столбы. Оглушительно стучат колеса на стыках рельс. Контролер оборачивается, смотрит в глубь вагона, туда, где стоит мальчик Волик, смотрит на него, мысленно приказывает.

На лице контролера гримаса ужаса, он отпускает поручень вагона и с криком летит наружу. И отчаянный крик, как ножом, обрывает оглушительный стук колес...

...Абель вернулся в кабинет, нервными движениями достал коробку с папиросами, вынул одну, прикурил.

– Уезжать надо отсюда к чертовой матери...

– Куда уезжать? – спросил Вольф.

– Да куда угодно! Хоть к черту на рога! Вон из Европы, вон! Здесь пока крови по ноздри не нахлебаются – спокойствия не будет! Нет, нет, ехать и немедленно!

– Куда?

В кабинет вошел Лева Кобак, присел за маленький столик, платком вытер взмокшее лицо и шумно, с облегчением вздохнул.

– В Америку! Монтевидео! Рио-де-Жанейро! Замечательные города! Богатые! Беспечные! И главное, Вольф, там нет войны! Там карнавалы! Там пальмы! Там вечное солнце! Там тебя на руках будут носить!

– Как у вас все просто, доктор... – покачал головой Вольф.

– А вам видится другое? – Абель подошел к столу, пыхнул дымом. – Посмотрите на себя, Вольф. Вы же старик! Где ваша молодость? Где ваши женщины? Любовь где ваша? Вы за это время в кого-нибудь влюблялись? Вам столько пишут разные прекрасные дамы, а вы что же? Гуляете в одиночестве по Елисейским Полям?

Вольф помолчал. Потом вытащил из кармана визитную карточку, повертел в пальцах и усмехнулся.

– Кстати, Вольф, с этими посетителями я все забыл. Посыльный доставил тебе записку. – Лева Кобак поднялся и подошел к столу, положив на него небольшой конверт.

– Когда он ее доставил? – спросил Вольф, вскрывая конверт.

– Кажется, в двенадцать дня. Извини. – Лева развел руками.

Вольф развернул записку. Неровным стремительным почерком было написано:

“Наверное, это Вы внушили мне на расстоянии написать Вам. В таком случае это не очень порядочно с Вашей стороны – манипулировать несчастной женщиной. И даже жестоко. Я не хотела писать, я сопротивлялась изо всех сил, но вот села и пишу вам. Я хочу вас видеть. Я не могу без Вас. Мне кажется, я умру, если не увижу Вас сегодня в семь вечера в кафе „Черный аист“ на Елисейских Полях...”

– Сколько времени? – спросил Вольф, комкая записку и поднимаясь из-за стола.

– Половина седьмого. – Абель достал часы, щелкнул крышкой. – Тебе назначили свидание? – Доктор улыбался во все лицо. – Вперед, малыш, покажи, на что ты способен!

Вольф сунул записку в карман пиджака и, не попрощавшись, почти бегом вылетел из кабинета.

Они встретились в одном из бесчисленных кафе на Елисейских Полях. Молодая женщина подкатила в открытом автомобиле. За рулем сидел шофер в большой клетчатой кепке, темных очках, клетчатых же галифе и высоких, едва ли не до локтя, кожаных крагах. Молодая женщина была в длинном платье с глубоким вырезом на груди и голубом жакете, ее личико скрывала широкополая шляпа с вуалью. Она что-то сказала шоферу, вышла из машины и застучала каблучками по мостовой, направляясь ко входу в кафе.

Прозвенел колокольчик у двери, молодая женщина вошла в маленький зал и сразу увидела Вольфа, сидящего за столиком в дальнем углу. В зале находилось еще с десяток столиков, которые были пусты, за исключением крайнего, у окна. Там сидела пожилая черноволосая женщина. Она курила сигарету, перед ней стоял стакан с абсентом.

У стойки бара на высоких стульях сидели два пожилых господина – перед ними стояли недопитые бокалы с темно-красным вином.

Молодая женщина подошла к Вольфу, присела за стол и решительно заявила:

– Меня зовут Анна Фогт... – Она улыбнулась, обнажив ряд сверкающих белизной зубов. – Остальное вы, я уверена, уже знаете.

– Почему вы так решили? – усмехнулся Вольф.

– Ну как же? Вы же видите человека насквозь... его прошлое... настоящее... и даже будущее. Разве не так? Или вы действительно ловкий иллюзионист? Шарлатан?

– Наверное, ни то и ни другое... Кое-что я о вас уже знаю...

– Замечательно, – коротко рассмеялась Анна. – Я правильно решила – с вами будет ужасно интересно. Так что же вы уже обо мне знаете?

– Вы жена очень богатого человека. Если не ошибаюсь, господин Фогт – крупный промышленник. Сталь и алюминий. Входит в

финансовую группу господина Круппа, – медленно и спокойно произнес Вольф, глядя на женщину. – Я не ошибся?

– Потрясающе... – восхищенно прошептала Анна, улыбаясь и качая головой.

– Перестаньте, – вновь усмехнулся Вольф. – Как только вы назвали свою фамилию, я сразу вспомнил все, что читал в газетах о промышленнике Фогте. А пишут о вашем муже много – один из германских богов войны... Баснословное состояние, влияние, власть...

– Это все про мужа... – перебила его Анна. – Мне бы хотелось, чтобы вы сказали про меня... – Она повторила многозначительным шепотом: – Про меня... господин Мессинг...

– Что же вы хотите знать о себе? Разве вам мало того, что вы знаете сами?

– Мало, господин Мессинг, очень мало... Да и кто из людей знает о себе много? Скорей всего, ничего... Еще Сократ сказал: “Я знаю, что ничего не знаю”. Ведь правда же? Ну скажите...

– Так ведь Сократ уже сказал, – засмеялся Вольф.

Подошел официант, молодой парень в белой рубашке, вопросительно уставился на Мессинга.

– Божоле, пожалуйста, – сказал Вольф и взглянул на Анну. – Вы именно божоле хотели?

– Именно божоле... – с улыбкой подтвердила Анна. – Потрясающе... вы умеете читать чужие мысли?

– Иногда получается. Эти мысли прочесть нетрудно...

Официант принес на подносе бокал темно-красного вина, поставил его перед Анной и ушел.

– А какие трудно? – тут же спросила Анна. Она буквально атаковала вопросами, улыбалась и смотрела ему прямо в лицо миндалевидными, прозрачно-зелеными глазами, в которых плясали чертики.

Вольф опустил глаза, и Анна тихо рассмеялась:

– Вы похожи на моего старшего сына. Ему всего двенадцать лет, но вы застенчивы, точно как он.

– У вас нет детей, зачем вы говорите неправду? – тихо произнес Вольф.

– Вы правы. Это дети первой жены моего мужа, но я их люблю ничуть не меньше, чем родная мать, – ответила Анна и вдруг

перегнулась через стол, спросила участливо: – Вы обиделись на меня, мсье Вольф?

– Н-нет... – Он вновь поднял на нее взгляд.– Япросто прочитал ваши мысли...

– И что скажете? – Она откинулась на спинку стула, взяла бокал и отхлебнула глоток вина, не сводя глаз с Вольфа.

– Мужа не боитесь?

– А вы? – спросила в свою очередь Анна и рассмеялась, глядя прямо ему в лицо. Вдруг перестала смеяться, вновь перегнулась через стол и прошептала: – Мсье Вольф, а вы очень красивы, вы знаете об этом?

– Вы ошибаетесь, Анна...

– Нет, нет, вы похожи на художника с Монмартра... или на молодого Веласкеса... А я красивая? Как по-вашему? – она выпрямилась на стуле, чуть сдвинула шляпу на затылок, приняв эдакий бесшабашный вид, и залихватски подмигнула. – Ну, что скажете?

– Вы красивы... даже очень... – смутившись, ответил Мессинг.

– Тогда читайте мои мысли дальше... читайте, мсье Вольф, читайте... – Улыбка змеилась по ее губам, в зеленых глазах вспыхивали искорки...

Автомобиль привез их к небольшому отелю на окраине города. Уже сгустились вечерние сумерки. Из автомобиля первым выбрался Вольф, за ним вышла Анна. Вольф успел подать ей руку. Женщина надвинула шляпу на глаза и опустила темную вуаль.

Шофер, застыв словно изваяние, остался сидеть в автомобиле.

Анна и Вольф вошли в отель. Звякнул колокольчик, и дверь за ними закрылась...

...Небольшая керосиновая лампа-ночник освещала широкую кровать, смятые простыни и два обнаженных, переплетенных друг с другом тела – женщины и мужчины. Слышались тихие стоны, всхлипывания и горячий шепот:

– О, Вольф... о, милый... о, мой божественный Вольф...

* * *

Шофер сидел в автомобиле и курил папиросу, поглядывая на одно из освещенных окон на втором этаже отеля. Из дверей время от времени выходили парочки... другие парочки заходили внутрь. Звякал колокольчик, хлопала дверь. Тусклый газовый фонарь светил над входом.

Шофер докурил папиросу и выбрался из машины, прошел через тротуар к двери в отель. Он вошел внутрь. В баре было пусто. Пожилой господин дремал за столиком в углу. Перед ним стоял бокал с недопитым вином. Бармен, смуглый парень в белой рубашке и расшитой золотой арабской вязью жилетке, протирал стаканы. Шофер что-то буркнул ему и уселся на высокий стул. Бармен налил в бокал вина, поставил на стойку. Шофер отпил большой глоток, огляделся...

Они лежали обнявшись, едва прикрытые смятой простыней. Анна гладила, перебирала пальцами его спутанные длинные волосы.

– Ты думал обо мне? – спросила Анна.

– Конечно... все время...

– И мысленно внушал мне на расстоянии, чтобы я написала тебе, – усмехнулась Анна.

– Нет. Никогда, – решительно ответил Вольф. – Ты думаешь, я на это способен?

– Мужчины все негодяи. – Она поцеловала его в губы.

– Я просто все время думал о тебе... и очень хотел написать, пригласить на свидание.

– Отчего же не написал?

– Ты меня опередила... Я скоро уеду из Европы, – проговорил Вольф. – Мы поплывем в Америку... Хочешь, поплывем вместе?

– Бежать от мужа? – усмехнулась Анна. – Дорогой мой, это невозможно...

– Почему?

– Ты женишься на мне? – Она посмотрела ему в глаза.

– Конечно... – Он прижал ее к себе, поцеловал шею, щеку, губы.

– Я католичка и развестись не могу... и если муж узнает о моих увлечениях... – Она многозначительно замолчала.

Вольф спросил:

– А если твой шофер ему скажет?

– Никогда. Муж вышвырнет его на улицу – а у него такое жалованье, какое не снилось даже хозяину этого отеля. Но, мой милый Вольф, ты не сможешь содержать меня.

– Почему же? Я буду гастролировать и неплохо зарабатывать.

– Знаешь, сколько стоит автомобиль, на котором мы сюда приехали? – усмехнулась Анна. – Двести тысяч марок...

– А без такого автомобиля ты не сможешь жить?

– Не смогу... и без драгоценностей не смогу... без прислуги... без путешествий, без праздника я жить не смогу... – улыбаясь, проговорила Анна.

– Понимаю, ты очень дорогая женщина, – натянуто улыбнулся Вольф.

– Нет... – Она поцеловала его в кончик носа. – Я ужасно дорогая женщина... Я ведь тоже скоро уезжаю... в Германию – там дом... дети... семейная жизнь...

– Для тебя это будет самым тяжелым испытанием, – снова улыбнулся Вольф. – Долго ты не выдержишь и сбежишь...

– Куда же, интересно?

– Не знаю...

– С кем же, интересно? – кокетливо проворковала Анна.

– С новым возлюбленным, – ухмыльнулся Вольф. – Может быть, даже и со мной...

– Ах ты-ы... прорицатель... – Она обняла Вольфа и почти впилась губами в его губы. Ее темные волосы упали ему на лицо, и обнаженные тела сомкнулись и переплелись, и вновь послышался тихий стон женщины...

Шофер Анны сидел на высоком стуле за стойкой бара, и перед ним стояли уже три пустых бокала. Шофер курил папиросу, бармен меланхолично протирал бокалы. Затренькал телефонный аппарат, стоявший на полке под стойкой. Бармен снял трубку, выслушал и ответил:

– Да, мадам. Сию минуту, мадам... – Он положил трубку и с улыбкой взглянул на шофера. – Твоя хозяйка вина требует.

– Чтоб ее черти взяли, сколько они там еще кувыряться будут? – мрачно пробурчал тот. – Тогда и мне еще налей...

Бармен налил в бокал, стоявший перед шофером, вина, усмехнулся:

– Она у тебя мужиков меняет, как перчатки... любвеобильная дамочка, даром что немка...

– У меня? – тоже усмехнулся шофер. – Да еслиб у меня такая была, я б ее придушил давно.

Бармен достал поднос, поставил на него бутылку, два бокала, налил в стаканы сок из высокого графина, тоже поставил на поднос и вышел из-за стойки.

У тротуара напротив отеля, почти вплотную к машине, на которой приехали Анна и Вольф, с визгом затормозил еще один автомобиль, крытый, с небольшими боковыми окнами. Дверцы с обеих сторон открылись, оттуда выскочили двое молодых людей в темных костюмах и шляпах и быстрым спортивным шагом направились в отель.

Они прошли мимо бара, и шофер, сидевший за стойкой, вздрогнул, увидев их, и со страхом посмотрел им вслед. Молодые люди быстро поднимались по лестнице.

Из машины, стоявшей у отеля, выбрался третий пассажир среднего возраста, в легком пальто из тонкой шерсти, повязанный белым шарфом, в котелке и лакированных ботинках.

Он медленно направился к двери в отель.

Молодые люди остановились перед дверью в номер, и один, повыше ростом, громко постучал. Никто не отозвался. Тогда он отошел на два шага и с размаху саданул ногой в дверь. Звякнула сорванная щеколда, дверь распахнулась, и тут же из глубины номера, освещенного лампой-ночникком, раздался женский крик.

На кровати лежали Анна и Вольф, едва прикрытые смятой простыней. Вольф вскочил и, как был голый, бросился с кулаками на молодых людей. Парень повыше с ходу ударил Вольфа в челюсть. Тот только ойкнул и рухнул на пол.

– Одевайтесь, мадам, – сухо проговорил второй молодой человек. – Герр Пауль ожидает в машине.

– Негодяи... шпионы... – с ненавистью прошептала Анна, торопливо одеваясь.

Вольф приподнялся на полу, сплюнул кровь изо рта. И в это время в номер медленно вошел Пауль Фогт. Он окинул спокойным взглядом

комнату, подошел к сидевшему на полу голому Вольфу. Молча постоял над ним.

Между тем Анна оделась, встала у окна и проговорила дрожащим голосом:

– Я никуда не пойду. Я не хочу с вами никуда идти. Слышите? Вы мне осточертели! Я ненавижу вас! Никуда. С вами не хочу!

Молодые люди молча подошли к Анне, крепко взяли ее под руки с обеих сторон и почти вынесли из номера. Носки туфель женщины едва касались пола.

Они остались в номере одни. Фогт помолчал, глядя, как Вольф медленно поднимается. Потом сказал холодно и размеренно:

– Если я еще раз узнаю, что вы встречались, вам никакая телепатия не поможет, господин Мессинг. Я просто уничтожу вас... Физически... – Фогт повернулся и медленно пошел прочь. В дверях он остановился. – Вы, кажется, собираетесь уехать... далеко из Европы... Это для вас был бы наилучший выход. Видите, я тоже умею читать чужие мысли... – Он захлопнул дверь номера, из коридора донеслись громкие твердые шаги...

Вольф появился дома под утро. Он прошел через прихожую и хотел было идти к себе в комнату, но увидел, что дверь в гостиную приоткрыта. Оттуда пробивалась полоска света. Вольф подошел и заглянул внутрь.

За столом сидели доктор Абель, Лева Кобак и незнакомый господин в белой рубашке и серой жилетке. Его пиджак висел на спинке стула. Судя по сервировке, здесь сидели давно, но пили исключительно кофе – на столе большой серебряный кофейник, чашки, вазочки с сушеными фруктами. Пепельница переполнилась окурками, и во рту у доктора Абеля дымила очередная папироса. Он первым увидел вошедшего Вольфа, и папироса едва не вывалилась у него изо рта.

– О-о, не успело наступить утро, а вы уже дома, милейший друг! – протянул Абель и, приглядевшись к кровавой ссадине в углу рта Мессинга, добавил: – Наконец-то вы превратились из юноши в мужчину... Кто же вас так отделал? Бьюсь об заклад, муж вашей возлюбленной застал вас врасплох!

Вольф подошел к столу и поздоровался с незнакомым мужчиной:

– Добрый вечер... вернее, утро... Я – Вольф Мессинг.

– А я – Цельмейстер, господин Мессинг. Питер Цельмейстер, доктор психологии. Импресарио. Много слышал о вас, не раз бывал на ваших представлениях и весьма рад познакомиться.

– Между прочим, Питер ждал тебя всю ночь. Мы ведро кофе выпили, – сказал Абель.

Вольф сел за стол, налил в чистую чашку остывший кофе, выпил и потрогал разбитую губу. Все молчали, глядя на него. Абель затушил папиросу.

– Вы говорили, нам надо уезжать из Европы, доктор? – проговорил Вольф. – Я с вами согласен. И чем скорее, тем лучше.

И тут доктор Абель громко захохотал, откинув назад голову и указывая пальцем на Вольфа.

– Чему вы смеетесь, доктор? – обиженно спросил Вольф.

– Байрон от несчастной любви уехал в Грецию! Сражаться за свободу греческого народа! – сквозь смех выговаривал Абель. – А вы... а вы... в Америку... Не далековато ли?

– При чем тут Байрон? При чем тут несчастная любовь? Вы что, издеваетесь надо мной? Вы же сами говорили, что из Европы надо уезжать, и как можно скорее, разве не говорили?

Абель перестал смеяться, медленно поднялся, прошел к секретеру, достал из ящика пачку билетов, вернулся к столу и бросил их перед Вольфом.

– Пожалуйста, дорогой мой Вольф. Билеты железной дорогой до Марселя. А оттуда океанским лайнером – в Рио-де-Жанейро. Роскошное путешествие. – Абель сел, закурил еще одну папиросу. – Прощай, Европа, здравствуй, Америка. Ура, Вольф, ура!

Вольф растерянно рассматривал билеты. Питер Цельмейстер смотрел на него с умильным выражением лица, потом переглянулся с Кобаком, затем с Абелем и снова уставился на Вольфа Мессинга.

– Одно небольшое обстоятельство, дорогой Вольф, – после паузы проговорил Абель. – В это путешествие вы отправитесь без меня.

– Как без вас? Что вы говорите, доктор? Как без вас?

– Очень просто. Вот Питер Цельмейстер – доктор психологии и профессиональный импресарио, человек в высшей степени порядочный, это мое личное поручительство. Надеюсь, вы ничего не имеете против этого человека?

– Да нет, конечно... – Вольф взглянул на Цельмейстера. – Но...

– А у меня все же семья есть, дорогой Вольф. – Абель поднял вверх обе руки. – Я все эти годы видел жену, дочь и сына от случая к случаю... И я хочу вернуться к своей медицинской практике. В общем, я хочу обратно в Варшаву... честно говоря, устал общаться с ними при помощи писем... да и вы мне порядком надоели... Все! Я хочу в родную Варшаву...

– Я вас понимаю, доктор... – негромко произнес Вольф. – Я вам благодарен на всю жизнь... Если бы вы не нашли меня тогда в морге...

– Э-э, оставьте вы эти сантименты, Вольф, не люблю... – поднял руку Абель. – Пожелаем друг другу удачи – этого достаточно...

*Варшава, 1939 год,
немецкая оккупация*

Поезд прибыл на Варшавский вокзал, и пассажиры быстро заполняли перрон, торопясь выйти в город. У здания вокзала в разных местах маячили фигуры немецких солдат с автоматами. Над крышей вокзального здания развевался красный флаг с черной свастикой.

– Мимо патруля пойдете отдельно. Когда три человека вместе, они сразу прицепятся, – тихо сказал Цельмейстер. – Я пойду первым. Вольф, ты за мной... только на расстоянии...

Так они и пошли, держась друг от друга метрах в пяти-шести. У высоких дверей стояли трое солдат и фельдфебель. Солдаты рыскали глазами по сторонам, быстро ощупывая взглядами проходящих. Фельдфебель курил и смотрел прямо перед собой.

Надвинув шляпу на глаза, Цельмейстер спокойно прошел мимо солдат и вышел на привокзальную площадь.

Следом шел Мессинг. Он тоже надвинул поглубже шляпу и опустил глаза, глядя под ноги. Лева Кобак с тревогой следил за ним и за солдатами.

Вот один из солдат заметил в толпе Мессинга, какое-то беспокойство мелькнуло в его глазах, что-то в облике Мессинга показалось ему знакомым, но тут другой солдат окликнул его, и первый отвлекся, кивнул, достал из кармана зажигалку и протянул товарищу. Тот прикурил и вернул зажигалку. Мессинг в это время уже прошел мимо них и вышел на площадь.

Когда мимо солдат проходил Лева Кобак, фельдфебель узрел среди пассажиров подозрительного мужчину в черном плаще и темной шляпе и что-то резко приказал солдатам. Двое стремительно шагнули к мужчине, и один загородил дорогу, вскинул автомат:

– Аусвайс!

Мужчина вздрогнул, остановился, со страхом глядя на солдат, медленно полез во внутренний карман плаща. Потом взглянул в глаза солдату и вдруг выхватил пистолет и выстрелил ему прямо в грудь. Второй солдат нажал спусковой крючок автомата. Выстрел и автоматная очередь прозвучали почти одновременно, и почти одновременно упали солдат и мужчина в черном плаще. Потом раздались крики других солдат – они со всех сторон бежали к месту происшествия, стреляя вверх голов. Люди шарахались в стороны, многие падали на землю, закрывая руками головы.

– Идемте. Быстрее, – вполголоса проговорил Цельмейстер и быстро пошел с площади, сворачивая за угол.

Мессинг и Кобак поспешили следом за ним.

Стоял полдень, но улицы были пустынные, редкие прохожие торопились пересечь открытое пространство, опустив головы, скрывались в подъездах, в небольших магазинчиках.

Рева моторами, по улице то и дело проносились мотоциклы с автоматчиками, грузовики с солдатами в кузовах, черные “опели” и “майбахи” с офицерами. Один из “майбахов”, вероятно, вез крупное начальство. На его номере красовалась свастика, впереди машины шел мотоцикл охраны, и за машиной тоже ехал мотоцикл с двумя автоматчиками.

И вдруг “майбах” протяжно засигналил и резко затормозил. Передний мотоциклист услышал сигнал, но успел проскочить довольно далеко и тут же стал разворачиваться. Задний мотоцикл затормозил вплотную к автомобилю. А сам автомобиль остановился почти рядом со спешившими по улице Мессингом, Цельмейстером и Кобаком.

Передняя дверца “майбаха” распахнулась, и на мостовую выбрался человек средних лет, в черном эсэсовском мундире с серебряными погонами штандартенфюрера и в черной фуражке с черепом и костями на тулье. Он улыбался и, раскрыв объятия, двигался к Мессингу. Вольф с ужасом узнал в офицере Генриха Канариса.

Мессинг, Цельмейстер и Кобак остановились, смотрели на Канариса, словно парализованные.

– Пан Мессинг! Дорогой мой! А я вас по всей Европе ищу! Вот уж никак не думал встретить вас в Варшаве! Все же я везучий человек, пан Мессинг!

Он подошел вплотную к Мессингу, резко обнял его и похлопал руками в перчатках по спине и плечам. Мессинг демонстративно отстранился, поправил пальто.

– О, и пан Цельмейстер здесь! И пан Кобак, если не ошибаюсь. Ну ладно, с вами потом, господа. – Канарис вновь уставился на Мессинга, продолжая улыбаться. – Вы наверняка знаете, что фюрер назначил награду за вашу жидовскую голову? Сто тысяч марок, Мессинг, сто тысяч! И я их получу! Повезло, ничего не скажешь, крупно повезло! Что вы так страшно на меня смотрите, Мессинг? Вы же помните: ваши чары на меня не действуют... У меня психика крепче вашей!

– Я рад за вас, – сказал Мессинг. – Хотя, насколько помню, вам всегда не везло... вы и играть по-настоящему никогда не умели.

– Да-да, я помню, как вы помогли мне. И поверьте, сердце мое до сих наполняет чувство благодарности, – продолжал улыбаться Канарис.

– И арестуете нас исключительно из чувства благодарности, – усмехнулся Мессинг.

– Я должен арестовать вас, пан Мессинг, ибо есть приказ о вашем аресте, – развел руками Канарис. – А я – солдат, и для меня приказ выше всяких личных чувств.

В это время Цельмейстер, стоявший чуть в стороне и слушавший разговор, вдруг рванулся и стремительно побежал по улице к ближайшей подворотне. Солдаты растерянно смотрели ему вслед. Разговор начальника с Мессингом притупил их бдительность. В следующую секунду сорвался с места и побежал Лева Кобак.

– Стреляйте, болваны, что рты разинули?! – заорал Канарис и сам выдернул из кобуры вальтер, стал стрелять. Следом за ним, почти одновременно, нажали спусковые крючки автоматов солдаты.

Первым рухнул, сраженный едва ли не десятком пуль, Лева Кобак. Он был убит мгновенно. Кобак упал лицом вниз, вытянув вперед руки, словно хотел продолжить бег.

Цельмейстер почти добежал до спасительной подворотни, но пули достали и его. На бегу он споткнулся, ударился всем телом и лицом о булыжник и замер.

Мессинг проглотил сухой ком в горле – кадык дернулся вверх-вниз, резче обозначились морщины и глубокие складки вокруг рта. Его большие черные глаза странно блестели, словно в них набухали слезы.

– Примите мои соболезнования, пан Мессинг, но ваши друзья совершили глупейший поступок, – проговорил Канарис. – Разве можно убегать, когда тебя арестовали? Надеюсь, вам такая мысль в голову не пришла? Прошу вас, пан Мессинг. – Канарис шагнул к машине и открыл заднюю дверцу “майбаха”.

Мессинг прошел к машине, сел. Канарис захлопнул дверцу и занял место впереди, рядом с водителем. Автоматчики расселись по коляскам мотоциклов, и через секунду кавалькада тронулась, ревя моторами.

Мессинг оглянулся и через заднее стекло успел увидеть лежащих на булыжнике Цельмейстера и Леву Кобака.

Машина мчалась по опустевшей Варшаве. Канарис все время что-то говорил, оборачивался к Мессингу, улыбался и говорил, говорил... но Мессинг не слышал голоса, только ненавистное лицо маячило перед глазами...

*Где-то у берегов Южной Америки,
1918 год*

Февраль 1917 года. Революция в России...

Невский проспект запружен демонстрантами. Казаки обнимаются с участниками массовых шествий... В руках у людей трехцветные знамена... плакаты с лозунгами “Долой самодержавие!”, “Да здравствует демократическая Россия!”... Играют духовые оркестры...

Из тюрем выпускают политических заключенных, толпа радостно приветствует их, люди обнимаются, целуются...

На Восточном фронте братание немецких и русских солдат... На Западном фронте продолжаются позиционные бои... Артиллерия, залп за залпом, посылает смертоносные снаряды на позиции противника...

Англичане применили новый вид современного оружия – танки... Тяжелые бронированные коробки, переваливаясь на ямах, беспрестанно стреляя из пулеметов и башенных орудий, ползут по полю на позиции немцев... За танками бегут солдаты...

Белоснежный пятипалубный океанский лайнер, казалось, застыл на неподвижной глади океана. На западе тянулись тоненькие полоски красноватых от заходящего солнца облаков.

На лайнере было все необходимое, чтобы богатые пассажиры не заскучали во время долгого пути, – бассейны с изумрудной морской водой, многочисленные бары и рестораны, где пила и веселилась разодетая, сверкающая драгоценностями публика. Разумеется, не обошлось и без казино с рулетками и карточными столами, там тоже собиралось множество пассажиров. В игре солидные ставки, и унизанные перстнями пальцы мужчин и женщин слегка подрагивали, располагая на клетках зеленого поля стопки фишек, а глаза не отрываясь следили за тем, как скачет по вращающейся цветной рулетке шарик...

Среди игроков, столпившихся вокруг игорного стола, находился и господин Генрих Мария Канарис. Он проигрывал. Вот он сделал очередную ставку, подвинув стопку фишек на зеленое поле с номером 27. Шарик рулетки весело побежал по желобку и замер на цифре 25. Лицо Канариса напряглось, а губы зашептали беззвучные проклятия.

Крупье улыбнулся, предлагая делать новые ставки. Вновь к игорному полю потянулись руки – молодые и совсем старческие, с набухшими венами и узловатыми пальцами, с дорогими кольцами и браслетами.

Канарис, опустив голову, побрел прочь из игорного зала...

На средней палубе лайнера располагался ресторан, служивший также залом для выступлений, и там давал представления Вольф Мессинг. У входа были развешаны большие афиши, на них – улыбающийся Мессинг и надпись крупными буквами: “ЧИТАЕТ МЫСЛИ, УГАДЫВАЕТ ЖЕЛАНИЯ, ВИДИТ БУДУЩЕЕ”.

Генрих Канарис остановился перед афишей, долго смотрел на веселое и довольное лицо Мессинга, затем медленно вошел в зал.

По залу были разбросаны десятка три столиков, за которыми по двое, трое и четверо расположились пассажиры. Дамы и господа

щеголяли вечерними туалетами – атласные длинные платья с глубокими декольте, колье и серьги, фраки, смокинги и ослепительной белизны рубашки. Представление уже началось, и все взоры были обращены в глубину зала, где на небольшой сцене стояли Мессинг и Цельмейстер.

– Дамы и господа! – ослепительно улыбаясь, вещал Цельмейстер. – Продолжим наши увлекательные развлечения...

В зале раздались жидкие хлопки.

– Господин Мессинг, вы можете ненадолго уйти со сцены, – громко предложил Цельмейстер.

Мессинг прошел через весь зал и остановился в противоположном конце, лицом к стене и спиной к зрителям и сцене. Пассажиры с любопытством смотрели на него. Вольф стоял неподвижно.

– А теперь я попрошу вас, уважаемые дамы и господа, поучаствовать в следующем эксперименте. Желающие могут подняться на сцену и положить вот на этот столик какую-нибудь драгоценность, надетую на них или лежащую у них в карманах, и вернуться на свои места. За сохранность своих вещей можете не волноваться – они будут вам немедленно возвращены. Каждому персонально! И сделает это наш маг и волшебник Вольф Мессинг!

В зале воцарилась тишина, раздались отдельные смешки, потом мужской голос спросил:

– А если не вернет?

– Куда же он денется, господа? – улыбался Цельмейстер. – Мы же на одном корабле плывем! Все вместе в бескрайнем океане! И вам ведь хочется интересно скоротать время? Тогда смелее!

В зале засмеялись, захлопали, но на сцену выйти никто не торопился. Многие то и дело оглядывались на неподвижную фигуру Мессинга, стоявшую спиной к залу.

– Так, понятно, глухая стена недоверия. Вот так народы Европы не доверяют своим правительствам... А мы вот что сделаем, – вдруг обрадовался Цельмейстер. – Мы попросим капитана – вон он сидит у самой стены – выделить нам двоих матросов для охраны драгоценностей. Согласны, господа? Господин капитан! Прошу вас, окажите содействие!

Капитан лайнера действительно сидел у стены, под иллюминатором, в компании с первым помощником. Он улыбнулся, покивал и что-то сказал помощнику. Тот поднялся, оправил белоснежный китель с золотыми пуговицами и быстро вышел из зала ресторана. Среди публики вновь раздались смешки.

Первый помощник быстро вернулся в сопровождении двух матросов. Он что-то негромко приказал им, и они направились к сцене, поднялись на нее, замерли возле столика.

– Ну вот, дамы и господа, ваши драгоценности будут под надежной охраной. Кто желает участвовать в телепатическом психологическом эксперименте?! Прошу!

Наконец из-за столика поднялась высокая светловолосая дама, в длинном белом платье с глубоким декольте, и нетвердой походкой направилась к сцене. Цельмейстер предупредительно спустился, подал ей руку и поднялся по ступенькам вместе с ней.

Дама, улыбаясь, сняла бриллиантовое кольцо и положила на столик. Потом послала залу воздушный поцелуй. И зал ответил дружными аплодисментами. Лиха беда начало – к сцене уже направлялись двое господ в вечерних фраках. Один вручил Цельмейстеру большие золотые часы-луковицу на толстой золотой цепочке. Другой выложил золотую папиросницу, а потом похлопал матроса по плечу, дескать, смотри в оба.

А за ним уже поднимались новые желающие. Одна дама оставила на столике жемчужное ожерелье, другая сняла с себя серьги, подумала и добавила к ним большой черепаховый гребень. Третья отстегнула золотой браслет, украшенный дорогими камнями. Седоволосый господин расстался с толстым бумажником из крокодиловой кожи.

Последним поднялся на сцену Генрих Канарис, достал визитку и карандаш, затушевал карандашом надписи на карточке, начертил три восклицательных знака и положил визитку на столик рядом с драгоценностями.

– Достаточно, господа, достаточно! – громко проговорил Цельмейстер. – Вы обеспечили господина Мессинга работой до позднего вечера!

Цельмейстер выдержал паузу, пока все не расселись за своими столиками, потом громко произнес:

– Прошу вас, господин Мессинг!

Вольф повернулся лицом к публике, улыбнулся и быстро пошел к сцене.

Поднявшись, он остановился перед столиком, оглядел груды драгоценностей.

– Пожалуйста, господин Мессинг, верните эти вещи их владельцам, – громко сказал Цельмейстер.

Вольф, глубоко задумавшись, смотрел на украшения, сложенные на столике, потом поднял голову и уставился в зал, потом – снова на ценности.

Зрители молчали в ожидании, все взгляды были устремлены на Мессинга.

Вот он взял со столика жемчужное ожерелье, бриллиантовое кольцо и золотые часы-луковицу и, медленно сойдя со сцены, двинулся по залу. Он подошел к столику, за которым сидела белокурая дама в белом платье и положил перед ней бриллиантовое кольцо. Дама всплеснула руками:

– Боже мой, как вы догадались? Вы, наверное, подсматривали?

– Мадам, нетрудно догадаться, что это кольцо может принадлежать только вам.

– Но почему?

– Оно так к лицу вам. И никому больше, – галантно улыбнулся Вольф.

Сидевший с дамой за столиком господин в светлом фраке покачал головой:

– Вы умеете не только делать фокусы, господин Мессинг. Вы еще умеете говорить убийственные комплименты.

– Благодарю вас. – Вольф подошел к другому столу и положил перед господином в темном фраке золотые часы с цепочкой: – Кажется, это ваше...

– Сногсшибательно... – пожевал пухлыми губами господин.

А Вольф уже двинулся дальше и положил перед дамой жемчужное ожерелье.

Дама захлопала в ладоши:

– Браво, господин Мессинг, браво!

Вольф вернулся на сцену, собрал в горсть остальные драгоценности и теперь уже быстро перемещался среди зрителей, возвращая предметы роскоши владельцам. То и дело вспыхивали

аплодисменты, пассажиры смеялись, изумленно закатывали глаза, восхищенно аплодировали.

Последним Вольф подошел к Канарису. Он сидел один и курил сигару. Перед ним стоял бокал с коньяком и чашка с кофе.

– Возьмите, пожалуйста, вашу визитку, господин Канарис.

– О-о, фантастично! Как вы догадались? – улыбнулся Канарис.

– Не валяйте дурака, – негромко проговорил Мессинг. – Я ожидал, что встречу вас на корабле, и это, признаться, меня совсем не обрадовало.

Канарис хотел что-то ответить, но Вольф повернулся и пошел через зал к сцене. Его сопровождали аплодисменты.

Черная ночь спустилась на океанские воды. Гроздь ярких голубых звезд нависали совсем низко, казалось, протяни руку – и дотронешься до них. Яркой маленькой гусеницей полз по маслянисто-черной глади океана лайнер. Тихо и мощно работали двигатели, и едва уловимая дрожь передавалась всему громадному телу корабля.

Вольф стоял на палубе и, облокотившись о поручни, смотрел в темную бездну. Порывами налетал теплый ветер, внизу глухо шумели и шуршали сонные ночные волны. Временами во тьме вспыхивали фосфоресцирующие голубые огни.

В нескольких метрах от Вольфа к поручням прислонился еще один полуночник, тоже любующийся ночной гармонией воды и неба... По палубе время от времени проходили гуляющие пассажиры, те, кому ночью не спится. Слышались негромкие разговоры.

Неожиданно из полумрака вынырнул Генрих Канарис и остановился рядом с Вольфом:

– Добрый вечер, господин Мессинг.

Вольф покосился на него, не ответил и отвернулся.

– Напрасно вы так враждебны ко мне, – усмехнулся Канарис. – Мы с вами одного поля ягоды... Оба спасаемся бегством из Европы. Вы – от войны, а я – от долгов...

– Не вижу сходства, – сухо ответил Мессинг. – И у меня нет никакого желания разговаривать с вами.

– Напрасно. Я слышал, вы всегда приходите на помощь людям, попавшим в затруднительное положение. А я как раз именно в такое положение и попал... Проще сказать, я попал в беду.

– Проигрались? – покосился на него Вольф.

– Не то слово, господин Мессинг. Я разорен. Я – нищий. И еще огромные долги. Если мои кредиторы найдут меня – убьют без промедления.

Вольф снова покосился на него, но ничего не сказал. Канарис помолчал и заговорил снова:

– Я прошу вас спасти меня, господин Мессинг. Я не могу ничем вас отблагодарить, я могу только просить. Вы знаете, я ведь из хорошей семьи, я был богат, вернее, мой отец был богат. Я из старинного рода Канарисов из Баварии. У отца имелись большие земли, пивоваренные заводы, лесопилки, животноводческие фермы... несколько родовых замков... картины Гойи, Тициана... старинные гравюры, старинное серебро и прочее, прочее...

– И вы все это проиграли?

– Нет, не смог, – усмехнулся Канарис. – Подлый старик лишил меня наследства и все завещал моей младшей сестре. Мне он выделил мизерную часть, на которую я и должен был существовать. Но я проиграл все свое наследство дотла.

– На чем же вы разорились? На скачках? – спросил Вольф.

– И это тоже. А еще рулетка... и карты... Сначала мне чертовски везло. Я выигрывал везде! Стал богат, как Крез... Азарт пьянил, будоражил кровь, наполнял жизнь весельем и риском! Меня даже женщины интересовали постольку, поскольку мужчине нужна женщина. Но потом... судьба состроила мне отвратительную гримасу – я стал проигрывать... раз за разом... и в результате проиграл все... Стал брат в долг. Кредиторы давали. Верили – как же, молодой барон Канарис. Батюшка его несметно богат. И давали, давали... Пока не выяснили, что я нищий... – Канарис развел руками.

– Что и следовало ожидать.

– Я ведь барон Канарис... – Он опять усмехнулся, вынул из кармана золотую папиросницу, достал папиросу, прикурил и пыхнул дымом. – Нищий барон – смешно, правда?

– Смешно... – Мессинг пристально смотрел на него и молчал.

И вдруг словно вспышка молнии осветила его память... Поезд в Варшаву... вагон... тамбур... несчастный старик-контролер, стоящий перед открытой дверью... Вот он оборачивается, смотрит огромными

от ужаса глазами, бормочет: “Не надо... не надо”, а потом страшно кричит и прыгает в черную пустоту...

– Вы так ужасно смотрите на меня, господин Мессинг. Вижу, как вы презираете меня... и как ненавидите. Вы, наверное, были бы рады, если б я сейчас бросился в океан и утонул. Чувствую это по вашим глазам... – Канарис усмехнулся. – Но не брошусь. Ваши чары на меня не действуют, господин Мессинг... наверное, потому, что я очень плохой человек... или очень хороший. – Канарис язвительно скривился.

Мессинг промолчал.

– Вот Германия скоро проиграет войну, и тогда мой папаша может вконец разориться, – беспечно добавил Канарис.

– Вряд ли. Богатые и во время войны богатеют, и после. Нищими становятся только бедные, – возразил Вольф.

– Случится очередная революция, и бедные станут богатыми, – весело произнес Канарис.

– Сильно сомневаюсь.

– Вы меня удивляете, господин Мессинг.

– Чем же это?

– У нас схожие взгляды.

– Меня это совсем не радует, – резко ответил Мессинг и выпрямился. – Извините, но мне пора в свою каюту.

– Погодите, прошу вас, – почти умоляющим тоном заговорил Канарис. – Черт с ней, с Германией, и моим злобным батюшкой – я прошу вас помочь мне! Один только раз, господин Мессинг!

– Что один раз? – спросил Вольф, глядя на его искаженное страстью лицо.

– Выиграть! И я порву с этим навсегда! Я начну новую жизнь. В Монтевидео! Я забуду о своем прошлом! О скачках! О картах! О рулетке!

– Я не верю вам.

– Я говорю правду, господин Мессинг! Вы можете спасти мне жизнь. Неужели моя жизнь в ваших глазах ничего не стоит?

Вольф смотрел в его почти безумные глаза, и снова больно резануло память...

...Грохочущий вагон поезда... открытая дверь в тамбуре... и контролер держится за поручень, оглядывается назад, и на лице его

страх. Он смотрит в глубину вагона... И встречается с глазами Вольфа. И вот он срывается вниз со страшным протяжным криком... и грохот колес обрывает этот крик...

... – Хорошо, – сказал Вольф, глядя в глаза Канарису. – Я попытаюсь помочь вам. Но только один раз.

– Один! – с радостью воскликнул Канарис. – Один раз! И я буду благодарен вам всю жизнь!

В казино игра шла и поздней ночью. Крупье принимал ставки... вращалась рулетка, прыгал цветной шарик... рулетка медленно замирала... и шарик останавливался на черном поле... на красном поле... И вокруг стола толпились игроки – мужчины и женщины, молодые и совсем старики и старухи...

Вольф Мессинг и Канарис подошли к столу и молча наблюдали за игрой. Канарис нетерпеливо переминался с ноги на ногу, поглядывал то на Вольфа, то на игорное поле, то на рулетку. Наконец не утерпел и спросил вполголоса:

– Думаю, на число поставить, вы что посоветуете?

– Подождите... – так же тихо ответил Вольф, не сводя взгляда с крутящейся рулетки.

Канарис подозвал официанта и попросил принести кофе. Мессинг все стоял, словно окаменев, и смотрел то на рулетку, то на крупье – мужчину средних лет, в белой рубашке с черной бабочкой, с седыми висками и гладко зачесанными назад волосами. И вот взгляды Вольфа и крупье встретились, и словно молния промелькнула между ними. Они пристально глядели друг на друга, затем крупье опустил глаза. Игроки в это время делали ставки. Мелькали над игровым полем руки, слышались перешептывания, охи и вздохи. Кто-то вытирал мокрое лицо платком, кто-то пил кофе, кто-то – коньяк. Многие нервно курили папиросы, пуская над головами присутствующих кольца дыма.

Канарис маленькими глотками отхлебывал горячий кофе и от нетерпения чуть ли не дергал Мессинга за рукав.

– Самый большой выигрыш, как я понимаю, дает зеро? – тихо спросил Вольф.

– Да.

– Сколько у вас с собой денег?

– Всего? – со страхом посмотрел на него Канарис.

– Всего, всего... – нетерпеливо перебил Вольф.
– С собой у меня тысяча двести франков.
– Ставьте их на зеро.
– Вы с ума сошли, – вздрогнул Канарис. – Это самоубийство. Ни один игрок так не поступает.
– Ставьте на зеро, я вам говорю, – отчеканил Вольф.
– Вы хоть знаете, что зеро выпадает один раз на тысячу ставок? – сопротивлялся Канарис. – Я проиграю последние деньги. На что я буду существовать, Мессинг?
– Тогда я уйду. – Вольф сделал движение, чтобы отойти от стола, но Канарис схватил его за руку:
– Хорошо, хорошо... я иду на самоубийство, чтоб вас черти взяли. – Генрих достал бумажник, вытащил из него пачку банкнот и бросил ее перед крупье, продолжая бормотать. – И зачем я с вами связался, идиот... сам напросился, сам уговорил...
– Помолчите, – оборвал его Вольф.
Крупье пересчитал деньги и выдал Канарису фишки. Тот составил их столбиком и поставил этот столбик на зеро. Почти все игроки уставились на Канариса, во взглядах – изумление, недоумение, а многие смотрели на него, как на умалишенного.
Крупье запустил рулетку и бросил шарик. С тихим костяным стуком шарик запрыгал по желобку... Все медленнее и медленнее крутилась рулетка, все медленнее подпрыгивал шарик, и вот он совсем замедлил бег и... остановился на клетке “зеро”!
– Зеро... – тихим шепотом выдохнули игроки.
А крупье молча, странным взглядом поглядел на Вольфа, потом вздохнул и проговорил:
– Зеро. Поздравляю... – Лопаткой он сгреб фишки, расставленные по всему полю, в одну кучу и решительным жестом придвинул ее к Канарису, стоявшему теперь вплотную к столу. Потом крупье стал отсчитывать фишки, лежавшие перед ним. Он отделил весомую кучу фишек и опять придвинул их лопаткой к Канарису. Потом проговорил: – Сумма очень большая, у меня столько нет. Будьте любезны пройти в кассу. – С этими словами он протянул небольшой серебряный поднос, на который Канарис с лихорадочной торопливостью принялся складывать фишки.
Со всех сторон послышалось:

– Поздравляю... вы отчаянный игрок, мсье.....

– Примите поздравления. Вот уж действительно недаром говорят: риск – благородное дело. Я бы на такое не решился.

– Поздравляем, мсье... поздравляем, герр... поздравляем, мистер...

Канарис в ответ кивал, улыбался, лицо его покрылось испариной, а руки подрагивали. В сопровождении Мессинга он направился через зал к кассе, где стояли хозяин казино и средних лет мужчина в такой же, как у крупье, белой рубашке с бабочкой. Мужчина держал в руках поднос с двумя рюмками коньяку. Хозяин, толстый, пузатый человек во фраке, встретил Канариса улыбкой:

– Дорогой мой завсегдатай! Вы заслужили этот выигрыш! Настоящий игрок не ждет удачу, а бьет ее влет, как охотник дичь, – ележно проговорил он. – Вы настоящий стрелок, господин Канарис.

– Благодарю вас, благодарю... – Канарис отдал поднос с фишками в окошко кассы, где двое молодых людей стали их пересчитывать, и, повернувшись к хозяину, взял рюмку с подноса.

– Позвольте вам представить моего друга – господин Вольф Мессинг, маг, волшебник и иллюзионист!

– О-о! – выпучил глаза хозяин. – Очень много наслышан, но еще не был на вашем представлении – дела, как видите, не дают отлучиться ни на минуту. – Он взял рюмку с подноса и подал ее Вольфу.

– Благодарю вас... – ответил Вольф, принимая рюмку.

Человек с подносом метнулся к стойке бара, и бармен мгновенно налил еще одну рюмку коньяку.

– Вы еще повторите свое представление, не так ли? – спросил хозяин казино.

– Да, придется повторить. Слишком много просьб. Может быть, перед прибытием в Буэнос-Айрес...

– Обязательно буду, обязательно... Говорят, вы читаете мысли на расстоянии? Это что, телепатическая связь? Ведь животные обладают такой связью и передают друг другу сигналы на расстоянии. Я читал Дарвина...

– Да, в этом смысле мы мало отличаемся от животных, – улыбнулся Вольф и пригубил коньяк.

– Страшно интересно... обязательно приду посмотреть и поучаствовать, если позволите, – улыбаясь, говорил хозяин, глядя на Канариса.

Канарис в это время рассовывал пачки купюр по карманам. Он кивнул хозяину и взял под руку Мессинга, отводя его в глубь зала.

– Может, попробуем в карты?

– В карты? – Мессинг задумался. Казалось, что его тоже захватил азарт. – Ну давайте попробуем...

Они прошли в другой зал, где стояли около десятка карточных столов, вокруг которых тоже толпились игроки. На зеленом сукне лежали карты, фишки, денежные купюры.

Крупье одну за другой метал из колоды карты, на мгновение задерживался, бросая взгляд на игрока, сидящего за столом.

– Откройте еще две карты, – попросил игрок.

Крупье открывал одну за другой карты, коротко сообщал:

– Вы проиграли... Будете играть еще?

– Нет, благодарю... – Игрок шагнул в сторону, и перед крупье выросли Канарис и Мессинг.

– Новую колоду, – велел Канарис.

Крупье вскрыл новую колоду, не спеша стал тасовать карты. Взглянул на Канариса:

– Можно начинать?

– Да, пожалуйста...

– Кто играет? – спросил крупье. – Вы или этот господин?

– Я играю, – ответил Мессинг

Ловко тасуя карты, крупье посмотрел на Мессинга. И тот ответил ему долгим черным взглядом. Крупье поспешно отвел глаза, но через секунду, помимо своей воли, снова поглядел в глаза Вольфу. Движения его рук замедлились.

– Какова будет ставка? – спросил крупье.

– Тысяча франков. Я буду играть на джек-пот.

– Неразумно, – усмехнулся крупье. – Джек-пот бывает...

– Я знаю. Но сегодня у вас джек-пот еще не выходил, не так ли?

– Откуда вы знаете? – удивился крупье. – Вы же только что подошли.

– Мне так кажется, – ответил Мессинг. – Давай на джек-пот... Все остальные комбинации ваши. Дайте мне карту.

Крупье молча положил перед ним карту рубашкой вверх. Мессинг посмотрел, положил ее на стол, вновь посмотрел в глаза крупье:

– Дайте еще одну, пожалуйста...

Крупье замедлил движения рук и вовсе остановился. Пальцы сжимали колоду, а он смотрел в глаза Мессингу. Потом снова стал медленно тасовать карты. Остановился. Осторожно снял верхнюю карту, положил на стол. Мессинг взял ее и перевернул. Джек-пот!

Тихо ахнули стоявшие вокруг игроки. Раздались возбужденные голоса:

– Сегодня первый раз! При такой ставке – выигрыш сто тысяч франков! Колоссально!

– Говорят, он новичок? Зашел от скуки? Вот вам и от скуки – сто тысяч франков!

Крупье вытер пот со лба, достал из ящика чековую книжку, быстро написал на ней несколько цифр, расписался, затем стал суетливо убирать в ящик фишки, деньги и разбросанные по столу колоды карт.

– Прошу прощения, господа, игра на полчаса прекращается, – крупье посмотрел на Мессинга. – Пойдемте со мной, пожалуйста.

Втроем они пересекли зал и подошли к окну кассы. Внутри сидел здоровенный черноусый мужчина в белой, обтягивающей мускулистую фигуру рубашке. Крупье протянул в окно чек и проговорил:

– Сто тысяч франков. У меня такой наличности нет. Выплати, пожалуйста.

Кассир посмотрел на чек, кивнул и, открыв дверцу сейфа, стоявшего сбоку, стал доставать оттуда пачки банкнот и выкладывать их на стол. Крупье ушел, а Мессинг и Канарис терпеливо ждали. Глаза Канариса едва не вылезали из орбит, губы вздрагивали, на лице выступила испарина.

Крупье сложил пачки в кожаный коричневый портфель и подал его в окно со словами:

– Портфель потом отдайте палубному стюарду.

– Непременно, – улыбнулся Мессинг, забирая портфель.

И в это время к кассе подошел хозяин казино в сопровождении плечистого и тоже черноусого мужчины в черном костюме.

– Вас можно снова поздравить, мсье? – Он смотрел на Канариса. – И какова же сумма выигрыша?

– Сто тысяч франков, – ответил за Канариса кассир.

Лицо хозяина перекосила мгновенная гримаса злобы, но в следующую секунду он уже улыбался.

– Выиграл мой друг, – тоже улыбаясь, ответил Канарис. – Он играл в первый раз, а новичкам, как вы знаете, фантастически везет.

– Мсье Мессинг? – Хозяин повернулся к Вольфу, и вновь гримаса злобы исказила его лицо. – Людям вашей профессии мы запрещаем играть в казино.

– Какой профессии? – удивленно спросил Мессинг.

– Ну, то, чем вы занимаетесь... внушение мыслей на расстоянии, чтение чужих мыслей... Вы не имели права играть, поэтому нам придется аннулировать ваш выигрыш.

– Да кто же вам сказал, что я читаю чужие мысли? – вновь удивился Мессинг. – Я просто фокусник. Как говорят, вся моя тайна заключается в ловкости рук и внимательности. Никакого чтения чужих мыслей, поверьте... Я к картам даже не прикасался, банк держал крупье...

– И тем не менее, мсье Мессинг, я должен аннулировать ваш выигрыш, – повторил хозяин, и плечистый мужчина в темном костюме придвинулся к Мессингу и даже протянул руку, чтобы забрать портфель.

– Если вы аннулируете этот выигрыш, вы можете аннулировать и дальнейшую судьбу вашего казино, – нахмурившись, проговорил Мессинг и жестом отвел руку черноусого от портфеля. – Меня знают по всей Европе... и в Аргентине, в Буэнос-Айресе, меня тоже знают. Я буду гастролировать по приглашению мэра Буэнос-Айреса. И у меня в кармане приглашение от мэра Рио-де-Жанейро. Я сделаю заявление для прессы о вашем поступке – хозяин казино силой отобрал выигрыш у игрока-пассажира! Это неслыханно! Я пожалуюсь на вас мэру Буэнос-Айреса и мэру Рио-де-Жанейро. Не думаю, мсье, что после этого дела у вашего казино пойдут хорошо.

Лицо хозяина снова исказилось, словно от мучительной зубной боли. Он сделал знак черноусому, и тот отошел от Мессинга.

– Хорошо... – процедил хозяин. – Но я настоятельно прошу вас больше не появляться в казино.

– Будьте спокойны – не появлюсь, – ответил Мессинг, – тем более что до прибытия остались всего сутки.

Он повернулся и направился к выходу из зала. Канарис весело подмигнул хозяину казино и поспешил за Мессингом.

В узком коридоре у каюты Канариса они остановились. Мессинг молча вручил ему портфель и сказал:

– Держите. Надеюсь, это поможет вам выкарабкаться. И запомните: я помог вам первый и последний раз. Желаю здравствовать.

– Подождите, Мессинг. – Канарис крепко ухватился за ручку портфеля. – Я хотел бы поделиться с вами выигрышем. Возьмите свою долю – сорок тысяч франков, больше я дать не могу. Возьмете?

– Мою долю? – усмехнулся Мессинг. – Нет, не возьму. Я сыграл для вас. Для себя я не стал бы играть. Прощайте, мсье Канарис... – Мессинг пошел по коридору, но вдруг остановился. – Будьте осторожны. Мне кажется, хозяин казино задумал что-то нехорошее против вас.

– Не беспокойтесь, мсье Мессинг, – усмехнулся Канарис, открывая дверь своей каюты. – За такие деньги я смогу постоять... Хотя, простите, а не могли бы вы еще раз выручить меня?

– Каким образом? – пожал плечами Мессинг.

– Можно, я побуду до прибытия в порт в вашей каюте? Если я буду здесь, хозяин казино со своими молодчиками действительно может напасть на меня и отнять деньги. А то, чего доброго, меня выкинут за борт... Моя просьба не очень вас затруднит?

– Что ж, пойдете, – вздохнул Мессинг и пробурчал вполголоса: – Навязались вы на мою голову...

В большой просторной каюте Вольфа расположились Цельмейстер, Канарис и сам Мессинг. Хрипело и плевалось словами радио. Цельмейстер налил себе виски из бутылки, стоящей на небольшом столике, добавил лед из вазочки и закурил папиросу. Канарис маленькими глотками потягивал виски, потом отставил бокал и, вытащив из хрустальной вазы с фруктами яблоко, с хрустом откусил от него.

– Нет, я отказываюсь что-либо понимать в этой вонючей жизни. – Цельмейстер огорченно взмахнул рукой и отхлебнул виски. – Простите, Вольф, я тоже очень нуждаюсь в деньгах, и у меня много долгов. И у меня семья – жена и четверо детей, черт бы вас побрал! Почему вы для меня не сыграли в казино?

– Я же не знал, что у вас много долгов, – усмехнулся Мессинг.

– Нет, я понимаю, конечно, что гений сродни сумасшедшему, но не до такой же степени, дорогой мой! Выиграть кошмарную сумму денег и отдать ее первому встречному!

– Мы с господином Мессингом старые приятели, – сказал Канарис.

– А я, выходит, совсем новый приятель? – вытаращил глаза Цельмейстер. – Мне денег не нужно? Вы хоть бы поделились выигрышем, старый приятель! Захапали все денежки да еще у нас прячетесь!

– Не завидуйте, – ответил Канарис и отпил глоток виски. – Зависть – нехорошее чувство... Я предлагал господину Мессингу сорок тысяч, но он отказался.

– Что-о?! – завопил Цельмейстер. – Сорок тысяч? Отказался?! Да он в самом деле сумасшедший! – Цельмейстер залпом допил виски и тут же налил себе еще, бросив в стакан несколько кусочков льда. – Слышите, как вас там... Канарис? Давайте сюда сорок тысяч.

– Не дам. Вы-то здесь при чем? – набычился Канарис.

– Я – финансовый директор этого человека. – Цельмейстер ткнул пальцем в сторону Мессинга. – Вы хоть знаете, что он находится на стадии полного банкротства?

– Перестаньте, Питер, – улыбнулся Мессинг. – Мы скоро разбогатеем...

– Вы? Разбогатеете? Никогда! – категорически отрезал Цельмейстер, глотнул виски, поморщился. – Мой драгоценный Вольф, первое ваше выступление – в оперном театре. Это главный очаг культуры в столице Аргентины. И от этого выступления будет зависеть успех всего турне. Иначе вы останетесь нищим до конца дней своих! Я не ясновидящий, но в этом почему-то уверен!

– У господина Мессинга все будет отлично, – улыбнулся Канарис и откусил от яблока.

Вольф молча вертел в пальцах стакан, задумчиво глядя в большой круглый иллюминатор, за которым плескалось море. В дверь резко постучали, и вошел Лева Кобак. Он был взволнован:

– Вы не слышали? Только что передали!

– Что же такого особенного передали, Лева? В Германии подешевела колбаса, а в Париже – вино?

– В Германии революция, Германия подписала капитуляцию. В Берлине беспорядки, стрельба, много убитых. Кайзер свергнут, – отрывисто выпалил Кобак.

– Н-да-а, вовремя мы дали деру из Европы... – глубокомысленно изрек Цельмейстер.

Мессинг встал, покрутил ручку настройки, но по-прежнему слышался лишь треск и неразборчивая мужская речь.

– Ну, хоть, слава Богу, эта проклятая война закончилась... – пробормотал Кобак и, подойдя к столику, налил себе виски, бросил два кусочка льда, встряхнул стакан. – Правда, другая началась... в России...

– С кем? – спросил Цельмейстер.

– Да черт разберет... гражданская война... свои со своими... и еще с Польшей... в общем, господа, начался вселенский бардак... и только нашему ясновидящему Вольфу известно, когда и чем эта новая война закончится. А, господин Мессинг, скажите, успокойте наши растревоженные души. – Кобак смотрел на Вольфа совсем не весело, а, скорее, с большой тревогой...

– Ничего, Америка далеко от Европы... – многозначительно проговорил Канарис. – Когда там все утрясется, я вернусь с миллионами в кармане!

– Мне кажется, вы вернетесь значительно раньше, – ответил Цельмейстер. – В тюремной каюте...

Канарис посмотрел на него и засмеялся. Он покрутил головой, продолжая смеяться, потом сказал:

– Вы хоть знаете, господа, что Аргентина сегодня самая богатая страна во всей Америке? Да, пожалуй, и во всем мире.

– Самая богатая? – недоверчиво спросил Лева Кобак.

– Да, да! Европа за время войны обнищала вдрызг, а здесь люди лопаются от денег. И знаете, на чем они разбогатели? На торговле мясом!

– Мясом? – опять недоверчиво переспросил Лева Кобак.

– Да-да, мясом! Так что тут есть чем поживиться – деньги лежат прямо на дорогах! – и Канарис снова засмеялся.

Мессинг по-прежнему молчал, задумчиво глядя в иллюминатор, за которым дышало безбрежное море.

В дверь каюты постучали, она открылась, и внутрь заглянул стюард, одетый в белый с золотыми пуговицами китель:

– Господа, прибываем в Буэнос-Айрес – лучший и самый красивый город в мире, – с лучезарной улыбкой доложил он.

Дверь закрылась. Канарис тут же поднялся, подхватил кожаный портфель, стоявший у его ног, тоже лучезарно улыбнулся:

– Благодарю вас, господин Мессинг. Не говорю: прощайте. Уверен, судьба обязательно сведет нас снова... даже если вам будущее видится по-другому, чем мне...

– А я говорю вам: прощайте, господин Канарис, – ответил Мессинг и повторил: – Прощайте и еще раз – прощайте.

– Прощайте, господа. Удачных и вам, и мне гастролей. – Канарис с улыбкой исчез за дверью...

Германия подписывает капитуляцию в Компьене... Представители Франции, Великобритании и Германии ставят свои подписи под документами...

Гражданская война в России... На трибуне с речью выступают Ленин... Троцкий... Свердлов... Буденный, ведущий в бой эскадроны Первой конной... Полки красноармейцев, уходящие на фронт...

Офицерские полки белых идут в атаку под барабанный бой... Иностранские газеты с портретами генерала Деникина и адмирала Колчака... Колчак в окружении офицеров... Мчатся казачьи сотни под царскими знаменами...

Революция в Германии, столкновения демонстрантов с полицией... Роза Люксембург и Карл Либкнехт выступают перед рабочими машиностроительного завода... Рабочие сражаются с регулярными войсками... мертвые люди на улицах Берлина...

Польша... Здесь разворачиваются боевые действия против Советской России... Маршал Пилсудский ораторствует на трибуне. Заголовки газет: “Я бил двуглавого урода раньше, теперь бью жидовскую красную звезду большевиков!”... Польская кавалерия на марше...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Буэнос-Айрес, 1918 год

Ярким солнечным днем пассажиры сходили по трапу в порту Буэнос-Айреса. Небольшая толпа встречающих пестрела букетами цветов и яркими одеждами.

Когда Мессинг в сопровождении Цельмейстера и Левы Кобака ступил на землю, его окружили с десятков журналистов. Вспыхивали магниевые огни, щелкали фотоаппараты.

– С прибытием в Аргентину, господин Мессинг!
– Благодарю вас, господа, я тоже очень рад увидеть Буэнос-Айрес.
– Как долго вы намерены пробыть в Аргентине?
– Это зависит от вашего гостеприимства.
– Сколько представлений вы намерены дать здесь?
– Это будет зависеть от того, будете ли вы хорошо посещать мои представления.

– Господин Мессинг, вы уехали из Европы, спасаясь от войны?
– Я уехал, спасаясь от злых людей...
– Кому из воюющих сторон вы сочувствовали в этой войне, господин Мессинг, – Антанте или Германии?

– Я сочувствую несчастным жителям всей Европы, которых обжег страшный пожар этой войны.

Фотоаппараты наперебой продолжали щелкать...

Тихо насвистывая незатейливую мелодию, Канарис вышел из порта и двинулся по узкой улочке. В руке он держал увесистый саквояж. Многочисленные магазины и магазинчики Буэнос-Айреса вели бойкую торговлю всевозможным товаром, пестрели разноцветные вывески, лотки ломились от фруктов и рыбы, вокруг сновали кричащие и улыбающиеся люди в цветастых одеждах.

Канарис свернул на другую пустынную улочку. Вдоль нее тянулись высокие глухие стены, под самыми крышами на брошенных из окна в окно веревках сушилось выстиранное белье. Канарис, оглядываясь по сторонам, быстро шел по улочке и вдруг увидел двух идущих навстречу мужчин в светлых костюмах и шляпах, надвинутых на глаза.

Канарис чуть замедлил шаги, но продолжал идти. Завел правую руку за спину, приподнял край пиджака – на спине из-за пояса торчала рукоятка пистолета. Канарис не замедлил шага. Он и двое мужчин постепенно сближались.

Выдернуть пистолет и выстрелить Канарис успел раньше. Противники еще только поднимали пистолеты, когда прогремели два выстрела. Оба мужчины грузно завалились на мостовую. Канарис подошел к ним, пригляделся, брезгливо пнул одного ногой и процедил:

– Поганый латинос... – и быстро пошел по улице.

Из одного окна высунулась полураздетая черноволосая женщина, глянула вниз и что-то испуганно прокричала.

Канарис ускорил шаги, потом побежал.

*Варшава, 1939 год,
немецкая оккупация*

Черный “майбах” и мотоциклы остановились у подъезда старинного здания с колоннами. У колонн стояли два автоматчика. Дальше широкая лестница вела к подъезду с большими дубовыми дверями, украшенными бронзовыми ручками с львиными головами. По бокам дверей несли караул еще два немецких солдата с автоматами.

– Прошу, пан Мессинг! – Канарис предупредительно распахнул дверцу, и Мессинг выбрался из автомобиля.

Он огляделся по сторонам и вновь наткнулся на улыбающуюся физиономию Канариса.

– Пойдемте, пан Мессинг, я устрою вас как нельзя лучше. – Канарис взял его под руку и почти насильно повел по ступенькам лестницы, на ходу обернулся к охране: – Ждите! Сейчас поедем!

Один из автоматчиков, унтер-офицер, козырнул:

– Слушаюсь, герр штандартенфюрер. – Солдаты повернулись и отошли к своим мотоциклам.

...Они шли по гулкому коридору. Мессинг впереди, Канарис сзади.

– Стойте, – скомандовал Канарис.

Мессинг остановился. Канарис толкнул дверь и положил руку на плечо Вольфа, направляя его внутрь.

Это была приемная перед кабинетом. За письменным столом сидел молоденький шарфюрер. При виде штандартенфюрера он поспешно встал.

– Вызывайте наряд. Обыскать и определить в одну из подвальных камер. В одиночную. Охрана строжайшая. Никаких мер воздействия не предпринимать. Завтра я им займусь лично. Все ясно?

– Так точно, герр штандартенфюрер, – козырнул секретарь.

– Кто меня домогался? – спросил Канарис.

– Звонил комендант города. Звонил командир танкового полка полковник Курт Швангер. Сказал, что у вас назначена встреча.

– Ах да, совсем забыл. В карты поиграть собирались. – Канарис стукнул себя ладонью по лбу. – Ладно, придется отложить.

Мессинг, услышав про карты, вдруг усмехнулся:

– Надеюсь, вы больше не будете просить меня отыграться за вас?

– А может, и попрошу! – ничуть не смутившись, улыбнулся Канарис. – Полагаю, вы не откажете? Выручите меня, как тогда... много лет назад... Явполне серьезно говорю вам: я все помню и до сих пор благодарен вам...

– Что здесь раньше было? – спросил Мессинг.

– Странно, что вы об этом спрашиваете, пан Мессинг, – усмехнулся Канарис. – Неужели не дошли своим внутренним взором?

– Польская контрразведка... – подумав, ответил Мессинг.

– Браво, пан Мессинг. Вы снова не ошиблись. Неужели доводилось раньше здесь бывать?

– Нет, не доводилось...

– Действительно, у вас уникальные способности. Недаром фюрер назначил за вашу голову награду в двести пятьдесят тысяч... Но теперь от меня ничего не зависит. Приказ есть приказ. Завтра мы увидимся и обо всем поговорим. – Канарис снова широко улыбнулся и вышел.

– Садитесь, – приказал шарфюрер и указал на кресло у стола.

Мессинг сел. Через секунду в кабинете появились два фельдфебеля. За ними вошли два солдата и встали у дверей.

– Встаньте. Снимите пальто, – приказал высокий рыжий фельдфебель.

Мессинг снял пальто. Рыжий передал его другому фельдфебелю, тот принялся методично прощупывать его длинными пальцами, потом вывернул карманы и после этого отложил пальто на кожаный диван. Мессинг все это время не сводил с него глаз.

Затем рыжий фельдфебель начал обыскивать самого Мессинга.

Потом два фельдфебеля снова вели его по длинному коридору мимо дверей с номерами. Шаги гулко отдавались под сводами. Рыжий крутил на пальце большую связку ключей, они позвякивали.

Навстречу им попались два таких же фельдфебеля и человек в окровавленной белой рубашке, с руками, заведенными за спину. Опустив голову, человек смотрел в пол.

Потом они спускались по лестнице... Один пролет... другой ... и снова коридор, бетонный пол, и снова – двери. Только теперь не деревянные, а железные с круглыми глазками.

Возле одной такой двери рыжий фельдфебель скомандовал:

– Стоять.

Мессинг остановился. Рыжий открыл дверь, снова скомандовал:

– Заходи.

Мессинг зашел, и дверь с железным грохотом затворилась. Лязгнул засов. Мессинг постоял, осматривая камеру – топчан в углу, под потолком тусклая лампочка, забранная пыльной решеткой, стены, выкрашенные бурой краской.

Мессинг прошел к топчану, лег, накрылся пальто и закинул руки за голову. Его остановившийся взгляд был устремлен на лампочку под потолком.

Буэнос-Айрес, 1922 год

Аргентинская публика отличалась от европейской прежде всего тем, что была одета роскошно. У мужчин и женщин на пальцах и шеях сверкали бриллианты такой величины, которые европейцы просто побоялись бы носить. И еще почти все мужчины щеголяли черными усами – пышными и тонкими, тщательно подбритыми и небрежно свисающими... Короче говоря, большинство латиноамериканских мужчин были смуглыми и усатыми, как и большинство женщин – необыкновенно красивыми, с огромными черными глазами и роскошными черными же волосами, в которых сверкали бриллиантовые и изумрудные броши и заколки. И убранство театра также изобиловало позолотой и драпировками из тяжелого красного и синего бархата. Все вокруг просто кричало о необыкновенном богатстве жителей Аргентины.

Цельмейстер красовался на сцене в блестящем белом смокинге и выглядел под стать разодетой публике. Мессинг, с длинными черными

волосами, в черном костюме, бледный и сосредоточенный, казался белой, то есть черной, вороной в этом нарядном и богатом обществе.

– Я хотел бы попросить четырех желающих выйти к нам на сцену и самим участвовать в психологическом опыте. Уверю вас, вашему удивлению не будет предела. Ваши честь и достоинство, сеньоры и сеньорины, не будет задето – более того, вы испытаете чувство настоящего восторга, когда сможете заглянуть в необъяснимые тайны психологии, в тайны человеческого мозга. Прошу вас, смелее, господа! – Цельмейстер застыл в полупоклоне.

В зале улыбались, негромко переговаривались, раздавались жидкие аплодисменты, но никто не желал выйти на сцену.

И вдруг со своего места вскочила высокая стройная девушка в белом с голубыми цветами платье, черноволосая, с сияющими черными глазами, смуглая и красивая. Зрители устремили взгляды на нее, а она так бесстрашно и обаятельно улыбнулась, что все дружно захлопали. Девушка стремительно направилась по проходу к сцене; казалось, она не шла, а летела, едва касаясь пола ногами в красных изящных туфельках. Она взбежала на сцену и остановилась, часто дыша; на открытой груди сверкало кольцо с бриллиантами и сапфирами. Только один человек в зале не хлопал, а смотрел на девушку с тревогой. Он был старше ее, с седыми висками и, как большинство мужчин, в темном блестящем смокинге, на пальцах рук – тяжелые перстни с драгоценными камнями. То ли отец, то ли богатый, в возрасте, любовник, то ли старый муж...

Взгляды Мессинга и девушки встретились. Глаза ее засияли, засверкали таким бесстрашным огнем, таким ожиданием чего-то необыкновенного, что Вольф улыбнулся ей, и девушка в ответ с готовностью улыбнулась, отчего стала еще красивее.

– Благодарю вас, сеньорина, что вы решились выйти к Вольфу Мессингу, – осклабясь и потирая руки, проговорил Цельмейстер. – Как видите, он совсем не страшный, и его можно не бояться, и даже наоборот.

В зале раздались смешки, снова захлопали.

– Есть еще желающие? Ну же, господа, неужели никто больше не хочет поучаствовать в психологическом эксперименте?

В зале поднялись еще двое: молодой человек в национальной южноамериканской куртке, расшитой золотыми узорами, в белой

рубашке с открытым воротом и широким алым поясом и мужчина средних лет в темно-сером костюме и черном галстуке.

Они медленно прошли по проходам зала к сцене, не спеша поднялись.

– Ну что же, господа, думаю, будет достаточно и троих. Как вы считаете, господин Мессинг?

– Вполне, – коротко ответил тот.

– Итак, господа и несравненная сеньорина, я предлагаю вам мысленно приказать исполнить нечто господину Мессингу. Какое-либо действие... ну, например, что-то взять... что-то поднять... что-то достать... короче говоря, что вам придет в голову, то и приказывайте. Мысленно. Беззвучно. А мы вместе с уважаемой публикой будем смотреть, как понял ваши приказы Вольф Мессинг. И вы сами, после того как приказы ваши будут выполнены, ответите, правильно ли он сделал или допустил ошибку... Вы поняли условия эксперимента, господа?

Молодой человек и господин средних лет молча кивнули.

– А вы, сеньорина? – спросил Цельмейстер.

– Я поняла, – просияла девушка.

– Тогда приказывайте... Мысленно...

Девушка и двое мужчин уставились на Мессинга, молчали, смотрели. И он глядел прямо на них, на каждого по очереди. Улыбнулся, взглянув на девушку, и тут же нахмурился.

– Вы приказали? – спросил Цельмейстер.

– Да, – ответил молодой человек в национальной куртке.

– Да, – подтвердил мужчина средних лет.

– Действуйте, господин Мессинг, исполняйте приказы.

Мессинг долго смотрел на мужчину, затем медленно пошел со сцены, спустился по ступенькам, прошел по проходу до третьего ряда и остановился, глядя на пожилого человека:

– Прошу прощения, сеньор, у вас в кармане пиджака лежит серебряный портсигар. Вы не дадите мне его на время?

Господин некоторое время чуть ли не со страхом пялился на Вольфа, потом полез в карман, достал портсигар и протянул его Мессингу.

– Благодарю вас. После окончания эксперимента вам его вернут. – И Мессинг медленно пошел на сцену.

Зал заворуженно ждал.

Мессинг поднялся на сцену, подошел к мужчине средних лет и протянул ему портсигар. Тот сначала даже отдернул руку, потом взял портсигар:

– Это... это необъяснимо... черт знает что... я действительно именно это и приказал, но как вы поняли? – Он посмотрел в зал, проговорил: – Дело в том, что я даже не знаю этого господина!

В зале уже громко переговаривались, затем дружно захлопали.

А Мессинг поднял руку, призывая к тишине. Зал затих. Мессинг повернулся вокруг своей оси, словно оглядывался, затем снова спустился со сцены.

Он прошел до шестого ряда, затем, беспрестанно извиняясь, двинулся вдоль него. Зрителям, сидевшим на своих местах, приходилось вставать, чтобы дать возможность Мессингу пройти. Почти все улыбались, что-то говорили. Зрители на передних местах поворачивались, чтобы увидеть, что происходит. А те, кто сидел сзади, тянули шеи и даже поднимались с кресел.

Мессинг остановился перед девушкой в ярко-желтом платье с глубоким декольте, на котором сверкало бриллиантовое ожерелье.

– Прекрасная сеньорина, я прошу прощения, но вынужден просить вас о необычном поступке. Не одолжите ли вы мне вашу левую туфельку? Ибо такова воля господина, который стоит на сцене.

– О-о! Какая глупость! – улыбаясь, воскликнула девушка и посмотрела на молодого человека, сидевшего рядом с ней. – Педро, клянусь честью, я его не знаю!

– Кого? – нахмурившись, спросил Педро.

– Того парня, который стоит на сцене.

– Потом поговорим, – сказал молодой человек. – Отдай господину Мессингу туфлю.

Девушка сняла с левой ноги туфлю и протянула Мессингу. В зале засмеялись, заплодировали. Мессинг взял туфлю, поклонился и стал пробираться вдоль ряда обратно к проходу.

Он вернулся на сцену и подал молодому человеку в расшитой узорами куртке золотистую узенькую туфлю. Тот рассмеялся, качая головой, и громко сказал, так, чтобы слышали в зале:

– Этот человек колдун! Я выбрал девушку случайно! Просто увидел ее в последний момент, когда подумал... Клянусь вам, он

колдун!

Мессинг развел руками и поклонился. В зале загремели аплодисменты.

– Вы рано пожинаете лавры, господин Мессинг, – громко проговорил Цельмейстер, перекрывая шум аплодисментов. – У вас остался еще один агент. Пожалуйста, выполните его приказание.

Вольф посмотрел в глаза девушке. Она, улыбаясь, глядела на него с некоторым вызовом. Медленно затихали аплодисменты. Вольф не отводил взгляда от прекрасных черных глаз.

И девушка не отводила взгляда. Пауза затянулась.

– Может быть, вы отмените ваше приказание? – вдруг спросил Мессинг.

– Нет... – девушка с улыбкой покачала головой и спросила: – Вы не можете его угадать?

– Я сразу понял, но... боюсь его выполнить...

– Вы боитесь? Странно, я думала, вы ничего не боитесь... – Она продолжала улыбаться и задорно смотрела на него, словно призывала: ну же, действуйте!

Они переговаривались, зал плохо слышал слова и начал нервничать, раздались отдельные реплики:

– Заставляете ждать, господин Мессинг.

– Неужели вы не можете отгадать желание этой сеньорины?

– Эй, парень, давай отгадывай! Или потребуем вернуть деньги за билеты!

– Давай! Давай! – кричали из зала.

– Работайте, Вольф... – прошипел Цельмейстер и таращил глаза, утирая платком потный лоб. – Что вы стоите?

А девушка продолжала вызывающе улыбаться. И тогда он подошел к ней, обнял за талию, властно привлек к себе и поцеловал в губы. Поцелуй затянулся. В зале стали смеяться и снова загремели аплодисменты. Пожилой седовласый мужчина в смокинге прикрыл глаза ладонью и сокрушенно покачал головой.

Наконец Вольф тихо отстранил от себя девушку. Оба были несколько растеряны. Девушка первой пришла в себя, улыбнулась и захлопала в ладоши:

– Bravo! – и засмеялась.

Вольф, явно смущенный, поклонился, прижимая руку к сердцу.

– Bravo! – взревел зал.
Обрушился шквал аплодисментов.

* * *

Почти все первые полосы аргентинских газет пестрели портретами Вольфа Мессинга. Набранные крупным шрифтом заголовки гласили: “Ясновидящий из Европы!”, “Мессинг принимает и читает мысли на расстоянии”, “Мессинг видит сквозь стены!”, “Удивительные сеансы парапсихологии Вольфа Мессинга!”, “Спешите увидеть Вольфа Мессинга!”... На фотографиях – театральные и концертные залы с улыбающимися лицами Мессинга и Цельмейстера... Не менее популярны и фотоснимки, изображающие Мессинга “в работе”. Вот он стоит с закрытыми глазами... вот он смотрит на испытуемого зрителя... вот он идет по залу и останавливается перед обескураженным зрителем... вынимает у него из кармана бумажник... Вот Мессингу вручают букеты цветов...

“Ни один из великих артистов из Европы не пользовался такой популярностью в столице Аргентины, как маг и волшебник Вольф Мессинг!” – писали восторженные журналисты.

Гастроли Мессинга по Южной Америке продолжались с неослабевающим успехом...

В гостиной просторного номера отеля на громадном столе горой были свалены букеты цветов, поздравительные записки и адреса в красочных обложках и конвертах.

Вольф Мессинг, Цельмейстер и Кобак сидели за другим столом, значительно меньших размеров, пили утренний кофе и завтракали. Завтрак состоял из булочек, масла и яичницы из двух яиц.

– От господина Карвальо пришло уже третье приглашение на переговоры, – пережевывая хлеб с маслом, сообщил Цельмейстер.

– Кто такой этот Карвальо? – спросил Лева Кобак.

– Да вы что, не знаете, кто такой сеньор Карвальо? Да вы просто дикие европейцы! – Цельмейстер отхлебнул глоток кофе. – Ах, какой замечательный кофе! Только для того, чтобы понять, что такое настоящий кофе, следует побывать в Южной Америке!

– Так кто такой Карвальо? – поддержал Кобака Вольф, наливая в чашку кофе из большого серебряного кофейника.

– Это самый могущественный антрепренер в Бразилии! Организует большинство концертов и турне иностранных знаменитостей по Бразилии и большинству стран Южной Америки. Он спит и видит, как бы нас заманить на гастроли в Рио-де-Жанейро и Монтевидео! Предлагает контракт на три года!

– А почему он третий раз вызывает вас на переговоры? – спросил Лева Кобак, с аппетитом уминая яичницу.

– А я, в отличие от вас, мой тупоголовый Лева, не люблю суетиться под клиентом, – важно ответил Питер Цельмейстер. – Пусть до благородного сеньора Карвальо дойдет как следует, что не мы в нем нуждаемся, а он очень нуждается в нас.

– А мы в нем действительно не нуждаемся? – спросил Вольф.

– Да вы что-о?! – со священным ужасом прошептал Цельмейстер. – Карвальо – это концерты в лучших театрах Рио и Сан-Пауло! Это концерты в Венесуэле! Парагвае! Это самые большие гонорары!

– Так какого черта вы тянете?! – вдруг вспыхнул Вольф. – Гастроли в Аргентине кончаются, а мы не знаем, куда тронемся дальше! Чего вы тянете, импресарио из Вильно!

– Я стратег, а вы, господин Мессинг, всего-навсего тактик... Была такая знаменитая воровка в России – Сонька Золотая Ручка. Она любила говорить: “Жадность губит фраеров”.

– Что такое фраер? – спросил Лева Кобак.

– Вы не знаете, что такое фраер? – выпучил на него глаза Цельмейстер. – Ну, тогда вы действительно натуральный фраер...

– Вы не ответили на мой вопрос, Питер Мойшевич! – раздраженно напомнил Вольф.

В это время громко затрезвонил большой черный телефонный аппарат, стоявший на полированной тумбочке у окна.

– Это великое изобретение человечества мне уже успело порядком надоест, – поморщился Цельмейстер. – Бьюсь об заклад, что это как раз сеньор Карвальо.

– Немедленно соглашайтесь на гастроли, – велел Вольф.

– Не учите меня жить, молокосос! – огрызнулся Цельмейстер, направляясь к тумбочке с телефонным аппаратом.

– Он вам грубит, Вольф, – сказал Лева Кобак.

– Он местечковый еврей из Вильно – он не может без грубостей, – усмехнулся Мессинг.

Цельмейстер взял тяжелую телефонную трубку и произнес утробным голосом, кому-то подражая:

– Хэллоу...

В ответ, как горох, посыпалась громкая испанская речь.

– Я вас не понимаю, – перебил Цельмейстер по-немецки. – И, пожалуйста, помедленнее.

Мужской голос стал говорить медленнее, но все равно по-испански.

– Я вас не понимаю... – повторил Цельмейстер.

В трубке яростно выругались, затем женский голос сообщил по-английски, что абонент прервал связь. Цельмейстер повертел трубку в руке, вздохнул:

– Какое же все-таки дурацкое изобретение. – Но не успел он положить трубку на рычаги, как она затренькала снова. Цельмейстер приложил ее к уху: – Хэллоу.

Женский голос сообщил по-английски:

– С вами хочет говорить сеньор Ферейра.

– Хорошо, я буду говорить с ним. – Закрыв ладонью трубку, Цельмейстер спросил громким шепотом: – Кто такой Ферейра?

Вольф и Кобак одновременно пожали плечами. В это время в трубке раздался мужской голос, говорящий по-английски:

– Мистер Мессинг?

– Это импресарио мистера Мессинга. С кем имею честь говорить?

– Ферейра. Себастиан Ферейра, – ответил мужской голос. – Мне нужен мистер Мессинг.

– Кто вы? И чем занимаетесь? И по какому делу вам нужен мистер Мессинг? – холодно и неприступно спрашивал Цельмейстер.

Вольф не выдержал, встал и подошел к Цельмейстеру, забрал у него трубку:

– Мессинг слушает.

– Это Себастиан Ферейра говорит. Скотопромышленник. Мне необходимо переговорить с вами, мистер Мессинг.

– Я слушаю вас.

– Хотелось бы наедине и не по телефону.

– Хорошо, я жду вас у себя в номере.

– Буду через десять минут. – На другом конце провода положили трубку.

Затем женский голос сообщил:

– Связь закончена...

– Попрошу вас освободить мои апартаменты, господа, – улыбнулся Вольф. – Ко мне сейчас пожалует сам сеньор Себастиан Ферейра.

– Ферейра... – припоминая, проговорил Цельмейстер. – Бог мой, это же один из богатейших людей Аргентины! Это скотопромышленник и латифундист! У него столько земли – на ней уместится вся Польша и Литва, вместе взятые! И везде пасутся его коровы, лошади и быки! Ужас! А зачем он к тебе пожалует? Вот уж не думал, что у тебя от меня есть секреты. Может, ты какие-нибудь дела здесь обделываешь? Ну, Вольф, подобного я от тебя не ожидал! Полюбуйтесь, Лева, вот вам и юноша не от мира сего!

– Выметайтесь, выметайтесь... он сейчас придет... Он просил, чтобы мы говорили наедине.

– Но я еще не закончил завтрак! – завопил Цельмейстер и стал быстро доедать яичницу и допивать кофе...

Себастиан Ферейра оказался тем самым седовласым господином, чья дочь на одном из концертов Мессинга вышла на сцену и загадала, чтобы Вольф поцеловал ее.

– Видите ли, мистер Мессинг... – медленно по-английски говорил Ферейра, сидя в кресле и раскуривая толстую сигару. – Я один из самых богатых людей в Аргентине, а возможно, и в Южной Америке, и я полагал, что будущее моих детей обеспечено и мне нечего за них беспокоиться... Но случилось то, чего я никак не мог предположить. Случилось ужасное... Моя дочь влюбилась... – Ферейра пыхнул густым облаком дыма, прикрыл глаза и замолчал.

– Что же в этом ужасного? – после паузы тоже по-английски спросил Вольф.

– Ужасное в том, что она влюбилась... в вас, мистер Мессинг... – открыв глаза, сообщил Ферейра. – В самом дурном сне мне такое не могло присниться...

– В меня? – Вольф был поражен и даже не пытался скрыть этого.

– В вас, мистер Мессинг, в вас... уж не знаю, что вы там такое ей внушили... на расстоянии... Вы ведь мастер на такие дела? А Лаура – девочка впечатлительная... пылкая... сумасбродная... Благодатный материал для подобных внушений... – подбирая слова и сверля глазами Мессинга, продолжал Ферейра.

В номер постучали, и затем официант внес поднос с чашками для кофе и большим фарфоровым кофейником, составил все на стол, забрал грязную посуду и так же молча вышел.

– У вас есть состояние, мистер Мессинг? – вдруг спросил Ферейра. – Кто ваши родители? Откуда вы родом? Вообще кто вы, мистер Мессинг?

– Вообще я – еврей, – усмехнулся Мессинг.

– Этого еще не хватало... – едва слышно пробормотал Ферейра.

– Родился в бедной еврейской семье в местечке Гора-Кальвария. Это недалеко от Варшавы. Состояния у меня никакого нет... Живу на то, что зарабатываю своими концертами.

– Где эта Варшава находится? – спросил Ферейра и вынул сигару изо рта.

– В Польше... в Восточной Европе... – пояснил Вольф, затем налил в чашки кофе из кофейника, спросил: – Кофе выпьете?

– Благодарю... – Ферейра взял чашку, отпил глоток и, безглаголиво поморщившись, поставил чашку на стол. – Это не кофе...

– Простите, мистер Ферейра, это кофе.

– Это бурда... – буркнул Ферейра. – Впрочем, для европейца сойдет...

– Вы правы. Мне кофе нравится, – ответил Вольф.

– Итак, состояния у вас нет... бедная еврейская семья... – скотопромышленник закинул ногу на ногу и, покачивая черным лакированным ботинком, стал сосредоточенно рассматривать его. – Хотите, я дам вам денег? Много... но с одним условием – вы немедленно уберетесь из Аргентины... и никогда больше здесь не появитесь...

– Благодарю: денег не надо.

– Не надо? – слегка удивился Ферейра. – Много денег...

– Мне хватает того, что я зарабатываю. А из Аргентины я уберусь в ближайшие дни, – ответил Вольф. – Так что беспокоиться вам абсолютно не о чем.

– Вы не знаете аргентинских девушек... таких, как моя дочь... – вздохнул Ферейра. – Аргентинская девушка влюбляется раз и навсегда... и если она не находит ответа своей любви – эта любовь может уничтожить ее...

– Не знаю, чем могу помочь. – Вольф отхлебнул кофе и тоже поставил чашку на стол.

– Что вы можете сказать о будущем моей дочери? – Ферейра в упор посмотрел на него.

– Ничего... – ответил Вольф.

– Не хотите или не можете? – Он не отрывал от Вольфа тяжелого немигающего взгляда.

– Не хочу, – отрезал Вольф.

– Оно видится вам таким мрачным?

– Нет. Просто даже думать об этом не хочу. Знаете ли, у меня множество других проблем, о которых я думаю.

– Не надо, не грубите, – спокойно сказал Ферейра. – Вы же понимаете, насколько это для меня важно. Для меня это вопрос жизни и смерти.

– Но при чем тут я? – спросил Вольф. – Не понимаю...

– Не понимаешь? – вдруг перешел на “ты” Ферейра. – На кой черт ты сюда приехал, колдун проклятый?! Сломал судьбу моей дочери и теперь не понимаешь?! – Он с силой сдвинул сигару, и она сломалась. Горящая половинка упала на ковер, но Ферейра этого не заметил, глаза его налились кровью, он тяжело дышал.

– Будьте добры, покиньте мой номер, – спокойно проговорил Вольф, нагнулся, поднял дымящийся обломок сигары и положил на блюдце на столе. Потом добавил тихо и очень спокойно: – Я вас прошу.

Ферейра резко встал, сжав кулаки. Было видно, что он сдерживает себя усилием воли. Скотопромышленник проговорил, шагнув к двери:

– Завтра я заеду за тобой. Утром.

– Зачем? – спросил Вольф.

– Поедете со мной – узнаете. – Ферейра вышел, с треском захлопнув за собой дверь.

Что такое южноамериканская саванна? Бескрайняя равнина с колышущейся стеной травы и кустарника, холмы на горизонте, сверкающие на солнце, и бесчисленные стада коров и овец, быков и

антилоп. Стада эти текут, как реки... соединяются... расходятся на отдельные рукава... Мечутся между ними фигуры лихих ковбоев на быстроногих скакунах, в широкополых шляпах (у многих они болтаются за спиной), в высоких сапогах. Они отлично вооружены: несколько мотков лассо висят налуках седел, за спиной – винчестеры, в кобурах – кольты.

Явным диссонансом на фоне раскинувшейся под синим небом могучей природы выглядели три ярко-красные открытые машины, которые ползли, переваливаясь, по степи в отдалении от пасущихся животных. Рокотали моторы, бензиновый дым клубами вырывался из выхлопных труб.

В первой машине стояли, держась за борта и друг за друга, и смотрели на стада коров и быков Лаура и Вольф. Рядом с ними – отец Лауры, господин Ферейра, и еще один молодежавый мужчина в кожаной куртке и ковбойской шляпе. В машине, которая ползла вслед за первой, находились двое молодых людей, одетых по-ковбойски – в куртках, кожаных штанах и шляпах, на отделанных серебряными бляшками поясах висели в кобурах кольты, и две молодые женщины, тоже одетые в кожаные расшитые куртки и изящные галифе, в высоких сапогах. Они весело переговаривались с молодыми людьми и смеялись. На ухабах авто подбрасывало, кренило то вправо, то влево, девушек бросало в объятия молодых людей, и оттого они смеялись еще громче. В третьем автомобиле стояли Питер Цельмейстер и Лева Кобак и двое мужчин, по виду —охранников. Шоферы тоже были одеты в сплошную кожу – куртки, штаны и кожаные кепи с большими козырьками.

Ферейра что-то говорил и указывал рукой на бесчисленные стада, на скачущих ковбоев, на холмы, освещенные жарким солнцем. Голубое, без единого облака небо распростерлось над землей.

Вольф одной рукой держался за борт машины, другой поддерживал, обняв за талию, Лауру, и девушка прильнула к нему, смотрела вдаль, но время от времени оборачивалась к Вольфу, и глаза их встречались.

И Ферейра, продолжая что-то увлеченно говорить и показывать рукой, тоже внимательно поглядывал на дочь и Вольфа – немой вопрос и тревога читались в его глазах – и тут же отворачивался...

А потом был привал посреди саванны. На шестах над костром жарилось мясо, на походных столиках, накрытых белыми скатертями, теснились высокие узкогорлые бутылки вина, хрустальные бокалы и фрукты в вазах. За столом прислуживали охранники с белыми салфетками, переброшенными через руку.

Цельмейстер, Кобак и Ферейра стояли отдельно, держа бокалы с вином.

– Сколько же голов скота в этих стадах, сеньор Ферейра, вы знаете? – спрашивал Цельмейстер, оглядывая даль, где на горизонте двигались эти самые бесчисленные стада.

– А зачем? – засмеялся Ферейра. – У меня есть люди, которые это знают! Я знаю одно: у меня мяса столько, что я один могу накормить всю Аргентину и Уругвай!

– А Бразилию?

– И значительную часть Бразилии! – осклабился Ферейра и выпил вина. – И вас, и вашего загадочного и рокового Мессинга! Ваше здоровье, господа!

– Не понимаю, сеньор Ферейра, что в Мессинге рокового? – отпив глоток, спросил Цельмейстер.

– Всё, – отрезал Ферейра и сделал знак охраннику – тот мгновенно подошел и наполнил бокалы вином. Ферейра отпил половину, и охранник налил еще до краев, затем вино полилось через край, но Ферейра молчал, смотрел и не останавливал охранника. Вино продолжало литься уже на пожухлую, высокую траву.

Цельмейстер и Кобак тоже смотрели и молчали. Наконец Ферейра резко сказал:

– Достаточно!

Охранник отдернул бутылку, отошел на шаг в сторону.

– Скажу вам честно, господа, – проговорил Ферейра. – Я не очень-то люблю людей, которых не понимаю.

– И что же вы делаете, встречая таких людей? – не без ехидства спросил Цельмейстер.

– Стараюсь как можно быстрее от них избавиться, – нахмурился Ферейра и выпил со словами: – Ваше здоровье, господа!

– Как я понимаю, мы у вас особой любви не вызываем, – улыбнулся Цельмейстер и тоже выпил.

– Вы – нет, ваш парапсихолог – да... Видите, как я прямо говорю. Я не люблю хитрить и влиять, – усмехнулся Ферейра. – Кстати, я слышал, вас приглашает мэр Рио-де-Жанейро? Я его хорошо знаю. Когда вы намерены туда выехать?

– Контракты подписаны. Думаю, в ближайшее время, – с улыбкой развел руками Цельмейстер. – Перед этим у нас несколько представлений в Монтевидео.

– Давайте пройдемся. – Ферейра взял Цельмейстера под руку. – Поговорим...

И они медленно направились в сторону от столов и людей...

Вольф с Лаурой ушли далеко в саванну, трава почти по пояс закрывала их. Они держали в руках бокалы с вином и смотрели друг на друга.

– Это отец придумал позвать вас, – сказала Лаура. – Я не хотела...

– Почему? Я рад был снова увидеть вас, – улыбнулся Вольф.

– В вас, наверное, часто влюбляются? – тоже улыбнулась Лаура.

– Думаю, в вас влюбляются значительно чаще, – тоже улыбнулся Вольф.

– Только не вы... – Она смотрела печально и покачала головой и, не услышав ответа, спросила: – Вы умеете видеть сквозь время... свое будущее вы тоже видите?

– Никогда не думаю о своем будущем, – пожал плечами Мессинг. – Не получается...

– Интересней заглядывать в чужое будущее? – усмехнулась Лаура. – Как в замочную скважину? Это дурно характеризует вас... Что же вы могли бы сказать о моем будущем?

– Только что вы сказали – дурно заглядывать в замочную скважину...

– Но если об этом вас просят, наверное, можно?

– Нет, Лаура, нет... – твердо выговорил Вольф. – Я не буду говорить о вашем будущем. И прошу вас, не придавайте всему этому значения... Я очень часто ошибаюсь.

– Тогда скажите мне, чтобы я знала, в чем вы ошиблись, – через силу улыбнулась Лаура, и в ее черных глазах заблестели слезы. – Я прошу вас... я никогда никого ни о чем не просила...

– Нет. Не могу. Я ничего не вижу. – И Вольф, повернувшись, медленно пошел обратно к столам, где громко переговаривались и смеялись участники пикника.

Лаура смотрела ему вслед, и слезы туманили ее взгляд. Тонкие длинные пальцы с силой стиснули бокал, и стекло лопнуло, осколки врезались в руку, выступила и потекла кровь. Но Лаура, не чувствуя боли, продолжала смотреть в спину уходящему Вольфу.

Ни Лаура, ни Вольф не заметили, что за ними наблюдает господин Ферейра, стоявший в отдалении и разговаривавший с Цельмейстером. Раздражение и тревога отражались на его лице.

И вдруг Вольф резко повернулся и пошел обратно к Лауре. Она ждала его, блестя сияющими от слез и счастья глазами.

Вольф подошел и обнял Лауру, прижал к себе и стал целовать в губы. Ее окровавленная рука, обвила его шею, пальцы коснулись щеки, оставляя кровавый след.

Ферейра что-то говорил Цельмейстеру и вдруг замолчал, глядя вдаль. Цельмейстер повернул голову туда, куда смотрел Ферейра, и увидел страстно целующихся Лауру и Вольфа...

– Так когда вы уезжаете в Монтевидео, мистер Цельмейстер? – спросил Ферейра.

– У нас еще несколько представлений в Буэнос-Айресе, сеньор Ферейра, – ответил Цельмейстер, тоже глядя на Вольфа и Лауру.

– Придется их отменить и уезжать немедленно. Завтра, – сказал Ферейра.

– Это невозможно, сеньор Ферейра, – неуверенно возразил Цельмейстер. – Придется платить огромную неустойку.

– Я заплачу все ваши неустойки. И заплачу сверх, сколько вы захотите. Завтра вы уезжаете, – тоном приказа проговорил Ферейра.

– Я бы с радостью, сеньор Ферейра, но уезжать или не уезжать, решаю не я... А господин Мессинг не захочет нарушить контракт. Он человек слова и долга...

– Долга? Слова? – бешено глянул на него Ферейра. – Перестаньте пороть чушь, господин Цельмейстер, или я... – Он замолчал, отвернувшись.

Цельмейстер вновь поглядел на Лауру и Вольфа.

А те продолжали целоваться...

Ветер гнал по равнине волны травы, вдали виднелись стада, которые текли сплошной массой к горизонту, мелькали фигуры пастухов-ковбоев, скачущих по краям гигантского стада, и бездонное небо обнимало саванну...

Остальные участники пикника тоже уставились на Лауру и Вольфа, открыв рты, понимающе переглядывались и снова беззастенчиво глазели на влюбленных.

Ферейра молча и решительно направился к дочери и Мессингу. Они не видели, что он идет к ним, и продолжали обниматься, осыпая друг друга поцелуями. Высокая трава почти по пояс закрывала их. Ферейра несколько раз запутался в траве и чуть не упал. И наконец он подошел так близко, что дочь и Вольф заметили его. Они отпрянули друг от друга, но в следующую секунду Лаура вновь прильнула к Вольфу, обняла его и бесстрашно поглядела на отца.

– Любовь – это замечательно, – сказал Ферейра. – Что ж, я не против. Назначайте день помолвки. Вы получите все, что пожелаете. И я сделаю все, чтобы ты была счастлива, Лаура.

Он с трудом сдерживал ярость, его щека нервно подергивалась.

– Ты не понял, отец... – улынулась Лаура. – Помолвки не будет... Мы прощались с господином Мессингом... навсегда...

Вольф чуть отстранился от девушки, молча, вопросительно посмотрел на нее.

– Правда? – спросила Лаура, глядя ему в глаза.

– Правда... – проглотив ком в горле, ответил Вольф.

– Марш в машину, – резко скомандовал Ферейра. – Мы немедленно уезжаем. Лаура, ты поедешь со мной! – И Ферейра быстро пошел обратно к столикам, где стояли все участники пикника...

...Кавалькада из трех машин катила среди саванны, поднимая густую пыль. В первой машине кроме шофера находились только Ферейра и Лаура, в двух других – все остальные. Сидячих мест на всех не хватило, и некоторые стояли, держась за борта и щурясь от пыли. И настроение у всех, судя по лицам, было похоронное.

Вольф сидел в гостиной своего номера и смотрел в окно, за которым виднелась освещенная фонарями улица и раздавались резкие гудки клаксонов.

Цельмейстер ходил по комнате, дымил папиросой. Лева Кобак примостился на диване, перед ним на низеньком столике стояли кофейник и чашка с кофе.

– В конце концов, Вольф, а почему бы тебе не жениться на этой прекрасной девушке? – вдруг спросил Цельмейстер.

Мессинг не ответил, продолжая смотреть в окно.

– Если бы в меня влюбилась такая красавица... да еще богатая... уж я бы... Какое состояние – просто кошмар! – бормотал Цельмейстер, продолжая расхаживать по гостиной. – Учти, Вольф, такой шанс выпадает раз в жизни. Потом локти будешь кусать...

– Локоть укусить невозможно, – сказал Лева Кобак и отхлебнул из чашки кофе.

– Лева, ты, как всегда, рассуждаешь очень умно, – парировал Цельмейстер. – И главное, мысли свои ты изрекаешь всегда очень кстати... Что ты молчишь, Вольф? Не желаешь с нами разговаривать?

Вольф продолжал молчать, глядя в окно. Громко зазвонил телефон. Цельмейстер подошел к столику и снял трубку.

– Хэллоу...

В ответ раздалась английская речь, быстрая и повелительная.

– Я не понимаю, чем вызвано такое решение, сеньор Торрес, ведь билеты проданы несколько днейназад. Публика будет возмущена... Понимаю, понимаю... Должен сказать, очень странное решение, но я догадываюсь, от кого оно исходит, – говорил Цельмейстер, а потом опять слушал раздраженную английскую речь. – И вам возмещают все убытки? Но ведь остаются еще два выступления... И за них возмещают? Понимаю... А кто возместит моральный ущерб господину Мессингу? Вы что, угрожаете мне? Ах, господину Мессингу? Не советую, сеньорТоррес. Мы обратимся в полицию! – И Цельмейстер брякнул трубкой по рычагам, помолчал, посмотрел на Вольфа. – Ну что ж, мы можем ехать прямо в Рио-де-Жанейро... Контракт расторгнут, все убытки сеньору Торресу возмещены, и чем скорее мы покинем Буэнос-Айрес, тем будет лучше для нашего здоровья... Ты слышишь меня, Вольф?

Вольф смотрел в окно... и вдруг вспомнился тот давний вечер в местечке Гора-Кальвария... глухая улица, стиснутая покосившимися заборами... и раввин, бородатый, с выпученными глазами, в фуражке со сломанным козырьком, и его глуховатый голос: “Запомни, Волик...

Господь даровал тебе необыкновенный дар, и горе тебе будет, и проклятье будет, если ты дар этот употребишь во зло другим людям...”

– Ты слышишь меня, Вольф? Что ты молчишь?

– А что тут говорить? Надо уезжать в Рио... – спокойно ответил Вольф.

– Когда?

– Я не понимаю, кто тут у нас импресарио и антрепренер? – начиная раздражаться, спросил Вольф. – По-моему, я должен задавать тебе эти вопросы.

– Ты слышишь, Лева? Соблазнил юную пламенную креолку, побил всю посуду в лавке, и он же хочет еще задавать вопросы! – возмутился Цельмейстер.

– Выметайтесь, пожалуйста. Я спать хочу.

– Очень вежливо, – покачал головой Цельмейстер. – Пойдем, Лева. Нас просят покинуть апартаменты. Пойдем ко мне – у меня есть бутылочка... Хоть немного отдохнем от этого гипнотизера.

Лева Кобак молча поднялся, и они вышли из гостиной. Цельмейстер уже из коридора заглянул в комнату и сказал:

– Тебя пристрелят. Или эта пылкая девица, или ее папаша. И черт с тобой, но что мы с Левой будем делать? – Не дождавшись ответа, Цельмейстер закрыл дверь.

Вольф все так же сидел, глядя в окно, и даже не обернулся... Потом медленно поднялся, прошел в спальню и одетый повалился на кровать, зажмурил глаза.

Он очнулся от дремы, когда бронзовая ручка тихо щелкнула и дверь стала открываться. В полумрак спальни, освещаемой только рассеянным светом фонарей из большого окна, медленно вплыла фигура, задержалась у входа и двинулась к кровати.

Вольф не шевелился, смотрел во тьму, и взгляд его встретился с глазами Лауры, огромными, ярко блестящими в полумраке.

– Ты не спишь? – прошелестел громкий шепот.

– Нет...

– Ты ждал меня?

– Да...

Дальше послышалось шуршание одежды, и через мгновение он увидел в смутном полумраке обнаженное женское тело. Лаура шагнула

к постели и медленно легла на него, руки ее с лихорадочной торопливостью стали шарить по пуговицам рубашки, а губы искали его губы, и шепот обжигал:

– Мой дорогой... мой любимый... моя жизнь...

*Варшава, 1939 год,
немецкая оккупация*

Вольф Мессинг все так же лежал на топчане, закинув руки за голову, и смотрел на пыльную лампочку.. Остановившиеся глаза казались мертвыми. Внезапно он медленно приподнялся, сел на топчане и долго тер ладонями лицо, приходя в себя. Потом встал и прошелся по камере от двери до противоположной стены и обратно. Снова сел на топчан и сосредоточенно уставился взглядом в пол. Мессинг напрягся, вена на шее взбухла и часто пульсировала. Секунды неистового напряжения казались бесконечными.

И вдруг за дверью из глубины коридора послышались шаги. Они медленно приближались. Мессинг выпрямился и сосредоточил взгляд на двери.

Скрежетнул ключ в замке, лязгнул засов, дверь отворилась, и вошел рыжий фельдфебель, за ним показался второй.

Мессинг, не говоря ни слова, встал и отошел к стене. Оба фельдфебеля прошли к топчану, сели на него, вопросительно глядя на Мессинга.

А в коридоре вновь раздались шаги, и скоро в дверях появился шарфюрер, и за ним шел еще один офицер, невысокий и толстый. Они тоже молча прошли к топчану, уселись на него рядом с фельдфебелями и тоже молча стали смотреть на Мессинга.

Тогда Вольф протянул руку, и рыжий фельдфебель встал, подошел к нему и отдал связку ключей. Мессинг взял ключи, прошел к двери, еще раз оглянулся на немцев, вышел в коридор и закрыл за собой дверь. Потом задвинул засов, провернул ключ в замке и неторопливо пошел прочь...

Мессинг поднялся по лестнице из подвала и двинулся по коридору, по обе стороны которого находились двери с номерами на табличках. Он поднял воротник пальто и надвинул шляпу на глаза.

Навстречу шли два офицера СС, о чем-то негромко разговаривая. В руках у одного была папка. Они увидели приближающегося Мессинга и замолчали, разглядывая его.

Мессинг же, приближаясь, смотрел им прямо в глаза. И офицеры вдруг одновременно посторонились, пропуская Вольфа, проводили его взглядом и медленно пошли дальше.

Мессинг вышел в вестибюль, огляделся и двинулся к проходу, ведущему к входным дверям. По обе стороны от выхода стояли два автоматчика. Документы проверял унтер-офицер. Перед Мессингом один за другим прошли два офицера. Каждый предъявил удостоверение, и унтер внимательно просмотрел их, вернул, козырнув при этом.

Мессинг остановился и сосредоточился на унтер-офицере. Тот нервно дернул головой, повернулся и посмотрел на Вольфа. Прошли один за другим еще три офицера СС, каждый предъявил документы, и унтер проверил их, вернул, отковырял каждому. И снова посмотрел на Мессинга.

Мессинг не спеша подошел к нему, глядя в глаза. На мгновение остановился. Унтер-офицер не проявил к нему никакого интереса. Посмотрел на автоматчиков, стоявших по обе стороны двери. Солдаты, встретившись с ним взглядами, подтянулись, встали по стойке смирно, держа автоматы на уровне груди. Мессинг прошел мимо них, спустился по короткому маршу лестницы, толкнул тяжелую дубовую, с бронзовыми ручками дверь и вышел на улицу.

Он спустился по лестнице и двинулся по улице мимо автомобилей, мотоциклов и двух военных грузовиков. Над городом сгустились сумерки, и вдоль домов стали зажигаться фонари.

Спрятав руки в карманы пальто, Мессинг быстро зашагал по улице, затем свернул в узкий переулок, прошел некоторое время по нему и свернул в другой.

Пивная была небольшой и располагалась в полутемном подвале. Четыре маленьких окна под самым потолком едва пропускали в помещение солнечный свет. Кирпичные стены покрывала отсыревшая штукатурка с темными разводами. За дубовыми столами сидели человек семь. Мрачно пили пиво, закусывая ржаными сухариками. Облака табачного дыма плавали в воздухе.

Мессинг сел за стол, за которым уже расположились трое разного возраста варшавян, вежливо кивнул, здороваясь, и попросил у официанта в грязном белом переднике кружку пива.

Тот ушел и быстро вернулся, поставив перед ним кружку с пивом и маленькую тарелочку с сухариками. Мессинг сдул пену и сделал несколько больших жадных глотков.

– Из гетто ушел? – вдруг спросил молодой парень в кепке и сером пальто.

– Да нет... хожу по городу... – односложно ответил Мессинг.

– Поймают – застрелят сразу, – сказал парень и тоже отхлебнул пива. – У меня так вчера друга застрелили...

– Как застрелили? – спросил Мессинг.

– Очень просто. Увидели магендавид на груди, остановили. Почему здесь ходишь, почему не в гетто? Где разрешение ходить по городу? Друг пытался им объяснить – ничего не слушают. Повели куда-то. Он бежать бросился – и застрелили... – Парень махнул рукой и вновь приложился к кружке.

Двое сидевших рядом с ними мужчин оставили пустые кружки, расплатились и направились к выходу.

– Вы ведь не еврей? – после паузы спросил Мессинг.

– Я не еврей... а вы, похоже, еврей.

– Еврей...

– Потому и спросил – не боитесь на патруль наскочить? И звезды на вас нету. Оторвали, что ли?

– Да нет, я здесь недавно... плохо ориентируюсь в городе... Нас из Горы-Кальварии привезли, – пояснил Мессинг. – Мне спрятаться удалось, а моих родных угнали в гетто.

– Обычная история, – кивнул парень и еще выпил пива, достал сигарету, прикурил.

– Послушайте, вы не могли бы помочь мне попасть в гетто... минуя немецкие посты. Меня Вольф зовут.

– Збышек... Збышек Кучинский. – Парень пыхнул дымом и усмехнулся. – Обычно просят вывести из гетто, а вы просите... Вы хоть знаете, куда их потом угоняют?

– Как угоняют? Куда угоняют?

– Набирают партию – двести-триста человек и под конвоем угоняют из гетто. Куда – никто не знает. Думаю, расстреливают где-нибудь в лесах...

– Этого не может быть, – покачал головой Мессинг, глядя на парня страшными глазами. – Нет, нет... Зачем?

– Как сказал Гитлер, – окончательное решение еврейского вопроса, – усмехнулся Збышек.

– Вы мне поможете? Я заплачуг, – сказал Мессинг.

– Тысяча марок... У вас есть?

– Есть... – подумав, ответил Мессинг.

– Учтите: на немцев нарвемся – стрелять будут. Могут убить. – Збышек испытующе смотрел на Мессинга.

– Я уже это видел, – сказал Мессинг. – А вы сами не боитесь?

– Тысяча марок – неплохие деньги, – усмехнулся Збышек. – Сейчас везде стреляют, а жить надо...

В темноте они шли по узким переулкам, сворачивали в подворотни, пересекали захламленные дворы и снова шли по переулкам. Мессинг шел за Збышеком, упираясь взглядом в его сутулую спину. Потом Збышек остановился посреди большого двора. Три старых четырехэтажных дома окружали его. Клонились от ветра ветки старых кленов и тополей. Збышек посветил фонариком вниз, нашел что-то и наклонился, потом встал на колени, вцепился пальцами, потянул. Послышался глухой металлический скрежет. Збышек с трудом приподнял и сдвинул в сторону железный люк канализации.

– Полезайте. Я за вами. Мне люк поставить на место надо.

Мессинг с трудом протиснулся в узкое отверстие, стал спускаться по лесенке, держась за железные скобы, вделанные в стену. Скоро он скрылся из виду. Збышек огляделся по сторонам, хотя в темноте ничего не было видно, и тоже полез в отверстие люка. Спустившись почти на весь рост, Збышек подтянул к себе крышку люка и, убрав голову, поставил крышку на место.

Они оказались в кромешной тьме. Мессинг спускался на ощупь, и скоро под его ногами захлюпала вода. Он шагнул в сторону, и на его место встал Збышек. Включил фонарик, посветил и медленно двинулся по туннелю, по дну которого с хлюпаньем текла вода. Мессинг пошел за ним, глядя на луч фонарика.

– Тут крыс много, – сказал Збышек. – Не наступите, а то укусить могут...

– Вы всех таким путем туда водите?

– И туда и оттуда... – отозвался Збышек. – В Варшаве теперь живут подземной жизнью.

Дальше шли молча... Вдруг впереди тоже замаячил свет фонарика. Збышек остановился, прижался к стене. Мессинг тоже прижался к стене, напряженно глядя вперед. Свет фонарика приближался, потом послышались хлюпающие по воде шаги.

– Марек, это ты? – громко спросил Збышек.

– А кто еще может быть в этой преисподней? – отозвался хриплый голос.

Они встретились, посветили друг на друга фонариками, улыбнулись. За спиной Марека стояли двое мужчин и две женщины. Одна держала на руках грудного младенца.

– Ты оттуда, а я – туда. Удачи, – сказал Збышек и первым двинулся вперед мимо беглецов.

– И тебе удачи, – отозвался Марек и тоже двинулся, только в противоположную сторону.

Проходя мимо людей, Мессинг задержал взгляд на измученном, с черными полукружьями под глазами лице женщины с ребенком на руках.

И опять они одни брели по канализации, и вновь Мессинг смотрел на луч фонарика, блуждавший во тьме, и снова прошлое шевельнулось в его памяти. Люди и события теснили друг друга...

*Южная Америка,
1923 год*

Мессинг спал в своем номере и отчетливо видел Лауру Ферейра... Вот она приезжает в автомобиле в свой замок... Вот поднимается по широкой лестнице. Ее встречает отец, что-то говорит ей, но слов ни Лаура, ни Мессинг не слышат. Лаура отстраняет рукой отца, проходит мимо горничной, мимо двух слуг в белых куртках и идет по широкому холлу... Вот она входит в свою спальню. Огромная кровать под широким шелковым балдахинном не убрана, смятая простыня лежит на полу.

Вольф ворочался в кровати с закрытыми глазами, кажется, он спал, но веки напряженно вздрагивали. И вдруг он отчетливо прошептал:

– Не надо... не надо...– и через секунду закричал хрипло: – Не надо!

...Лаура рассеянно оглядела спальню, медленно подошла к туалетному столику с большим, в бронзовой оправе зеркалом, медленно выдвинула один из ящичков – в нем вороненым стволом блеснул кольт. Лаура взяла его, медленно провернула барабан... Поглядела на себя в зеркало... поднесла револьвер к груди... и уперла ствол как раз напротив сердца...

...Громко прозвучал выстрел. Вольф вздрогнул, проснулся и резко поднялся в постели. Ослепительное солнце било в большое окно. Вольф пошарил рукой рядом с собой, но постель была пуста. Он открыл глаза, сел и огляделся. В спальне никого не было. Никаких следов Лауры. Можно подумать, что ее ночной визит ему приснился. Он вновь огляделся: нет, не приснился. Скомканное одеяло и простыня лежали на полу, повсюду разбросана его одежда, и на рубашке – пустая бутылка из-под вина...

И вдруг накатило воспоминание: грохочущий поезд, старый контролер, смотрящий на него несчастными глазами, и умоляющий шепот:

– Не надо! – а потом отчаянный крик: – Не надо!

Вольф с силой потер ладонями лицо, поднял с полу махровый халат, оделся и медленно пошел в гостиную. Там было убрано, и на пустом столе лежала четвертушка бумаги, а сверху тонкое золотое кольцо. На бумаге значились слова: “Вот мы и повенчались. Буду любить тебя всегда. Прощай”.

В дверь постучали, и Вольф едва успел спрятать в карман халата записку и кольцо. Вошел Цельмейстер:

– Дорогой мой, собирайся. Пароход уходит в два часа. Мы плывем в Рио!

Вольф Мессинг в белом свитере и белых брюках стоял на палубе океанского лайнера. С одной стороны на горизонте виднелась полоска земли, с другой – бескрайняя сине-голубая гладь, белые шапки пены над волнами, стаи птиц над водой. Откуда-то из иллюминаторов доносилась музыка. По палубе медленно прогуливались пассажиры, еще несколько человек, как и Вольф, стояли, опершись о перила борта, и задумчиво смотрели в океан.

Сзади подошел Цельмейстер, тоже облокотился о поручень и стал смотреть вдаль. Помолчав, он проговорил:

– Сейчас передали по радио... Дочь знаменитого мультимиллионера Ферейры Лаура... застрелилась сегодня утром...

Вольф повернул голову и посмотрел на Цельмейстера. Молчал и смотрел. Цельмейстер поежился:

– Что ты на меня так смотришь? По радио только что передали... Ты слышишь меня?

– Слышу... – глухо ответил Вольф. – Лаура застрелилась. Я об этом знаю...

– Как? По радио сообщили десять минут назад, – растерялся Цельмейстер.

– Я видел ее вчера утром в отеле... мертвой... во сне видел. – Вольф с трудом выговаривал слова.

– Почему ты не остановил ее? Ты же мог... Ты что, не предвидел такого исхода?

– Я даже видел его... отчетливо видел... Я пытался! И не смог! Не смог! Я, наверное, проклятый человек! Это Бог наказывает меня за того контролера!

– Какого контролера? – встрепенулся Цельмейстер.

– Неважно! Не твое дело!

– Слушай, Вольф... – Цельмейстер посмотрел на него с состраданием. – Тебе не страшно жить?

– Бывает и страшно... – Мессинг отвернулся и стал смотреть в океан.

– Передали, папаша ее в безутешном горе. Но сказал одну фразу: “Я знаю, кто виновен в ее смерти”. Ты понимаешь, Вольф? Надо предпринять кое-какие шаги, чтобы обезопасить себя. Журналисты понапишут черти чего... может быть страшный скандал. Нам это надо?

– Оставь... – Вольф выпрямился. – Я ничего предпринимать не буду. И тебе не советую... – И он медленно пошел прочь по палубе.

Мессинг лежал в каюте и смотрел в потолок. Из машинного отделения доносился смутный гул работающих двигателей. Он беззвучно плакал, хотя лицо его было совершенно неподвижно, и только слезы сползали по щекам.

В каюту постучали, и вошел Цельмейстер, молча посмотрел на лежащего Вольфа, так же молча пошел к бару, открыл его, достал бутылку вина, два бокала, поставил на стол, налил и так же молча выпил. Сказал с просительной интонацией в голосе:

– Через пять часов прибываем. Концерт через час после прибытия. Я понимаю твое состояние, Вольф, но ты должен быть в форме...

Вольф молчал, глядя в потолок. Цельмейстер достал золотой портсигар, извлек из него тонкую папиросу, щелкнул золотой зажигалкой. На манжетах рубашки сверкнули бриллиантовые запонки.

– Ты знаешь, Вольф, что-то мне начала надоедать эта Америка, – глядя в иллюминатор, задумчиво проговорил Цельмейстер. – Деньги, конечно, хорошие... деньги, деньги... и жизнь проходит, Вольф... и в Европу хочется... А что в Европе? В Европе опять бардак. В Германии какой-то Гитлер... в Италии какой-то Муссолини... В Польше Пилсудский, в России большевики... и куда прикажете податься бедному еврею? Ну, пусть не бедному, пусть богатому... Куда податься богатому еврею? – Он подошел к столу, налил еще вина, выпил и проговорил уже буднично: – Что бедному еврею, что богатому податься некуда... Вольф, очень прошу, соберись, не распускай нюни. Ты должен быть в форме... Что ты молчишь, Вольф? Честное слово, мне не по себе становится, когда ты так молчишь...

– Уйди, пожалуйста, Питер... – негромко произнес Вольф.

Монтевидео, 1925 год

На улице южноамериканского города Монтевидео можно было наблюдать странную картину. Параллельно друг другу, почти борт в борт, ехали две открытые машины. В одной за рулем сидел Вольф Мессинг с завязанными плотной черной материей глазами, а рядом с ним – человек в клетчатом пиджаке и таких же галифе и в высоких кожаных сапогах “бутылками”. Сзади сидели трое журналистов с фотоаппаратами в руках. Вторая машина, которая двигалась рядом, тоже была полна фоторепортеров, и все наперебой щелкали затворами камер, снимая Мессинга с черной повязкой на глазах. Впереди на расстоянии метров пятидесяти процессию возглавляла полицейская машина, и сзади на таком же расстоянии шла еще одна. На обочинах тротуара толпился народ, и все глазели на странную кавалькаду.

Человек в клетчатом костюме, сидевший рядом с Мессингом, молча смотрел вперед.

Вольф чуть повернул руль вправо, и автомобиль покати по середине улицы. Через некоторое время Мессинг круто свернул налево, въехал в узкий переулок и почти сразу свернул направо, объехал шарманщика, стоявшего на мостовой у тротуара. Маленькая обезьянка сидела у него на плече. Вольф вел машину уверенно, на довольно большой скорости..

Вот появилась встречная машина – автомобиль Вольфа двигался ей навстречу, но буквально в нескольких метрах от нее Мессинг сделал ловкий маневр, и автомобили благополучно разъехались на узкой улице. Неожиданно из переулочка вылетело белое ландо, запряженное двумя гнедыми жеребцами. Лошади мчались прямо на автомобиль, которым управлял Вольф, и, казалось, столкновение неизбежно.

Человек в клетчатом костюме, сидевший рядом с Мессингом, только покосился на него, но ничего не сказал.

Буквально в последнюю секунду Вольф свернул в сторону, и гнедые кони пронесли мимо. Фотографы, ехавшие на заднем сиденье, дружно повалились набок и едва не вылетели из автомобиля. В машине, ехавшей рядом, в голос завопили журналисты:

– Bravo! Виват!

Дальше Вольф ехал с той же скоростью, лицо его, перехваченное черной повязкой, было неподвижным. Человек в клетчатом костюме растерянно косился на него.

Машина выехала на площадь и свернула на огороженную стоянку, где находилось штук двенадцать больших “фордов” разных цветов, остановилась. Стоянка располагалась напротив длинной лестницы, которая вела к воротам средневекового замка, построенного еще испанскими конкистадорами. У этой каменной широкой лестницы Мессинг и остановил машину. Человек в клетчатом костюме снял с него повязку. Вольф открыл глаза, зажмурился от яркого солнца, потер глаза пальцами и вновь открыл их.

Вокруг толкались журналисты, щелкали большими, неуклюжего вида фотоаппаратами.

– Никогда не поверил бы, если б не участвовал в этом опыте сам, – улыбаясь, проговорил по-испански человек в клетчатом

костюме. – Вы фантастический человек, мистер Мессинг. Я ведь не произнес ни слова, как вы понимали мои приказы?

– Вы же отдавали приказы мысленно, – тоже по-испански ответил Мессинг.

– Да, мысленно...

– Вот я и принимал их... тоже мысленно...

– А каким образом? – продолжал недоверчиво допытываться человек в клетчатом.

– Мысленно значит мысленно... – улыбнулся Мессинг, выбираясь из машины.

По лестнице к ним спускалась большая компания мужчин и женщин, и впереди спешили Цельмейстер и Лева Кобак.

– Смею надеяться, опыт прошел нормально? – спросил на ходу Цельмейстер.

– Как всегда, – пожал плечами Вольф.

– Мистер Вольф меня просто поверг в изумление, – проговорил его спутник, пожимая руку Цельмейстеру. – Никогда ничего подобного не видел.

– Вы господина Мессинга раньше никогда не видели, господин Родригес, – усмехнулся Цельмейстер.

Компания окружила Мессинга, и журналисты невольно посторонились – это были важные люди, изысканно и дорого одетые. Со всех сторон посыпались восторженные реплики.

– Сеньор Мессинг, я столько о вас слышала, столько слышала! – улыбнулась дама в длинном блестящем платье. – Говорят, вы опасный сердцеед!

– Мистер Мессинг, как долго вы обучались этому искусству? – серьезно поинтересовался седоволосый, с коротко подстриженными усами господин в белом костюме.

– Господин Мессинг, журналисты говорят, что вы знакомы с самим Зигмундом Фрейдом? – спросил щеголь лет тридцати, помахивая рукой и являя свету перстни с бриллиантами и большие золотые часы на золотом же браслете.

– Вы действительно знаете Альберта Эйнштейна? Это Фрейд давал вам уроки психоанализа? – Вопросы посыпались градом.

Все они спрашивали, перебивая друг друга и не давая времени ответить. Вольф только улыбался, глядя то на одного, то на другого.

– Господа! Господа! Прошу вас, дайте мистеру Мессингу в себя прийти! – запротестовал господин Родригес. – Мы сможем обо всем поговорить в более приятной обстановке, за столом! Прошу вас, господин Мессинг.

И вся компания, продолжая переговариваться, пошла по лестнице к воротам замка.

Цельмейстер и Лева Кобак остались вместе с журналистами, растерянно глядя вслед. Похоже, их не пригласили!

– Тут ресторанчик хороший, в двух шагах, – после паузы сказал Лева Кобак. – Пойдем там пообедаем.

– Да уж... с аристократами за одним столом сидеть мы рылом не вышли, – пробормотал Цельмейстер.

Вольф в это время, видимо, вспомнил о них, обернулся и поманил рукой.

– Ты понял, как я передал мысли на расстоянии? – Цельмейстер хлопнул Кобака по плечу. – Пошли!

И они проворно зашагали вверх по лестнице, догоняя компанию. Вольф стоял на месте, дожидаясь их.

У машин остались только журналисты. Они деловито прятали в футляры фотоаппараты, курили... Подошли два человека в расшитых золотыми нитями черных куртках и таких же брюках, в белых перчатках, сели в машины, завели двигатели и поехали. Проехав совсем немного, остановились у конца лестницы и припарковали машины. Очередное фантастическое представление Вольфа Мессинга завершилось полным успехом.

В огромном зале замка с высокими сводчатыми потолками, с устремленными ввысь узкими готическими окнами даже длинный громадный стол казался совсем небольшим. За столом разместилось примерно пятьдесят человек. Сервировка блистала изысканной роскошью – серебряные приборы, серебряные кувшины, серебряные же подносы, на которых высились горы фруктов, моллюсков и кусочков свежей рыбы самых разных видов. В кастрюлях из серебра дымились супы, источавшие ароматы разнообразных пряностей. Слуги в белых куртках разносили закуски, раскладывали угощение по большим фарфоровым тарелкам, наливали в бокалы вино.

– Господа! – сухопарый господин в темном смокинге встал, держа бокал с вином. – Я предлагаю выпить за самого знаменитого человека в Южной Америке. Спросите любого на улицах Рио или Монтевидео, на улицах Буэнос-Айреса или Каракаса, Боготы или Сан-Пауло – спросите, как зовут президента Аргентины или Уругвая, Бразилии или Парагвая... и далеко не каждый гражданин вам ответит. Но если вы спросите, кто такой Вольф Мессинг, все граждане Южной Америки дружным хором прокричат: это волшебник! Это человек, читающий мысли других людей на расстоянии! Это человек, видящий сквозь время! Твое здоровье, амиго Вольф! Я горжусь знакомством с тобой!

При этих словах Вольф тоже встал и раскланялся, прижав руку к сердцу. И весь стол дружно зааплодировал, многие тоже стали подниматься, подходили к Мессингу, чокались с ним, улыбались.

Женщины поднимали бокалы и смотрели на Мессинга, улыбались и что-то произносили, но их голоса, расточавшие комплименты Вольфу, тонули в сплошной мужской разноголосице.

И тут одна женщина вдруг решительно поднялась и подошла к Мессингу совсем близко, так, что ей даже не пришлось протягивать руку, чтобы чокнуться с его бокалом. Ее сахарные губы влажно и алчно блестели, глаза сверкали, высокая грудь вздымалась от волнения.

– Я жду вас сегодня у себя в полночь, Вольф, – тихо проговорила она. – И не вздумайте увильнуть – я сделаю вашу жизнь невыносимой. Если я влюблена – для меня нет преград!

– Она и так невыносима, сеньора, – улыбнулся Вольф. – В ожидании встречи с вами... Но я знаю, вы ревностная католичка...

– А вы? Разве вы не католик? – перебила его женщина.

– Увы, я из породы презренных атеистов... за что и расплачиваюсь... – Вольф сделал печальное лицо.

– Но если вы атеист, чего же вам бояться? – тихо говорила женщина, быстро поглядывая по сторонам.

Две дамы за столом, наблюдавшие за ними, тихо переговаривались:

– Она давно за ним охотилась и, кажется, достигла цели.

– Думаешь, у нее получится?

– Я ее слишком хорошо знаю, эту ненасытную фурию, – ни одна знаменитость не миновала ее постели.

– Думаешь, этот Мессинг так же похотлив?

– А чем он хуже других мужчин? Я думаю, он даже лучше, чем другие. – Дама тихо рассмеялась. – Ведь он угадывает мысли и желания женщины на расстоянии.

– А говорят... – одна из собеседниц наклонилась к уху другой и что-то зашептала, и обе разом засмеялись.

Смех, шум голосов, звон ножей и вилок о серебряную посуду сливался в монотонный гул праздника...

Потом в другом зале танцевали. Звучало вошедшее в моду аргентинское танго, и пары ритмично двигались, прильнув друг к другу. Одна из дам, перешептывавшихся за столом, танцевала с Вольфом и, глядя на него смеющимися глазами, спрашивала с иронией:

– Как видно, наша знаменитая донна Сабрина совсем завладела вашим сердцем?

– Разве? Я, признаться, этого совсем не чувствую, – улыбаясь, отвечал Вольф.

– Вы хоть и великий провидец, но хитрить не умеете. Берегитесь. Предки Сабрины были конкистадорами, – и дама рассмеялась.

Звуки танго таяли в огромной зале. Вдоль стен группками стояли мужчины и женщины с бокалами вина и соков в руках, оживленно беседовали. Официанты в белых куртках разносили на подносах напитки, не давая угаснуть аристократическому веселью.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Монтевидео, 1925 год

...Уже за полночь Вольф медленно шел по пустому коридору замка, освещенному стеклянными плафонами на стенах, которые, очевидно, заменили висевшие здесь когда-то канделябры. В нишах стояли рыцари в металлических доспехах. Вольф оглядывался по сторонам и вдруг в одной нише увидел не рыцаря, а слугу в белой куртке. Замерев, он стоял и смотрел неподвижными глазами прямо перед собой.

Вольф подошел к слуге, заглянул в глаза, спросил:

– Ты живой?

– Живой... – тихо ответил тот.

– Где спальня сеньоры? Я тут заблудился...

– Сейчас за последней нишей будет дверь, – ответил слуга и добавил: – В нише тоже слуга стоит – вы не пугайтесь.

Вольф двинулся дальше по коридору и действительно в последней нише увидел еще одного слугу – здорового негра в белой куртке и черных шелковых шароварах с красным поясом.

Затем Вольф увидел открытую белую с золотым орнаментом дверь и вошел в нее.

Кровать стояла в глубине гигантских размеров спальни. В углах тоже громоздились железные рыцари, а у одной стены возвышались большие напольные часы. Они вдруг стали отбивать протяжные, мелодичные удары. Круглый арабский столик с вазами, наполненными фруктами, хрустальными бокалами и длинными тонкогорлыми бутылками вина поджидал ночного гостя.

Вольф шагнул к столу, налил полный бокал вина и стал пить судорожными глотками.

– Ну что же ты, милый, я жду... – раздался голос красавицы Сабрины из глубины спальни.

Вольф поперхнулся, закашлялся и, поставив недопитый бокал на стол, медленно пошел на голос. На огромной кровати, под царственным балдахином фигурка Сабрины казалась совсем маленькой и хрупкой. Она взирала на Вольфа, едва прикрыв свои прелести простыней.

– Ты заставляешь себя ждать, милый... – томно протянула она.

– Я заблудился в лабиринтах вашего замка, сеньора, – пробормотал Вольф, начиная раздеваться.

– Ну, скорее же... – капризным голосом маленькой девочки захныкала Сабрина. – У меня здесь все горит... – И она в порыве страсти отдернула простыню. Прикрыла причинное место и раздвинула изящные ноги.

Вольф издал горлом рыдающий звук и бросился на кровать. Женщина в ответ зарычала совсем не женским голосом и обвила Вольфа ногами и руками, словно паук. И началось нечто похожее на борьбу с нанесением телесных увечий. Лишь время от времени слышались стоны и женский рычащий голос:

– Возьми... возьми все без остатка... все возьми...

...Они лежали в постели обнявшись, Сабрина гладила Мессинга по спутавшимся длинным волосам. Потом томно проговорила:

– Поддай мне выпить, милый... и сигарету...

Вольф послушно встал, обмотался простыней и пошел к арабскому столику. Он налил в бокалы вина, торопливо выпил свой. Пока он пил, вдруг снова услышал из глубины спальни протяжный рычащий стон. Вольф взял сигарету, прикурил от зажигалки и, взяв полный бокал, пошел обратно к кровати и, подойдя почти вплотную, остановился пораженный. Вино расплескалось из бокала на толстый ковер.

На кровати ворочался огромный негр. Сабрину под ним было почти не видно, только слышался сладострастный стон и не менее сладострастное рычание.

И вдруг головка Сабрины вынырнула из-под черной большущей руки, глаза ее сверкнули:

– Иди скорей, милый... этот малыш поможет нам... мы будем любить друг друга втроем...

Вольф выронил бокал с вином, сигарету и, схватив в охапку свою одежду, бросился вон из спальни.

Уже в гулком коридоре с рыцарями в нишах Вольф торопливо натянул брюки, рубашку, не стал ее застегивать, а бросился бегом по коридору, прижимая к груди пиджак и ботинки...

Цельмейстер лежал в кресле и хохотал. Вольф ходил по номеру в расстегнутом халате, с бокалом вина в руке, говоря:

– Нет, это действительно сумасшедший дом... я все терпел, клянусь тебе, Питер, ты же знаешь, я не могу обидеть женщину, но когда я увидел на ней огромного мавра, я просто лишился дара речи! Ябежал без оглядки!

– Ты представил себе, что этот мавр обнимает тебя и целует... о-о-ой, не могу! Тут действительно можно сойти с ума! – И Цельмейстер снова захохотал.

– Слушай, ты был прав, когда говорил, что нам пора уезжать из Америки... – сказал Вольф. – Мне здесь осточертело. Здесь на меня все смотрят как на какое-то экзотическое животное.

– На тебя везде будут так смотреть, Вольф, – весело ответил Цельмейстер. – Потому что ты действительно уникальный экземпляр рода человеческого. Я, например, тоже так на тебя смотрю, ради Бога, не обижайся.

– Благодарю. После стольких лет работы вместе ты наконец сказал мне правду. – Вольф выпил вино, поставил пустой бокал на стол.

– А что такого обидного я сказал, Вольфушка? Уникальный экземпляр рода человеческого – что тут обидного? Мы все, можно сказать, уникальные экземпляры. Вот возьми Леву Кобака – ну где еще такого найдешь? Поехал подписывать контракт на десять представлений в театре. И вместо оговоренных ста тысяч песо подписал на сто двадцать. Я говорю: откуда взялись эти лишние двадцать тысяч? А он мне: владелец театра решил поднять плату, я не стал спорить.... Ты понимаешь, он не стал спорить! – Цельмейстер встал, подошел к столу, налил себе вина, выпил и закончил: – Чтоб его черт побрал! Все, Вольф, я пошел спать, хотя ... уже скоро утро... – Он лукаво посмотрел на Мессинга. – Надеюсь, громадный негр успешно завершил дело, начатое тобой... – И он засмеялся, выходя из номера. – Приятных сновидений, Вольф!

Москва, 1970-е годы

Журналист Виталий Блинов выключил кофеварку, налил в чашку свежезаваренный кофе и вернулся в комнату. Над Москвой сгустились

вечерние сумерки, Блинов включил свет и вернулся к оставленной работе.

Он сел за письменный стол, отхлебнул кофе, закурил и вновь стал перебирать разбросанные по столу фотографии... Здесь были самые разные люди: президенты Аргентины и Бразилии... миллионеры-промышленники... Эйнштейн и Зигмунд Фрейд... Ганди... де Голль... снимки на палубе теплохода... в концертных залах... Виталий Блинов разглядывал их и что-то записывал в тетрадь, сверяясь с папкой, в которой лежали газетные вырезки...

Перечень мест, где проходили триумфальные гастроли Вольфа Мессинга, содержал названия всех крупных городов Южной Америки... 1923 год – Рио-де-Жанейро... 1925 год – Монтевидео... 1927 год – Сан-Пауло... 1928 год – Параморита... 1930 год – Богота... 1931 год – Манисале... 1932 год – Сан-Хуан... 1933 год – Гавана... 1935 год – Мехико... 1936 год – Сан-Сальвадор...

И в каждом городе публика восторженно приветствовала Мессинга, сходящего по трапу с океанского лайнера, люди на улицах забрасывали его цветами, для его выступлений распахивались двери лучших концертных залов и театров страны, и они всегда были переполнены зрителями.

Заголовки в газетах на испанском, португальском и английском языках повествовали о маге и волшебнике, прибывшем из Старого Света. На первых полосах красовались крупные портреты Вольфа Мессинга... Вот он стоит на боксерском ринге и по обе стороны от него – улыбающиеся боксеры в трусах и майках и тяжелых черных перчатках. Один из них дружески положил руку на плечо Мессингу.

Вот фотография Мессинга в обществе мэра Рио-де-Жанейро на приеме, данном в его честь, – огромный зал, залитый светом громадных люстр, вокруг светская публика в вечерних нарядах, и сам Мессинг в смокинге, ослепительно белой манишке, черные кудри свисают до плеч....

Вот он в обществе президента Уругвая... президента Аргентины... в обществе знаменитых артистов и политических деятелей... на палубе океанского лайнера... Вот он в автомобиле, движущемся по горной мексиканской дороге. Внизу открывается затянутая дымкой знойного тумана долина, окаймленная горами, на ней гигантские кактусы, словно столбы, подпирающие небо. Мессинг стоит в открытом

автомобиле, протягивает к кактусам руки, у него счастливое, смеющееся лицо... Вот Мессинг в мексиканском национальном наряде скачет на вороном жеребце... А вот он в театральной гримуборной – сидит за столиком и, чуть сгорбившись, смотрит на себя в зеркало... И конечно же, Мессинг в толпе зрителей, раздающий автографы...

Год от года менялся внешний облик Мессинга... длинные волосы сменила короткая европейская прическа, и теперь волосы зачесаны назад, открывая большой лоб... на лице появляются тяжелые складки... глубокие морщины... и в больших глазах приумножилась печаль... пожалуй, впервые в его глазах различается глубоко спрятанное страдание...

Журналист помнил этот печальный взгляд, это лицо провидца по тем давним личным встречам в начале семидесятых...

Куба, 1933 год

Мессинг потоптался в прихожей своего номера, надел пальто, шарф, шляпу, оглядел себя в зеркало и вышел из номера. Пройдя по широкому коридору, освещенному белым светом плафонов под потолком, он остановился у номера Цельмейстера, постучал и, не дождавшись ответа, толкнул дверь внутрь. Войдя, окликнул:

– Питер, ты дома?

– Мой дом так далеко, дорогуша Вольф, что я даже забыл, как он выглядит, – отозвался из ванной Цельмейстер. Скоро он вышел в гостиную, в халате, с намыленным лицом и бритвой в руках. – Ты куда собрался?

– А ты куда брешься на ночь? – усмехнулся Мессинг.

– У меня свидание с прекрасной дамой, – подмигнул Цельмейстер. – Не только тебе пользоваться услугами могучих негров, надо немножко и мне.

– Дурак... – пожал плечами Мессинг и направился к двери.

– Но ты не сказал, куда наострил лыжи, Вольф?

– Пойду прогуляюсь... муторно что-то на душе...

– Не поздновато? В Гаване в позднее время опасно ходить одному... да еще гринго...

– Какой гринго?

– Так кубинцы презрительно зовут американцев.

– Какой же я американец?

– Белый... в костюме с галстуком, при шляпе – значит, американец... Я серьезно, Вольф, давай вызову полицейского. Будет сопровождать тебя.

– Не надо. Ты всегда преувеличиваешь. – Мессинг вышел в коридор.

Он прошел по коридору до лестничного марша, спустился по широкой мраморной лестнице с золочеными перилами.

В просторном вестибюле с мраморными колоннами, ограждениями из золотых балясин, с позолоченными негритятами в большом круглом фонтане – кубинцы, как и другие латиноамериканцы, обожали золото во всех его проявлениях, – сновали слуги, катившие тележки с чемоданами, сумками и картонными коробками, в баре пили кофе и крепкие напитки и громко разговаривали.

Мессинг надвинул шляпу на глаза и быстро пошел к выходу.

Площадь перед ярко освещенным отелем была пустынна, у тротуара стояли такси, расхаживали полицейские, в открытых кобурах на их широких поясах торчали рукоятки крупнокалиберных кольта.

Мессинг пересек площадь и пошел по улице, освещенной светом реклам. Моросил мелкий дождь. Вольф поднял воротник пальто и зачихнул руки в карманы.

Он шел, глядя себе под ноги и не думая, куда идет. Улица кончилась, потянулся темный парк. Длинный ряд пальм и каких-то тропических деревьев уходил в темноту. Пустые лавочки, мокрые от дождя, бронзовые скульптуры птиц и зверей, выглядывающие из зарослей... тигры, гепарды и леопарды... Мессинг брел мимо них, в его голове крутились давно уже ставшие привычными мысли:

“Господи, как я устал... сколько лет я мотаюсь по разным странам... Для чего? Нет семьи, нет детей... нет любимой женщины... Люди смотрят на меня как на диковинку... как на каприз природы... или каприз Господа... А сам я что? Кому нужен?.. Неужели это и есть жизнь? Для чего она дается человеку? Для чего она подарена мне? Я заработал много денег, регулярно отсылаю деньги домой в Гору-Кальварию, но даже не знаю, живы ли мать и отец, живы ли брат и сестры? Сколько раз пытался представить их себе внутренним взором, и ничего не получается... Наверное, они не хотят, чтобы я видел их...

Тогда чего я стою, Господи? Зачем ты дал мне эти способности? Я устал... я хочу жить, как обычный человек...”

– Эй, гринго, стой, – внезапно раздался за спиной резкий мужской голос.

Мессинг резко остановился и стал медленно поворачиваться.

– Стой как стоишь, или башку продырявлю. Руки подними! – приказал голос. – Педро, посмотри, есть ли у него деньги. Подними руки, гринго, кому сказал?

Мессинг медленно поднял руки. Сзади послышались шаги. Подошел худенький паренек в черной куртке и широких штанах, в сандалиях на босу ногу. Стал неловко шарить в карманах пальто Мессинга.

– Здесь ничего нет, – сказал Мессинг. – Я лучше сам тебе отдам.

– Давай, – сказал паренек.

Мессинг повернулся к нему – на него смотрели большие черные, блестящие от страха глаза. Мессинг улыбнулся ему и полез во внутренний карман.

Второй парень, постарше, стоял в пяти шагах от них, держа в вытянутых руках пистолет, наведенный на Мессинга.

– Возьми, – он достал тонкую пачку ассигнаций и протянул ее пареньку.

Тот неуверенно взял ее и, глядя в улыбающееся лицо Мессинга, тоже улыбнулся.

И в это время в глубине аллеи затопотали торопливые шаги и громкий грубый голос прокричал:

– А ну, брось пушку, сукин сын! Пристрелю!

Парень резко обернулся и хотел выстрелить, но другой выстрел опередил его. Стрелял высокий грузный полицейский, бежавший по аллее. Следом за полицейским в расстегнутом пальто мчался растрепанный Цельмейстер.

Пуля ударила парня в грудь, отбросив назад. Он упал плашмя и раскинув руки. Второй паренек, державший в руке деньги, вскрикнул пронзительно и бросился бежать по аллее, и через секунду грохнул второй выстрел. Бежавший паренек вновь вскрикнул и упал ничком, вытянув вперед руки.

– Ты живой!? О Господи, как я напугался! Я же сказал тебе, черт бы тебя побрал! Куда ты поперся на ночь глядя?!

– Зачем он стрелял? – тихо спросил Мессинг. – Зачем он их убил... ведь совсем дети...

– Я посмотрел бы на тебя, если б они тебя застрелили! Другой бы спасибо сказал, а этот гнусный тип еще возмущается! – обиженно проговорил Цельмейстер.

Полицейский в это время осматривал убитых. Подошел к младшему, наклонился, разглядывая его, перевернул на спину. Подошел и Мессинг, молча посмотрел на лежащего на мокрой земле паренька. Сыпал дождь, и капли стекали по неподвижному смуглому лицу.

Полицейский выдернул из руки паренька ассигнации, разогнулся:

– Ваши? Возьмите. – Он протянул Мессингу деньги.

– Да не нужны они мне! Зачем вы его убили?! – почти выкрикнул Мессинг и быстро пошел по аллее.

– Возьмите их себе, – сказал Цельмейстер.

– Благодарю вас, сеньор. – Деньги мгновенно исчезли в широкой лапе полицейского.

– Вот моя визитка. Если понадобится для свидетельских показаний, вызывайте.

– Благодарю вас, сеньор. Если понадобится, вызовем, – улыбнулся полицейский. – Вас проводить?

– Обязательно. Этот парк полон бандитов, – ответил Цельмейстер. – И не упускайте моего друга из вида.

И они заторопились по аллее в ту сторону, куда ушел Мессинг...

Измочаленный, в промокшем пальто и шляпе, с которой стекала вода, Цельмейстер вошел в номер Мессинга, включил свет в прихожей и посмотрел на вешалку – пальто и шляпа Вольфа висели на месте. Он открыл дверь и вошел в гостиную, тоже включил свет: все в порядке, на столе фрукты в вазе, бутылки с вином, чистые бокалы... Цельмейстер огляделся и пошел в следующую комнату – кабинет, снова огляделся и вошел в спальню.

На кровати, одетый, лежал Мессинг и смотрел в потолок.

– Черт бы тебя побрал, – сказал устало Цельмейстер. – Мы с полицейским весь парк обшарили – как сквозь землю провалился... Разве так можно, Вольф? Мне было плохо с сердцем...

– Питер, я хочу домой, – сказал Мессинг, глядя в потолок.

– Ну и что? Думаешь, я не хочу? – сказал Цельмейстер. – Но между “хочу” и “возможно” бездонная пропасть, Вольф. У нас контракты на два года вперед. Расписан каждый месяц, тебя ждут люди... билеты продаются за два месяца до твоего выступления...

– Я хочу домой, – повторил Мессинг. – Я хочу увидеть мать... отца...

– Сделай над собой усилие, и ты их увидишь в своем воображении.

– Я хочу увидеть их наяву, Питер. Я хочу увидеть Париж... Вену... Варшаву...

– Ничем не могу помочь, драгоценный ты мой Вольф, – развел руками Цельмейстер и снял мокрую шляпу, с полей которой стекала вода.

– Завтра же ты заявишь о расторжении всех контрактов. Три месяца я отработаю – и ни дня больше.

– Мы разоримся, Вольф. У нас не будет денег даже на дорогу в Европу.

– На дорогу заработаем. Завтра ты заявишь о расторжении всех контрактов. Или я сам это сделаю.

Цельмейстер молчал. Он как-то вдруг постарел сразу, сгорбился, и вид у него, в мокром пальто, сбившемся на сторону галстук и мятой рубашке, был жалкий.

– Ну, что ж, может быть, ты и прав... – проговорил он после долгой паузы. – Вообще-то давно пора домой... мотаемся, как летучие голландцы. А в Париже сейчас весна... жареные каштаны... Монмартр... На площади Согласия проституток полно... и на Елисейских... И в Берлине тоже хорошо. Правда, там этот сумасшедший Гитлер, но все равно... Как думаешь, Вольф, ведь там тебя не забыли и мы сможем заключить новые контракты? Или ты не хочешь больше выступать?

– Не хочу, но буду... – ответил Мессинг, все так же глядя в потолок.

– Вот это хорошо, – мгновенно просиял Цельмейстер. – Я всегда знал, что ты настоящий друг. Я завтра же дам телеграммы в Париж и Берлин! И в Варшаву! У меня там знакомые импресарио. Я попрошу у них возможность гастролей... Наверное, ты прав, Вольф, мне тоже до чертиков надоела эта цыганская жизнь! Давай-ка выпьем по этому

поводу! Я сейчас Леву позову, – Цельмейстер быстро вышел из спальни, прошел в кабинет, стянув с себя на ходу мокрое пальто, швырнул его на диван, вышел в гостиную и, схватив телефонную трубку, проговорил по-испански:

– Сеньорита! Соедините меня с тридцать шестым номером. Благодарю вас... Лева, ты спишь? Ну конечно, спишь, подлец. Напяливай штаны и рубаху и быстро в апартаменты Вольфа. Зачем? Я тебе тут скажу. Сейчас сказать? Лева, мы едем домой! В Европу! В Париж, Лева! В Берлин, Лева! В Вену! Нет, не сошел с ума. Это Мессинг сошел с ума... Сейчас увидишь. Приходи быстро, а то я один все вино выпью!

Вольф лежал на кровати, смотрел в потолок и слышал неразборчивый голос Цельмейстера, доносившийся из гостиной. Он закрыл глаза и притворился, что спит.

*Варшава, 1939 год,
немецкая оккупация*

Посреди булыжной мостовой вдруг тяжело шевельнулась металлическая крышка люка, приподнялась и со скрежетом поползла в сторону. Из отверстия показалась голова в кепке – это был проводник Збышек. Он с трудом выбрался наверх, протянул внутрь люка руку и помог выбраться на мостовую Мессингу.

– Ну, все, – сказал Збышек, отряхивая пальто. – В ту сторону не ходите – там патрулей много, там выход из гетто. А все живут дальше. Бараки, сараи, склады – сами увидите.

– Благодарю вас... В этих бараках тоже живут? Все окна погашены. – Мессинг достал пачку ассигнаций, протянул их Збышеку.

– Везде живут. Просто бояться свет зажигать. – Збышек, не считая, сунул деньги в карман пальто и быстро пошел по улице вдоль приземистых кирпичных строений с черными безжизненными окнами. Скоро он растворился в темноте.

Зябко поежившись и запихнув руки в карманы пальто, Мессинг побрел по улице в противоположную сторону.

Мессинг сидел на табурете посреди подвала, а перед ним стояли две женщины и пожилой мужчина.

В полуподвальном помещении с запыленными окнами дети бегали и играли в куклы. Тут же, по углам, женщины готовили еду на керосинках, чистили картошку, резали лук на дощечках, вдоль стен были устроены двухэтажные нары, и кое-где наверху на них лежали спящие.

– А больше никого нет родом из Горы-Кальварии? – спросил Мессинг, оглядываясь по сторонам.

– Больше никого... всех угнали... – ответила одна из женщин в мокром грязном фартуке и шерстяной кофте с продранными локтями.

– Но вы не знали такую Сару Мессинг?

– Почему же? Они в соседнем бараке жили – и Сара, и ее дети. Они уже взрослые... ну, вот примерно одного с вами возраста, и невестка, и дети – трое детей у них было. Девочка и два мальчика, не помню, кто чей сын или дочка были. Помню по именам – Яша, Вольфик и Фаня. Они с моими детьми часто играли.

– Вольфик? – переспросил Мессинг.

– Ну да...

– И всех увезли немцы?

– Всех. И другие семьи из Горы-Кальварии увезли. Две недели назад...

– А куда? Вы не слышали ничего? Что в гетто говорят?

– Разное говорят... – Женщина опустила глаза.

– Кто говорит, на работы на какие-то заводы... – подал голос мужчина и тоже отвел глаза в сторону. – А кто говорит... на ликвидацию...

Мессинг долго сидел опустив голову. Кричали дети и носились по подвалу, шипели на горячих сковородках лук и картошка.

– А вы сидите и ждете? – наконец спросил Мессинг и поднялся. – Когда вас повезут?

– А что мы можем сделать? Кто-то бежит из гетто, но все же убежать не могут... – ответила женщина и всхлипнула, высморкалась в подол грязного фартука.

– Эх, евреи, евреи... овечьё стадо... – вздохнул Мессинг и пошел из подвала.

Несмотря на то что стоял день, на улицах гетто людей почти не было. Изредка мелькнет впереди фигура, жмущаяся к стенам барачных,

и тут же исчезнет. И Мессинг вдруг поймал себя на мысли, что и сам все время прижимается к стенам, чтобы остаться незамеченным.

Вот впереди показался немецкий патруль – два автоматчика и фельдфебель с пистолетом на поясе в кобуре.

Мессинг быстро свернул за угол, заторопился по улице, снова свернул в узкий переулок, остановился, тяжело дыша. Увидел подворотню и направился к ней. Он оказался в небольшом дворе, окруженном двухэтажными каменными домами, присел на лавочку у стены одного из домов, вновь огляделся по сторонам.

В углу стояли ящики для отбросов, и в них копался какой-то сгорбленный человек в грязном плаще и старой шляпе, надвинутой на глаза. Он что-то выискивал там и складывал в старую холщовую сумку.

Мессинг пригляделся к нему и вздрогнул. Он узнал в нищем доктора Абеля, своего первого импресарио и учителя!

Мессинг медленно встал, подошел, позвал негромко:

– Доктор Абель... это вы?

Нищий замер, напрягшись, – это Мессинг почувствовал по его спине, потом осторожно повернулся. Вольф увидел изможденное, морщинистое лицо Абеля, седые волосы, выбивающиеся из-под шляпы. Доктор узнал ученика и слабо улыбнулся:

– А ведь я всегда верил, что мы обязательно встретимся... и встретимся здесь... в варшавском гетто... как видишь, я тоже стал провидцем...

– Почему вы здесь? – спросил Мессинг.

– А ты почему здесь, Вольф?

– Я искал родных... маму, брата, сестер... племянников...

– И никого не нашел? – вновь улыбнулся Абель.

– Их куда-то угнали... на какое-то строительство...

– Их никуда не угоняли, Вольф... их ликвидировали... И мою семью тоже... Мне одному удалось спастись, но теперь я даже не знаю, зачем я спасся.

– Хотите, пойдем вместе? Постараемся выбраться отсюда, – сказал Мессинг.

– Куда?

– Будем пробираться к границе. Уйдем в Советский Союз.

– У вас это не получится. – Абель заглянул в свою сумку, достал заплесневелый черствый кусок хлеба, откусил и стал жевать беззубым

ртом.

– Вы же погибнете здесь, доктор Абель. – Кажется, Мессинг сейчас заплачет.

– Мы все погибнем, Вольф... скоро... И я никуда с тобой не пойду... Я живу здесь. – Абель показал рукой на один из домов. – Там, в подвале. У меня есть лежанка...

– Пойдемте, пойдемте, доктор Абель. Я помогу вам.

– Не надо. Я никуда не пойду. Я сделал ошибку – мне не надо было спасаться, мне надо было погибнуть с моей семьей. Думаю, скоро ошибка будет исправлена... Прощай, Вольф... Не надо было нам видаться... Впрочем, что Бог ни делает – все к лучшему. Прощай. – И Абель медленно пошел через двор к подъезду.

– Подождите, доктор Абель! – Мессинг сделал шаг к нему. – Пойдемте со мной. Все поправится. Мы будем вместе работать.

– Это новое ваше пророчество? – обернулся Абель. – Вы посылаете мне надежду?

– Я верю, так будет. Мы заживем другой жизнью, доктор Абель.

– Не хочу... я вообще не хочу больше никакой жизни... евреям не место в этой жизни. Прощайте. – Абель пошел прочь, но вдруг снова обернулся. – Я все эти годы следил за вашими выступлениями. У вас хорошо получалось... Только почему вы не предсказали всего этого? – Доктор Абель обвел рукой двор и медленно пошел дальше.

Мессинг смотрел ему вслед, потом встряхнулся и повернул в подворотню. Вышел в переулок и пошел по тротуару, свернул за угол – и чуть ли не столкнулся со Збышеком.

– Торопимся? – усмехнулся тот. – Патруль увидели?

– Ну да, патруль... – ответил Мессинг и оглянулся.

– Нашли родственников?

– Нет. Их две недели назад угнали немцы... а куда – неизвестно.

– Известно. Это всем известно, – ответил серьезно Збышек. – Только евреи этого знать не хотят.

– Послушайте... вы... вы не могли бы вывести меня обратно? – спросил Мессинг.

– Это будет стоить дороже, – улыбнулся Збышек. – Полторы тысячи марок.

– Хорошо, я заплачу вам две тысячи марок.

– Откуда у бедного еврея столько денег, чтобы ходить в гетто и обратно? – продолжал улыбаться Збышек.

– Вы поможете мне? – вместо ответа спросил Мессинг. – Или я поищу другого проводника?

– Только идиот может отказаться от таких денег. А лучше меня вы никого здесь не найдете... Как стемнеет, пойдём.

– Опять в канализацию?

– К сожалению, другой дороги нет, – развел руками Збышек. – Пойдем, я отведу вас туда, где вы сможете скоротать время до темноты, а то недолго и патрулям в лапы попасться.

И дальше они пошли вместе, стараясь держаться поближе к стенам и зорко оглядываясь по сторонам.

И вновь они шагали по гигантской кирпичной трубе, и вода хлюпала под ногами.

– Хотел сказать вам, где-то я вас видел... – говорил на ходу Збышек, подсвечивая дорогу фонариком.

– Может, где-то и видели... – не сразу ответил Мессинг.

– Нет-нет, определенно где-то видел. – Збышек обернулся, осветил Мессингу фонариком в лицо и снова двинулся вперед. Вдруг опять остановился и пристально посмотрел на Мессинга. – А вы министром каким-нибудь при Пилсудском не были?

– Каким-нибудь министром не был... – загораживаясь рукой от света, ответил Збышек.

– А кем же вы были? – спросил Збышек.

– Хотите, я лучше скажу, кем вы были? – спросил Мессинг.

– Да вы-то откуда знать можете? – усмехнулся Збышек.

– Вы родом из Лодзи. Вам двадцать шесть лет, вы были сержантом в армии. Войну встретили под Лодзью. Отступали до Варшавы. Ваш полк разгромили под Варшавой. Вы были ранены, вылечились. А тут и война кончилась...

– Черт знает что... – перепуганно пробормотал Збышек. – Вы кто? Дьявол? Откуда вы это знаете?

– Пойдемте, Збышек. Мы теряем время.

Збышек молча повиновался. Какое-то время они шли молча. И снова Збышек остановился:

– Хорошо. А когда я вас выведу, вы скажете, кто вы такой и откуда все про меня знаете?

– Скажу, скажу... пойдете, – улыбнулся Мессинг.

Во дворе, закрытом с четырех сторон невысокими четырехэтажными домами, со скрежетом приподнялась и сдвинулась крышка люка и показалась голова Збышека. Было темно, у одного подъезда горел подслеповатый фонарь, рассеянным светом обозначая на фоне тьмы кроны деревьев и провалы окон. Збышек выбрался, затем помог вылезти Мессингу. Здесь царило тревожное молчание, лишь тихо шуршали под ветром ветви кленов.

– Ну, вот вы и в свободной Варшаве, – сказал Збышек, и его зубы блеснули в улыбке.

– Благодарю вас. Возьмите деньги. – Мессинг протянул ему ассигнации.

– Теперь вы скажете, откуда вы про меня все знаете? – спросил Збышек, пряча деньги.

– Я постарался вас хорошенько изучить. Уже когда мы встретились в пивной, – ответил Мессинг. – Иначе как бы я доверился вам?

– Это понятно. Но каким образом?

– Видите ли... дело в том, что я Мессинг... Вольф Мессинг, – несколько смутившись, ответил Вольф. – Может, вы слышали обо мне? В газетах читали? Я долго концертировал в Варшаве... Берлине...

– Точно... Дева Мария, как же я раньше вас не узнал... – расплылся в улыбке Збышек. – Ну да, в газетах читал... и портреты ваши... Как же вы это делаете?

– Что именно?

– Ну, вот про меня как вы все узнали?

– Этого словами не объяснишь, Збышек... Я закрыл глаза и увидел вас в Лодзи... потом увидел вас в военной форме артиллериста. Вы ведь артиллерист?

– Да, наводчиком служил... Закрываете глаза и все видите?

– Не всегда... – улыбнулся Мессинг. – Мне вот не следовало идти в гетто, я уже знал, что никого родных живыми не застану, а я все-таки пошел... Надеялся на чудо, а получается – чудес в жизни не бывает.

– Как это не бывает? То, что вы говорите, и есть настоящее чудо, пан Мессинг. Вот буду друзьям рассказывать, как водил вас по варшавской канализации, никто не поверит, ха-ха! – И он рассмеялся.

Через подворотню они вышли из двора на улицу. Пусто и тихо. И вдруг в стороне послышалась автоматная очередь, через секунду вторая, потом крики, потом опять все стихло. Мессинг и Збышек стояли, прислушиваясь.

– Вы теперь куда? – спросил Збышек, прикуривая сигарету.

– Не знаю пока... буду выбираться из Варшавы...

– Куда?

– Буду пробираться к границе. Хочу в Россию. В Советский Союз. Только там я могу спастись.

– Да вас три раза зацапают, прежде чем вы до границы доберетесь, – сказал Збышек.

– Другого выхода у меня нет... Может, поможете? У вас, наверное, есть знакомые? Вы знаете, Збышек, у меня еще есть деньги. В Советском Союзе они мне не понадобятся. Я вам отдам их. Тут много... – Мессинг полез в дырку в подкладке и достал целую пачку марок. – Не знаю точно, сколько здесь. Берите все. – И он протянул пачку Збышеку.

– Да куда столько? – Збышек даже испугался. – Себе хоть что-то оставьте.

– Зачем? В Советском Союзе эти деньги не ходят. Новую жизнь надо начинать нищим, Збышек... отряхнув с себя весь прах прошлого... Извините за высокопарные слова. – Мессинг виновато улыбнулся.

Но Збышек этой улыбки не увидел и даже, кажется, не слышал слов Мессинга – он держал на ладони толстую пачку денег и смотрел на нее, потом проговорил глухо:

– Может, и я начну новую жизнь, а, пан Мессинг? Что вы думаете на этот счет?

– Новую жизнь может начать любой человек, если знает зачем, – ответил Мессинг.

– На эти марки можно купить кучу оружия... – вслух размышлял Збышек.

– Уйдете в партизаны? – спросил Мессинг.

– А для чего еще нужно оружие? Ладно, пан Мессинг, пойдете. Я знаю, как вам помочь... – И он, не оборачиваясь, быстро зашагал в

темноту.

Мессинг едва поспевал за ним.

Во дворе дома на окраине Варшавы двое парней запрягали в телегу лошадь. Мессинг и Збышек стояли рядом, Збышек курил.

Один из парней похлопал лошадь по шее, поправил сбрую и сказал:

– Пошли в дом. На дорогу подкрепиться надо.

За большим столом расселись молча. На столе дымилась в миске горячая картошка, в другой миске горками лежали соленые огурцы и помидоры, на тарелках – куски вареного мяса. Тут же бутыль самогона и маленькие стаканчики. Самый старший, с короткой окладистой бородой, налил в стаканы самогон, сказал:

– Ну, в добрый путь...

Все молча чокнулись и выпили и так же молча принялись за еду.

– Когда придет человек от пана Щуки? – спросил Збышек.

– В среду обещался, – ответил старший.

– Янек, скажи ему, что я достал денег на взрывчатку и на оружие.

– Откуда? – недоверчиво уставился на него Янек. – Ты знаешь, сколько нужно?

– Есть деньги. Марки... – И Збышек выразительно скосил глаза в сторону Мессинга, и остальные тоже посмотрели на него, продолжая есть, и больше вопросов не задавали...

Мессинг съел две картофелины, поел мяса и отодвинул от себя тарелку.

– Благодарю вас.

– Мало поели, вельможный пан, дорога долгая. Поешьте еще, поешьте, – сказал настоятельно Янек и, придвинув тарелку обратно к Мессингу, сам положил на нее два больших куска мяса и пару картофелин, налил в стаканчики самогону.

– За ночь до реки доберетесь? – спросил Збышек.

– Нет. За две ночи. Днем будем сидеть в лесу. Чем ближе к границе, тем больше разных патрулей, – ответил Янек и поднял свой стаканчик, проговорил тихо, но с глухой яростью: – Смерть всем бошам!

– Смерть, – повторили остальные и подняли свои стаканчики.

– Смерть всем фашистам, – сказал Мессинг и поднял свой стаканчик.

Чокнувшись, они молча выпили.

Марсель, 1936 год

Вольф Мессинг сходил по трапу, улыбался и приветственно махал поднятой рукой. За ним шли улыбающийся Цельмейстер и Лева Кобак. Все в белых костюмах и белых лакированных туфлях. Внизу на причале собралась целая толпа корреспондентов и простых зевак. Многие размахивали газетами с портретами Мессинга. Крупным шрифтом чернели заголовки: “Знаменитый на весь мир Вольф Мессинг возвращается в Европу!”, “Билеты в концертных залах Марселя и Парижа раскуплены за две недели до его приезда!”.

Другие пассажиры, спускавшиеся по трапу, с любопытством поглядывали на Мессинга и его спутников, переговаривались между собой, наверное, спрашивая друг друга, с какой такой знаменитостью они плыли через Атлантику?

Когда Мессинг в сопровождении Цельмейстера и Кобака сошел на причал, толпа окружила их – совали газеты для автографа, наперебой задавали вопросы:

– Мсье Мессинг, распишитесь, пожалуйста!

– Автограф, мсье, поставьте свой автограф!

– Как вы себя чувствуете, ступив на землю Франции?

– Я счастлив, господа! Все эти годы я мечтал о прекрасной Франции! – торопливо отвечал Мессинг, успевая расписываться на газетах, на блокнотах, просто на каких-то картонках и клочках бумаги.

– Как долго вы намерены пробыть во Франции?

– Где и когда состоится ваше первое выступление?

– Господа, господа, дайте же пройти, черт возьми! – Цельмейстер и Кобак старались загородить Мессинга, с трудом пробирались через толпу. – Мы устали в пути! Дайте пройти, прошу вас! Дорогу, господа, дорогу!

– Вы так и не женились за все эти годы, мсье Мессинг? Неужели во всей Америке не нашлось той, которая покорила бы ваше сердце?

– Как видите, не нашлось! – ответил за Мессинга Цельмейстер. – Некогда ему жениться! Ему работать надо! И потом, глядя на каждую женщину, маэстро видит ее будущее, и это будущее его пугает!

– Мсье Мессинг, скажите мне о моем будущем!

И вдруг, когда они уже подходили к открытому автомобилю, к ним протолкался невысокий сухощавый человек в клетчатом светло-коричневом костюме, с хищным остроносым лицом.

– Мсье Мессинг! Я – Эрих Ганусен! Я занимаюсь примерно такими же сеансами гипноза и телепатии, как вы! Где мы можем поговорить с вами о будущем?

– О будущем господина Мессинга вам придется говорить со мной. – Цельмейстер грубо отстранил Ганусена. – Я распоряжаюсь его будущим, понятно? И уйдите, пожалуйста! В его будущем я вас не вижу!

Они торопливо сели в автомобиль, который окружила толпа.

– Поехали, мсье, поехали! – скомандовал Цельмейстер шоферу, и тот медленно тронул машину, отчаянно гудя клаксоном.

Толпа расступалась, открывая дорогу, и только Ганусен, вцепившись в борт автомобиля, быстро шел рядом и говорил торопливо:

– Вы не поняли, мсье! Меня знают в Германии! Я предлагаю вам совместное выступление!

– Мсье, отцепитесь от машины! – перебил его Цельмейстер.

– Совместное выступление! Огромный успех, мсье! – Ганусен продолжал бежать рядом с автомобилем.

– Отцепитесь от машины, вам говорят! – пытаюсь отодрать пальцы Ганусена от борта, закричал Цельмейстер.

Наконец ему удалось оттолкнуть назойливого преследователя, и тот, едва не упав, сделал еще несколько шагов по инерции, остановился и с ожесточением сплюнул.

– Кто такой этот Ганусен? – спросил Мессинг.

– Твой конкурент, – усмехнулся Цельмейстер. – Тоже выступает с публичными опытами телепатии и гипноза. Говорят, он связан с фашистами.... Будто бы даже с самим Гитлером. Выступает в роли оракула...

– Откуда ты все это знаешь? – удивленно посмотрел на него Мессинг.

– Мой дорогой, я на пароходе последние пять дней только и делал, что читал французские и немецкие газеты. Пусть и месячной давности, но... кое-какое представление об обстановке во Франции,

Германии и вообще в Европе они дают... Правда, не ожидал, что мы встретим этого типа уже в Марселе, в морском порту. Видно, специально приехал.

– Откуда журналисты узнали, что мы приплываем?

– Я заранее послал телеграммы в разные газеты, – осклабился Цельмейстер. – Рекламу, дорогой Вольф, надо делать заранее, иначе на твои выступления придут три с половиной человека.

Машина ловко маневрировала по улице, заполненной автомобилями и конными экипажами. И скоро остановилась у подъезда четырехэтажного отеля, построенного в старом мавританском стиле: изящные колонны, подпирающие портик над подъездом, украшенные восточным орнаментом двери. Вход охраняли два швейцара в ливреях, тут же суетились мальчишки-посыльные в форменных курточках и кепках.

Не успел автомобиль остановиться, как несколько мальчиков кинулись к нему, мгновенно расхватали чемоданы и сумки и понесли к подъезду. Цельмейстер расплатился с шофером.

– Будьте так любезны, мсье, приехать сюда вечером. Мы хотим покататься по городу, – сказал Цельмейстер. – Освежить в памяти прошлое.

– Конечно, мсье, – кивнул шофер. – Могу предложить вам на выбор разные уютные местечки, где можно неплохо развлечься. Девочки на любой вкус – черненькие, беленькие, мулаточки, и цены весьма разумные. И не какие-то портовые шлюхи, а хорошо воспитанные девочки... даже образованные попадаются. А цены, правду говорю, мсье, очень... ну очень разумные.

– Разумные, говоришь? А ты с этих разумных цен свой процент имеешь?

– Совсем небольшой, мсье. У меня большая семья, трое маленьких мальчишек, подрабатываю, где могу...

– Ладно, эту программу мы обсудим, когда поедем кататься, – понизив голос, сказал Цельмейстер и опасно покосился на Мессинга, который медленно направился от автомобиля ко входу в отель.

Берлин, 1936 год

Ганусен сидел в кресле в кабинете Геббельса, покуривал сигару и медленно говорил:

– Что я могу сказать, рейхсминистр, мне было достаточно нескольких взглядов, чтобы понять... – Ганусен потянулся к столику, на котором стояла рюмка с коньяком, взял ее, отпил глоток, почмокал губами.

– Чтобы понять что? – резко спросил сидевший за столом Геббельс.

Громадный канцелярский стол производил внушительное впечатление на посетителей, и маленькая фигурка рейхсминистра казалась за ним еще меньше. За спиной Геббельса на стене висел огромный портрет Гитлера, и изображение фюрера было больше, чем рейхсминистр в натуральную величину.

– Что передо мной шарлатан, но... – Ганусен вновь отпил глоток, потянул сигару и выпустил дым.

– Что “но”? – вновь нервно спросил рейхсминистр.

– Но шарлатан очень умный... наделенный некоторыми телепатическими способностями...

– Какими же, интересно знать? Что я должен сказать фюреру?

– Способностями телепатической связи... Я постараюсь выяснить все подробно при близком общении. Я сумею его заинтересовать.

– Учтите, доктор, фюрер проявил самый живой интерес к этому еврею. И если...

– Понимаю... – усмехнулся Ганусен. – Если он произведет впечатление на фюрера, мне дадут отставку.

– Совсем не обязательно. Один прорицатель хорошо, два – лучше. Жду от вас сообщений, доктор. А теперь допивайте коньяк и пошли вон.

Ганусен, несколько не изменившись в лице, допил коньяк, поставил рюмку на стол, поднялся из кресла и спокойно вышел. Геббельс злыми глазами смотрел ему в спину.

Марсель, 1936 год

Мессинг вышел из ванной, прошел в спальню, вытираясь на ходу большим махровым полотенцем, и открыл платяной шкаф. Достав оттуда рубашку и костюм, начал одеваться. Он как раз застегивал перед зеркалом рубашку, когда в номер постучали.

– Входи, Питер, входи! – прокричал Мессинг из спальни.

Щелкнула дверь, и из гостиной раздался веселый женский голос:

– Куда вы спрятались, мсье? Я пришла, как и обещала...

Когда Мессинг вышел из спальни в гостиную, он не смог скрыть удивления.

У стола стояла стройная девушка с сильно накрашенными губами и подведенными глазами. Игривая шляпка с бумажным красным цветком на голове, черные ажурные чулки – ни дать ни взять Кармен из дешевой оперетки.

– Простите, вы не ошиблись номером? – придя в себя, спросил Мессинг.

– Ну что ты, Вольф, как я могла ошибиться? Я мечтала о встрече с тобой. Я бредила тобой все эти годы. Ты иссушил мою душу. Ты сделал мою жизнь сплошным мучительным ожиданием... – Говоря без остановки, она подошла к Мессингу и порывисто обняла его, прижала к себе. – Я люблю тебя, Вольф! Ты мой единственный возлюбленный!

Мессинг попытался сопротивляться, но девица впиалась губами в его губы и стала подталкивать к дивану. Скоро они обрушились на него.

– Милый мой, милый... – бормотала нежданная гостья, ловко срывая с себя шелковую блузку и не менее ловко избавляясь от юбки.

Мессинг вывернулся из-под нее, встал, поправляя растерзанную на груди рубаху.

– Ну куда же ты?! – плачущим голосом пропела прелестница, протягивая к нему руки и сверкая соблазнительными большими грудями.

– Я сейчас... дорогая... сейчас, одну минуту... – заикаясь, ответил Мессинг и бросился в прихожую, выскользнул из номера и столкнулся с Цельмейстером, который как раз шел к нему.

– Полицию, Питер, немедленно полицию... у меня в номере девица...

Цельмейстер мгновенно все понял, и в это время из номера раздался истошный визг и женский крик:

– На помощь! Насилуют! Помогите!

Цельмейстер бросился бежать по коридору, крикнув Мессингу на ходу:

– Не заходи туда!

Но Мессинг заглянул в номер – уж очень жалобно кричала девица, но как только он появился, она кинулась к нему, обняла и снова стала целовать, пачкая губной помадой щеки и губы и умудряясь одновременно истошно вопить. Мессинг пытался отбиваться, но девушка попала на удивление сильная и Мессинга не выпускала.

И в это время в номер на крики вошли администратор и две горничные в белых наколках на голове и белых фартуках. Страшная картина предстала перед ними: растерзанная полуголая девушка и не менее растерзанный Мессинг, с расцарапанным лицом и следами помады на щеках и губах. Увидев их, девица завизжала:

– Он меня хотел изнасиловать! Он меня избивал!

Секундой позже в номер вломились двое ажанов, за ними запыхавшийся Цельмейстер, а следом несколько журналистов с фотоаппаратами. Девица при виде полицейских заголосила еще громче, но один из них, грузный, с выпирающим из-под ремня животом, злобно рявкнул:

– А ну заткнись!

Та мгновенно замолчала, потом проговорила спокойно и устало:

– Он хотел меня изнасиловать! Он меня в номер зазвал, обещал угостить вином и сразу набросился как зверь...

– Вы ее знаете? – шепотом спросил полицейского Цельмейстер.

– А как же... На Тюильри всегда торчит, – буркнул полицейский.

Журналисты щелкали фотоаппаратами. Мессинг повернулся и вышел из гостиной в спальню. Один из журналистов кинулся за ним, но Вольф закрыл дверь перед его носом.

– А ну пошли, – грозно сказал старший полицейский. – В участке будем разбираться. Прикройся! – И он взял с дивана блузку и швырнул девице.

– Послушай, милая, кто тебя подговорил это устроить? – кинулся к ней Цельмейстер. – Его не Ганусен зовут?

– Мне плевать, как его зовут! Он мне денег заплатит, а ты что мне заплатишь? – озлобленно ответила девица, надевая разорванную шелковую блузку. – Блузку порвал, скотина! Пятьдесят франков заплатила! – шмыгала она носом. – Подлец эдакий!

– Пошли, пошли! – полицейский шагнул к двери. – Некогда мне с тобой возиться.

– Господа, прошу выметаться из номера! Провокация не удалась! Сенсации не будет! – расставив руки в стороны, Цельмейстер вытеснил журналистов из номера.

Через минуту Цельмейстер влетел в спальню. Мессинг сидел перед зеркальным трюмо и стирал кровь с царапин на щеке.

– Ты посмотри, а? Как кошка царапалась...

– Я уверен: это Ганусен ее подослал! – заявил Цельмейстер. – Этот пройдоха и не на такие дела способен!

– Да зачем ему это?

– Подорвать авторитет конкурента! Самое милое дело – организовать ему попытку изнасилования! Слава Богу, сорвалось, а то ты имел бы большую кучу неприятностей!

В это время из гостиной слышались шаги и покашливания.

– Что опять такое? – встрепнулся Цельмейстер и первым вышел из спальни.

– А вдруг это проститутка вернулась? – Мессинг поспешил за ним.

В гостиной стоял не кто иной, как Эрих Ганусен. Он встретил Цельмейстера и Мессинга широкой улыбкой:

– Прошу прощения, мсье, что не дал вам времени отдохнуть после приезда и вторгся без приглашения.

– А-а, это вы? – Мессинг держал ладонь у поцарапанной щеки. – Что вам нужно?

– Послушай, Вольф, мы напрасно отпустили полицейских, – заявил Цельмейстер. – Но я сейчас схожу за ними. Они наверняка еще в холле отеля... – И импресарио стремительно выкатился из номера.

– Я прошу вас, доктор Мессинг, уделить мне всего несколько минут, – произнес Ганусен, проводив взглядом ушедшего Цельмейстера

– Придется... – сокрушенно вздохнул Мессинг.

Ганусен удобно расположился в глубоком, обтянутом красным бархатом кресле, подвинул к себе низкий столик с пепельницей, неторопливо прикурил сигарету.

Мессинг молча ждал, держа в руке вешалку с пиджаком.

– Не буду вдаваться в подробности, мсье Мессинг, но если вы возьмете газеты хотя бы за последний месяц, вы не раз встретите там

мою фамилию, – многозначительно начал Ганусен. – Я скажу проще и доступнее...

– Доступнее кому? – серьезно спросил Мессинг.

– Вам, разумеется. – Ганусен пыхнул дымом.

– Я вижу, вы хорошего мнения о моих умственных способностях, – усмехнулся Мессинг.

– Ради Бога, не обижайтесь! – вскинул руки Ганусен. – Я давно провожу на публике опыты по телепатии... также усиленно занимаюсь ясновидением. И, скажу вам, добился весьма значительных успехов, если глава одного из мощнейших государств мира приблизил меня к себе и очень внимательно прислушивается к тому, что я говорю ему....

– Поздравляю вас с такой удачей. Я только не понял, зачем я вам нужен? Скажите проще и доступнее... – И Мессинг вновь язвительно улыбнулся.

Ганусен курил и молча смотрел на него. Мессинг бросил пиджак с вешалкой на диван, сел в кресло напротив и выжидательно посмотрел на гостя.

– Вижу, вы мне не верите... – наконец, после паузы проговорил тот.

– Не очень... Зачем вы сюда пришли?

– За вами...

– Интересно. Зачем же я вам нужен?

– Я обещал канцлеру привезти вас в Германию, – многозначительно произнес Ганусен. – Канцлер и другие лидеры современной Германии очень заинтересовались вашей личностью. Вы даже не представляете, какие перспективы это вам сулит...

– А вам? – спросил Мессинг.

– И мне тоже, не буду кривить душой, – улыбнулся Ганусен и выпустил из ноздрей две сильные струи дыма.

– Насчет моих перспектив не знаю, а вот в ваших я сильно сомневаюсь, – снисходительно улыбнулся Мессинг.

– Что вы хотите сказать? – Ганусен взглянул на него с тревогой.

– Да ничего я не хочу сказать. Просто ваши перспективы видятся мне... туманными и тревожными. Я объясняю как можно проще и доступнее.

– Для начала мы выступим вместе с вами в Берлине. Будет самая высокопоставленная публика. И если мы произведем соответствующее

впечатление... – Он многозначительно покрутил в воздухе рукой. – Что вы на это скажете, мсье Мессинг?

– Скажу вам, мсье Ганусен, что не люблю ругаться нецензурными словами, но все же их хорошо знаю, и если вы не хотите, чтобы я послал вас... то, будьте так любезны, покиньте мой номер, – с той же приветливо-язвительной улыбкой произнес Мессинг.

– Зря вы так, мсье, честное слово, зря! – искренне огорчился Ганусен, решительно погасил сигарету в пепельнице и встал. – Поверьте, коллега, в моем предложении нет ничего плохого для вас! Ничего предосудительного! Понимаете, в перспективе, если мы произведем впечатление, нам могут дать целую лабораторию для научных опытов! Вы понимаете, мсье Мессинг? Для научных опытов! Вы не будете выступать перед публикой, как цирковой клоун! Вы сможете заняться научными исследованиями своего таланта... моего таланта... Мы будем искать и изучать других людей, которых Господь наградил такими удивительными способностями. Простите за высокопарные слова, но мы сможем оказать большую помощь науке... А ведь в этой области науки людям известно так мало... потому и плодятся всякие легенды и небылицы... сказки и религиозные мифы... Подумайте, Мессинг, умоляю вас!

– Почему бы вам не заняться этим одному? – спросил Мессинг, но уже совсем другим тоном. В его глазах зажегся живой интерес.

– Проникнуть в тайны мозга – разве вам этого не хочется? Ну, хотя бы сделать такую попытку! У нас будет штат ученых – невропатологов, нейрохирургов, психологов! Нам памятник поставят, мсье! – Ганусен потряс сжатыми кулаками, глаза его горели дьявольским огнем.

– Я верю в искренность ваших слов, и перспектива, которую вы нарисовали, мне очень интересна. Меня смущает только одно, мсье Ганусен...

– Я изложил вам правду! Что же вас может смущать?

– Канцлер... этот ваш Гитлер...

Открыв рот, Ганусен некоторое время молча смотрел на него, потом просипел:

– Разве я дал повод, чтобы смутить вас именем фюрера?

– Не вы, мсье Ганусен... Мне кажется, мсье Ганусен, господин Гитлер хочет от вас... и от меня чего-то другого...

– Чего же, скажите, сделайте милость? – нетерпеливо перебил Ганусен. – Поймите, если вам или мне что-либо не понравится... если вы посчитаете, что вас обманывают, – всегда можно отказаться, уйти, уехать!

И тут дверь в прихожей хлопнула, слышались шаги, и в гостиную влетел разъяренный Цельмейстер:

– Выметайтесь отсюда немедленно! Ажаны будут здесь с минуты на минуту!

В гостиную вошел Кобак и растеряно посмотрел на Цельмейстера.

– Питер, успокойся. – Мессинг встал, подошел к своему импресарию. – Мы с мсье Ганусеном очень интересно поговорили. И я принял его предложение...

– Какое предложение? – выкатил полубезумные глаза Цельмейстер.

– Я потом тебе все подробно расскажу. Я уверен, это предложение тебя заинтересует, – улыбнулся Мессинг, положил Цельмейстеру руки на плечи и дружески похлопал.

Ганусен внимательно наблюдал за ними.

– Послушайте, Ганусен, это вы подослали Вольфу проститутку в номер? – весело спросил Цельмейстер.

– Какую проститутку? – испугался Ганусен.

– Обыкновенную. Она возле Тюильри всегда работает. И пьет там же, в кафе “Снежная королева”, регулярно напивается после работы.

– Не надо пытаться уличить меня в том, чего я не совершал, – оскорбленно ответил Ганусен.

– Ну, признайтесь, мсье Ганусен, будем друзьями, – снова улыбнулся Цельмейстер.

– Виноват, господа... – развел руками Ганусен и опустил голову. – Но вы первые меня обидели – не пожелали со мной разговаривать.

Париж, 1936 год

Зал был полон. На сцене ораторствовал Цельмейстер в черном смокинге и белой манишке с черной бабочкой, рядом с ним находился Ганусен в таком же строгом и торжественном одеянии.

– Господа! Позвольте представить вам доктора Эриха Ганусена. Он сейчас проведет с вашим участием, уважаемые господа, сеанс

телепатии – передачи мыслей на расстоянии. Покажет вам свои способности эти мысли принимать, прочитывать и выполнять приказы. Прошу вас, господин доктор.

Ганусен шагнул к краю сцены, долгим взглядом оглядел зал и громко проговорил:

– Есть ли желающие мысленно продиктовать мне свое желание, которое я исполню?

Вольф Мессинг стоял за кулисами и, чуть отодвинув край занавеса, смотрел в зал. Из-за его плеча выглянул Лева Кобак, тихо произнес:

– Если хотите знать мое мнение, Вольф Григорьевич...

– Я не хочу знать вашего мнения, – перебил Мессинг, глядя в зал.

– Есть ли желающие задать мне какое-либо труднейшее, невыполнимое задание! И будьте уверены, я его выполню, господа! – выкрикивал в зал Эрих Ганусен.

В пятом ряду с самого края встал средних лет человек в клетчатом пиджаке.

– Поднимитесь, пожалуйста, на сцену, – пригласил его Ганусен.

Человек в клетчатом пиджаке поднялся, пугливо озираясь, посмотрел в зал, потом уставился на Ганусена.

– Вы уже придумали для меня задание? – весело спросил Ганусен.

– Придумал... – ответил зритель.

– Пожалуйста, вслух не говорите. Продиктуйте мне его мысленно... – сказал Ганусен.

Они смотрели друг на друга и молчали. Публика сдержанно дышала, чихала и кашляла в ожидании. Наконец Ганусен повернулся к залу и проговорил:

– Задание я принял. Начинаю выполнять.

С этими словами он спустился в зал, остановился, оглядывая зрителей, словно пересчитывал их, потом медленно пошел по проходу между креслами. Разношерстная, довольно демократичная публика с живым интересом следила за ним.

Следил за ним и мужчина в клетчатом пиджаке, стоявший на сцене. Губы его что-то беззвучно шептали.

Ганусен остановился напротив девятого ряда, скользнул взглядом по головам и лицам зрителей, позвал, указав рукой:

– Мадемуазель, могу я попросить подойти ко мне, а то до вас долго добираться. Нет, нет, не вы, а вот та мадемуазель, в синей шляпке с красным цветком. Да, вы, мадемуазель, простите, не знаю, как вас зовут. Окажите любезность, подойдите ко мне...

– Зачем он просит подойти к нему? – прошептал Лева Кобак за спиной Мессинга. – Это невежливо... и вообще это похоже на подставу...

– Помолчите, Лева, – зло оборвал его Мессинг, глядя в зал.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Париж, 1936 год

...Молодая женщина в легком цветастом платье, синих шелковых перчатках до локтя и маленькой синей шляпке с красной розочкой над ухом, улыбаясь, стала пробираться по ряду к Ганусену. Он встретил ее в проходе, галантно поцеловал руку и громко проговорил:

– Мне приказали снять с вас левую перчатку и принести моему агенту на сцену.

– Пожалуйста, мсье, – улыбаясь, женщина стянула с руки перчатку, протянула ее Ганусену. – Надеюсь, вы мне ее вернете?

– Непременно, мадемуазель. – Ганусен еще раз поцеловал руку женщине и с перчаткой направился к сцене. Он легко взбежал по ступенькам и, подойдя к человеку в клетчатом пиджаке, протянул ему перчатку:

– Я правильно понял ваше задание? – спросил он торжествующим голосом.

– Все правильно, – глядя в зал и тоже улыбаясь, ответил человек в клетчатом пиджаке. – Здорово! Как вы догадались?

– Я и сам хотел бы вам объяснить, но, боюсь, не смогу! – с этими словами Ганусен поклонился, и зал дружно захлопал, раздались крики “Браво!”.

И вдруг один возглас, резкий и громкий, перекрыл аплодисменты:

– Позвольте, господа, позвольте! Это мошенничество! Я вас видел!

Медленно стихали хлопки, зрители вертели головами в разные стороны и наконец все увидели вскочившего на ноги высокого, коротко стриженного парня в пиджаке и тонком свитере. Он подождал, пока наступит тишина, и вновь громко проговорил:

– Господин доктор! Вы обманщик! Я видел вас вместе с этим господином и этой мадемуазель перед концертом! Вы кофе пили в кафе “Лилия”... рядом с театром. Мы с моим другом их всех вместе и видели! Тоже кофе выпить зашли! Господа, нас просто нагло обманывают! Я требую вернуть деньги за билеты!

Зал сразу поверил в обман и угрожающе загудел. Выкрики посыпались один за другим:

– Безобразие! Полицию надо вызывать!

– А я с самого начала был уверен, что это мошенничество! Как он может мысленно приказы отдавать? Пусть деньги возвращают, мошенники!

– Господа, мсье ошибается! Не мог он видеть меня в кафе! – слабо отбивался Эрих Ганусен, но было видно, что он напуган и не знает, что делать. Раза два он обернулся к занавесу, поскольку знал, что там стоял Мессинг.

– Что делать, Вольф Григорьевич? Скандал будет страшный... – прошептал Лева Кобак.

Мессинг не ответил, резко отодвинул край занавеса и вышел на сцену. Зал ревел и улюлюкал, слышались крики:

– Деньги верните! Мошенники!

– А морды набить всей компании!

– Клеем облить и в перьях вывалить! Пусть в таком виде по Парижу побегают!

Человек в клетчатом пиджаке и молодая женщина в синей шляпке с розочкой между тем тихо ретировались за кулисы. Они остановились, растерянно глядя на Кобака.

– И что, все концерты господина Ганусена проходят таким образом? – с ехидцей спросил Кобак. – Ну и посадили вы нас в большую лужу!

– Кто мог подумать, что этот идиот зайдет в то же кафе, – развел руками человек в клетчатом пиджаке.

– Вам туда не надо было заходить, – ответил Кобак.

– Нет, но кто мог подумать? – покачал головой “клетчатый”. – Я давно работаю с господином Ганусеном, и никогда не было ничего подобного. Номера проходили, как говорится, на бис.

– Успокойтесь. Когда-нибудь это должно было случиться. Иначе тайный мошенник никогда не стал бы явным мошенником...

– Вы считаете доктора Ганусена мошенником? – выкатил глаза на Кобака человек в клетчатом.

– Кто? Я? – в ответ вытаращил глаза Лева. – Упаси Боже!

– Учтите, господин Ганусен бывает в таких... кабинетах, что огого...

– Упаси Боже! – вновь изумился Лева Кобак. – Тогда позвольте пожелать вам всего наилучшего... в кабинетах...

– Уходите, – тихо, но резко сказал Мессинг Ганусену, подойдя. – Немедленно уходите.

– Я не могу уйти... будет еще хуже... – испуганно пробормотал Ганусен. – Сделайте что-нибудь, умоляю вас...

Мессинг подошел к краю сцены и поднял руку. Зал бушевал, но вдруг стал постепенно стихать.

– Господа, прошу внимания! Позвольте мне сказать всего несколько слов! Господа! Даже приговоренный к гильотине имел право на несколько последних слов.

В зале рассмеялись, и крики медленно стихли.

– Мсье! – Мессинг посмотрел на парня, который поднял весь этот скандал. – Мсье, можно вас попросить выйти на минуту на сцену?

– А зачем? – поднимаясь, ответил парень. – Япод присягой могу подтвердить, что видел, как они совещались в кафе!

– Может быть, я смогу рассеять ваши сомнения? Ваши и всего зала! Хотите я подойду к вам? – Мессинг стал быстро спускаться по ступенькам.

Парень несколько смутился, пошел быстрее, и они встретились у сцены.

– Господа, я уверен, что вот этому мсье вы вполне доверяете! – громко проговорил Мессинг. – И чтобы восстановить ваше доверие к нам, я хочу попросить этого молодого человека мысленно дать мне любое задание! Я повторяю: задание любой сложности! Простите, молодой человек, вы, если не ошибаюсь, студент Сорбонны?

– Вы-то откуда знаете? – не смог сдержать удивления парень в свитере.

– И проходите обучение на филологическом факультете, это так? – напористо спрашивал Мессинг, буравя глазами парня.

– Тоже, наверное, мошенник! – раздался голос из задних рядов, и следом по залу прокатился смех.

– Да какой я мошенник? Я действительно учусь в Сорбонне! Действительно на филологическом факультете! – громко сказал парень. – И этого господина вижу в первый раз в жизни!

– Тогда дайте мне любое задание, мсье студент. Простите, вас случайно не Франсуа зовут? – Мессинг улыбнулся.

– Вот это да-а... – протянул вконец огорошенный парень. – Вы что, действительно ясновидящий?

– Вас зовут Франсуа? – настаивал Мессинг.

– Франсуа...

– Тогда вперед, Франсуа! Задайте мне задание. Я очень хочу, чтобы именно вы убедились, что мы не мошенники! Что телепатия и передача мыслей на расстоянии существует. И потому, для пущей убедительности, это задание я выполню с завязанными глазами. Я надеюсь, господа зрители поддержат мою просьбу? – Мессинг обвел зал горящими глазами, и зрители отозвались дружными аплодисментами.

– Задай ему что-нибудь позаковыристей, Франсуа! – крикнул кто-то, и вновь все засмеялись.

Франсуа долго, молча смотрел на Мессинга, наконец проговорил:

– Я мысленно даю вам задание... выполняйте...

Мессинг улыбнулся, достал платок и, промокнув лоб, ладонью пригладил волосы. Потом протянул платок Франсуа:

– Пожалуйста, сами завяжите мне глаза.

– Но как же вы пойдете? – удивился Франсуа.

– Пожалуйста, делайте, что я вам говорю, – мягко, но настойчиво попросил Мессинг.

Франсуа, чувствуя на себе взгляды сотен глаз, взял платок, сложил его в повязку, разгладил. Мессинг повернулся к нему спиной, и Франсуа наложил повязку ему на глаза, завязал на затылке. Мессинг потрогал пальцами повязку на глазах, затем медленно пошел по проходу и остановился напротив ряда, где сидел Франсуа.

...Он напряженно смотрел во тьму и видел проясняющийся все четче и четче туннель... всплывали и растворялись в этом туннеле лица людей... шахматное поле с разбросанными по нему фигурками... и тьма время от времени озарялась и окрашивалась в разные цвета – красный, зеленый, синий... желтый... И неожиданно среди мертвых лиц, шахматных полей, по которым в беспорядке разбросаны фигуры, – еще одно шахматное поле, и теперь фигурки на нем расставлены, и, на удивление, их осталось совсем немного...

Сотни глаз напряженно следили за телепатом.

– Здесь рядом с вами сидит ваш товарищ. Он тоже студент. – Мессинг двинулся вдоль ряда. Сидящие в креслах люди торопливо вставали, освобождая проход.

Мессинг остановился возле парня такого же возраста, что и Франсуа, и громко сказал:

– Вы и есть товарищ Франсуа. И зовут вас... – Мессинг замолчал, глядя на парня. – Вас зовут Поль... нет, простите, вас зовут Пьер, это так?

– Верно... Пьер... – поднимаясь, парень растерянно улыбнулся. – Здорово...

– У вас в кармане пиджака лежит коробочка с маленькими шахматами, – продолжил Мессинг. – Прошу вас, достаньте ее.

Парень с тем же удивленным выражением лица полез во внутренний карман пиджака и, достав черную плоскую коробочку, протянул ее Мессингу.

Тот взял ее и раскрыл – на маленьком черно-белом клетчатом поле стояли крохотные фигурки. Белые выстроены по одну сторону поля, черные – по другую. Мессинг провел по фигуркам пальцами, едва касаясь их, затем громко проговорил:

– Вы приказали мне расставить нужные фигуры так, чтобы через три хода белые поставили мат черным? Я правильно вас понял?

– Правильно... – совершенно ошеломленный, ответил Франсуа.

– Говорите громче, чтобы слышали! – потребовал Мессинг.

– Вы поняли меня правильно! – прокричал Франсуа. Он все еще находился у самой сцены, но теперь медленно пошел по проходу к тому ряду, где стоял Мессинг.

Мессинг стал одну за другой снимать маленькие фигурки с поля и протягивал их Пьеру, приговаривая.

– Возьмите, пожалуйста... и эти фигурки возьмите... и эти тоже...

Многие в зале вставали, чтобы лучше видеть, многие подходили по проходу, и скоро вокруг Мессинга собралась толпа. Все смотрели, затаив дыхание.

Наконец на маленькой доске осталось всего несколько фигур. Пальцы Мессинга нерешительно трогали то одну, то другую фигурки, переставляли их, замирали, снова переставляли... Голова его с завязанными глазами в это время была запрокинута, словно он смотрел в небо.

А пальцы медленно ставили одну фигуру... другую... Затем передвинули коня с черной клетки на белую... поставили белого ферзя на черную клетку, затем переместили на две клетки вперед...

Постепенно на маленьком шахматном поле стала выстраиваться определенная позиция.

Франсуа протиснулся сквозь толпу и встал рядом со своим приятелем Пьером, глядя на Мессинга.

У того на лбу выступили крупные капли пота, губы крепко сжались, резче обозначив глубокие морщины у рта.

Наконец на доске была выстроена определенная позиция.

– Смотрите, Франсуа, – сказал Мессинг. – Белая ладья забирает черную пешку, потом черный конь прикрывает удар от белого ферзя по шестой вертикали... и белая ладья объявляет черному королю мат... Правильно я понял ваше задание?

– Не совсем, – смущенно проговорил Франсуа. – Черный конь атакует белую ладью, бьет ее, но белый ферзь ходом по диагонали объявляет черному королю мат... Но все равно – это просто необъяснимо! Это черт знает что! – громко выговаривал Франсуа.

– Ничего подобного в жизни не видел, – проговорил его приятель Пьер. – Дьявольщина какая-то!

– Я выполнил ваше задание, мсье Франсуа? – громко спросил Мессинг.

– Да, конечно! Господа, это просто какие-то чудеса! Я даже не знаю, как это объяснить! – выкрикивал Франсуа, а публика вокруг теснилась, пытаясь рассмотреть маленькую, крохотную доску, и многие начали аплодировать.

– Мсье Мессинг, вы великий человек!

– Умоляю, мсье Мессинг, расскажите, как вы это делаете?!

– Волшебник из сказки! Волшебник!

– А может, злой колдун?!

Под эти возгласы Мессинг пробрался к сцене, быстро поднялся на нее и скрылся за кулисами.

Он лежал на кушетке в кабинете директора театра с мокрой повязкой на лбу. Врач только что измерил Мессингу давление и теперь укладывал тонометр в портфель.

– Давление стабилизировалось... несколько учащенный пульс, но это понятно – после такого напряжения... Вообще удивляюсь, мсье Мессинг, как вы еще на ногах держитесь?

– Видите – я на них лежу... – негромко пошутил Мессинг.

Цельмейстер и Кобак сидели на стульях, Эрих Ганусен расхаживал по кабинету. Директор театра мсье Марешаль сидел за письменным столом и молча барабанил пальцами по столу.

Доктор накапал в мензурку несколько капель, добавил несколько капель из другого пузырька, протянул Мессингу:

– Выпейте...

Мессинг взял мензурку, выпил, сморщился:

– Ужасная гадость...

Доктор убрал мензурку в металлическую коробку, потом – в портфель, сказал:

– Полежите. Все будет хорошо. Вы человек крепкий, сердце здоровое – так что еще поживете... – доктор ободряюще улыбнулся и вышел из кабинета.

– Так вот, Вольф, я тебе говорю! – тут же заговорил Ганусен. – Чтобы разогреться, я всегда вначале использую подставных лиц! А затем уже работаю сам! Вот спроси, пожалуйста, господина Марешаля!

– Да, у нас так не раз бывало, – кивнул директор Марешаль. – Кто мог подумать, что случится такой вот казус! Просто позор на весь Париж...

– На всю Европу... – пробормотал Кобак. – Завтра во всех газетах напишут...

– Неужели вы не понимаете, мсье, что это мошенничество чистой воды! – вспыхнул Цельмейстер. – На то, что вы сами будете в дерьме, – мне наплевать! Но вы поставили под удар безупречную репутацию господина Мессинга!

– Наоборот! – улыбнулся Ганусен. – Я предоставил ему возможность проявить себя во всем блеске! Подсознательно я имел в виду подобную ситуацию и сознательно пошел на нее! Удача Мессинга на фоне моей неудачи заблестала еще ослепительнее! Вы увидите, какие завтра будут восторги в газетах! Яуверен, уже сейчас весь Париж говорит об этом выступлении! – Ганусен победно вскинул голову и оглядел присутствующих.

– Боже мой, я был уверен, что самый беспринципный человек на свете – это я, но оказывается, есть мерзавцы похлеще... – вздохнул Цельмейстер и покачал головой.

– Вы жестоко пожалеете о своих словах, мсье Цельмейстер. – Ганусен злобно посмотрел на него.

– Хотелось бы знать когда – я приготовлюсь, – ответил Цельмейстер.

– Господа, господа, перестаньте пикироваться, – миролюбиво проговорил директор Марешаль. – Благодарение Богу, все закончилось благополучно. И я надеюсь, следующее выступление мы отменять не будем? Я предполагаю, что публика будет штурмовать театр, как восставший народ – Бастилию... – И директор негромко рассмеялся.

– Не знаю, не знаю... – ответил Цельмейстер. – Вы же видите, в каком состоянии мсье Мессинг. Какого напряжения сил ему стоило это выступление. Раньше он не делал ничего подобного... И между прочим, господин Ганусен, он пошел на это, чтобы спасти вашу репутацию!

– Господа, господа, прошу вас, не ругайтесь! – поднял вверх руки Марешаль. – Я понимаю и отдаю должное мужеству и смелости мсье Мессинга. Он действительно герой! И я готов подумать об увеличении гонорара!

– Я думаю, об этом мы поговорим отдельно, – встрепенулся Эрих Ганусен. – На следующее наше выступление публика будет ломать двери!

– Наше выступление... – ехидно произнес Цельмейстер, подчеркнув слово “наше”.

– Да, да, наше! Если бы не моя неудача, опыт Мессинга не прозвучал бы так выразительно!

– Ха-ха-ха! – театрально рассмеялся Цельмейстер.

Мессинг лежал на диване, на небольшой подушке. Голоса звучали отстраненно, словно возникали где-то далеко. Он устало закрыл глаза, и голоса удалялись, таяли...

– Хорошо, мсье Марешаль, на сколько вы могли бы поднять наши гонорары? – спросил Цельмейстер.

– На пять процентов.

– Мне смешно это слышать. Я просто сейчас умру от смеха. Эти пять процентов вы можете предложить заезжим фокусникам из итальянского цирка...

– Десять процентов! – рявкнул директор.

– Что же... я думаю... – начал было Эрих Ганусен, но Цельмейстер тут же перебил его:

– То, что вы думаете, расскажете своей жене... Я прошу, нет, я требую пятнадцать процентов, мсье Марешаль, и сильно боюсь, что Мессинг, когда проснется, поколотит меня за мою уступчивость.

– Хорошо, пятнадцать. Но вы должны будете дать еще пять концертов.

– Три, – сказал Ганусен. – В начале месяца мы должны будем выступить в Берлине.

– Вы можете торговаться в другом месте, чтоб вас черт побрал всех, вместе взятых? Как вы мне все опротивели... – тихо проговорил Мессинг, не открывая глаз.

Его услышали, замерли, потом один за другим на цыпочках вышли из кабинета, бесшумно прикрыли дверь.

Мессинг лежал с закрытыми глазами, сложив руки на груди, и походил в эти минуты на покойника.

...Дальше все случилось так, как и предсказывал директор театра Марешаль. Публика штурмовала театр почище, чем Бастилию во времена Великой французской революции. Газеты просто захлебывались от восторга... “Потрясающие психологические опыты докторов Вольфа Мессинга и Эриха Ганусена”, “Публика потрясена! Психологи и телепаты доктора Вольф Мессинг и Эрих Ганусен продемонстрировали фантастические способности приема и передачи мыслей на расстоянии!”, “Спекулянты продают билеты на психологические сеансы Мессинга и Ганусена в десять раз дороже номинальной цены!”, “Небывалый ажиотаж на представлениях Вольфа Мессинга и Эриха Ганусена”, “Предсказание будущего! Вольф Мессинг и Эрих Ганусен обладают даром провидения!”, “Вольф Мессинг и Эрих Ганусен покорили Париж!”, “Ваше прошлое и будущее вам расскажут доктора Вольф Мессинг и Эрих Ганусен!”.

И все это крупным шрифтом и на первых полосах. Тут же большие портреты улыбающихся Мессинга и Ганусена...

*Польша, 1939 год,
немецкая оккупация*

Мохнатая заморенная кляча тащила воз со снопами пшеницы, на передке телеги сидел возница по имени Янек. Он посматривал по сторонам и лениво подергивал вожжи. Дорога шла через кладбище, в вечернем тумане виднелись кресты и каменные надгробия, кусты и деревья, в которых запутались ключья тумана.

Мессинг лежал на дне телеги, накрытый снопами, и из-под свисавших перед лицом колосьев видел проплывающие мимо кресты, поникшие ветви кустарника, мокрые стволы деревьев. Скрипели колеса, проваливались в ямы, на колдобинах резко встряхивало, шлепала копытами по влажной земле лошадь. Янек время от времени оглядывался на снопы пшеницы. Потом спросил негромко:

– Как вы там, пан Мессинг, живы?

– Живой, живой... – отозвался Мессинг. – Мне тут хорошо... ты знаешь, никогда не было так хорошо... разве что в детстве...

Янек только усмехнулся, покачал головой и сказал:

– Скоро река будет... переплывете, и начнется у вас, пан Мессинг, новая... счастливая жизнь... а вот у нас... А может, скажете, пан Мессинг, когда же в Польше хорошая жизнь будет? Вы же все видите, все знаете...

– Не скоро, Янек... прости, но не скоро... – помолчав, со вздохом ответил Мессинг.

– Вот и я думаю, что не скоро... – невесело вздохнул Янек и вдруг улыбнулся. – Хорошо вам жить так, пан Мессинг!

– Почему же это хорошо?

– А все загодя знаете, что будет... хорошо ли, плохо ли... Значит, можно подготовиться и, если плохое видится, то сделать так, чтоб хорошо было...

– Вот этого как раз я и не могу, Янек... – сказал из-под снопов Мессинг. – Если вижу плохое, то оно и будет, и ничего изменить я не могу...

– А Господь наш Иисус Христос? – спросил Янек.

– Господь, наверное, может...

– Значит, помолиться надо будет, чтоб плохое нас миновало... – с надеждой сказал возница.

– А вы что, разве мало молитесь?

– Может, и мало молимся... Раз такая беда кругом... столько крови и горя... – вздохнул Янек. – Выходит, некому нам помочь...

И они замолчали надолго. Янек достал из-за уха недокуренную сигарку, чиркнул спичкой, прикуривая, и глубоко затынулся.

Кладбище кончилось, и дорога потянулась, вихляя то вправо, то влево, по редкому лесу, пошла под уклон. Потом лес сменил негустой кустарник, сквозь который в рассеянном мраке скоро блеснула река.

– Вот и до Буга добрались, пан Мессинг. – Янек сплюнул.

Вольф разворошил снопы и выглянул наружу. Янек слез с телеги, взял мешок с лямками, в котором был овес, и повесил на голову лошади. Животное сразу стало громко хрупать челюстями, и торба под мордой шевелилась, как живая.

– Посидите здесь, пан Мессинг, я схожу пока погляжу, все ли спокойно.

...Лодка была большая, она тихо покачивалась на спокойной воде. Янек помог Мессингу забраться в нее, потом сел на скамейку с веслами, рядом с уже сидевшим там молчаливым бородачом в брезентовом плаще с капюшоном, надетом на голову, и резиновых болотных сапогах. Янек и мужчина тихо взмахнули веслами, погрузив их в воду, и лодка медленно заскользила по зеркальной глади реки. Из-за ключев серых туч выплыла бледно-зеленая луна, и яркая серебряная дорожка побежала, заструилась по воде.

Мессинг сидел, ссутулившись, засунув зябнувшие руки в рукава пальто, смотрел по сторонам, говорил негромко:

– Граница, а никого не видно... ни немцев, ни русских...

– Не дай вам Боже бошей увидеть, – усмехнулся Янек. – А русских... если все хорошо будет, скоро увидите...

Длинная лодка почти бесшумно скользила по реке, держа путь к противоположному берегу. Мессинг нахохлился, задумчиво уставившись в пространство...

Берлин, 1937 год

Они готовились к представлению в гримуборной. Мессинг забился в угол, утонул в старом кожаном кресле, вытянув ноги и закрыв глаза рукой.

Эрих Ганусен сидел перед зеркалом и мазал кремом лицо, тщательно втирая его в кожу и глядя на себя в зеркало. Цельмейстер тоже развалился в кресле и потягивал сигару, пуская к потолку кольца дыма. Лева Кобак примостился за круглым столиком, на котором скопилось множество чашек из-под кофе. Отхлебывая черный

дымящийся напиток из небольшой чашки, он поглядел на Мессинга и тихо сказал:

– Везде в театре эти... в черной форме... эсэсовцы их называют... Публика их явно боится... не нравится мне все это...

– Перестаньте, Лева, не поднимайте ненужную панику... – продолжая массировать лицо, ответил Ганусен. – Видимо, после первого отделения в театр приехал какой-нибудь высокопоставленный руководитель рейха, а эсэсовцы – охрана...

– А на кой черт нужна охрана в театре? Кого этот руководитель рейха боится? – спросил Цельмейстер, продолжая пускать кольца дыма.

– Он – никого. Его все боятся, – сказал Ганусен, рассматривая себя в зеркале.

– Вы что, знаете его? – поинтересовался Цельмейстер.

– Знаю... Я многих знаю из руководства рейха, – спокойно ответил Ганусен и встал, сбросил халат и принялся надевать белую рубашку. – Этих людей очень интересуют наши способности...

– Ваши? Или Вольфа Григорьевича? – с иронией уточнил Цельмейстер.

– И мои тоже... Я уже говорил вам, что пользуюсь у этих господ особым расположением именно в силу моих способностей... Иначе, как вы думаете, почему они разрешили гастроли в Берлине еврею Мессингу?

– Почему вы об этом раньше не говорили, Эрих? – вдруг громко спросил Мессинг, отняв ладонь от глаз и пристально глядя на Ганусена.

– Да, собственно... не было такой необходимости... хотя я говорил как-то в Париже и вам, и Питеру... вы просто не придали моим словам значения...

– Вашим словам, Эрих, я всегда придаю значение, – медленно произнес Мессинг. – Вы говорили, что у вас есть друзья в высшем руководстве рейха.

– Ну да, говорил. Кстати, что в этом противоестественного? – несколько растерялся Ганусен.

– Противоестественно то, что мой коллега водит дружбу с заклятыми антисемитами, – холодно и спокойно проговорил

Мессинг. – Раньше я этого не знал. Я вообще не интересовался политикой. Но теперь... Или вы считаете это нормальным?

– Что я должен считать нормальным?

– А то, что из Германии уезжают все евреи... Эйнштейн, Брехт... Только мы приехали, как последние идиоты!

– Прошу меня к этой категории не причислять, Вольф, – запротестовал Цельмейстер. – Я отговаривал вас, как мог!

– В газетах пишут: любого, кто не одобряет национал-социалистов, выгоняют с работы, сажают в тюрьму. Вы считаете это нормальным?

– А что мне прикажете делать, Вольф? Я ведь живу в Германии, у меня большая семья, трое детей... Я здесь добился хорошего положения... Я же говорил вам, что мне обещают научную лабораторию со штатом сотрудников... Кстати, для вас эти антисемиты совсем не опасны... Антисемитизм – это политика, и, я уверен, она в скором будущем изменится...

– Мне кажется, нет, – покачал головой Мессинг. – Мне кажется, она сделается еще страшнее... И ваши перспективы, Эрих, мне видятся... – Мессинг закрыл глаза и замолчал.

Все присутствующие в гримуборной молча, с некоторой опаской посмотрели на Мессинга.

– И какими же вам видятся мои перспективы? – не выдержав паузы, спросил Эрих Ганусен.

Мессинг молчал.

– Может, скажете, Вольф, какими вам видятся *ваши* перспективы? – снова спросил Ганусен.

Мессинг опять не ответил. В дверь постучали, и она тут же отворилась. На пороге стоял офицер СС в черном мундире с серебряными погонами штурмбаннфюрера, с серебряной галочкой на рукаве и серебряными молниями в петлицах. Фуражку с серебряными черепом и скрещенными костями он держал в руке. Зачесанные назад светлые волосы и холодный взгляд серых глаз эсэсовца как нельзя лучше соответствовали образу истинного арийца.

– Господин Ганусен, прошу вас проследовать со мной, – медленно проговорил он.

– Но у нас выступление через пять минут, господин штурмбаннфюрер.

– Господин Мессинг может начать без вас. Прошу вас, господин Ганусен, – и офицер посторонился, освобождая выход из гримуборной.

– Простите, господин штурмбаннфюрер, но у нас выступление вдвоем, – возразил, поднимаясь из кресла, Мессинг.

– Начинайте один, – офицер чуть улыбнулся. – Ваша слава гремит на всю Европу... Мы тоже хотим испытать восторг от вашего мастерства.

– Я сейчас вернусь, Вольф, не беспокойтесь, – сказал Ганусен, направляясь к двери.

– Я не начну без вас.

Штурмбаннфюрер посмотрел на Мессинга долгим взглядом.

Цельмейстер и Кобак со страхом наблюдали за этой сценой и молчали.

– Да, да, господин офицер, я без Эриха Ганусена выступление не начну, – повторил Мессинг.

Эсэсовец опять ничего не сказал, только усмехнулся и шагнул к двери следом за Ганусеном. Они остались одни.

– Что вы на это скажете? – Мессинг уставился на Цельмейстера. – Куда он его увел?

– Я думаю, к этому... к канцлеру... – пожал плечами Цельмейстер.

– Зачем? – Мессинг взмахнул рукой. – А, простите за дурацкий вопрос...

– Вы будете выступать один? – спросил Лева Кобак.

– Нет, не буду, – решительно ответил Мессинг. – Что это такое? Кто дал им право менять программу? Приказывать? Даже с уличными артистами так не поступают!

– С уличными артистами они так не поступают, – согласился Цельмейстер. – Они их всех выгнали из Германии.

– Да кто им дал право, в конце концов! – крикнул в ярости Мессинг.

– Права такого им никто не давал, – вздохнул Цельмейстер. – Они его взяли... Не надо так нервничать, Вольф. Постараемся выбраться из этого дерьма, в которое мы влипли...

– По моей воле. – Мессинг с досадой хлопнул себя по бедрам. – Черт знает что!

В примуборную доносился шум зрительного зала и торопливая беготня обслуживающего персонала театра за кулисами. Тут в

помещение влетел запыхавшийся Ганусен.

– Мы уже пять минут должны были быть на сцене, – сказал Мессинг, указывая на часы.

– Вольф, послушайте... вам придется сегодня выступить одному. Я прошу вас, коллега... Дело в том, что они... они хотят посмотреть, как вы работаете один. Возражать им бессмысленно. Тем более что вопрос о лаборатории фюрер обещал решить в ближайшие дни. Я прошу вас, Вольф. Если вы откажетесь, будет скандал, последствия которого я даже не могу предсказать...

– Зато я могу, – резко сказал Мессинг.

– Я прошу вас, Вольф, – умоляюще повторил Ганусен.

Мессинг смерил его взглядом и быстро вышел из гримуборной.

Гитлер наблюдал за представлением из полузакрытой шторами ложи, рядом с ним втиснулся в кресло массивный Герман Геринг. Фюрер, одетый в светло-коричневый, наглухо застегнутый френч, сидел прямо, сложив руки на коленях. Позади него на стуле примостился Ганусен, он то и дело вытирал платком мокрое от пота лицо и облизывал пересохшие губы. Вплотную к Ганусену расположился штандартенфюрер СС. Он был напряжен и натянут как струна и не сводил взгляда с Гитлера.

Позади них, у двери в ложу, стояли два офицера СС.

– Этот опыт я выполню с завязанными глазами, – говорил со сцены Мессинг. – Любой желающий из зала может подняться на сцену и мысленно продиктовать мне задание, которое я должен выполнить.

Зал оживился, зрители вполголоса переговаривались друг с другом, посматривая на стоящего у края сцены Мессинга.

– У нас есть в зале такой желающий? – чуть обернувшись, спросил Гитлер.

– Так точно, мой фюрер, – наклонившись вперед, вполголоса проговорил штандартенфюрер. – Двое. Ротенфюрер Ханс Руммениге, он в шестом ряду, другой – шарфюрер Вальтер Белль – в одиннадцатом, в середине ряда.

И действительно, из середины шестого ряда встал молодой человек в темном костюме и начал пробираться к проходу. Зрители внимательно следили за ним. Он прошел к сцене, медленно поднялся

по ступенькам и остановился перед Мессингом, чуть поклонившись ему с улыбкой.

– Как вас зовут? – спросил Мессинг.

– Ганс Руммениге, – четко, по-военному ответил молодой человек.

– Вы уже приготовили мне задание? Вижу, что приготовили. Тогда приступим.

Мессинг вынул из кармана черную повязку и протянул ее Руммениге со словами:

– Пожалуйста, убедитесь, что это плотная повязка и сквозь нее нельзя ничего увидеть.

Руммениге пощупал повязку, посмотрел ее на свет, приложил к своим глазам и затем вернул Мессингу.

– Сквозь нее ничего не видно, – подтвердил он.

– Тогда повяжите мне ее сами. – И Мессинг повернулся к нему спиной.

Руммениге закрыл Мессингу глаза и крепко завязал тесемки на затылке. Мессинг ладонями прижал повязку к лицу и сказал:

– Отлично, я ничего не вижу! Будьте любезны, господин Руммениге, диктуйте мысленно свое задание, а я постараюсь его выполнить...

Руммениге уставился на Мессинга и стал мысленно диктовать. Губы его при этом несколько раз шевельнулись.

Мессинг медленно спустился со сцены в зал, остановился, оглядываясь по сторонам. Его бледное лицо, перечеркнутое черной повязкой, выглядело страшновато.

Зрители напряженно следили за его передвижениями. В зале стояла мертвая тишина.

Мессинг по проходу дошел до шестого ряда и, остановившись, вновь стал оглядываться по сторонам, затем нерешительно двинулся дальше...

– Какое задание он ему приготовил? – чуть повернув голову, спросил Гитлер.

– Найти в одиннадцатом ряду шарфюрера Вальтера Бёлля. В-первых, назвать его имя, сказать, кто он по профессии и в каком звании. Затем достать из правого кармана пиджака вашу фотографию, мой фюрер, и сказать, кто изображен на фотографии.

– Зачем? – спросил Гитлер.

– Простите, мой фюрер, не понял: что “зачем”?

– Зачем мою фотографию? – нервно дернулся Гитлер.

Штандартенфюрер растерянно молчал, затем посмотрел на Ганусена взглядом, не обещавшим ничего хорошего. Ганусен поспешно наклонился в сторону Гитлера, просипел:

– Это моя идея, мой фюрер. Для Мессинга это будет самым трудным, ибо ваша индивидуальность не поддается гипнозу и телепатическому воздействию. У вас слишком хорошая психологическая защита.

– Но ведь он не меня будет ощупывать, а фотографию, – усмехнулся Гитлер.

– Любая фотография хранит в себе энергию человека, на ней изображенного, мой фюрер. – Ганусен достал платок и промокнул мокрый лоб.

Мессинг дошел по проходу до одиннадцатого ряда и опять остановился. Вновь стал оглядываться по сторонам, а затем двинулся вдоль ряда. Сидевшие в креслах зрители поспешно вставали. У кресла номер пятнадцать Мессинг остановился и попросил:

– Встаньте, пожалуйста.

Сидевший в кресле широкоплечий рыжий детина лет двадцати пяти усмехнулся и медленно поднялся.

– Мне продиктовали, чтобы я назвал ваше имя... Сейчас попытаюсь... Вас зовут... Виктор... нет, не так... Вас зовут Генрих... нет... Вас зовут Вальтер, а ваша фамилия Бёлль... Да, верно, – Вальтер Бёлль. Вы служите в армии... нет, что-то другое... это не армия, но в то же время армия... черное... Да, вы служите в СС, и ваше звание шарфюрер! Не надо, не говорите, правильно я сказал или нет. Потом господин Руммениге все скажет сам. Теперь расстегните пиджак и позвольте залезть в ваш правый карман...

Рыжий Бёлль выкатил глаза и даже рот открыл. Он ошеломленно смотрел на Мессинга и почти машинально расстегнул пуговицу пиджака, развел полы в стороны. Мессинг аккуратно сунул пальцы в карман, вынул фотографию и тут же прижал ее к своей груди, накрыв ладонью. Сказал громко:

– Это фотография! Господин Руммениге, стоящий на сцене, приказывает мне назвать лицо, изображенное на фотографии... Сейчас попробуем...

Гитлер снова чуть повернул голову и, взглянув на Ганусена, сказал насмешливо:

– Ты так можешь? Сомневаюсь...

– Почему же, мой фюрер? При соответствующей тренировке...

– Нет, ты так не сможешь... – Гитлер вновь стал смотреть в зал.

– Как он смог назвать имя и звание? – тихо спросил Геринг. – Он же в штатском!

– Как он смог узнать про фотографию? – вместо ответа спросил Гитлер.

– Ганусен такого никогда не сделает, – так же вполголоса ответил Геринг.

Мессинг медленно, миллиметр за миллиметром ощупывал фотографию. Пальцы его вздрагивали, касаясь фотографии, голова чуть откинулась назад. Зал напряженно молчал, сотни пар глаз впились в фигуру Мессинга.

– На этой фотографии изображено... – проговорил Мессинг и тут же поправился:– Изображен... человек... имя которого... – Мессинг замолчал, и пауза затянулась.

...Во мраке вспыхивали искры, рассыпались и гасли, и вдруг из мрака стали выплывать разные лица... и вид их был ужасен... проваленные черные глазницы... оскаленные рты, из которых выступали огромные клыки... и вот выплыло лицо фюрера: челка, усики... и глаза его, словно, дула пистолетов, смотрели в упор на Мессинга...

Гитлер не выдержал и подался вперед, не отрывая взгляда от Мессинга, стоявшего в середине зала между рядами. И толстый Геринг тоже наклонился вперед, вытянув шею.

Сзади тянули шеи Ганусен и штандартенфюрер, они тоже застыли, глядя на Мессинга.

– Это человек, которого боготворит вся Германия, – Адольф Гитлер! – и Мессинг поднял фотографию над головой. Было слышно, как зал выдохнул, потом истерично взвизгнула женщина, за ней другая, и вдруг весь зал встал, грохоча сиденьями кресел, и сотни глоток рывкнули на едином дыхании:

– Хайль Гитлер!

Взоры зрителей обратились к ложе, шторы которой раздвинулись, и все увидели стоящих в ложе Гитлера и Геринга. Гитлер с улыбкой

поднял правую руку, и зал вновь прогремел:

– Хайль Гитлер!

В следующую секунду зал разразился громом аплодисментов. Часть публики сбилась в толпу около ложи, женщины и девушки кричали и плакали, расталкивали друг друга и тянули к ложе руки.

Гитлер смотрел на беснующуюся толпу и улыбался, подняв правую руку в нацистском приветствии. Рядом с ним стоял Геринг, тоже с поднятой вверх рукой, растянув губы в улыбке. Но Гитлер глядел не на зал вообще, он пристально смотрел на одного человека – на Мессинга.

Мессинг встретил взгляд Гитлера, и стоял неподвижно, и не кричал, и не хлопал...

– А этот юде умней тебя, слышишь, Ганусен? – сказал Гитлер. – Хорошо, лаборатория у вас будет. О результатах работы будете докладывать мне.

– Благодарю вас, мой фюрер. Мы будем работать изо всех сил.

– Я хочу с ним поговорить...

– Когда прикажете, мой фюрер. Мы хотели бы дать несколько выступлений по Германии, мой фюрер. Это очень поможет нашей работе в лаборатории. Без вашего разрешения это невозможно, – проговорил Ганусен

– Я скажу Геббельсу – разрешение вам будет, – кивнул Гитлер, глядя в театральный зал, где бесновалась, орала и визжала обезумевшая толпа...

У высокого готического окна стоял громадный глобус с политической картой мира, на нем окрашенные в разные цвета множество больших и маленьких государств. Красным пятном выделялся громадный Советский Союз, зелеными фрагментами – Британская империя, рассыпавшая свои владения по всему миру: Индия, Австралия, Канада, множество колоний в Африке... Гитлер вещал, положив ладонь на глобус и поглядывая на Мессинга:

– Видите, господин Мессинг, как несправедливо поделен мир. Колониальные империи Британия и Франция захватили почти все! Индия! Африка! Австралия! Они выжимают из народов этих стран колоссальные прибыли! Живут в благоденствии! Процветают! Имеют огромные армии! Вооружение! Что остается другим? Жалкое,

нищенское существование! По указкам из Лондона и Парижа! Разве может германский народ смириться с такой судьбой? Разве я, вождь германского народа, могу смириться с этой вопиющей несправедливостью?

– Мне трудно ответить на этот вопрос, господин канцлер. Я не политик... Я только верю, что у каждого народа своя судьба.

– Но сильный народ может изменить свою судьбу. Под предводительством вождя, понимающего, как можно изменить ее... Или вы считаете, нужно покориться судьбе? Вот скажите мне, господин Мессинг, какой вам видится судьба вашего народа?

– Моего? – переспросил Мессинг. – То есть...

– Да, да, вашего народа... который пророк Моисей сорок лет водил по пустыне и наконец привел в землю обетованную. – Гитлер чуть усмехнулся.

– Мне очень трудно это сделать, господин канцлер...

– Почему? Ваш друг Эрих Ганусен говорил мне, что легче всего предсказывать тому, кого любишь. Неужели вы так не любите свой народ, что вам не под силу представить его будущее?

Мессинг молчал, глядя на Гитлера. Тот вновь усмехнулся, и голос его зазвучал почти весело:

– Попробуйте. У вас мощная энергия... и сильный интеллект. Я это чувствую.

Мессинг закрыл глаза, стоял, вытянувшись и весь напрягшись, ногти впились в ладони, а щека вдруг стала нервно подергиваться ...

...Он увидел бездну... и в этой бездне кружили планеты... темные, безжизненные, коричнево-серые с черными пятнами... И вдруг появилась земля... она была изумрудная, с черно-зелеными лесами и безбрежным синим океаном, затянутая белыми облаками... Она стремительно приближалась, и вдруг часть планеты стала затягиваться дымом... И он увидел дороги, по которым бредут колонны людей – стариков и мужчин, старух и женщин, детей. И все несут скромные пожитки в виде узелков за спиной или на маленьких тачках.

Немецкие солдаты бредут вдоль колонны, придерживая автоматы, висящие на груди... Он увидел женщин, бегущих по улице Варшавы, и немецких солдат, стреляющих им вслед... И женщины падают на мостовую. Они упали ничком, и на спинах пальто видна нашитая большая желтая звезда...

Он увидел огромный заасфальтированный плац, и аккуратные прямоугольные бараки, и заборы из колючей проволоки, и бетонные столбы с электрическими белыми изоляторами, чтобы пропускать через проволоку ток... Он увидел горы человеческих костей... горы человеческих волос... горы очков, которые носили люди... горы вставных челюстей... он увидел черные, закопченные жерла печей и в них, в кучах золы, видны были человеческие черепа... кости ног... рук...

Мессинг глухо застонал и открыл глаза, ничего не видя перед собой. Потом пелена стала проясняться, и он увидел Гитлера, который стоял возле глобуса и с усмешкой смотрел на него.

– Вы чем-то напуганы, господин Мессинг? – спросил Гитлер.

– Да... то есть нет... – Мессингу было явно не по себе, он едва стоял на ногах.

– Видимо, вы слишком чувствительны, господин Мессинг. В вас нет хладнокровия и невозмутимости пророка. Пророк должен стоять выше невзгод и несчастий простых людей. Пророк смотрит поверх голов, когда видит свет будущего, ибо этот свет... эти картины будущего ему посылает само провидение. Нельзя стоять вровень с провидением и пугаться того, что оно посылает. Чтобы разговаривать с Богом, надо быть очень сильным!

– Вы правы, господин канцлер... Эти способности мне посланы, я думаю... случайно... Я не заслуживаю их, ибо по образу жизни и по психофизическому складу являюсь обыкновенным человеком.

Гитлер коротко рассмеялся, покачал головой и неторопливо прошел по кабинету, заложив руки за спину.

– Вы большой хитрец, господин Мессинг... ба-а-альшой хитрец...

– Он повернулся к провидцу, и выражение его лица сделалось хищным. – Хорошо... а будущее Германии на ближайшее время... самое близкое будущее вы можете мне сказать?

Мессинг молчал, проглотив ком в горле.

– Вам плохо? Может, врача, господин Мессинг? Или просто воды? Или спиртного... покрепче?

– Я не пью спиртного...

– Молодец. Я тоже. Так как, попытаетесь?

– Попытаюсь... – едва шевельнул губами Мессинг и закрыл глаза.

...И вновь он увидел бездну... в глубине этой бездны плавали планеты... и среди них голубая и зеленая Земля, окутанная черно-

серым дымом... Земля стала стремительно приближаться... И он увидел пожарища... Он увидел немецких солдат, ломающих шлагбаум границы “ГЕРМАНИЯ – ПОЛЬША”...

Он увидел колонны танков на дорогах... Увидел немецкие самолеты с белыми крестами на фюзеляжах. Они сбрасывали бомбы, и взрывы вырастали в городах черными фонтанами... беззвучно рассыпались стены домов... Немецкие батареи обрушивали смертельный огонь... и вновь падали стены зданий... бежали по улицам обезумевшие от страха люди, спотыкались, катились по земле... Сожженная деревня... виселицы на пепелищах, покачивались зачоченевшие, заснеженные трупы... “ГЕРМАНИЯ – ФРАНЦИЯ”... “ГЕРМАНИЯ – БЕЛЬГИЯ”... “ГЕРМАНИЯ – ГРЕЦИЯ”... “ГЕРМАНИЯ – НОРВЕГИЯ”... “ГЕРМАНИЯ – НИДЕРЛАНДЫ”...

И повсюду маршировали колонны немецких солдат. Улыбающиеся лица, твердый шаг, нацистские знамена... И вот он увидел Гитлера... В окружении немецких генералов он стоял на поле аэродрома, что-то говорил и улыбался... и улыбались генералы...

...Очнулся Мессинг от громкого голоса.

– Это просто обморок или какое-то другое явление? Сердце? Давление? Что, что с ним случилось? – спрашивал Гитлер.

– Непонятно, мой фюрер... сердце нормальное... давление нормальное... пульс отменный... – ответил доктор в белом халате.

– Тогда приведите его в чувство, если пульс отменный, – резко приказал фюрер.

Мессинг открыл глаза. Он полулежал в большом кожаном кресле, и над ним склонился пожилой человек с седым, коротко стриженным ежиком и седыми “гитлеровскими” усиками.

За его спиной стоял Гитлер и трое высших чинов СС в черных мундирах.

– Мне хорошо... – проговорил Мессинг. – Я вернулся...

– Отлично, господин Мессинг, – улыбнулся Гитлер, отстраняя доктора рукой и наклоняясь над ним. – Вы нас напугали... Неужели вы увидели нечто настолько страшное, что это повергло вас в такой глубокий транс? Что же вы увидели? Скажите нам, сделайте милость...

– Я увидел победы германской армии... первой падет Чехословакия... в тридцать восьмом... за ней падет Польша... осенью

тридцать девятого... после нее Бельгия... Нидерланды... Франция... Греция... Югославия... Норвегия...

И по мере того, как Мессинг называл страны, Гитлер выпрямлялся и победоносно смотрел на генералов СС. Быстрая улыбка тронула его губы.

Генералы разом щелкнули каблуками сапог и вскинули руки в нацистском приветствии.

Геббельс сидел за письменным столом в светло-коричневом мундире с повязкой на рукаве: свастика в черном круге.

Перед ним, в черной эсэсовской форме с погонами штандартенфюрера, вытянулся не кто иной, как давний знакомый Мессинга – Генрих Канарис.

Геббельс проговорил:

– Концерты Мессингу и Ганусену разрешены по всей территории рейха. Постарайтесь, чтобы за ними везде следовали двое наших людей и чтобы они обязательно присутствовали на всех концертах. Доклады от них будете принимать лично и передавать мне.

– Слушаюсь, рейхсфюрер, – щелкнул каблуками Канарис.

– Поумнее людей приставьте, чтобы Мессинг не раскрыл их на следующий же день, – проворчал Геббельс.

– Слушаюсь, рейхсфюрер! – штандартенфюрер Генрих Канарис вновь щелкнул каблуками, держа руки по швам, и улыбнулся. – Мне и самому будет интересно понаблюдать за этими господами.

– И обеспечьте этим господам безопасность. Это приказ фюрера, – закончил Геббельс. – Учтите, штандартенфюрер, этот еврей Мессинг нужен фюреру. Вы поняли меня? Нужен.

– Я понял, рейхсфюрер! – в третий раз щелкнул каблуками Канарис.

– Послушай, а ты слышишь мысли человека, когда смотришь на него, или воображаешь, о чем он может сейчас думать? – спросил Ганусен.

– Чаще всего слышу... если у этого человека есть хотя бы небольшой избыток жизненной энергии и если у него все хорошо в жизни – есть семья, работа, уверенность в будущем, – ответил Мессинг. – Сложнее с людьми несчастными или больными.

– И что тогда?

– Тогда сложнее настроиться на его волну... Тогда я пытаюсь себе вообразить... судя по его внешности... одежде... манере смотреть в глаза... Но все равно, как бы мало ни было в нем жизненной энергии, я все равно его слышу...

– Вот смотри... – Ганусен подошел к электрогектографу, оторвал бумажную ленту с вычерченной синусоидальной кривой. – Ты меня вчера испытывал... Когда я отвечал правду – синусоида ровная и плавная, а когда я придумывал неправильный ответ – смотри, какая неровность, то высоко вверх, то почти ровная линия, и опять – резко вверх и резко вниз. И какая непостоянная амплитуда...

Мессинг взял рулон, стал рассматривать синограмму, усмехнулся:

– Так ведь можно проверять людей – правду они говорят или лгут?

– Вот именно, Вольф! Я собираюсь доложить об этом фюреру, – улыбнулся Ганусен. – Наша лаборатория только начала работать, а уже есть серьезные результаты!

– Не надо... – нахмурился Мессинг. – Не надо фюреру это показывать.

– Почему? Они ждут результатов, Вольф! Думаешь, из благотворительных чувств фюрер позволил нам выступать, где захотим?

– Думаю, нет. Поэтому за нами все время следят, – ответил Мессинг.

– О чем у вас был разговор во время встречи? – вдруг спросил Ганусен. – Ты ведь мне так и не сказал?

– Ты мне тоже не говорил, о чем вы там с ним беседовали. Или с этим... как его... Геббельсом... – парировал Мессинг.

– Мы что, не доверяем друг другу? – холодно поинтересовался Ганусен.

– Я, например, тебе не доверяю, – улыбнулся Мессинг и бросил Ганусену рулон с начерченной синусоидой. – Посмотри на свою синограмму. Ты ни разу не ответил правду... А ведь я задавал тебе совсем пустяковые вопросы.

Ганусен едва успел поймать рулон бумаги, растерянно глядя на Мессинга.

Помещение, где они разговаривали, было похоже на лабораторию. Просторная комната с несколькими электрическими аппаратами для измерений пульса и давления, три письменных стола с бумагами, тонометрами и разными другими медицинскими приборами. Над одним из столов висел небольшой портрет Зигмунда Фрейда.

– Я просто хотел наглядно показать тебе разницу между правдивыми и лживыми ответами, – сказал Ганусен, со злостью комкая бумажную ленту.

– Я это понял, – снова улыбнулся Мессинг. – Не сердись, пожалуйста... Скажи, тебе Гитлер задавал вопрос о будущем Германии?

– Задавал.

– И что ты ответил?

– Ответил, что будущее Германии – великое и победное! Что рейх простоит тысячу лет. А ты что ответил?

– Примерно то же самое... Ты действительно видишь эту тысячу лет рейха?

– Нет... – ответил Ганусен.

– Интересно, что же ты увидел? – Мессинг с интересом смотрел на него.

– Ровным счетом ни-че-го... А что ты увидел? Ведь он наверняка спрашивал тебя о том же?

– Я увидел войну... и кое-что еще страшнее, – нахмурился Мессинг. – Но в основном это война, война и война... Гитлер – это война.

– Очень интересно, – усмехнулся Ганусен. – И ты сказал ему об этом?

– Если бы я сказал всю правду, то, наверное, с тобой уже не разговаривал бы, – тоже усмехнулся Мессинг. – Я сказал, что Германию ждут победы... Кстати, я действительно видел это... Германия разгромит Европу в ближайшие годы...

– Ты это увидел? – с сомнением спросил Ганусен.

– Я увидел страшную войну... увидел уничтожение целого народа... и других народов... – глаза у Мессинга расширились, словно он снова видел то, о чем рассказывал. – Мне стало так страшно, что я потерял сознание... И думаю, я ошибаюсь... Думаю, такого быть не

может... – Мессинг замолчал, глядя остановившимся взглядом в пространство. – Такое просто невозможно...

– Выходит, всей правды ты ему так и не сказал? Испугался? – вновь усмехнулся Ганусен.

– Я же говорил, что потерял сознание... Тебе все время хочется убедить меня, что я такой же, как и ты. – Мессинг встал. – А мы совсем разные...

– В чем же?

– В том, что тебе фюрер нравится, а мне нет... Но ничего, я все-таки как-нибудь скажу ему всю правду...

– Это будет похуже самоубийства... – предупредил Ганусен.

– Ох, что ты, Эрих, разве я похож на самубийцу? – Мессинг хлопнул коллегу по плечу. – Пойдем, нам пора.

Дрезден, 1937 год

В небольшом зале сцена казалась близкой даже с последнего ряда. В ложе для важных гостей, наглухо задернутой шторами, сидел штандартенфюрер СС Генрих Канарис. Чуть отодвинув край одной шторы, Канарис в щелку наблюдал за сценой, на которой работали Мессинг и Ганусен. За спиной Канариса стояли два младших офицера СС.

Мессинг и Ганусен кланялись аплодирующей публике. За кулисами стоял Цельмейстер, глядя в щелку на зал и выдерживая паузу. Затем он вышел на сцену, улыбаясь и потирая руки.

– Прошу внимания, господа! Начинаем второе отделение нашего представления “Психологические опыты”! Есть у желающих вопросы к доктору Ганусену? Естественно, вопрос должен быть задан в виде задачи. Сложность этой задачи не имеет значения. Главное, чтобы можно было ее выполнить, не уходя со сцены. Прошу вас, господа, смелее! Спрашивайте! – и Цельмейстер поклонился, разведя руки в стороны.

Стало тихо. Зрители выжидали, глядя на сцену. Затем поднялся аккуратно одетый господин в черном костюме и белой рубашке с галстуком. Его упитанную физиономию украшали короткие усики “а-ля Гитлер”.

– Я прошу уважаемого доктора Ганусена назвать мое имя и мою профессию.

– Пожалуйста, не садитесь! – встрепенулся Ганусен. – Я должен вас хорошо рассмотреть!

Господин с усиками улыбнулся, развел в стороны руки и повернулся вокруг себя, дескать, вот он я, смотрите.

Ганусен вперил в него горящий взгляд и застыл.

– Вас зовут... – Ганусен вновь замолчал. – Вас зовут Курт Бонхоф! Работаете вы... Прошу прощения, вы владелец мясной лавки...

– Я искренне восхищен, – наклонил голову лавочник, и зал дружно захлопал.

Ганусен победоносно посмотрел на Мессинга, подмигнул ему. Мессинг ободряюще улыбнулся. Цельмейстер хлопал вместе со всем залом.

Сидевший в ложе, закрытой шторами, штандартенфюрер Канарис поморщился, оглянулся на офицеров, стоявших сзади, спросил вполголоса:

– Этот лавочник – наш человек?

– Нет, господин штандартенфюрер, – ответил один из офицеров. – Наши люди сидят в пятом, двенадцатом и пятнадцатом рядах.

– Я хотел бы задать уважаемому доктору еще один вопрос, – громко заговорил лавочник Курт Бонхоф. – Есть ли у меня семья и какова она?

– Хорошо, я отвечу на ваш новый вопрос, хотя, признаться, мне хотелось бы услышать вопросы от других зрителей... Ваша семья? У вас есть жена и трое детей... мальчик и две девочки... Вам нужно сказать возраст? Пожалуйста, мальчику двенадцать лет, девочкам... девять и... семь лет...

– А вот и нет! – радостно возразил лавочник. – У меня пятеро детей. Три мальчика и две девочки. Старшему восемнадцать, второму шестнадцать... а третьему, тут вы правильно сказали, двенадцать... Получается, ошиблись вы, господин Ганусен.

По залу прокатился смех, но все равно раздались аплодисменты.

Ганусен взглянул на Мессинга – в глазах отчаяние и немой вопрос.

– У него была первая жена, и два мальчика от нее, – едва слышно, почти не шевеля губами, произнес Мессинг.

Ганусен понял, медленно поднял руку, призывая к вниманию. Зал замолчал. Лавочник Бонхоф насмешливо смотрел на Ганусена. Тот

выдержал паузу и сказал:

– Да, господин Бонхоф, вы отчасти правы. Но я не ошибся. Я просто не принял во внимание вашу первую жену, от которой у вас действительно два сына. Это так?

– Да-а... это так... – несколько растерянно протянул лавочник.

– А ошибся я потому, что ваши старшие сыновья не живут с вами в одной семье. Они живут с вашей первой женой! – громко и уверенно продолжил Ганусен. – Я правильно говорю, господин Бонхоф?

– Да-а... правильно... – Лавочник вконец растерялся и развел руками в знак своего поражения.

Зал дружно зааплодировал. Ганусен рукавом пиджака быстро утер мокрый лоб, снова оглянулся на Мессинга. Тот ободряюще улыбнулся ему и захлопал вместе со всеми.

– И чтобы предупредить ваш третий вопрос, господин Бонхоф, скажу вам, что вашу вторую жену зовут Марта! – перекрывая грохот аплодисментов, прокричал Ганусен.

Аплодисменты загремели с новой силой. Ганусен поклонился.

– Уважаемые господа! – Вперед, к краю сцены, вышел Цельмейстер. – Теперь попробуйте задать вопросы второму участнику нашего представления доктору Мессингу! А доктор Ганусен пока отдохнет после трудного поединка с господином Бонхофом.

В зале снова засмеялись. Мессинг вышел вперед, поклонился, с улыбкой посмотрел в зал.

В одном из первых рядов поднялась пожилая женщина в старенькой шляпке на пышных, но уже седеющих волосах. Темный жакет мужского покроя плотно облегал ее плотную фигуру. Она проговорила дребезжащим голосом:

– Я читала в газетах, господин Мессинг, что вы можете предсказывать будущее? Так ли это?

– Я попытаюсь в меру своих возможностей и способностей удовлетворить ваше любопытство, – поклонился Мессинг.

– Будущее! – громко сказала женщина. – Оно не только меня волнует, господин Мессинг. – Оно волнует весь германский народ! В ту войну у меня погибли на фронте муж и старший брат. Каким вы теперь видите наше будущее? – женщина очень волновалась и, задав вопрос, не села, а продолжала стоять.

– Это очень трудный для меня вопрос... – подумав, ответил Мессинг. – Я попытаюсь заглянуть в будущее... прошу только набраться терпения... всех прошу...

Мессинг молчал, закрыв глаза, чуть раскачивался из стороны в сторону и наконец заговорил глухим тревожным голосом:

– Я вижу Чехословакию, по которой идут германские солдаты... идут германские танки... Я вижу Польшу, по которой идут немецкие солдаты... и едут германские танки... Это война... Это большая война... Что будет дальше? Очень трудно сказать... Я вижу убитых людей, очень много мертвых солдат... вижу пожары... вижу самолеты в небе... они сбрасывают бомбы... Что будет дальше? Что ждет Германию? Если война пойдет дальше на восток, Германию ждут миллионы смертей ее солдат... миллионы смертей разных людей... Если война пойдет на восток – Германию ждет страшная беда...

Женщина громко всхлипнула, села и стала копаться в маленькой сумочке, вынула оттуда платок и громко высморкалась. Зал ошарашенно молчал...

– Сволочь... – с хрипом выдавил штандартенфюрер Канарис. – Жидовский ублюдок...

– Прикажете арестовать, штандартенфюрер? – вскинулся один из офицеров.

– Права не имею. Могу только доложить... – прохрипел Канарис. – Но я его сам... лично возьму! Я ему... – И Канарис скрипнул зубами.

Они ехали в машине. Мессинг и Ганусен – на заднем сиденье, Цельмейстер – впереди, рядом с водителем.

– Я же говорил вам, говорил... – вдруг вырвалось у Ганусена, и в ту же секунду Мессинг прижал палец к губам и глазами указал на водителя.

– Вы бы раньше об этом думали, – просипел Ганусен, но больше не сказал ни слова, молча смотрел в окно, за которым мелькала освещенная улица.

* * *

– Именно так и сказал? – ледяным голосом спросил Геббельс и даже привстал из-за стола.

– Именно так, как я сейчас произнес, рейхсфюрер, – ответил Канарис, стоя навытяжку перед столом.

– Мерзавец... Это же вражеская пропаганда у нас на глазах! – Геббельс был вне себя от гнева. – У нас на глазах! Черт знает что! Я сейчас доложу фюреру! – И рейхсминистр схватился за телефонную трубку...

Как только они вошли в гостиничный номер и Цельмейстер закрыл дверь, Ганусен подбежал к застекленному буфету, рывком открыл его, достал большую бутылку с коньяком и фужер, налил доверху и осушил его большими глотками. Потом схватил из вазы на столе яблоко, с хрустом откусил и проорал с набитым ртом:

– Зачем ты это сказал?

– Ну, сказал и сказал, – нахмурился Мессинг. – Я не мог соврать.

– Вы посмотрите на этого оракула! Он не мог соврать! Ты понимаешь, что ты наделал?! Ты что, не знал, что за нами хвосты ходят с утра до ночи?! Любое наше слово записывается! Ты понимаешь, что теперь будет?

– Я так понимаю, Вольф, что нам надо бежать, – тихо сказал Цельмейстер. – В ложе сидел штандартенфюрер СС и двое офицеров. И в зале были агенты гестапо – не знаю сколько. Странно, что нас не арестовали прямо за кулисами и дали возможность уехать в гостиницу.

– Значит, арестуют здесь! – выкрикнул Ганусен.

И в это время раздался стук в дверь.

– Пожалуйста, господин Мессинг, принимайте гостей, – прошептал Ганусен, с ужасом глядя на дверь.

Дверь медленно отворилась, и вошел Лева Кобак.

– Ты, как всегда, вовремя, – усмехнулся Цельмейстер.

– Что там? У входа в гостиницу никого нет? Гестаповцев нету? СС?

– Пока спокойно... – ответил Кобак...

– Вот именно – пока. – Цельмейстер подошел к буфету, достал рюмку, налил себе коньяку и махом выпил...

– Немедленно арестовать, – положив трубку на аппарат, приказал Геббельс.

– Обоих? – спросил Канарис.

– Обоих! И доставить ко мне! Если будет попытка скрыться... бежать – уничтожить!

– Слушаюсь, рейхсминистр, – щелкнул каблуками Канарис, развернулся и, печатая шаг, вышел из кабинета...

– Я понимаю только одно: нам нужно бежать, и как можно скорее, – сказал Цельмейстер, дымя сигаретой.

– Куда бежать? – закричал Ганусен. – Вы что, не понимаете, где находитесь? Вы в Германии! Здесь СС! Здесь гестапо! Здесь за каждым вашим шагом следят!

– Зачем же ты уговорил меня сюда приехать, доктор Ганусен? – печально спросил Мессинг. – Одному было страшно?!

– Мы могли бы стать здесь большими людьми! – вновь заорал и затопал ногами Ганусен. – Если бы ты не оказался тупоголовым идиотом!

– Пока вы тут скандалите, гестапо сюда уже едет, – напомнил Цельмейстер.

– Надо бежать в Польшу, – тихо сказал Лева Кобак.

– Каким образом? – спросил Цельмейстер. – Как Баба-Яга, в ступе с помелом? Гестапо в одну минуту перекроет все железные и шоссейные дороги.

– Я понимаю... Но попытаться уехать мы должны, – упрямо возразил Кобак. – Если будем сидеть на месте, нас точно через полчаса арестуют.

– Что скажете, доктор Ганусен? – спросил Цельмейстер.

– Я никуда бежать не собираюсь, – категорически заявил Ганусен.

– На что надеетесь? – опять спросил Цельмейстер.

– Я подобных предсказаний не делал! Я против режима не выступал. Я пользуюсь доверием фюрера и рейхсминистра Геббельса... – перечислил Ганусен. – А вот вам надо убираться. Фашисты щадить не умеют.

– Тогда помогите нам, доктор Ганусен, – попросил Цельмейстер. – Господь не забудет вас...

Ганусен подошел к буфету, снова налил себе полный фужер коньяка, выпил, взял со стола недоеденное яблоко и стал жевать. И молчал, тяжело дыша.

– Не молчите, доктор, умоляю вас, не молчите. – Цельмейстер встал, погасил сигарету.

– Хорошо... – жуя, проговорил Ганусен. – Возьмите мою машину. На стекле пропуск во все районы. Это пропуск рейхсфюрера СС Геринга. Если они не прикажут искать и остановить мою машину, вы сможете проехать до самой границы с Польшей. Тут по шоссе не больше ста километров. К утру доедете. А там уж... действуйте сами...

– Где эта машина?

– За гостиницей на стоянке.

– А ключи?

Ганусен полез в карман пальто и, достав ключи, молча протянул их Цельмейстеру.

– Поехали, Вольф. Если хоть один шанс есть, мы проскочим, – твердо сказал Цельмейстер. – Вставайте, вставайте, я вам говорю!

– Прямо сейчас? А наши вещи? – растерянно спросил молчавший до сих пор Мессинг.

– Немедленно уходим, – непреклонным тоном скомандовал Цельмейстер. – Я не хочу быть мертвым, но с вещами. Прощайте, доктор Ганусен. Огромное спасибо. – И Цельмейстер протянул Ганусену руку.

Тот пожал ее, пробормотал:

– Жаль, что все так закончилось... Желаю вам добраться живыми.

– И вам желаю остаться живым, – ответил Цельмейстер.

Мессинг подошел к Ганусену, сказал тихо:

– Ну, прощай... береги себя...

– И ты прощай, Вольф... – вздохнул Ганусен. – Я тебе всегда завидовал... Бывает такое, что поделаешь. И от зависти делал тебе пакости. Но я не полное дерьмо, как ты мог бы подумать. Я тебя еще и люблю... До сих пор не могу понять, что это? Господь нас наделил священным даром или дьявол послал проклятие?

Они обнялись, потом Ганусен оттолкнул от себя Мессинга и сказал, сопя:

– Идите. Поторопитесь...

Они быстро спустились в вестибюль. Он был пуст. За стойкой о чем-то разговаривали два администратора. Слуга катил к выходу тележку, нагруженную чемоданами, за ним торопилась супружеская пара.

Мессинг, Цельмейстер и Кобак следом за супружеской парой прошли через вестибюль. Вышли из отеля и быстро зашагали, почти побежали по узкой дорожке вдоль здания. Движение возглавлял Цельмейстер. Свернули за угол, и дорожка вывела их к огороженной стоянке.

– Вон черный “майбах”, – указал Цельмейстер, пошарив глазами по ряду машин.

Они прошли вдоль ряда автомобилей, остановились возле “майбаха”. Цельмейстер открыл его, сел на водительское место, вставил ключ зажигания, повернул. Ровно и сильно заработал мотор.

– Садитесь быстрее!

Мессинг и Кобак сели на заднее сиденье. Захлопнули дверцы. Автомобиль медленно тронулся с места и покатил, набирая скорость.

Ганусен остался в номере один. Он снял пальто, достал из ящика буфета коробку с сигарами, вынул одну, откусил кончик, выплюнул его прямо на ковер. Долго прикуривал, ломая одну спичку за другой, наконец прикурил. Прикусил сигару и стал наливать коньяк в фужер. Выпил, пыхнул дымом и медленно прошелся по номеру. Дошел до окна, посмотрел на улицу, освещенную фонарями и витринами магазинов, повернул обратно и направился к двери, опустив голову и дымя сигарой.

Вдруг дверь резко распахнулась, и Ганусен едва не столкнулся со штандартенфюрером СС Канарисом. За его спиной стояли два офицера и солдаты СС.

– Он у вас? – спросил Канарис и, оттолкнув Ганусена, ввалился в номер. Огляделся, прошел в другую комнату, потом в спальню, заглянул в ванную, туалет и вернулся. —Где он?! – Канарис едва сдерживал ярость.

– Не знаю... Я приехал на машине, а он сказал, что пойдет пешком... прогуляется... и его импресарио, и помощник... Из театра они ушли втроем.

– Черт! – Канарис сжал в кулак руку в кожаной перчатке. – Поехали с нами! Быстро!

– Куда, штандартенфюрер? – удивился Ганусен. – Я только что вернулся после выступления, я устал и хочу отдохнуть. Нельзя ли нашу поездку перенести на завтра?

– Нельзя, – отрезал Канарис. – Это приказ фюрера.

– Мы поедem к фюреру? – Ганусен мгновенно протрезвел, подтянулся, взял с кресла пальто.

– Да, да, поехали! – Канарис похлопал Ганусена по плечу и подтолкнул к двери.

Прямо у входа в гостиницу стоял большой черный автомобиль “Опель-адмирал” и два мотоцикла с колясками. Ганусен в сопровождении Канариса и эсэсовцев вышел из гостиницы.

– Где твоя машина? – резко просил Канарис.

– Не знаю... – пожал плечами Ганусен. – Должна быть здесь.

– Ты отдал ее этим негодьям? Вместе с пропуском рейхсфюрера? – Канарис не выдержал и хлестко ударил Ганусена по щеке. – Ты знаешь, что тебя ждет? В машину, быстро! – Он схватил Ганусена за воротник пальто, поволок к машине, крикнул офицеру: – Ротенфюрер, немедленно в управление. Выслать наряды на все выезды из города. Предупредить полицейские патрули. И распорядитесь, чтобы немедленно начали печатать портрет Мессинга. Образец у меня на столе в кабинете.

– Слушаюсь, штандартенфюрер!

Ротенфюрер, высокий, плечистый молодой человек в кожаном пальто со свастикой на рукаве, отдал честь и широким шагом направился к мотоциклу с коляской. Четверо солдат СС заторопились за ним.

Они вскочили на мотоциклы, и те, оглушительно взревев моторами, один за другим рванулись с места.

Канарис проводил мотоциклы взглядом, посмотрел на молодого шарфюрера, стоявшего рядом:

– Поехали... – и направился к машине.

Шарфюрер поспешил за ним.

– Это Восточное шоссе? Точно? – обеспокоенно спросил Лева Кобак, поглядывая на Цельмейстера, который, вцепившись в руль, не

отрываясь смотрел вперед.

Уже стемнело, и лучи света от фар вспарывали темноту, выхватывая перед собой широкую серую ленту убегающего асфальта.

– Успокойтесь, Лева, я хорошо знаю этот город. Через полкилометра мы будем на восточном шоссе. И вперед – к границе!

– Но ведь по пути еще будут города?

– Мелочь... маленькие городочки, Лева. Там везде есть объезды. Главное, чтобы они попозже спохватились... главное – попозже, Лева... Вольф, как вы себя чувствуете?

Мессинг не ответил. Он дремал, откинувшись на спинку сиденья.

Машина с Канарисом и Ганусеном мчалась по пустынным улицам, сворачивала с одной на другую. Канарис сидел впереди, рядом с шофером, ротенфюрером СС. Ганусен и шарфюрер – на заднем сиденье. Ганусен смотрел в окно, и тревога все больше охватывала его.

– Куда мы едем, штандартенфюрер? – наконец спросил он.

Канарис не ответил, продолжая курить с безразличным лицом. Шарфюрер неподвижно сидел рядом и смотрел вперед.

– Я спрашиваю, куда мы едем, штандартенфюрер? – повторил Ганусен.

– Сейчас приедем. Успокойтесь, – коротко ответил Канарис и сильно затянулся сигаретой, выпустив густую струю дыма. Она ударилась в ветровое стекло, расплылась седым облаком.

Ганусен достал из кармана пальто окурок сигары, пытался прикурить, ломая спички, но никак не получалось.

Впереди показался полосатый шлагбаум, будка КПП, и на середину дороги вышел солдат, замахал включенным фонариком.

Черный “майбах” начал медленно тормозить.

– Вольф, умоляю, загляните в будущее, – проговорил Цельмейстер, нажимая на тормоз. – Что нас сейчас ожидает?

“Майбах” остановился метрах в десяти от шлагбаума, и полицейский медленно направился к ним. Цельмейстер опустил стекло водительской дверцы.

– Документы? Куда направляемся? – спросил полицейский, наклоняясь к окошку.

Цельмейстер пристально посмотрел на него, потом достал из-за ветрового стекла пропуск, подписанный Гейдрихом, и протянул ему.

Тот взял, осветил фонариком, увидел печать с имперской свастикой, выпучил глаза, медленно вернул пропуск и козырнул:

– Прошу прощения.

Цельмейстер не ответил, выжал сцепление и медленно тронул машину. Шлагбаум поднялся, “майбах” рванул с места, взвизгнув протекторами по булыжной дороге, и помчался дальше, сверкая в темноте красными задними огнями.

– Печать рейхсфюрера СС сработала, – довольно прокомментировал Цельмейстер. – Или это вы постарались, Вольф?

– Нет, нет. Я только проснулся... – отозвался с заднего сиденья Мессинг.

– Тогда спасибо доктору Ганусену, дай ему Бог здоровья! – усмехнулся импресарио.

Ночью этот парк казался еще глуше и мрачнее. Аллеи, заросшие густым кустарником, вековые липы и клены тянулись вдаль, освещенные призрачным, рассеянным светом редких фонарей. “Опель-адмирал” въехал в парк, прошелестел по аллее до поворота и остановился. Канарис первым открыл дверцу, выбрался из машины и громко приказал:

– Прошу вас, доктор Ганусен, вылезайте! – Рука в кожаной перчатке легла на кобуру.

Ганусен выбрался из автомобиля, растерянно огляделся и все понял.

– Вы свободны, господин Ганусен, – улыбнулся Канарис. – Уходите!

– Вы не посмеете... – прошептал Ганусен. – Янужен фюреру... я буду жаловаться на вас... Вы не посмеете...

– Вы свободны, доктор! Фюрер не нуждается более в ваших услугах! Идите!

Ганусен посмотрел ему в глаза – в полумраке они ярко блестели. Хлопнула еще одна дверца – это вылез из машины шарфюрер, медленно подошел к Ганусену со спины, остановился.

– Вы не посмеете... – бормотал Ганусен.

– Да идите же, черт вас возьми! – рявкнул Канарис.

И Ганусен медленно пошел по аллее, ссутулившись, втянув голову в плечи. Через несколько метров он оглянулся.

Канарис и шарфюрер стояли и молча смотрели ему вслед. Через несколько секунд Канарис вынул из кобуры пистолет, поднял вытянутую руку и спокойно, как на стрельбах, прицелившись, выстрелил.

Ганусен взмахнул руками и упал ничком на влажную землю.

– Проверьте, шарфюрер, – сказал Канарис, сунул пистолет в кобуру и пошел к машине.

Он сел, захлопнул дверцу и закурил сигарету, наблюдая, как шарфюрер подошел к лежащему на земле Ганусену, вынул пистолет и выстрелил доктору в голову. Тот резко дернулся и затих. Шарфюрер убрал пистолет в кобуру и неторопливо вернулся к машине.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Германия, 1937 год

...Свернув на проселочную дорогу и проехав сотню метров, “майбах” остановился.

– Вольф, вы умеете плавать? А вы, Лева? – спросил Цельмейстер, глядя в темноту, в которой вдали светились редкие огни.

– Плохо... – вяло отозвался Мессинг.

– Не очень хорошо... – ответил Лева Кобак.

– По океанам плавали, а плавать не научились, – вздохнул Цельмейстер. – Дальше пойдем пешком... Впереди река, и нам надо ее переплыть, господин Мессинг.

Мессинг и Кобак выбрались из машины, и Цельмейстер загнал ее в кустарник так, чтобы ее не было видно. Потом вылез, хлопнул дверцей и подошел к спутникам.

Они побрели по проселочной дороге навстречу редким огням, рассыпанным на взгорке и видимым издалека.

– Господин Мессинг, почему бы вам не воздеть руки к небесам и не воскликнуть: “О Польша, родина моя, я, твой блудный сын, иду к тебе!”? – насмешливо проговорил Цельмейстер.

– А почему бы вам не воздеть руки к небесам и не воскликнуть: “О Германия, родина моя, я бегу от тебя и пятки мои сверкают!”?! – тем же тоном парировал Мессинг.

– Боюсь! – все так же весело ответил Цельмейстер. – Эсэсовцы услышат меня раньше Господа и прибегут за нами!

– Вы лучше помолчите, – оборвал их Лева Кобак, – и подумайте, как мы будем переправляться через реку, если так плохо плаваем.

– А мы пройдем по воде аки посуху! – засмеялся Цельмейстер. – Не задавайте глупых вопросов, Лева! Будем разбираться на месте!

Мессинг шел, опустив голову, хлюпая подошвами по раскисшей осенней дороге. Рядом сопел Лева Кобак. Цельмейстер шел чуть впереди, дымил на ходу сигаретой.

“Сколько же я обречен скитаться? – думал Мессинг. – Где обрету дом, любовь и семью? Или это не случится никогда? Неужели я буду вечно носиться по странам и континентам, как Летучий Голландец по морям?”

Варшава, 1938 год

Заголовки польских газет сообщали о возвращении Вольфа Мессинга: “Великий Вольф Мессинг прибыл на родину”, “Польша рада возвращению знаменитого телепата и предсказателя на родину”, “Варшава приветствует Вольфа Мессинга!”. Билеты на концерты в Варшаве разлетелись мгновенно – варшавяне жаждали увидеть вновь обретенное чудо.

В большом концертном зале, заполненном до отказа – заняты были даже места на галерке и на дальних балконах, – шло очередное представление. Расползся в стороны тяжелый бархатный занавес, и на сцене появились Мессинг и Цельмейстер, оба в черных фраках.

– Прошу прощения, господа... – громко, на польском языке обратился к публике Цельмейстер. – Но... здравствуйте! Как я рад вас видеть!

Зал откликнулся дружными аплодисментами.

– Позвольте вам представить всемирно известного телепата и предсказателя Вольфа Мессинга! – Цельмейстер сделал жест в сторону Мессинга, тот склонился в глубоком поклоне, и публика взорвалась шквалом аплодисментов, почти все встали. На сцену полетели букеты цветов.

– Благодарю вас! Позвольте начать наше выступление! – закричал Цельмейстер, но зал не слушал, отчаянно хлопал, и аплодисменты перешли в овацию.

Мессинг смотрел в ликующий зал, видел улыбки, глаза мужчин и женщин, и на глазах у него выступили слезы. Он проглотил ком в горле и прошептал:

– Что же вы так хлопаете, люди? Я же еще ничего не сделал для вас... Спасибо, дорогие мои, спасибо...

Гора-Кальвария, 1938 год

Автомобиль въехал в местечковый городок Гора-Кальвария, покатил по улочке, разбрызгивая грязь в лужах. Мессинг прильнул к окошку и смотрел напокосившиеся дома и полузавалившиеся штaketники, на свиней, блаженствовавших в лужах, на мальчишек, бежавших рядом с машиной и строивших ему рожи.

Вот и шинок проехали. У входа двое пьяных мужиков в жилетках, обнявшись, раскачивались из стороны в сторону. Через секунду оба завалились в большую грязную лужу, в которой ходили три больших гуся. Волна грязных брызг обрушилась на гусей, и они с гоготом кинулись в разные стороны.

– Боже мой... столько лет прошло, и ничего не изменилось... – прошептал Мессинг.

– Забытое Богом место... – пробормотал Цельмейстер и зябко передернул плечами. – Неужели тут можно прожить всю жизнь?

За штакетниками мелькали фигуры женщин и мужчин, занятых своими делами. Все они, услышав рокот мотора, останавливались и, открыв рот, смотрели на проезжающий мимо автомобиль.

Наконец Вольф увидел родной дом, покосившийся забор и яблоневый сад...

– Тормози... – тихо сказал он, но водитель не услышал, продолжал крутить баранку, объезжая большие лужи.

– Тормози, тебе сказали! – громко приказал Цельмейстер.

Водитель послушно остановил машину. Мессинг выбрался из нее, открыл криво висящую калитку и пошел по раскисшей от дождя дорожке. Мокрые яблони далеко протянули ветви; усыпанные тяжелыми яблоками, они клонились к земле под тяжестью плодов и мешали идти по тропинке, цеплялись за одежду, роняя на прохожего град крупных холодных капель.

Цельмейстер, который шел за Мессингом, остановился, когда его окатило этим дождичком, утер ладонями лицо и сорвал висевшее прямо перед носом яблоко. С хрустом надкусил его и стал жевать, глядя на мокрые яблони, на сумрачный небосвод с выплывающей из-за крыш домов зеленоватой круглой луной.

– Шагалом пахнет... – пробормотал Цельмейстер и вздрогнул, услышав за домом сдавленные крики, плач, громкие возгласы и снова плач...

И вот они сидят за длинным столом – Вольф, мама и выросшие в молодых, красивых людей брат Семен и сестры Соня и Бетя. У брата уже есть жена, черноволосая, миловидная. Она держит на руках сонного грудного младенца. Еще парочка детишек возится в углу комнаты. Нет за столом только отца Григория Моисеевича..

– Ах, родные мои... ах, родные мои... – горестно покачал головой Мессинг, и в глазах у него стали закипать слезы. – Сколько раз вы приходили ко мне во сне... сколько раз я с вами разговаривал... – он поднял граненый стаканчик с самогонкой. – Семен. Соня. Бетенька. Как твою жену зовут, Семен?

– Роза... – улыбнулся Семен.

– Роза... – повторил Вольф.

– Только меня больше по имени никто не называет... – сказала Сара и уголком платка утерла слезящиеся глаза. – Некому...

– Сара... – взглянул на нее Мессинг. – Твое здоровье, наша прекрасная, добрая и верная Сара...

Она сидела рядом с Вольфом. Он обнял мать, поцеловал в поседевшие, но все еще густые и пышные волосы:

– Прости меня, мама... Я вернулся, мы теперь будем вместе... Вы переберетесь в Варшаву, и мы будем вместе...

– И ты опять уедешь куда-нибудь в Америку или Индию... а мы будем получать только денежные переводы, – вздохнула Сара и вновь концом платка промокнула глаза.

– Волик, ты знаешь, что мама почти ничего не тратила из твоих денег? – вдруг с улыбкой сказал Семен.

– Перестань, Сема, как тебе не стыдно? – перебила мать.

– Интересное дело! – насупился Семен. – Почему нельзя сказать?

– А я говорю тебе, перестань...

– Когда жив был отец, мы еще тратили, но после смерти отца мама стала складывать все деньги и не потратила ни одного золотого, – проговорил Семен.

Мессинг растерянно помолчал, поглядел на мать:

– Это правда? Зачем, мама?

– Она говорила, что чувствует – ты скоро приедешь совсем нищим и тебе самому понадобятся эти деньги.

– Вот чей талант ты унаследовал, Вольф,.. – тихо сказал Цельмейстер.

– Как ты могла так поступить, мама? – вновь спросил Мессинг.

– Но ведь это правда, сынок, ты приехал без золотого в кармане, – тихо сказала Сара.

– Да откуда ты знаешь?

– Я чувствую, сынуля... – вздохнула Сара.

– Семен, заберешь все деньги и будешь тратить на семью, – решительно велел Мессинг.

Семен благодарно улыбнулся и победно посмотрел на жену с младенцем на руках.

– Простите, евреи, мне долго ждать? Мы когда-нибудь выпьем за здоровье мамы Сары? – вежливо осведомился Цельмейстер.

– Ваше здоровье, мама...

Все подняли граненые стаканчики и стали аккуратно чокаться.

– Я правда могу взять твои деньги? – тихо спросил Семен, глядя на брата.

– Разве я когда-нибудь говорил тебе неправду? – обиделся Мессинг.

– Спасибо, брат...

– Нахал... – сказала мама Сара. – Ты думаешь, без меня сможешь их потратить?

– Я никогда ничего не делал без твоего разрешения, мама...

– Лучше выпей и не ври, – улыбнулась Сара.

И все молча выпили и принялись закусывать.

Варшава, 1938 год

Питер Цельмейстер проснулся утром одетый, но в своей постели. Он тихо застонал и заворочался, припоминая бурно проведенную ночь и изрядное количество выпитого. Цельмейстер, кряхтя и хватаясь за голову, сел и спустил ноги с кровати.

– Боже мой, надо же так напиться, чтобы заснуть прямо во фраке и даже с бабочкой... – Он снял бабочку и швырнул ее на пол, зевнул и с хрустом потянулся.

Потом встал и побрел в ванную. Скоро оттуда послышался шум воды.

В это время в дверь постучали и в номер заглянул молодой человек в хорошем костюме и шляпе. Он огляделся по сторонам и вошел. Услышал шум воды в ванной комнате, снял шляпу и присел на стул у входа.

Из ванной вышел Цельмейстер в махровом халате со всклоченной мокрой головой, вопросительно уставился на молодого человека и, не здороваясь, пробурчал:

– По-моему, здесь живу я, а не вы...

– Совершенно верно, пан Цельмейстер. – Гость с улыбкой встал и протянул визитку.

– Секретарь графа Анджея Чарторыйского... Стефан Шармах, – прочитал вслух Цельмейстер и поднял глаза на молодого человека. – И чем я могу быть полезен графу Чарторыйскому, господин секретарь?

– Вельможный пан Чарторыйский приглашает господина Мессинга и вас в свое имение по чрезвычайно важному делу, пан Цельмейстер.

– По чрезвычайно важному? – переспросил Цельмейстер, глядя на молодого человека. – Что-нибудь пропало? И надо найти?

Стефан Шармах вздрогнул, отступил на шаг и, со страхом глядя на Цельмейстера, пролепетал:

– Откуда вы знаете?

– Дорогой Стефан, – усмехнулся Цельмейстер. – Я с паном Мессингом столько лет, что могу сам проводить сеансы телепатии. Так что там пропало у ясновельможного пана Чарторыйского?

– Бриллиантовая брошь. Семейная драгоценность. Весьма и весьма ценная вещь, – торопливо проговорил секретарь Шармах.

– И сколько же стоит эта семейная драгоценность? – поинтересовался Цельмейстер.

– Огромные деньги – восемьсот тысяч злотых, – в священном ужасе пролепетал секретарь.

– Значит, сделаем так... – подумав, заявил Цельмейстер., – Я постараюсь уговорить пана Мессинга помочь графу в розыске драгоценной броши, а граф заплатит гонорар за найденную брошь... Ну, чтобы не было обидно ни вам, ни мне – двадцать процентов от стоимости драгоценности. Договорились? – И импресарио обаятельно улыбнулся.

– Сто шестьдесят тысяч... – прошептал секретарь. – Нельзя ли поменьше? Это такие огромные деньги.

– А что, по-вашему, больше, пан секретарь? Восемьсот тысяч или сто шестьдесят? Мне кажется, потерять сто шестьдесят тысяч все же лучше, чем восемьсот. Или вы так не считаете? Увы, на других условиях мне не удастся уговорить пана Мессинга поехать к графу Чарторыйскому. – И Цельмейстер красноречиво развел руками.

– Хорошо, пан Цельмейстер, я все передам графу и уверен, никаких затруднений с гонораром не будет. Когда вы сможете приехать

в имение графа?

– Когда вы сообщите мне, согласен ли граф на сумму гонорара, которую я назвал.

– Сегодня же к вечеру я привезу ответ, пан Цельмейстер, – секретарь Шармах поспешно шмыгнул к двери, улыбнулся на прощание и исчез.

Перебранка между Вольфом и импресарио разгорелась на следующий день за завтраком. Цельмейстер уплетал яичницу с помидорами, пил чай и слушал сварливые речи Мессинга.

– Я не понимаю, кто дал тебе право назначать суммы гонораров? – возмущался Мессинг.

– Раньше ты не ругался, – ответил Цельмейстер. – Раньше ты спасибо говорил.

– Двадцать процентов – это... черт знает что! Зачем ты делаешь из меня хапугу?

– Разве нам не нужны деньги? Мы прибыли в Польшу без гроша в кармане, – продолжал возражать Цельмейстер. – Граф Чарторыйский несметно богат, и для него сто шестьдесят тысяч – пустяк. А для нас, Вольф, – это возможность хоть как-то поправить свои финансовые дела. Я не желаю быть нищим! А ты, Вольф, дурак! Ты не ценишь свой талант! Ты простофиля и дурак! Простофиля и дурак! Пожалуйста, приедем в имение, и можешь публично отказаться от гонорара! И тогда я публично назову тебя дураком! – И Цельмейстер отвернулся к окну, считая разговор законченным.

– Сам дурак... – пробормотал Мессинг и тоже отвернулся к окну.

В дверь номера постучали, и заглянул секретарь Шармах:

– Панове, прошу прощения. Машина у подъезда. Я жду вас. – И секретарь исчез.

– А вот возьму и не поеду, – заявил Мессинг.

– И черт с тобой! Тогда ищи себе другого импресарио! – вскинулся Цельмейстер и стал надевать пальто, никак не попадая рукой в рукав и продолжая ругаться. – Стараешься... нервы портишь... всухомятку – желудок ни к черту... без женщин, без вина – все силы на этого звездочета трачу – и ни слова благодарности! Все, с меня хватит! Сыт по горло!

– Ладно, поехали... – вздохнул Мессинг, и Цельмейстер сразу замолчал, только буркнул:

– Давно бы так...

Машина у графа Чарторыйского была марки “Опель-капитан”, и водитель, как и предписывалось модой, весь в коже – кожаный пиджак, перчатки, кожаная кепка с большим козырьком. Впереди, рядом с шофером, устроился секретарь Шармах. Он разговаривал с сидевшими сзади Мессингом и Цельмейстером, повернувшись спиной к дороге:

– Чтобы не пугать прислугу и домочадцев, мы с графом решили представить вас художником. Будто вы приехали писать портреты с натуры, а пан Цельмейстер ваш помощник.

– И долго вы с графом думали, чтобы такое придумать? – угрюмо спросил Цельмейстер.

– Не поймите превратно, пан Цельмейстер, но если они узнают, что пан Мессинг приехал искать украденную брошь, – все перепугаются, и вам будет намного тяжелее работать.

– Хорошо, художник, так художник... мне все равно, – сказал Мессинг.

Граф Чарторыйский встретил их на мраморной лестнице старинного особняка. Узкие средневековые окна с цветными витражами, стрельчатые башенки, тяжелые мореного дуба двери с бронзовыми ручками... Герб Чарторыйских, высеченный из мрамора над входом в особняк, и мраморные же львы на пандусах по обе стороны дверей свидетельствовали о тщеславии и амбициях аристократического рода.

Домашняя челядь, слуги и гувернантки, толпились на ступенках.

Мессинг и Цельмейстер выбрались из машины, и граф Чарторыйский, высокий, сухопарый, в длиннополом сюртуке и белой рубашке с расстегнутым воротом, из-под которого виднелся шелковый синий шарфик в белый горошек, сделал шаг навстречу гостям. Граф, улыбаясь, церемонно пожал руки Мессингу и Цельмейстеру.

– Рад познакомиться с вами, пан Мессинг, столько наслышан, столько читал про вас... рад видеть, пан Цельмейстер. Пойдемте, я познакомлю вас с моими домочадцами. – И граф направился вверх по широким мраморным ступеням.

Мессинг и Цельместер пошли за ним. Секретарь Шармах задержался рядом с шофером.

– Этот, что ли, искать будет? – прикуривая сигарету, спросил шофер.

– Не этот, а всемирно известный телепат, – строго ответил секретарь. – Людей насквозь видит.

– Интересно... – усмехнулся шофер, глядя, как граф Чарторыйский представляет Мессингу и Цельмейстеру своих домочадцев: троих мужчин и трех женщин разного возраста. Они с почтением пожимали руки Мессингу и Цельмейстеру, две девушки, как хорошо воспитанные барышни, сделали книксен.

Потом граф широким жестом пригласил гостей проследовать в дом.

Секретарь Шармах бросился их догонять. На ходу спросил дворецкого – пожилого мужчину в расшитой золотыми нитками ливрее:

– Стол накрыт? Проверять не надо?

– Стол накрыт, пан Шармах, все готово, – с достоинством ответил дворецкий.

После обеда, когда все стали подниматься из-за стола, граф Чарторыйский жестом попросил Мессинга и Цельмейстера задержаться. Домочадцы чинно и медленно покидали громадную столовую с высокими стрельчатыми окнами, слуги стали убирать с длинного стола грязную посуду.

Чарторыйский, Мессинг и Цельмейстер отошли к окну столовой. Граф вполголоса произнес:

– Мой секретарь вам, конечно, все рассказал. Могу только добавить, что эта брошь была собственностью супруги короля Стефана Батория, с которым мои предки состояли в близком родстве, и потому это не только шедевр ювелирного искусства, но и историческая реликвия... Короче говоря, этой броши цены нет, пан Мессинг, и я, и моя супруга до сих пор пребываем в самом мрачном расположении духа.

– Я думаю, в таком случае и гонорар за находку броши должен быть существенно увеличен, – буркнул Цельмейстер.

Мессинг бросил в его сторону злобный взгляд, но Цельмейстер как ни в чем не бывало рассматривал большую картину на стене в дорогой золоченой раме.

– Несомненно! – Граф одарил импресарио лучезарной улыбкой. – Я озолочу вас, панове, только помогите найти.

– Вы полагаете, что брошь похитил кто-то из obsługi или домочадцев, находящихся в замке? – спросил Мессинг.

– Это первое, что приходит в голову, пан Мессинг... – ответил Чарторыйский. – Посторонних в замке все это время просто не было.

– Где я смогу работать, ясновельможный пан Анджей?

– Пойдемте, я провожу вас

Комната оказалась большой, хорошо освещенной со всех сторон высокими окнами залой. По углам стояли массивные железные рыцари в тяжелых доспехах. На стенах картины, старинное оружие, портреты предков графа Чарторыйского – мужчины и женщины в старинных нарядах. Еще одну из достопримечательностей составляло большое чучело медведя на задних лапах с угрожающе поднятыми передними лапами и оскаленной страшной пастью с большими клыками. Медведь встречал посетителей у дверей. Посреди залы, ближе к ряду высоких окон, был установлен большой мольберт с холстом на подрамнике, рядом на столике ящик с тюбиками красок и кистями самых разных размеров. Тут же стоял мольберт поменьше, и на него были прикреплены листы ватмана для карандашных зарисовок. У одной из стен находилась длинная старинная кушетка с покрывалом и подушкой, над ней висели гобелены со сценами из народной жизни. Еще у дверей почему-то стояли два трехколесных велосипеда.

– Прошу вас... – Чарторыйский радушным жестом обвел рукой залу. – Простите, пан Мессинг, вы умеете рисовать?

– Кошку или собаку нарисовать еще смогу, а вот что-то другое... – Мессинг пожал плечами.

– Ну, хотя бы изобразите человека, который умеет рисовать, – улыбнулся Чарторыйский. – Явсем представил вас как известного художника, приехавшего из Германии. Вы ищете характерные польские типажи и решили посмотреть моих домочадцев в этом качестве... Я подумал, так вам удобнее будет изучать этих людей. Если люди узнают, что перед ними дознаватель... сыщик... они внутренне будут защищаться, противодействовать вам, а если они будут считать,

что перед ними всего-навсего художник – они невольно расслабятся... раскроются...

– Вы хороший психолог, ясновельможный пан Чарторыйский, – вежливо улыбнулся Мессинг.

– Я бывал на нескольких ваших представлениях в Варшаве и Лодзи. Даже в Германию ездил и видел вас в Берлинском театре... Поэтому я и осмелился обратиться к вам.

– Хорошо... я попробую... – Мессинг с любопытством оглядел залу.

– А вы... простите, пан Цельмейстер... – начал было Чарторыйский, обращаясь к импресарио, но тот поспешно перебил его:

– А я буду изображать помощника. Мыть кисти, менять краски... приносить чай и бутерброды...

– Для этого у меня есть соответствующая прислуга, – улыбнулся Чарторыйский.

– Ничего, я буду всех замещать.

Перед мольбертом сидела дородная женщина, румяная, щекастая. Одежда туго обтягивала ее фигуру, и казалось, сейчас расплзется по швам под напором мощного тела.

– Раз в неделю я езжу со слугами в Варшаву за продуктами. Я не могу доверить это важное дело дворецкому или какой-нибудь кухарке...

– У вас их много? – спросил Мессинг, стоя перед маленьким мольбертом и делая карандашом какие-то немислимые штрихи.

– Простите, пан, что вы сказали?

– Кухарок под вашим началом много?

– Три! – воскликнула женщина. – И ни одна не может приготовить что-нибудь стоящее! Ни одна не может купить на рынке хорошие продукты! Деревня! Им что ни купи – все годится! А ведь каждый продукт своего внимания требует. Я одних яиц на неделю сто штук беру – и надо, чтобы самые свежие были... самые крупные... самые желтенькие... А капуста? А картофель? Я уж про мясо не говорю! И баранину надо, и говядину, и свинину и к каждой свой подход требуется. Народ такой нынче пошел – одно слово, сволочь народ,

сплошь жулик и обманщик, хуже цыган... – Слова сыпались из женщины, как горох из порванного мешка.

Мессинг внимательно смотрел на нее, то улыбался ободряюще – и женщина при этом начинала говорить быстрее и с большим увлечением, – то вдруг хмурился, отступал на шаг, глядя на женщину пронзительным взглядом, – и она замолкала на полуслове, уставясь на него с открытым ртом.

– Я слушаю вас, слушаю... – произнес Мессинг, и женщину вновь прорвало:

– Так вот я говорю, пан, мясо я лично выбираю. Потому как ясновельможный пан Анджей очень любит котлеты с бараниной и свиной... чтобы в нужной пропорции были... и не дай Бог ошибиться! Ясновельможный пан к еде очень строгий... А сколько продуктов из-за границы присылается. По специальным заказам – и сыры разные, и паштеты, и ветчина пармская, рокфоры десяти сортов, а то и больше. И тут я все принимаю, пробую, проверяю... Ясновельможный пан очень вкусу моему доверяет...

...Дородную женщину сменил мужчина лет сорока с большими бакенбардами, одетый в черный сюртук и рубашку с галстуком. Он прямо сидел в деревянном кресле с высокой резной спинкой, иногда подкручивая рукой тронутые сединой усы.

Мессинг водил кистью по холсту – на нем красовалось нечто, весьма отдаленно напоминающее человеческое лицо. Он прикасался к холсту то в одном, то в другом месте, затем долго смешивал на палитре краски и слушал.

– Дом большой. Такой дом ухода и надзора требует, одних комнат для проживания – двадцать одна!

– Двадцать одна? – недоверчиво переспросил Мессинг.

– Именно так, пан. А сколько кладовых, погребов, складов! Холодных комнат для продуктов – шесть! А винный подвал? Их два – один с вином, другой – с водками и коньяками... виски и ромы, джины, настойки... А печей на кухнях сколько? И за всем этим я в первую очередь смотреть должен... За день так находишься, к вечеру едва ноги таскаешь... Жену и ту целыми днями не вижу, будто в разных местах живем...

...Затем в кресло присела худая, костлявая девица с большими натруженными руками со вспухшими узлами вен.

– Наше дело постельное... – улыbnулась она. – Ну и, конечно, скатерти, салфетки, шторы... Так что мы из прачечной-то, бывает, по несколько дней не вылезаем, иной раз и заночуешь там, чтобы с утра пораньше за работу приняться. Графиня строгая очень – сама каждую простыню смотрит, каждую скатерть, салфетку...

Во время всех этих разговоров Цельмейстер сидел в дальнем углу залы, за небольшим столиком, не прислушиваясь и не вмешиваясь.

В помещение вошел слуга с подносом, накрытым крахмальной салфеткой, бесшумно направился к Цельмейстеру. Тот оживился, потер ладони, заулыбался:

– Наконец-то! А я уже заждался вас, любезный. Что вы нынче нам приготовили? Чем удивите?

– Пани Франия специально для вас старалась, – с важным видом ответил слуга, откидывая салфетку и составляя на стол перед Цельмейстером многочисленные тарелочки с разными кушаньями.

– Хорошо быть любимцем главной кухарки дома Чарторыйских, – довольно потер ладони Цельмейстер. – Моя бы воля – жил бы здесь всегда!

– Сыр рокфор ранний... сыр богемский... сыр эльзасский... – расставляя кушанья, говорил слуга. – Ветчина пармская... окорок брауншвейгский... салат – тут порей добавлен, капуста... редьки немного... Пани Франия на свой вкус составляла...

– Родной мой, твои слова что музыка Чайковского... – закрыв глаза, Цельмейстер склонился над столом и нюхал каждое блюдо по отдельности. – Ах, какая симфония...

– Суп протертый попозже подавать?

– Попозже, любезный, попозже...

– А вино мозельское прикажете сейчас?

– Что за вопросы, любезный мой олух? Конечно, сейчас!

Они сидели за столом в углу залы и обедали. Цельмейстер умудрялся есть сразу с нескольких тарелок, чмокал, чавкал, блаженно прикрывая глаза и качая головой:

– Ах, как вкусно! Ты знаешь, Вольф, я даже готов подумать о снижении суммы гонорара.

– Боюсь, его совсем не будет, – ответил Мессинг, намазывая паштет на хлеб.

– То есть? Не пугай меня, Вольф! Напрягись... ты, вижу, от безделья совсем разбаловался и превратился в сибарита! Да, да, не смотри на меня честными еврейскими глазами! Они на меня не действуют, потому что у меня такие же честные и еврейские глаза.

Мессинг коротко рассмеялся, покачал головой, потом проговорил:

– Почти всех просмотрели... они все чистые... Понимаешь, они совершенно открыты моим вопросам, нисколько не смущаются, не прячутся, и я уверен, к краже они никакого отношения не имеют...

– Значит, в замке побывал кто-то чужой? – спросил Цельмейстер.

– Граф Чарторыйский категорически это отрицает. В покои графа, особенно туда, где хранятся фамильные драгоценности, чужой проникнуть не мог.

– Значит, мог, если брошка пропала. Или все-таки вор среди своих...

– Я этого ни в одном из них не увидел, – ответил Мессинг. – Все честные люди...

– Ну, положим, такую брошку слямзить мог и честный, – усмехнулся Цельмейстер.

В это время тяжелая дверь в залу приоткрылась и заглянула смешливая румяная девичья физиономия. Она смотрела на Цельмейстера и улыбалась.

Цельмейстер подмигнул ей, послал воздушный поцелуй. Девушка прыснула от смеха и скрылась.

– Чудная девушка... Марысей зовут... влюбилась в меня, как кошечка... ласковая. – Цельмейстер продолжал быстро жевать. – А в постели, Вольф, просто чудо...

– Перестань... – поморщился Мессинг.

– Господи, когда же ты влюбишься хоть в какую-нибудь юную пастушку? Или на тебя так подействовал негр в постели той дамы, что ты решил стать монахом?

– Перестань, я тебе сказал, Питер. Надоели, ей-богу, твои похотливые развлечения...

– Ох, ох, какие мы нравственные и неприступные... – покачал головой Цельмейстер.

Дверь в залу распахнулась шире, и на трехколесном велосипеде вкатился мальчик лет одиннадцати с непропорционально большой головой, сильно выступающим лбом и близко посаженными к

переносице глазками. Неразборчиво напевая какую-то песенку, мальчишка прокатился по залу, не обращая внимания на двух взрослых людей, и выкатился в дверь, продолжая бормотать.

– А это кто? – встрепenuвшись, спросил Мессинг.

– Мальчик, – усмехнулся Цельмейстер. – Видимо, сын кого-то из прислуги.

В это время вошел слуга, приблизился к столику, поставил темную бутылку вина и два бокала.

– Извини, любезный, кто этот мальчик на велосипеде? – спросил Цельмейстер.

– А-а... это сын дворецкого, – улыбнулся слуга. – Катается по всему дому... Вы знаете, дворецкий очень переживает за него... Он таким родился...

– Слабоумным? – спросил Мессинг.

– Ну да. Вы догадались? Хороший мальчик, послушный, но... вот беда... учиться не может, ничего не запоминает...

Слуга ушел. Мессинг выпил глоток вина, сказал:

– Вот что, Питер, пусть этого мальчика приведут ко мне. Я его тоже попробую срисовать...

– Ты посмотрел его? Успел?

– Посмотрел, но увидеть ничего не смог. Он странно закрыт для меня ... – ответил Мессинг. – Видимо, потому что слабоумен.

...И вот в том же деревянном кресле уже сидел одиннадцатилетний мальчик и туповато глядел на Мессинга, который водил кистью по холсту и задавал вопросы.

– Так тебя Марек зовут? – спросил Мессинг, глядя то на мальчика, то на холст.

– Марек...

– А что ты делаешь, Марек, когда на велосипеде не катаешься?

– Играю...

– Во что играешь? С кем играешь?

– Я один люблю играть. У меня паровозики есть, оловянные солдатики есть...

– И ты в них играешь? В солдатики?

– Да, играю...

Мессинг некоторое время еще размазывал краски по холсту, потом отложил палитру, кисть, достал из кармашка жилетки большие золотые

часы-луковицу на толстой золотой цепочке, щелкнул крышкой, посмотрел на циферблат, затем отложил часы на столик рядом с мольбертом:

– Ты посиди немного, мне нужно отлучиться на две минуты. Я сейчас вернусь. – И Мессинг вышел из зала.

Закрыв за собой дверь, он присел на корточки и прильнул к замочной скважине. Отсюда ему было хорошо видно, как Марек сидел в кресле, вертя головой по сторонам. Наконец мальчику надоело сидеть, он встал и подошел к мольберту, посмотрел на то, что нарисовано на холсте, потом увидел золотые часы, осторожно взял за цепочку, поднял и стал рассматривать сверкающую на солнце вещицу. Потом огляделся по сторонам и вдруг направился к столику, возле которого стоял стул. Марек с трудом поднял его и потащил через залу к чучелу медведя. Поставив перед ним стул, Марек ловко взобрался на него и, протянув руку, опустил в оскаленную пасть часы. Потом он спустился на пол и отнес стул на прежнее место. Затем, забыв о том, что ему надо сидеть в кресле, подошел к велосипеду, уселся на него и быстро поехал к двери.

Мессинг распахнул дверь, Марек выехал в коридор, даже не посмотрев в его сторону, и покатил по коридору к большому холлу, скрипя педалями.

Мессинг вернулся в залу, следуя примеру Марека взял стул, подтащил его к чучелу и, встав на него, запустил руку в открытую пасть медведя.

В это время в залу вошел Цельмейстер, вздрогнул и обалдело уставился на Мессинга:

– Во что ты, интересно, играешь?

– Иди сюда. Держи. – И Мессинг вынул из пасти свои часы с цепочкой, но вместе с часами в горсти он держал еще два больших перстня с бриллиантами и золотой портсигар.

Он высыпал все это в подставленные ладони Цельмейстера.

– Вот это да, Вольф! Сокровища Монтесумы!

– Подожди, там еще много всего... – Мессинг вновь запустил руку в пасть медведю и вытащил оттуда бриллиантовую брошь, кольцо с бриллиантами и изумрудами, серьги с драгоценными камнями и золотые цепочки.

– Вольф, это самый лучший фокус, который ты проделал за всю свою жизнь! Как я понимаю, это все слабоумный мальчик?

– Он. Как видишь, все очень просто...

Они уезжали ранним утром. Граф Чарторыйский провожал их. И секретарь Шармах суетился рядом, улыбался, заглядывая в глаза Мессингу и Цельмейстеру. Домочадцы и прислуга столпились у дверей в начале лестницы, не осмеливаясь спуститься и подойти к машине. У смешливой девушки Марыси были заплаканные глаза и распухшие губы.

Граф Чарторыйский долго жал руку Мессингу и говорил с лучезарной улыбкой:

– Я бесконечно благодарен вам. Я потрясен вашими удивительными, божественными способностями, пан Мессинг. Я ваш вечный должник и буду рад видеть вас у себя в доме в любое время!

– Любезный, где же гонорар? – негромко спросил Цельмейстер секретаря Шармаха, стоя в трех шагах от Мессинга и графа. – Вы второй день водите меня за нос. Учтите, я осрамлю вас на всю Польшу...

– Пан Цельмейстер, не беспокойтесь, умоляю вас, я привезу вам чек в Варшаву. Мне только надо будет заехать в банк. Завтра утром я у вас с чеком. Побойтесь Бога, неужели вы сомневаетесь в слове графа Чарторыйского?

– Послушайте, пан Шармах, я столько видел всяких донов, графов и герцогов, что вам и в дурном сне не приснится! Вот поэтому я и сомневаюсь в словах вашего графа. Если завтра не будет чека...

– Будет! Будет! Завтра утром я у вас в гостинице с чеком в зубах! – Шармах старательно улыбнулся, схватил руку Цельмейстера и стал усердно ее трясти.

Когда ехали в машине, Цельмейстер курил, зло сопел, ворочался на сиденье, потом сказал:

– Хочешь, сделаю небольшое пророчество? Понимаю, что отбиваю у тебя хлеб, но не могу не предсказать самого ближайшего будущего...

– Попробуй... – усмехнулся Мессинг.

– Ясновельможный пан Чарторыйский, родственник самого короля Стефана Батория, не заплатит нам ни злого! Шиш с маслом

он нам заплатит! Ах, какой же я дурак! Надо было хоть аванс какой-нибудь потребовать... Ну что за люди, Вольф? Чем богаче, тем жаднее!

– Поэтому они и богатые... – вновь усмехнулся Мессинг.

– Как я понимаю, гонорар ты требовать не будешь? – спросил Цельмейстер с сарказмом. – Ну конечно! Нам деньги девать некуда! Мы спим на деньгах, живем в замках, у нас прислуги одной дюжина человек! Зачем нам какие-то паршивые сто шестьдесят тысяч злотых?! Нет, Вольф, давно хотел тебе сказать откровенно – ты не еврей, ты зачуханный польский крестьянин или русский бурлак!

– А кто это – русский бурлак?

– Бурлак? – переспросил Цельмейстер и пожевал губами. – Ну, это... такой человек... Ну, это, в общем, никчемный нищий человек!

– Спасибо... просветил... – Мессинг отвернулся к окну.

Варшава, 1939 год

И вновь огромный зал зрителей ожидал выступление телепата и волшебника Вольфа Мессинга. Мессинг и Цельмейстер появились на сцене, как всегда, подтянутые, нарядные – в черных фраках, белых манишках и лакированный туфлях. Зрители встретили Мессинга дружными аплодисментами. Он поклонился, прижимая руку к сердцу и с улыбкой окинул взглядом публику.

Несколько дней назад газеты сообщили о новости, пришедшей из Германии: “Фюрер Германии потребовал выдачи известного телепата Мессинга”, “Фюрер Германии Адольф Гитлер объявил награду за поимку Вольфа Мессинга в 250 тысяч рейхсмарок”, – такие заголовки два дня не сходили с первых полос польских газет.

Мессинг догадывался, какое событие повлекло за собой столь радикальное требование немецкого фюрера.

...Он стоял на сцене с закрытыми глазами и говорил совсем не таким голосом, каким разговаривал в жизни, а глубоким и таинственным:

– Германия погибнет, если двинет свои армии на восток... Гитлера ждет ужасная смерть... от собственных рук... весной сорок пятого года... да, да, весной сорок пятого года...

Зал молчал, словно окаменев, глаза людей были устремлены на Мессинга, стоящего на сцене. Веки его закрытых глаз вздрагивали, на лбу выступили крупные капли пота. Он вытянул перед собой руки, и

пальцы тоже вздрагивали, а голос слышался будто откуда-то из бездонных глубин:

– Гитлер покончит с собой весной сорок пятого... и это будет великий праздник всех добрых людей на земле...

Он открыл глаза и посмотрел в зал, медленно приходя в себя. В глазах боль и страдание... И зрители смотрели на него и молчали, словно оглушенные. Мертвая тишина стояла в зале – ни одного хлопка, ни звука. И Мессинг увидел в глазах людей, устремленных на него, страшную тревогу... тревогу и ожидание большой беды...

...1 сентября 1939 года гитлеровская Германия напала на Польшу. Началась Вторая мировая война.

Немецкие солдаты ломают илагдам на германо-польской границе... Колонны немецких солдат маршируют по дороге... У обочины указатель с надписью по-польски: “Варшава”... Двигаются колонны танков с черными крестами на броне... Немецкие истребители и бомбардировщики пикируют на Варшаву... дымятся и рушатся под взрывами дома... взлетают на воздух мосты... кругом дым и пожары... Немецкие автоматчики идут по горящим улицам Варшавы... площадь, окруженная старинными зданиями, заполнена трупами... мужчины в гражданской одежде... женщины... дети... Немецкий солдат клеит на деревянной афишной тумбе большое объявление: “Командование германских войск назначает награду за голову государственного преступника Вольфа Мессинга – 250000 рейхсмарок”.

*Польша, 1940 год,
на границе с Советским Союзом*

Лодка медленно плыла поперек реки. Черная гладь, тихие всплески воды, стекающей с весел, и все ближе и ближе противоположный берег. Наконец Янек поднял весла, и лодка совсем бесшумно заскользила в зарослях камыша. Камыш зашелестел по бортам, тяжелые растения несколько раз ударили Мессинга по голове и плечам.

– Тут неглубоко, пан Мессинг, – сказал Янек. – Придется немного по воде...

– Да, да... – Мессинг поднялся, пошатнулся и едва не упал в воду.

Янек поддержал его за руку, сказал виновато:

– Я бы до берега вас проводил, да боюсь русских пограничников.

– А немецких не боитесь?

– Ну, немецких бояться нечего – сразу расстреляют, а русские будут мурыжить и держать неделю, пока отпустят. А мне неделю нельзя – дел много в Польше. Так что прощайте. Счастливого пути.

– И тебе приятно, Янек. – Мессинг шагнул в воду, провалился и опять чуть не упал, и Янек снова схватил его за руку.

– Ничего, ничего... – Мессинг с трудом опустил вторую ногу и оказался почти по пояс в воде. Полы расстегнутого пальто поплыли рядом с ним.

Янек оттолкнулся веслом, и лодка скользнула по воде к середине реки. Янек сел на весла, кивнул бородатому мужчине, за всю поездку так и не проронившему ни слова, и они стали быстро отгребать в сторону.

Мессинг проводил удаляющуюся лодку грустным взглядом и побрел по воде к берегу, хватаясь за камыши, свисавшие со всех сторон. Наконец он выбрался на твердую землю. Вода стекала с него ручьями. Он сел на сухой пригорок и принялся стаскивать намокшие ботинки. И через мгновение услышал за спиной сухой щелчок винтовочного затвора и громкий мужской голос:

– Попался, вражина! Руки вверх!

Мессинг обернулся и увидел молоденького красноармейца в линялой гимнастерке и стоптанных сапогах, с винтовкой наперевес, направленной прямо на него. Глаза у солдата были настороженные.

Мессинг медленно встал, осторожно поднял вверх руки, держа в одной мокрой ботинок. Солдат присмотрелся к Мессингу, успокоился, поставил винтовку на землю:

– Надевай ботинок. Пошли!

Мессинг вновь сел на землю, надел ботинок и поднялся.

Советский Союз, 1940 год

Просторную комнату ярко освещала электрическая лампочка под зеленым абажуром, стены были оклеены плакатами: “Если ЗАВТРА война!”, “БОЛТУН – находка для шпиона”, “ГРАНИЦА – на замке”, “ДА ЗДРАВСТВУЕТ МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ!” На видном месте висел большой застекленный портрет улыбающегося в усы Сталина.

За столом расположился старший лейтенант Антон Скрыпник – мужчина лет двадцати пяти – двадцати семи, в гимнастерке с тремя кубиками в петлицах, чубатый, но аккуратно подстриженный “под бокс”.

– И документов, значит, с собой никаких? – устало спросил старлей у сидящего перед ним Вольфа Мессинга.

– Никаких документов у меня нету, – с сильным акцентом на русском ответил Мессинг. – Все документы у меня забрали немцы, когда арестовали.

Он был одет в не по росту большую линиялую гимнастерку, защитного цвета галифе и сапоги и выглядел очень смешно – военная одежда явно не шла ему.

– А ты, значит, бежал из-под ареста? – с сомнением допытывался старлей Скрыпник.

– Да, мне удалось бежать.

– Это ты бабушке своей расскажи. Чтобы у немцев с-под ареста бежать, так я тебе и поверил.

– Я правду говорю...

– Знаешь, сколько таких, как ты, через границу каждый день прет? Десятками... но у всех, между прочим, хоть какие-то документики есть. А ты явился – гол как сокол!

– Я же говорю...

– Говорю, говорю... все вы говорить горазды... Так кто вы, говорите, по профессии? – вновь спросил старлей. – Я чего-то не понял?

– Я артист оригинального жанра... – ответил Мессинг.

– Какого-какого жанра?

– Оригинального...

– Гм-н-да... – кашлянул в кулак старший лейтенант. – Ну, пусть так будет... оригинального... А чего через границу шел? Знал, что на преступление идешь? Думал, здесь что? Пирогам с медом тебя встретят? – Он опять перешел на “ты”.

– Я бежал от фашистов... мою семью расстреляли в Варшаве... меня искали везде. Даже плакаты развесили в Варшаве и других городах. За мою голову была обещана награда в двести пятьдесят тысяч марок...

– Ого! Да что ты за птица такая, что столько денег обещали? Ты кто? Генерал? Или кто?

– Я же сказал, я артист... На одном из концертов я предсказал гибель Германии в войне... Гитлеру доложили, ему это очень не понравилось... и он приказал...

– Ой брешешь, ой брешешь как сивый мерин... – засмеялся старлей. – Выходит, Гитлер всех артистов в Польше знает? Слушай, как там тебя... Мессинг... Вольф Григорьевич, кончай ты заливать, честное слово, рассказывай правду. Не умеешь ты врать, вот что я тебе скажу. Двести пятьдесят тыщ... Гитлер приказал... а то у Гитлера других дел мало, как артистов ловить... – Старлей опять коротко рассмеялся. – Мелко плаваешь, артист, жопу видно! Давай начистоту, а? По-хорошему. Кто послал? С каким заданием? Куда?

– Честное слово, я говорю правду, господин офицер.

– Гражданин старший лейтенант, – строго поправил старлей. – Господа у нас давно в Черном море потонули.

– Прошу прощения, гражданин старший лейтенант. Но я говорю правду. Я бежал в поисках убежища. Я прошу защиты от фашистов. У меня не осталось никого родных. Меня убили бы, если бы я не убежал... честное слово, гражданин старший лейтенант... – Мессинг посмотрел в глаза старлею, и тот вдруг смутился, отвел взгляд в сторону, пробормотал негромко:

– Сразу и убили... вот не убили же, спасся...

Лейтенант Перегудов вошел в маленькую комнатку, где за рацией у окна сидел радист и настраивал ее, поворачивая тумблеры то в одну, то в другую стороны. Еще двое красноармейцев курили, расположившись на лавке у двери. При появлении лейтенанта они встали.

– Да сидите, – махнул рукой Перегудов. – Старлей у себя?

– Перебежчика допрашивает, – коротко ответил радист.

– Давно?

– Давно... больше часа... Чего он там с ним тары-бары разводит, не знаю... – пробормотал радист, не отрывая взгляда и рук от рации.

Из-за двери послышался хохот, потом громкий голос старлея. Перегудов удивленно посмотрел на солдат, на радиста:

– Чего это он там хохочет? Пьяный, что ли?

– Ну, давай еще! – смеялся старлей, держа в руках колоду карт. – Ах ты как, фокусник, твою мать! Ну а сейчас какую я загадал? Нет, я три карты загадал! Какие?

– Дайте мне колоду, – попросил Мессинг. – Какие карты вы загадали? – Он потасовал колоду, потом выбросил на стол даму треф, короля пик и туза червей, спросил: – Эти?

– Ну, точно! Во дает, а! – восхищенно заржал старлей. – Ты, значит, мысли читаешь?

– Иногда получается, – чуть усмехнулся Мессинг.

– Ну хорошо, а чего я вот сейчас подумал? Угадай? Сможешь?

– О чем вы сейчас подумали? – переспросил Мессинг. – Можете порадоваться – ваше представление на повышение подписано в штабе округа и ушло в Москву... кажется, в министерство... как оно у вас называется? Оборона...

– Ну ты-и... – выдохнул старлей. – Точно?

– Точно, точно... Через две недели узнаете...

– Ну ты-и... дьявол, честное слово... Вот это фокусник так фокусник... Теперь понятно, чего за тебя Гитлер награду назначил... Кормили тебя?

– Ничего, я потерплю...

– А чего терпеть-то? У нас тут не тюрьма. Горбенко!

В комнату вошел могучего вида детина, мрачный, со злыми, глубоко посаженными глазами:

– Слухаю, товарищ старший лейтенант.

– Отведи-ка гражданина артиста в столовку. Пусть накормят. Одежду его высушили?

– Так точно, товарищ старший лейтенант.

– Вот и одежду ему отдайте... а то он в форме на чучело огородное похож, – старлей усмехнулся. – Топай, артист, рубай вволю. После еще побеседуем.

В комнату вошел Перегудов, посмотрел на Мессинга, потом на старлея:

– Я там полчаса уже жду, между прочим.

– Ого, Перегудов! Давай, заходи. Тут такое дело, мать честная. Тут такое дело...

В каптерке, старой бревенчатой избе, на деревянных полках стопками лежало обмундирование, включая пилотки, белье, портянки и прочее солдатское имущество, рядами стояли сапоги, на гвоздях висели ремни. Старшина выдал Мессингу его вещи – высушенные и отглаженные пиджак и брюки, рубашку, пальто и ботинки.

Мессинг тут же переоделся. Могутный старший сержант стоял, подпирая плечом дверной косяк, и курил самокрутку.

В пустой столовой – просторном помещении, чем-то напоминавшем сарай, – стояли три длинных, во всю комнату, стола, за один из них Горбенко усадил Мессинга. Повар, грузный старшина в белом колпаке и грязном фартуке поверх гимнастерки, поставил перед ним глубокую миску дымящихся щей с плавающими кусками мяса, большую тарелку с мятой картошкой и тушенкой, тарелку с крупно нарезанными помидорами и огурцами и три стакана компота.

– Что вы, зачем столько? – испуганно посмотрел Мессинг на большую и глубокую миску со щами. – Я все это не съем.

– Больной, что ли? – мрачно спросил повар в белом колпаке.

– Нет, я здоров...

– Тогда ешь – здоровее будешь. Вкусно. Люди всегда добавки требуют. – И повар ушел к себе на кухню, отгороженную деревянной стеной с большим окном, в которое подавали еду.

Горбенко по-прежнему стоял, подперев дверной косяк, и молча смолил самокрутку.

Мессинг принялся есть, поглядывая на стены, на которых было развешано множество плакатов, изображавших красноармейцев в летнем и зимнем обмундировании, а также винтовки и автоматы... пулемет в разобранном виде... ручные противопехотные и противотанковые гранаты... разрез окопа полного профиля... Были плакаты с лозунгами “ЗАЩИТИМ ПОКОЙ И ТРУД СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН”, “КРАСНАЯ АРМИЯ ВСЕХ СИЛЬНЕЙ!”.

И посередине стены висел неременный портрет Сталина. Мессинг ел мясные щи и поглядывал на Сталина. И Сталин смотрел на него с лукавой улыбкой.

Ворот гимнастерки старшего лейтенанта Скрыпника был расстегнут, волосы всклокочены, в глазах горели азарт и почти детское любопытство. Под столом он перетасовал колоду потрепанных карт,

потом вынул одну и взглянул на Мессинга, все так же сидевшего перед ним на стуле:

– Ну а щас какую карту я вытащил?

– Семерку пик, – спокойно отвечал Мессинг, глядя в окно, за которым уже наступали сумерки следующего вечера.

– Ну ты даешь, артист... А щас чего я вытащил?

– Даму червей...

– Точно! Ну ты даешь... Как же у тебя это получается? – не переставал удивляться старлей. – Ну скажи, будь человеком? Где ты шельмуешь? Как?

– Да никак я не шельмую... – устало улыбался Мессинг. – Я просто вижу.

– Как видишь? Я же руки с картами под столом держу – как ты можешь увидеть?

– Я их мысленно вижу... В голове представляю карты – и как вы их тасуете, и какую карту вытаскиваете...

– Да как же это возможно? Не-ет, ты не хочешь говорить, артист, нехорошо! Я к тебе со всей душой, а ты... темнишь!

– Нет, нет, не темню... я просто читаю ваши мысли. Вы же видите карту, которую вытащили из колоды, а я улавливаю ваши мысли и тоже знаю карту, – все с той же вежливой улыбкой отвечал Мессинг.

Открыв рот, старлей обалдело смотрел на Мессинга и ничего не понимал. Потом сказал отрешенно:

– Ты страшный шпион... Тебя надо немедля расстрелять...

– Нет, нет, что вы! Не надо меня расстреливать! – не на шутку испугался Мессинг, глядя на застывшее лицо старлея. – Давайте я вам лучше другие фокусы покажу.

Прослышав о необычном “шпионе”, набежали другие офицеры. Ажиотаж нарастал. Теперь в комнате сидели четверо офицеров: еще один старший лейтенант и два лейтенанта – и вид у всех был такой же, как у Скрыпника, взъерошенный, очумелый и даже напуганный.

– Хорошо, завяжите тогда мне глаза, если вы думаете, что я как-нибудь подглядываю. И пусть гражданин Антон что-нибудь прикажет мне мысленно... то есть молча. И я его приказание выполню с завязанными глазами.

– Давай, Антон... – сказал лейтенант, которого звали Михаил Крышкин.

– Так вы сперва глаза ему завяжите, – ответил Антон Скрыпник.

Второй старлей, Сергей Покровцев, достал из кармана большой носовой платок, сложил его несколько раз в толстую повязку, подошел к Мессингу и крепко завязал ему глаза, стянув узел на затылке.

Мессинг потрогал повязку на глазах, предложил:

– Пожалуйста, приказывайте.

– Готово... – после паузы объявил Скрыпник.

– Могу выполнять? – спросил Мессинг.

– Можете...

Мессинг встал, повернулся вокруг себя, вытянув вперед руки с растопыренными пальцами, потом медленно пошел через комнату к сидевшему в дальнем углу молоденькому лейтенанту Павлу Старкову.

Офицеры напряженно следили за Мессингом. А тот подошел к Старкову, кончиками пальцев провел по плечам, по карманам на груди гимнастерки, попросил:

– Встаньте, пожалуйста.

Старков встал. Мессинг провел пальцами по карманам галифе, запустил руку в один из карманов, достал оттуда портсигар и коробок спичек, вынул из портсигара папиросу, затем положил портсигар обратно и медленно пошел через комнату в противоположную сторону, где сидел у окна старший лейтенант.

– Он правда ничего не видит? – шепотом спросил Антон.

– Не видит, я же сам ему глаза завязал, – так же шепотом ответил Сергей Покровцев.

Мессинг подошел к Антону, рукой провел перед его лицом, потом вставил ему в рот папиросу, зажег спичку и предложил:

– Прикуривайте...

Скрыпник прикурил, и Мессинг, погасив спичку, спросил:

– Я правильно выполнил ваше приказание?

– Пр-равильно... – ответил тот и закашлялся, поперхнувшись дымом.

Офицеры разом загалдели:

– От дает, а?

– Да как он все это делает?

– А хрен его разберет! Делает, и все!

– Не, я видел в цирке в Минске один фокусы проделывал – с ума сойти, но чтобы такое... Не-е, ребята, тут точно без нечистой силы не обошлось. У нас в деревне была такая бабка. Глянет на дорогу и говорит: “Степан мой сейчас придет. Пьяный будет, квасу требовать холодного станет”. И точно – Степан этот в дым пьяный является! Если погоду узнать, вся деревня к бабке идет, лучше никто не скажет... А еще... вот не поверите, она убийство Кирова предсказала...

– Как это предсказала? Ты говори, да не заговаривайся...

– А вот так и предсказала. Раскинула карты и говорит: “Ой, большая беда будет! В Питере большого человека убьют. Кировым зовется”... Через неделю – точно, укокали!

– Ну дела-а... – покачал головой Сергей Покровцев. – Тут, ребята, умом тронуться можно... Откуда ты, Антоха, этого еврея выкопал?

– Сам границу перешел, – ударил себя в грудь старлей Скрыпник. – Говорит, спасался. Говорит, фашисты убить хотели. А документов никаких.

– Может, засланный?

– Ну ты подумай, Серега, если бы засланный, то и документы при нем были бы в полном порядке. И легенду бы такую рассказал – любой поверит. Главное, документы хоть какие, но были бы... А он еще говорит, за его голову награду назначили двести пятьдесят тыщ марок!

– Такая голова и больше стоит, ей-богу... – глядя на Мессинга, проговорил Сергей Покровцев. – Давай в штаб района докладывай – а то по шее дадут, такого человека уже двое суток у себя держим... – Сергей Покровцев тряхнул головой и хлопнул себя по коленям. – Ну, Мессинг, ну, фокусник! Что ж ты за человек такой, убей, не пойму!

– Опасный человек, – сказал Скрыпник. – Расстрелять бы его от греха подальше. А то затаскают с ним...

– Расстрелять? Да ты что, Антоха? И я уже по начальству сообщил... – растерянно проговорил Покровцев.

Черная “эмка” быстро катила по подмерзшей проселочной дороге. В машине на заднем сиденье находился Мессинг, рядом с ним – военный лет тридцати в кожаном пальто и кожаной фуражке. Впереди рядом с водителем в потертой старой кожанке сидел мужчина лет сорока в шинели с двумя шпалами в петлицах и фуражке с малиновым околышем НКВД.

– Простите, гражданин майор, до Бреста еще долго? – нарушил молчание Мессинг.

– Не волнуйтесь, господин Мессинг, скоро будем, – ответил майор НКВД Рукавицын и вдруг обернулся, внимательно, с улыбкой посмотрел на Вольфа: – Все думаю и не могу понять: как же вы слышите приказы, которые человек отдает мысленно? Вы что, вот так запросто чужие мысли читать можете?

– Иногда могу...

– Здорово... Вам бы в НКВД работать – цены не было бы. Или в угрозыске... – Майор вдруг нахмурился, кашлянул. – Впрочем, извините, господин Мессинг... это я так, к слову... – И он отвернулся, вновь стал смотреть вперед на дорогу.

Стояло холодное утро, подмораживало. “Эмка” выскочила с проселочной дороги на шоссе и помчалась быстрее.

Брест, 1940 год

– Не успели вы появиться в пределах Советского Союза, господин Мессинг, а уже такие чудеса про вас рассказывают – только руками развести, – чуть улыбаясь, говорил грузный полковник НКВД Фридман, с бычьей шеей и мясистым носатым лицом. Главными же на его физиономии были глаза – маленькие, светлые, они сверлили собеседника, словно буравчики. – Всех офицеров на границе очаровали, можно сказать. Все в смятении и недоумении...

– Но мне все равно не верят... – ответил Мессинг.

Это снова был кабинет, но уже кабинет солидного начальника НКВД. Полированная мебель, стены с темными дубовыми панелями и непременно портретом вождя в рамке под стеклом. Столы стояли буквой “Т”. За коротким сидел полковник НКВД Александр Михайлович Фридман, за длинным узким столом – еще трое чинов НКВД, и в самом конце – Мессинг.

– С верой мы давайте подождем, гражданин Мессинг, – усмехнулся Фридман. – Если мы всем будем верить, у нас в Советском Союзе скоро шпионов будет больше, чем честных граждан... Артист оригинального жанра, ишь ты как хитро сказано. Вот в таком жанре как раз и сподручно шпионить... тень на плетень наводить... мозги туманить...

– Помните Корчинского, товарищ полковник? – подал голос майор, сидевший рядом с Мессингом.

– Какого Корчинского? – выкатил глаза Фридман.

– Ну этого... поляка, который немцем оказался... Ну на прошлой неделе его к стенке поставили... вместе с пятью диверсантами...

– Поговори у меня, Нечитайло, поговори при посторонних... – нахмурился полковник. – Че ты лезешь наперед батьки в пекло?

– Прошу извинить, товарищ полковник, – поспешно исправился майор.

– У вас дочь очень больна... – вдруг сказал Мессинг. – У нее порок сердца. Не надо делать ей операцию здесь, в Бресте. Она может умереть. Вам нужно поскорее везти ее в Москву.

Воцарилась мертвая тишина. Офицеры ошеломленно смотрели на Мессинга, а полковник Фридман побагровел, схватил графин с водой, налил в стакан и стал жадно пить. Выпил, грозно посмотрел на Мессинга и спросил:

– Кто вам сказал?

– Никто. Я это увидел, глядя на вас.

Вновь повисла пауза. Фридман приложил руку к сердцу, провел ладонью по лицу. Схватил коробку “Казбека”, достал папиросу и стал прикуривать. Его пальцы тряслись, и спички ломались одна за другой. Фридман швырнул коробок на стол и приказал глухо:

– Прошу оставить меня наедине с гражданином Мессингом.

Трое офицеров молча поднялись и вышли из кабинета. Фридман уставился на Мессинга потемневшими глазами, которые теперь скорее были похожи на дула пистолетов:

– Откуда ты про дочь узнал, Мессинг? – перешел на “ты” полковник. – Что она у меня есть... и что у нее порок сердца?

– Я смотрел на вас и увидел...

– Что увидел, что?! – нервно перебил Фридман. – У меня на лбу, что, дочь моя нарисована?

– Вы все время думали только о ней.

– И ты это увидел?

– Да.

– И дочь мою увидел?

– Да. Ей четырнадцать лет. Красивая девочка. Зовут ее Ноябриной. – При этих словах Фридман даже поперхнулся и уже со

страхом взглянул на Мессинга. – Черноглазая и светловолосая. Наверное, светлые волосы – в маму. Ведь ваша жена русская, – спокойно выговорил Мессинг и добавил: – Ее срочно нужно везти в Москву. Я знаю, там есть хирург Бакулев... очень знаменитый хирург. Он делает операции на сердце.

– Кто меня к нему пустит? – ударил кулаком по столу Фридман.

– Если вы поедете в Москву, вы к нему попадете. Ей сделают операцию, и она будет жить.

– Это ты тоже видишь? – недоверчиво спросил Фридман.

– Да...

– Слушай, ты... колдун хренов... Я – коммунист и во всякие эти... штуки не верю.

– А вам и не надо верить. Вы просто поезжайте и сделайте, как я сказал.

– Как я поеду? Я – военный человек. Для этого командировка нужна. Разрешение! – махнул рукой Фридман и, вновь схватив папиросу, прикурил и жадно затянулся.

Мессинг молча смотрел на него...

– Да, товарищ генерал, так и есть, как рассказываю – ни слова не преувеличиваю, – говорил в телефонную трубку полковник Фридман. – Умножает пятизначные числа и тут же говорит ответ... да, и мысли читает... Я сам ему мысленно приказал взять у майора Субботина авторучку из кармана, передать ее майору Трифонову, а у майора Трифонова вынуть из кармана галифе платок и отдать его мне. Мысленно приказал, понимаете? Так он все в точности сделал. Да я сам бы не поверил, если бы мы все не видели своими глазами. Ей-богу... то есть партийное слово даю, товарищ генерал! Он еще тут такие штуки вытворял – у нас глаза на лоб лезли... Прямо ясновидящий какой-то, честное слово! Так точно, поднял кое-какие материалы. Газеты польские, немецкие... Всемирно известный телепат Мессинг... Если газетам верить, весь мир объездил. Везде представления давал. Наверное, такие же штуки выделывал, что и у меня в кабинете... Германское командование за его голову объявило награду в двести пятьдесят тысяч марок. Да, да, точно так, товарищ генерал! Что он там натворил, точно неизвестно. Он сам говорит, что предсказал Гитлеру и Германии гибель, если она пойдет на восток.

Может, и врет... а может, и правду говорит – это еще выяснять придется... Одно слово – артист, товарищ генерал! – полковник Фридман мелко рассмеялся. – Хотели поначалу сразу в расход пустить, но уж больно личность примечательная, вот я и решил доложить, товарищ генерал... Слушаюсь, товарищ генерал. Есть прибыть в Москву... Самолет вышлете? Слушаюсь, товарищ генерал! – Полковник положил трубку и вытер холодный пот со лба.

Некоторое время остановившимся взглядом он смотрел в пространство, потом торопливо вынул папиросу из коробки и закурил...

В военном самолете они летели втроем – Мессинг, полковник Фридман и светловолосая черноглазая девочка. Глаза у нее сияли восторгом – она смотрела в иллюминатор. Внизу проплывала синезеленая земля, прямоугольники полей, толстые нити рек, пятна лесов. Девочка Ноябрьрина смотрела в иллюминатор и восхищенно улыбалась.

Полковник Фридман, сидя на жестком железном сиденье, напряженно глядел вперед. Мессинг тоже смотрел в иллюминатор и тоже улыбался, как девочка Ноябрьрина. Впереди на таких же сиденьях горбились двое людей из Москвы – в кожанках и кожаных фуражках со звездами, с тяжелыми, неприступными и ничего не выражающими лицами. Рядом с ними сидели трое автоматчиков в летных комбинезонах и шлемах. Автоматы лежали у них на коленях. Оглушительно и слитно ревели два мотора, мигали красные огни на крыльях самолета...

– Первый раз в жизни лечу на самолете! – прокричал Мессинг, наклонившись к полковнику Фридману. – Это фантастично!

Полковник, не понимая, взглянул на него, потом показал пальцем на уши: дескать, не слышу.

– Первый раз лечу на самолете! – повторил Мессинг, но полковник опять не услышал, поморщился и отвернулся. Мессинг вновь приник к иллюминатору.

Москва, 1940 год

Машина катила по темной пустой Москве. Редкие горевшие вдоль улиц фонари только подчеркивали эту глухую темноту, окна в домах почти не были освещены, над арками подворотен раскачивались

тусклые лампы. Машина промчалась по Садовому кольцу, потом через Большой Каменный мост, по Моховой, и вот показалась площадь и знаменитый Дом на Лубянке... Там были освещены почти все окна, вдоль периметра здания густо стояли грузовые фургоны и легковые машины. Машина подкатила к Дому, обогнула его и резко затормозила у высокого подъезда.

Лаврентий Павлович Берия встретил Вольфа Мессинга, стоя посреди огромного, ярко освещенного кабинета.

– Душевно рад приветствовать знаменитого артиста, экстрасенса Вольфа Григорьевича, – с заметным грузинским акцентом, улыбаясь, проговорил Берия.

Он протянул Мессингу руку, и тот неуверенно пожал ее. Вдоль стен кабинета с двух сторон стояли по три человека в штатском, в темных костюмах и белых рубашках с галстуками.

– Здравствуйте, Лаврентий Павлович, – негромко ответил Мессинг.

– Прошу садиться, дорогой, – широким жестом пригласил Берия и первым направился к длинному полированному столу, который стоял перпендикулярно к своему массивному письменному собрату.

Мессинг подошел и сел. Берия расположился напротив, продолжая улыбаться. И только после этого шестеро в штатском молча подошли и уселись по трое по обе стороны от наркома.

– Вот вы какой, Вольф Григорьевич. В газетах и журналах выглядите моложе! Такой красавец! Настоящий роковой мужчина, а?! Смотреть любо-дорого!

Мессинг молчал, глядя на Берию, на поблескивающие в свете люстры очки, на широкую радушную улыбку, на твердый, холодный взгляд...

– Читал про все чудеса, которые вы творите, и, честное слово, не могу поверить! Ну как в такое можно поверить, а? Виртуоз, а? Наверное, с картами любые фокусы можете проделывать, а? А вот как мысли читаете? Или не читаете? Какие-то приемы, да? У каждого фокусника есть свои приемы, которые он от других тщательно скрывает, а? Профессиональная тайна, понимаю, Вольф Григорьевич, понимаю... Может, мне расскажете, а? Наркому внутренних дел. Я вам в ваших делах не конкурент! – И Берия мелко, длинно рассмеялся.

Люди в штатских костюмах тут же заулыбались.

– Никаких тайных приемов у меня нет, Лаврентий Павлович, извините, пожалуйста, – ответил Мессинг.

– Совсем никаких? – наклонился вперед Берия, сверля глазами Мессинга. – Скажи пожалуйста, совсем никаких... Неужели никаких, Вольф Григорьевич?

– Никаких, Лаврентий Павлович, – спокойно повторил Мессинг.

– Так, так... – Берия откинулся на спинку стула, посмотрел на Мессинга издали, побарабанил пальцами по столу.

Мессинг задержал взгляд на его пальцах.

– Что вы на мои пальцы смотрите? – вдруг совсем другим тоном, холодным и враждебным спросил Берия, убирая руку со стола.

– Простите... интересные у вас руки... – смутившись, поспешно ответил Мессинг. – Интересные у вас руки...

– Должен сказать вам, Вольф Григорьевич, что ваше положение... очень незавидное. Вы незаконно перешли государственную границу Советского Союза. Это преступление. За это суд полагается, Вольф Григорьевич. За это срок полагается, Вольф Григорьевич. По статье пятьдесят восемь. До десяти лет, господин Мессинг!

– Я это понимаю, Лаврентий Павлович, но я думал... я не враг... я прошу защиты... я спасался от смерти, потому и перешел границу...

– Это вы так говорите, дорогой Вольф Григорьевич... – Берия уже не улыбался. – А доказательств нет... Я вот попросил вас рассказать о своих приемах, а вы со мной как... Нехорошо, Вольф Григорьевич... обижаете... – И Берия вдруг опять мелко и длинно рассмеялся, погрозил Мессингу пальцем.

Шестеро в штатском вновь дружно заулыбались.

– Рассказать я ничего могу, – ответил Мессинг. – Давайте лучше покажу. Придумайте мне какое-нибудь задание, а я постараюсь его выполнить. Я могу выйти в другую комнату. Есть здесь другая комната?

– Здесь много других комнат, Вольф Григорьевич. – Берия вновь наклонился через стол к Мессингу. – Я ничего придумывать не буду. Я вам вслух скажу свое задание. Выйдите без всяких документов из этого здания на улицу и потом зайдите обратно и придите сюда, ко мне... вот в этот кабинет... А я посмотрю, как это у вас получится... – Берия улыбался, но улыбка уже получалась страшноватой. – Только предупреждаю, Вольф Григорьевич, – задание опасное, охраны много,

застрелить могут... Но ведь у вас приемы свои есть, а? – Берия вновь захихикал. – Правда, на наших орлов никакие приемы не действуют. Кроме документа...

– Я могу идти? – спросил Мессинг, поднимаясь.

– Что? Ах, ну да, можете идти, Вольф Григорьевич. Будем ждать вас обратно с нетерпением...

Мессинг медленно пошел к двери, чувствуя спиной взгляды обитателей кабинета.

Едва дверь за Мессингом закрылась, Берия взглянул на одного мужчину в штатском, затем – на другого. Оба молча поднялись и вышли следом за телепатом.

Закрыв за собой дверь кабинета, Мессинг оказался в большой приемной. В углу за столом сидел сухощавый офицер в гимнастерке с двумя шпалами в петлицах. Он вопросительно посмотрел на Мессинга.

Мессинг посмотрел на него.

У двери располагался еще один плечистый, спортивного телосложения офицер с одной шпалой в петлицах. Он привстал со стула, рука его потянулась к кобуре с пистолетом, а глаза встретились с глазами Мессинга.

Зрачки Вольфа дрогнули и расширились...

Офицер медленно сел обратно на стул. Вольф Григорьевич вышел из приемной. Как только он закрыл за собой дверь, из кабинета один за другим беззвучно появились двое в штатском...

Мессинг медленно шел по коридору. По обе стороны закрытые двери, на каждой номера, на некоторых – таблички с фамилиями.

Неожиданно одна из дверей открылась и в коридор вышел офицер в расстегнутой гимнастерке с двумя шпалами в петлицах. Костяшки правой руки у него были в крови. Он потряс рукой, потом левой достал из короба спичку, прикурил папиросу, которая была у него во рту, жадно затянулся и проговорил громко:

– Сволочь... ты у меня заговоришь, сволочь...

Мессинг шел прямо на него. Следователь вскинул голову, вопросительно посмотрел на Вольфа. Взгляды их встретились. Офицер затянулся папиросой, выпустил дым и повторил, глядя в сторону:

– Вот же бывают сволочи...

На прошедшего мимо Мессинга он не обратил внимания. Из приоткрытой двери в комнату слышались голоса, потом громкий стон. Следователь еще пару раз жадно затянулся, брезгливо посмотрел на свою окровавленную руку и вернулся в комнату, захлопнул дверь.

В конце коридора, перед лестничной площадкой находился небольшой стол, и за ним сидел дежурный офицер с тремя кубиками в петлицах. Ярко светила настольная лампа. Старлей увидел идущего по коридору Мессинга, встретился с ним глазами... и затем медленно проследил, как тот стал спускаться по лестнице вниз. И даже не пошевелился.

На следующей лестничной площадке стоял еще один стол с яркой лампой, и за ним сидел еще один старший лейтенант.

Дежурные офицеры были на каждой площадке, и Мессинг беспрепятственно проходил мимо каждого, глядя им в глаза...

Двое молодых людей в штатских костюмах шли за Мессингом. Когда они проходили мимо сидевшего за столом старлея, тот проворно встал и загородил дорогу. Чекисты протянули удостоверения. Старший лейтенант внимательно изучил оба документа, поднеся их к свету лампы на столике. Вернул, приложив руку к виску.

– Перед нами кто прошел? – спросил первый молодой человек.

– Никто не проходил, товарищ майор.

– Как никто? – удивился майор. – Только что мужик прошел... средних лет... чернявый такой...

– Никого не было, товарищ майор, – уверенно ответил старлей, вытянувшись и еще раз козыряя.

Майор и второй мужчина в штатском молча переглянулись и пошли дальше.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Москва, 1940 год

...На втором маршевом пролете рослый старлей также тщательно проверил у чекистов в штатском удостоверения.

– Никого не было? Прямо перед нами никто не проходил? – опять спросил майор.

– Никак нет, товарищ майор. Никого не было.

И снова майор и его спутник молча переглянулись.

И вот Мессинг спустился на первый этаж. За столом сидел еще один дежурный офицер. Но рядом стояли два сержанта с пистолетами и винтовками. Они о чем-то разговаривали, но, услышав шаги, замолчали, выжидательно глядя на лестницу.

На лестнице появился Мессинг. Спускался он медленно. И вдруг остановился, глядя по очереди на каждого часового, потом – на старшего лейтенанта... Затем медленно приблизился к ним. Снова остановился.

– Вы на выход? – спросил широкоплечий старший лейтенант. – Документ попрошу, пожалуйста.

Мессинг молча вытянул вперед правую руку, показав офицеру открытую ладонь и небольшую пустую бумажку между пальцев.

Тот некоторое время напряженно смотрел на ладонь и бумажку, потом проговорил, козырнув:

– Проходите, товарищ майор.

Мессинг плавно двинулся вперед, прошел мимо него, миновал высокий дубовый барьер и оказался на площадке перед высокой, тяжелой, обитой желтым металлом дверью. По бокам двери стояли два сержанта с автоматами. Мессинг прошел мимо них, с усилием толкнул тяжелую створку и вышел на улицу.

– Человек предъявил документ, говоришь? – спрашивал майор в штатском. – Что предъявил? Удостоверение? Какое удостоверение?

– Так точно, товарищ майор, – вытянулся испуганный старлей. – Удостоверение майора НКВД. Такое же, как у вас...

– Ты хорошо смотрел? Это было удостоверение майора НКВД?

– Я всегда хорошо смотрю, товарищ майор. У меня осечек не бывает.

И опять чекисты молча переглянулись.

– Что-нибудь не так, товарищ майор? Я допустил ошибку? Не тот человек вышел? Так мы сейчас задержим, – дернулся старлей, хватаясь за кобуру пистолета.

– Все нормально, старший лейтенант. Продолжайте несение караула.

Они в молчании сидели за столом в кабинете Берии. Шестеро офицеров – за длинным столом, Берия – за своим письменным. Потом Берия встал, прошелся по кабинету, проговорил, ни к кому не обращаясь:

– Вот он исчезнет – и ищи ветра в поле... Как же это у него получается? Это же черт знает что такое, а? Это противоречит всей марксистско-ленинской науке, а? Такой человек хуже любого врага народа! Не так говорю, а?

– Точно так, товарищ нарком! – вскочил один из сидевших офицеров.

– Ладно, расстрелять всегда успеем... – Берия снова сел за стол, забарабанил пальцами по обтягивающему столешницу зеленому сукну, вновь пробормотал удрученно: – Как же так, а? Такую охрану пройти, а? Они что, совсем его не видели?

– Дежурные на этажах говорят, что не видели, – встав, ответил майор в штатском. – А охрана внизу доложила, что он предъявил удостоверение майора НКВД.

– Откуда у него удостоверение майора НКВД? – еще больше изумился Берия.

– Полагаю, это внушение, товарищ нарком, – сказал кто-то из сидевших за столом. – Сильнейший гипноз.

– Какой гипноз?! – крикнул Берия. – Такая охрана! Специальную школу проходили! Полгода учились! Всякие гипнозы-шнапнозы проходили! Разные гипнотизеры преподавали! Гипнотизеры-говнотизеры! Шарлатаны, получается, а?

В это время дверь в кабинет отворилась и вошел Мессинг. Он оглядел присутствующих и остановился на пороге. Если бы Берия и остальные увидели в дверях рогатого черта, то, наверное, изумились бы меньше.

– Я выполнил ваше задание, товарищ Берия, – негромко проговорил Мессинг.

– Вижу, гражданин Мессинг, – блеснув стеклами очков, ответил Берия. – Что вы нам еще покажете? Чем еще повеселите? Давайте, дорогой, давайте! Не стесняйтесь! Вы ведь теперь здесь как дома! – Берия улыбнулся, и улыбка эта не предвещала ничего хорошего.

– Дайте мне мысленно какое-нибудь задание, – ответил Мессинг. – Не знаю, развеселит ли это вас, но я постараюсь его выполнить.

Берия долго, молча смотрел на Мессинга, стоящего на пороге, потом сказал:

– Я дал задание, гражданин Мессинг. Выполняйте.

Мессинг закрыл глаза и некоторое время стоял неподвижно, потом открыл их и медленно пошел к книжному стеллажу слева от письменного стола Берии. Приблизившись вплотную, он стал оглядывать ровные ряды книг. В кабинете царила тишина.

Наконец Мессинг отодвинул стекло, закрывавшее книги, протянул руку к одной, потом к другой книге, затем – к третьей... нет, не то. Рука поднялась на полку выше, вновь медленно пошла по корешкам книг, остановилась у одной... у второй и наконец уверенно взяла толстый том с тисненными золотом буквами “ЛЕНИН”. Мессинг вынул том, открыл его, стал листать, прочитывая названия статей. И вот он открыл страницу, на которой было написано: “ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ”. Он пролистал еще несколько страниц, ногтем отчеркнул абзац и, подойдя к столу, положил перед Берией книгу.

– Этот абзац вы просили отчеркнуть? Может быть, я ошибаюсь? Это было очень трудное задание, товарищ Берия.

Лаврентий Павлович обалдело смотрел на страницу произведения великого вождя и молчал, в стеклах его очков отсвечивал свет лампы. Наконец он пришел в себя и вдруг спросил:

– Где вы остановились, Вольф Григорьевич?

– Нигде... Меня с аэродрома прямо сюда привезли.

– Ну да, ну да... – покивал Берия. – Кем бы вы хотели работать у нас в Советском Союзе? Ваша профессия, как я понимаю, называется артист оригинального жанра?

– Можно и так назвать.

– Вы сами так сказали полковнику Фридману, – улыбнулся окончательно пришедший в себя от шока Берия. – Значит, хотите артистом работать?

– Очень хочу, товарищ Берия.

– Что ж, предоставим вам такую возможность... В Минске будете работать?

– Буду работать где угодно.

– Зачем где угодно? – усмехнулся Берия. – Не зовите беду на свою голову... где угодно – это опасно! – Берия рассмеялся, и все офицеры, сидевшие за столом, дружно заулыбались.

Двойной смысл сказанного поняли все, кроме Мессинга.

– Я действительно могу работать где угодно, товарищ Берия. Мне не нужно особых условий.

– Минск подойдет? Хороший, красивый город! Столица советской Белоруссии, а?

– Конечно, замечательный город, – согласился Мессинг. – Я готов туда поехать работать.

– И очень хорошо, Вольф Григорьевич. Очень было интересно с вами познакомиться. Очень вы нас... повеселили своими загадочными способностями. Работайте, народ веселите... Но без перегибов, Вольф Григорьевич. Веселить надо, пугать народ – не надо! Думаю, эта наша встреча не последняя, Вольф Григорьевич... И мы здесь подумаем о вашем будущем... Как вы представились, когда границу перешли? Артист оригинального жанра? – Берия, казалось, от души веселился.

– Так, товарищ Берия, артист оригинального жанра.

– Вот и работайте, товарищ артист. Только особо не оригинальничайте! – и Берия шутливо погрозил Мессингу пальцем и снова захихикал.

Офицеры, тоже негромко смеясь и гремя стульями, дружно встали. Берия долго тряс руку Мессингу и заглядывал ему в глаза.

Минск, 1940 год

Руководитель Минской республиканской филармонии Борис Аркадьевич Френкель смотрел на Мессинга сердито и говорил тоном, не допускающим возражений:

– Работаем мы бригадами. Ездим по всей республике. Так что у артиста филармонии вся жизнь на колесах, Вольф Григорьевич. Жить будете в нашем общежитии гостиничного типа. На этаже есть общественная кухня. В номере категорически не допускается держать электрические плитки, никакие керогазы и керосинки. Комендант штрафовать будет.

– Почему? – задал наивный вопрос Мессинг.

– Потому что пожароопасно. В прошлом году соседнее рабочее общежитие дотла сгорело. Трое слесарей трамвайного депо сгорели. Так что прошу учесть, товарищ Мессинг... Сказали, что вы человек непьющий?

– Нет, я не пью.

– Это просто замечательно. Это просто так чудесно, что даже не верится! У нас в филармонии есть общественный сектор борьбы с пьянством. Так что обязанности мы возложим на вас. Лекции там провести разок в месяц, наглядная агитация в виде стендов, плакатов, ну, прочее... Вы человек холостой?

– Да, я холостой.

– Это плохо. В филармонии много девушек, так сказать, незамужних... молодых, красивых... Так что моральный облик придется блюсти в чистоте. У нас тут с этим строго.

– С чем строго? – искренне не понял Мессинг.

– Ну вот, мы еще и дурачиться будем, товарищ Мессинг. С моральным разложением строго! Советский человек с этим делом – ни-ни! После загса пожалуйста, хоть... ну да чего это я? В общем, я понятно сказал... учитывая, что вы еще к тому же и беспартийный...

Вновь, как и все предыдущие годы, жилищем Мессинга стал гостиничный номер.

Небольшая, метров пятнадцать, комната вмещала платяной шкаф, маленькую горку для посуды, стол, кровать с никелированными спинками и полку с книгами. В углу примостился маленький столик с керосинкой. На керосинке в чугунной сковороде жарилась яичница с мелко нарезанной колбасой. На столе, в ожидании ужина – чистая тарелка, нож и вилка, стакан и бутылка минеральной воды. Мессинг стоял у керосинки, наблюдая, как жарится яичница.

В дверь постучали, и не успел Мессинг что-либо ответить, как она открылась и вошел невысокий толстый человек в шлепанцах, темных шароварах и вязаной кофте поверх рубашки. Волосы его были всклокочены, на мясистом носу угнездились очки в роговой оправе. В руке мужчина сжимал бутылку.

– Добрый вечер, Вольф Григорьевич... ах, как вкусно пахнет! Такая закуска пропадать не должна, потому я и явился к вам с главным продуктом, без которого такую замечательную закуску есть нельзя. – Мужчина поставил на стол бутылку водки.

– Я ведь уже говорил вам, Илья Петрович, что не пью.

– Но я-то потребляю... но в одиночестве не идет, подлая! А все наши коллеги, сами знаете, сейчас на концерте – мы с вами на всю общагу одни кукуем, – возразил Илья Петрович.

Мессинг, не отвечая, достал из горки еще одну тарелку, нож с вилкой, рюмку и еще один стакан. Илья Петрович, потирая руки, тут же уселся за стол.

Мессинг, разрезав яичницу пополам, поднес сковородку к столу, половину яичницы положил Илье Петровичу, половину – себе. Илья Петрович налил в рюмку водки, улыбнулся:

– Ваше здоровье, голубчик! Душевно рад. – Илья Петрович ловко опрокинул рюмку, крикнул и стал быстро закусывать.

Мессинг молча ел, поглядывая на гостя.

– Мой номер должен был идти предпоследним в концерте, черт бы их драл! – мрачно буркнул Илья Петрович. – Репертуар сократили, меня выкинули... А ведь у меня политическая декламация! Стихи о советском паспорте! Хотите почитаю?

– Спасибо, Илья Петрович, не надо... – продолжая есть, ответил Мессинг.

Но Илья Петрович, не слушая, вскочил и буквально зарычал:

Берет – как бомбу, берет – как ежа,
Как бритву обоюдоострую,
Берет, как гремучую в двадцать жал
Змею двухметроворостую...

– Илья Петрович, дорогой, помилуйте... – прижав руку к сердцу, проговорил Мессинг.

– Что, не впечатляет? – упавшим голосом спросил Илья Петрович.

– Очень впечатляет, – заверил Мессинг.

– Нет, не впечатляет, я же вижу... – совсем огорчился Илья Петрович. Налил себе еще и выпил, поковырял вилкой яичницу, но есть не стал. – Конечно, я понимаю... надо лирику какую-нибудь... борения страстей... любовь... – Илья Петрович налил себе еще и снова выпил одним махом. – А вот это вам нравится?

Он сгорбился за столом и стал читать тихо, но внятно, с каким-то надрывом, казалось, сейчас зарыдает:

Вечер черные брови насопил.
Чьи-то кони стоят у двора.
Не вчера ли я молодость пропил?
Разлюбил ли тебя не вчера?

Не храпи, запоздалая тройка!
Наша жизнь пронеслась без следа.
Может, завтра больничная койка
Успокоит меня навсегда.

Может, завтра совсем по-другому
Я уйду, исцеленный навек,
Слушать песни дождей и черемух,
Чем здоровый живет человек.

Позабуду я мрачные силы,
Что терзали меня, губя.
Облик ласковый! Облик милый!
Лишь одну не забуду тебя!

Он читал, едва шевеля губами, и слова падали, казалось, в самую душу.

Мессинг перестал есть, слушал, глядя на Илью Петровича. Когда он замолчал, Мессинг спросил:

– Чьи это стихи?

– Есенина. А вы не знали?

– Нет, никогда не слышал...

– Вы там за границей много чего не слышали, – усмехнулся Илья Петрович.

– Вы замечательно читали... Он давно умер? Вернее, погиб.

– Да, погиб... в двадцать пятом году... – Илья Петрович вдруг встрепенулся. – А вы откуда знаете? Вы же ничего об этом человеке не слышали?

– Я почувствовал. Вы читали стихи мертвого человека...

– Ох ты Господи... – Илья Петрович поспешно выпил рюмку. – Вас действительно надо немедленно арестовать и... расстрелять! Да, да, Вольф Григорьевич, всенепременно расстрелять!

– За что? – улыбнулся Мессинг.

– За то самое... с вами страшно разговаривать – все знаете... Вы дьявол и колдун...

– А почему вы это не читаете на концертах?

– Вы больной, что ли, Вольф Григорьевич? – Илья Петрович действительно посмотрел на него как на больного. – Кто же мне разрешит это читать?

– Понимаю... понимаю... – глядя на гостя, проговорил Мессинг.

– Ни черта вы, голубчик, не понимаете, – вздохнул Илья Петрович и вдруг хитро посмотрел на Мессинга: – Знаете, зачем в буденовском шлеме в шишаке дырочка?

– Нет, не знаю...

– Чтобы, когда кипит возмущенный разум, пар через эту дырочку выходил. – Илья Петрович захохотал, а Мессинг, не понимая шутки, удивленно смотрел на него.

– Если это анекдот, то я не понял, в чем его соль, – наконец сказал Мессинг.

– Вам и не надо! – махнул рукой Илья Петрович, продолжая смеяться. – Лучше читайте чужие мысли... И не вздумайте где-нибудь это анекдот повторить, а то... Ладно, не будем о мрачном, давайте поговорим о хорошем... – И Илья Петрович стал наливать себе водки.

В это время в дверь постучали, осторожно, но сильно, и заглянул мужчина с коротко подстриженными усами, в потертом кожаном пиджаке и фуражке со звездочкой. Заглянул и спросил:

– Товарищ Мессинг дома?

– Я Мессинг. Чем могу служить? – Вольф Григорьевич встал из-за стола.

– Здесь он, – довольно сказал усатый кому-то в коридоре и шагнул в комнату. Следом за ним вошел молодой парень в черном бобриковом пальто с поднятым воротником.

– Позвольте представиться, товарищ Мессинг. Начотдела по борьбе с бандитизмом Минского угро майор Дудко Николай. А это опер – капитан Васильев Юрий.

– Очень приятно, – чуть поклонился Мессинг. – Чем могу служить?

– Мы на вашем концерте были, товарищ Мессинг, – начал майор Дудко.

– Два раза были, – добавил капитан Васильев.

– Точно, два раза, – подтвердил майор. – Поразили вы нас своими угадалками, честное слово. Человек прямо сквозь время видит...

– Благодарю вас... – опять чуть поклонился Мессинг. – Так все-таки чем могу быть полезен?

– Ваши способности нужны, товарищ Мессинг. Взяли мы одного крупного блатаря. По обвинению в убийстве зацепили. А он в несознанку наглухо ушел. Расколоть не можем...

– И труп найти не можем, – вставил капитан Васильев.

– Ну да! А без трупа – других доказательств и улик у нас нет, – вновь заговорил Дудко. – Вот такая незадача...

– Чей труп? Мужчины, женщины? – спросил Мессинг.

– Девушки...

– Фотография у вас с собой?

– Да, захватили. – Майор Дудко полез в карман пиджака. – Вот, посмотрите...

Мессинг подошел, взял фотографию и посмотрел на девушку, русоволосую, улыбающуюся, довольно красивую. Он смотрел долго и молча. Фотография подрагивала в его пальцах. Майор, капитан и Илья Петрович тоже молчали, напряженно глядя на ясновидца.

Мессинг закрыл глаза и опустил руку с фотографией. Стояла глухая тишина, и все боялись ее нарушить малейшим движением или даже громким вздохом. Только майор судорожно чихнул и тут же испуганно прикрыл ладонью рот.

С закрытыми глазами Мессинг медленно прошел к кровати и сел на нее. И вновь замер... Плотная темнота окружала его, и сквозь темноту медленно проступало изображение крутых ступенек, спускающихся вниз... беленные мелом стены... бочки и ящики... рассыпанная картошка... деревянная полка, вделанная в стены... и на полке лежит полуобнаженная девушка... голова запрокинута... и вот лицо... это лицо девушки, изображенной на фотографии... Плотная темнота медленно рассеивалась... Медленно, один за другим, обозначались деревянные дома... улица в тумане... берег реки...

дебаркадер пристани... табличка “ГРЕБКИ”... Улица тянулась к пристани... На калитке забора у одного дома видна табличка: “вул. Тополиная”.

– Эта девушка лежит в погребѣ, – не открывая глаз, медленно проговорил Мессинг. – Это где-то на окраине города... улица Тополиная... дебаркадер там, название “Гребки”... Не знаю, может быть, я ошибаюсь... но погреб – это точно... улица Тополиная... дебаркадер “Гребки”...

– Есть такой дебаркадер “Гребки”, – выдохнул майор. – “Гребки”, десять километров от города... Поехали?

– Вы меня приглашаете поехать? – открыв глаза, спросил Мессинг.

– Ну да, товарищ Мессинг. Мы на машине, мигом доедем, – улыбнулся майор Дудко. – Вместе и посмотрим... Вы ведь сегодня не заняты на концерте. Я знаю, я с Френкелем говорил. Правда, если не хотите, то, конечно...

– Нет, нет, я поеду. – Мессинг поднялся с кровати. – Мне самому интересно...

Свет фар “эмки” вспарывал вечернюю тьму, выхватывал черные дома с освещенными окнами. Прильнув к окну автомобиля, Мессинг напряженно смотрел на дома, проплывающие в темноте. Говорил тихо:

– Нет, не то... не то... и этот не тот...

Кроме него в машине сидели майор Дудко, капитан Васильев и два милиционера в шинелях и форменных фуражках.

– Остановите! – резко проговорил Мессинг. – Это здесь.

Милиционер-водитель сбросил газ, подрулил к калитке, за которой виднелся большой деревянный дом с четырьмя освещенными окнами по фасаду.

Освещая фонарями ступени, они спустились в погреб. Снова посветили по сторонам.

– Вон она... на лавке лежит! – воскликнул майор Дудко. – Ай да товарищ Мессинг! Сквозь землю видит!

* * *

Они стояли возле погреба. Майор курил, говорил возбужденно:

– А шли бы к нам работать, товарищ Мессинг? Ну че вы там на концертах народ удивляете без всякой пользы для советского государства? А рабоче-крестьянской милиции такие люди – во как

нужны! – И майор чиркнул себя ребром ладони по горлу. – Мы бы с вами знаете, как эту проклятую преступность взяли?! Мы бы с ней враз покончили бы! – Майор жадно затаился.

Мессинг молчал, глядя на черную дыру двери погребца. Вот из нее показался первый милиционер. Он держал за ноги мертвую девушку. Потом появилась тело девушки, потом – второй милиционер, державший ее за плечи. Они пронесли труп мимо Мессинга и майора.

Подошел капитан Васильев, спросил:

– Что с хозяевами делать будем?

– Местные милиционеры прибыли? Пусть они хозяев к себе пока заберут. Они у нас за соучастие пойдут, как миленькие! Ишь, сволочи! Приедем домой, вышлем за ними машину. Дом опечатать. Поехали, Васильев, поехали. Мне не терпится с этим гадом еще раз поговорить... Взглянуть не желаете, товарищ Мессинг?

– На кого?

– На душегуба. Как мы ему труп девушки предъявлять будем!

– Нет, нет, благодарю... Отвезите меня домой, пожалуйста.

– Само собой, товарищ Мессинг. Еще раз от всей души благодарю вас.

Они пошли к “эмке”. Майор Дудко твердил на ходу:

– А над моим предложением подумайте, товарищ Мессинг. Я с начальником угро Минска сам поговорю. Честное слово, мы бы с вами...

– Нет, нет, благодарю, – поспешно отвечивал Мессинг. – Мне нравится моя работа...

Залы в Минске были небольшие, с бедным убранством, и совсем не походили на те европейские и американские, где Мессингу доводилось выступать. Публика одета бедно, много военных – здесь и там видны гимнастерки. Над сценой растянули кумачовый плакат: “ИСКУССТВО ПРИНАДЛЕЖИТ НАРОДУ”. На самой сцене стояла большая черная доска, и на козырьке лежал большой кусок мела.

– Прошу вас, товарищи, – громко проговорил стоящий у доски Мессинг. – Есть желающие задать мне задачу? На умножение, на деление! Любые числа! Не стесняйтесь!

И вот зале поднялся паренек в вельветовой курточке, взошел на сцену, взял мел в руку и написал на доске: “77986945 умножить на 1429426”.

– Ну что ж, задали вы мне задачу... – сказал Мессинг, улыбаясь. – Попробуем умножить...

Лицо его стало серьезным и напряженным. Он закрыл глаза и через минуту ответил чуть изменившимся голосом:

– Это будет... 111 476566843570!

Паренек записал на доске ответ Мессинга.

– Пожалуйста, принесите арифмометр! – обернувшись к кулисам, попросил Мессинг.

Вышел ассистент – тучный мужчина в темном костюме – и подал Мессингу большой тяжелый арифмометр “Дзержинец”. Мессинг взял его и тут же отдал пареньку:

– Обращаться с арифмометром умеете?

– Умею, – паренек деловито осмотрел машинку, установил нужные цифры и покрутил ручку. Посмотрел результат и восхищенно сказал: – Все правильно... Здорово.

– Повторите громче, пожалуйста, – попросил Мессинг.

– Все правильно! – громко сказал паренек.

В зале захлопали, многие переговаривались, обсуждая ответ Мессинга и его способность так мгновенно умножать в уме.

– Кто еще желает заказать числа? – спросил Мессинг.

В зале встала женщина в темном, мужского покроя костюме, медленно поднялась на сцену, подошла к доске и, взяв кусок мела, написала:

“Извлеките квадратный корень из числа 131133067129”.

Написав, женщина молча уставилась на Мессинга.

– Сейчас попробуем... – сказал Мессинг. – Это будет 362123.

– Правильно, – улыбнулась женщина. – Я, как учительница математики, ставлю вам пятерку.

– Это для меня самая дорогая пятерка в жизни, – поклонился ей Мессинг и снова обратился к залу: – Еще есть желающие?

Зал долго аплодировал, медленно успокаиваясь. Наконец стало тихо.

– А я хотел бы спросить вас о другом, товарищ Мессинг, – поднялся высокий молодой человек в очках, по виду студент. – Что касается телепатии, тут более-менее понятно. Материалистической философии телепатия не противоречит и даже вполне объяснима...

– Буду весьма признателен, если вы объясните и нам всем, – проговорил Мессинг, обведя рукой зал.

– Телепатия существует и у животных. Собака собаке взглядом говорит куда больше, чем человек человеку при помощи слов. Энергия мозга, посылаемая одним объектом другому, встречается с энергией другого мозга. Они смешиваются, и происходит обмен информацией, поскольку энергия – это, ко всему прочему, еще и информация. Я правильно рассуждаю, товарищ Мессинг?

– Прошу прощения, вы – студент? Где вы учитесь? – спросил Мессинг.

– В медицинском институте на нейрохирургическом отделении.

– Мне думается, вы рассуждаете правильно, – проговорил Мессинг. – Вопрос только в одном – все ли люди таким образом телепатически передают информацию?

– Все, – ответил студент.

– А принимают? – быстро спросил Мессинг.

– Тоже все.

– Хорошо. Я сейчас мысленно посылаю вам информацию – некое приказание. Расшифруйте, пожалуйста, что я вам мысленно приказал.

– Не могу... – юноша развел руками.

– Почему?

– Не умею... – улыбнулся студент.

По залу прокатился смех, кое-кто захлопал.

– Но ведь этому можно научиться, – перекрывая смех, проговорил очкастый студент.

– Можно, конечно, – согласился с улыбкой Мессинг. – Вы считаете, каждый человек может этому научиться?

– Н-ну-у... конечно, не каждый...

– Скажите, каждый человек может писать стихи? – вдруг спросил Мессинг.

– Вообще-то, научиться может каждый... но хорошие стихи... стать поэтом... нет, к сожалению, не каждый, – констатировал студент.

– А что нужно, чтобы писать хорошие стихи? – продолжал развивать мысль Мессинг.

– Как что? Талант, конечно, нужен...

– А откуда у человека появляется талант? Он с ним рождается? Или как-то по-другому? – допытывался Мессинг.

– Рождается, конечно... Талант Богом дается...

По залу вновь прокатился смех, снова заплодировали, но студент быстро поправился:

– Но это антиматериалистическая точка зрения! Антинаучная! И я согласиться с ней не могу!

В зале смеялись, переговаривались. Мессинг улыбался, стоя на сцене. Улыбались и пожилая учительница, и паренек в вельветовой курточке.

– Ну хорошо, с телепатией мы хоть немножко разобрались, – проговорил Мессинг. – Что еще вам непонятно?

– Как вам удается видеть прошлое? И будущее? Не отдельного человека, хотя это тоже для меня непонятно, но будущее целых народов? – громко спросил студент, и в зале вдруг стало очень тихо.

И Мессинг, стоя на сцене, вдруг перестал улыбаться. Лицо его сделалось тяжелым, глаза словно увеличились, почернели. Зал напряженно ждал, а Мессинг молчал.

– Не знаю... я не могу этого вам объяснить... я вижу... – Он закрыл глаза, и голос его изменился, будто шел из глубин космоса, далекий и вибрирующий. – Я вижу... войну... я вижу войну... немецкие солдаты... немецкие танки... горящие деревни... горящие города... немцы идут по Белоруссии... идут по России... идут по Украине... Это страшная война... Она скоро будет... очень скоро...

Зал молчал, словно оглушенный. В глазах женщин – страх и тревога. В глазах мужчин – блеск опасности... решимость воинов...

А за кулисами столпились артисты, среди них и Илья Петрович. Они, затаив дыхание и вытянув шеи, следили за происходящим на сцене.

– Он с ума сошел... что он говорит? – тихо сказал кто-то.

– Прекратите немедленно! – раздался вдруг громкий требовательный голос. – Я требую немедленно прекратить!

Мессинг вздрогнул и, пошатнувшись, чуть не упал. Открыл глаза и посмотрел в зал, ничего не понимая. Он все еще находился там, в космосе.

– Как вам не стыдно сеять панику среди людей!? – кричал военный с тремя шпалами в петлицах. – Вы себя ведете, как шпион! Как провокатор!

– Но позвольте... – тихо проговорил Мессинг.

– Не позволю! Никто вам не позволит сеять панику! Сеять пораженческие настроения! Ишь придумали! Предсказания! Кликушество это! Разыгрываете тут представления! Моя бы воля, я бы таких... давно бы к стенке поставил! – и подполковник погрозил Мессингу кулаком. – Вы – враг народа, Мессинг!

На сковородке шипела традиционная яичница с колбасой, Мессинг наблюдал за этим процессом, держа в руке широкий кухонный нож.

Дверь без стука отворилась, и вошел Илья Петрович с бутылкой в руке. Видимо, Мессинг ждал его, потому что на столе стояли две тарелки, два стакана и одна рюмка. И бутылка минеральной воды. Тут же на уголке пристроились пузатый заварной чайник и две чашки.

Илья Петрович молча поставил бутылку водки на стол. В это время подошел Мессинг со сковородкой, разложил по тарелкам яичницу.

– Не переживай, Вольф Григорьевич, все образуется. – Илья Петрович налил в рюмку водки. – Ну покричат, выговор влепят... образуется! – Он выпил махом и, быстро закусывая, проговорил с набитым ртом: – Хотя, конечно, скандалище будет приличный... А ведь я тебя предупреждал, Вольф! Не надо этих предсказаний...

Мессинг сидел за столом, смотрел на тарелку с яичницей и не ел.

– Слушай, а вот почему у тебя все предсказания такие мрачные? То война, то горе какое-то... несчастья всякие... Ты говорил, что Гитлеру смерть предсказал, другому какому-то деятелю тоже смерть напророчил...

– Такие деятели встречались, – ответил Мессинг. – Что я могу поделаться?

– А войну зачем? Ну предсказал бы... счастливую жизнь, праздник... ну снижение цен, наконец, или там... изобилие какое-нибудь, – жуя, рассуждал Илья Петрович.

– Какое изобилие?

– Как это какое? Ну продуктов изобилие... жратвы всякой... одежды хорошей... да мало ли! Изобилие – вот чего люди ждут. А ты – война... немцы идут...

В дверь постучали, и в комнату заглянула женщина средних лет, миловидная, одетая в простенькое сатиновое платье:

– Ой, Вольф Григорьевич, простите, вы ужинаете? Я тогда попозже...

– Заходите, Верочка, заходите, – привстал со стула Мессинг. – Хотите чаю?

– Спасибо. Чашечку выпью. – Вера подошла к столу.

Мессинг подвинул ей свой стул, а себе взял табуретку, стоявшую в углу у кровати.

– Что-нибудь случилось, Вера? – наливая чай в чашку, спросил Мессинг.

– Нет, нет, ничего...

– Но я же вижу.

– Да я все думаю... Понимаете, у меня муж на границе служит, под Брестом. Он командир полка. Я все думаю, а вдруг начнется? А нам куда? У меня девочкам пять и семь лет...

– Э-эх, Вера-а! – протянул Илья Петрович, наливая в рюмку водки. – Взрослая женщина... коммунист. Что ты сразу в панику ударилась? Я вот – спокоен и тверд! – он опрокинул рюмку и выдохнул. – И верю в счастливое будущее.

– Ты выпей еще – крепче верить будешь, – усмехнулась Вера.

– И выпью. Пить законом не запрещено. – Илья Петрович налил себе снова.

В дверь опять постучали, и в номер заглянули сразу две головы – мужская и женская.

– Ой, вы ужинаете, Вольф Григорьевич... мы тогда попозже...

– Заходите, заходите. – Мессинг даже обрадовался, вскочил, пошел к двери. – Только вот сидеть не на чем.

– А я сейчас принесу, – сказал мужчина и скрылся. Через минуту он внес в комнату два стула.

Пока рассаживались за небольшим столом, появились еще два артиста, тоже мужчина и женщина. Они сразу пришли со своими стульями.

И скоро стало так тесно, что трудно было вытянуть руку, чтобы взять кусок хлеба. На столе уже стояли не одна бутылка водки, а целых четыре, тут же бутылки с минеральной водой, открытые банки консервов со шпротами, сайрой, колбаса, нарезанная аккуратными кружками, сыр, пучки лука, помидоры – в общем, полное изобилие. Началось шумное веселье, все перебивали друг друга, смеялись, и

только Мессинг оставался серьезным. Он молча переводил взгляд с одного человека на другого, словно видел будущее каждого, сидящего здесь, и жалость обжигала его сердце.

– Вера, ну наливай же! Сколько ждать можно?

– Товарищи, салат я собственноручно готовила – пальчики оближете!

– Алина, а ты сегодня здорово пела, честное слово!

– Братцы, а мы когда в Гомель едем? Восьмого или девятого?

– Танюша, минералочку подай.

– А я новый анекдот услышал...

– Вот за что люблю Илью – он знает новые анекдоты и стихи о советском паспорте, больше абсолютно ничего!

– Мне этого вполне хватает. Ваше здоровье!

– Смотрите, он выпил один! Даже ни с кем не чокнулся – нет, ну какая скотина!

– Вас ждать – водка прокиснет...

– Вольф Григорьевич, что вы так пригорюнились? Да выбросьте вы все из головы, Вольф Григорьевич! Будет война, не будет войны – прорвемся!

И один из мужчин запел с энтузиазмом:

Мы – красные кавалеристы, и про нас

Былинники речистые ведут рассказ!

О том, как в ночи ясные, о том,

как в дни ненастные

Мы гордо, мы смело в бой пойдём!

Последний куплет подхватили все и пели дружным хором. Мессинг глядел на лица, полные вдохновения. Вдруг в дверь резко и властно постучали, она распахнулась, и в комнату вошел военный в шинели с малиновыми петлицами и двумя шпалами, в фуражке тоже с малиновыми петлицами. За спиной майора НКВД маячил еще один военный.

– Гражданин Мессинг кто будет? – оглядев всех, спросил майор.

– Я Мессинг, – поднимаясь из-за стола, ответил Вольф Григорьевич.

– Попрошу вас проследовать с нами.

Артисты подавленно молчали, наблюдая, как Мессинг достал из платяного шкафа черное пальто, шарф и шляпу... как он медленно

оделся и шагнул к двери. У двери Вольф Григорьевич обернулся:

– Прошу вас извинить меня, товарищи. Я скоро вернусь... – и вышел.

Майор вышел за ним и закрыл дверь. По коридору забухали тяжелые шаги. Илья Петрович налил себе водки, выпил и пробормотал:

– Скоро он вернется... оттуда скоро не возвращаются...

– Типун тебе на язык с лошадиную голову! – оборвала его пожилая артистка.

– Я его предупреждал! Я ему говорил! Он же, как ребенок, черт бы его побрал! – выкрикнул Илья Петрович.

– Что вы там предсказывали, а? Кто разрешил, а? Вас же предупреждали, товарищ Мессинг. Вас еще в Москве товарищ Берия предупреждал... – говорил, сидя за столом, начальник НКВД Белоруссии, худощавый, бритый наголо генерал, с короткими “ворошиловскими” усиками. – У нас с Германией пакт о ненападении, вы это знаете? Договор о дружбе и взаимопомощи. А вы какую-то войну предсказываете... сеете панику... Немцы идут по Белоруссии... по России... по Украине... Это ж додуматься надо! Вы что, не слышали заявление товарища Ворошилова? Если война и случится, она будет вестись на территории противника! Могучая Красная армия стоит на страже мирного и спокойного труда советского народа... А вы мелете черти что... – Генерал вертел в толстых пальцах карандаш и пристально смотрел на Мессинга, сидевшего перед столом на стуле.

– Я не слышал выступления товарища Ворошилова... – сказал Мессинг.

– А надо было слышать! – резко повысил голос генерал. – Газеты читать надо, господин Мессинг! Свалились на мою голову! Если бы не товарищ Берия, я бы вас давно... к стенке поставил! За все ваши предсказания и пророчества!

– Почему вы называете меня господином?

– А как мне еще тебя называть, фокусник чертов!? Ты мне не товарищ! Ты объективно есть враг народа! Который сеет панику среди советских людей! Пораженческие настроения! Который портит международные отношения Советского Союза с дружественной Германией! Полный набор шпионских дел! Провокатор ты, Мессинг, вот кто! Натуральный провокатор!

– Я гражданин Советского Союза, – упрямо сказал Мессиг, – У меня паспорт есть.

– Насрал я на твой паспорт! Гражданин нашелся! Кликуша! Танки он увидел! Это тебя с таким заданием послали? Панику сеять?! Гражданин Советского Союза! Какой ты гражданин? Ты вообще непонятно кто! – И генерал выразительно пристукнул по столу тяжелым кулаком.

И в это время на столе зазвонил белый телефонный аппарат без цифр на диске, только в центре сверкало золотом изображение герба Советского Союза. Генерал поспешно схватил трубку, вскочил и стал другой рукой торопливо застегивать пуговицы на мундире.

– Да, жду. Здравствуйте, товарищ Берия, Да, это я лично отослал телефонограмму. Так точно. Да, предсказывал. Народ возмутился. Теперь не знаю, как поступить... Слушаюсь, товарищ Берия. Да, сегодня же. Слушаюсь... – Генерал положил трубку, глянул на Мессинга.

Тот сидел на стуле и, казалось, безучастно смотрел в окно.

– И слава Богу... – пробормотал генерал и рукавом утер мокрое от пота лицо. – Баба с возу – кобыле легче... пусть там с тобой разбираются...

Москва, 1940 год

И вновь Мессинг сидел в самолете на жестком металлическом сиденье и смотрел в иллюминатор. Ревели двигатели, мелкой дрожью отзывался корпус самолета, внизу проплывала земля, тонкие синие жилки рек, блюдца озер...

Самолет сел на военном аэродроме, когда уже начало темнеть. Он подрулил поближе к невысокому двухэтажному зданию, возле которого стояла черная легковая машина “ЗИС” и двое военных в шинелях, фуражках, перетянутые ремнями, с пистолетными кобурами на боку.

Два солдата подкатали короткий трап, и дверь самолета открыли изнутри. Мессинг в темном пальто с поднятым воротником, придерживая рукой шляпу, осторожно ступил на шаткую лесенку и немного задержался, черными печальными глазами оглядывая аэродром, автомобиль и встречавших его военных. Думал ли он сейчас о своем будущем, кто знает? Лицо его, как всегда, оставалось непроницаемым.

“ЗИС” катил по вечерней Москве. Светились тысячи окон в домах, редкие фонари на улицах и фары встречных машин, витрины гастрономов и промтоварных магазинов. Между Малым Каменным и Большим Каменным мостами стоял регулировщик и размахивал полосатым жезлом.

“ЗИС” вкатил на Красную площадь, направляясь к угловой башне Кремля.

Офицер в воротах проверил документы у сопровождающих и у водителя, коротко и пронзительно взглянул на Мессинга и козырнул, разрешая проехать. Автомобиль мягко тронулся и въехал на территорию Кремля.

Мессинг и двое его сопровождающих шли широкими коридорами, через небольшие залы, стены которых были украшены позолотой, барельефами старинных гербов и картинами в тяжелых багетовых рамах. Мессинг шагал, не глядя по сторонам, погруженный в невеселые раздумья.

Приемная перед кабинетом оказалась на удивление небольшой. В противоположном от двери углу, за столом с лампой под зеленым стеклянным абажуром и пишущей машинкой сидел плотный невысокий человек в военном кителе без погон. Лицо его было скорее невзрачным, чем запоминающимся: лысеющий лоб, тонкие губы и крепкий, выступающий вперед подбородок.

Мессинг и сопровождающие вошли, остановились на пороге.

Один из офицеров козырнул и отрапортовал:

– Товарищ Поскребышев! Приказание выполнено.

Поскребышев встал, взглянул на Мессинга, потом на часы, сказал негромко:

– Еще шесть минут. Присаживайтесь, пожалуйста.

Мессинг сел на один из стульев, стоявших вдоль стены. Поскребышев тоже сел и стал медленно стучать по клавишам машинки.

Сопровождающие остались у двери. Тонко пропели напольные часы, стоявшие в углу. Поскребышев встал и, открыв тяжелую, обитую кожей дверь и вошел в кабинет. И почти сразу вышел и обратился к Мессингу:

– Проходите, пожалуйста. Иосиф Виссарионович ждет вас.

Сталин стоял посреди кабинета с трубкой в руке, в темно-зеленом кителе, в такого же цвета брюках, заправленных в мягкие сапоги. Он произнес с улыбкой:

– Здравствуйте, товарищ Мессинг.

– Здравствуйте, товарищ Сталин. – Мессинг пожал протянутую руку и вдруг улыбнулся: – А я вас на руках носил.

Брови Сталина вопросительно поползли вверх.

– В Минске на первомайской демонстрации я ваш портрет нес, – поспешно пояснил Мессинг.

Брови медленно опустились, и усы вождя тронула улыбка:

– Что же вы испытывали, товарищ Мессинг, когда несли мой портрет?

– Чувство огромного уважения, товарищ Сталин.

– Вы ведь встречались со многими знаменитыми людьми? С Эйнштейном... с президентом Аргентины... президентом Бразилии... с Гитлером... с Пилсудским... – неторопливо перечислял Сталин, внимательно глядя на Мессинга.

– Встречался, товарищ Сталин.

– А что Пилсудский? Говорят, такой был начальник в Польше, что все над ним смеялись?

– Каким он был в молодости, я не знаю, товарищ Сталин, а в преклонном возрасте он действительно вызывал сочувственную усмешку.

– Почему?

– Очень ревнивый был. Все мысли – о любовнице, бросит она его или не бросит? Изменяет ему или не изменяет...

– Действительно смешно. Начальник Польши, как он себя называл, больше всего переживает из-за любовницы... – усмехнулся Сталин. – А как теперь дела в Польше? Немцев видели?

– Меня даже арестовали в Варшаве. Удалось бежать.

– Благодаря вашим известным способностям?

– Отчасти да, товарищ Сталин.

– Садитесь, пожалуйста, товарищ Мессинг. – Сталин указал на кресло у стола, а сам медленно уселся в кресло напротив. – Скажите, товарищ Мессинг, как вы считаете, Польша способна сопротивляться немецкой оккупации или нет?

– Нет, товарищ Сталин. Реального сопротивления Польша оказать немцам сегодня не может. – Мессинг сел в кресло, но сидел прямо, не откидываясь на спинку.

– Значит, вы бежали? – вдруг улыбнулся Сталин. – Как же вам удалось? Товарищ Берия рассказывал, как вы ушли с Лубянки. Слушал и не верил. Как вы такое проделали? Это гипноз?

– Гипноз, товарищ Сталин.

– Такой сильный гипноз? Любой человек подвержен такому гипнозу? – Сталин пытливо смотрел на Мессинга.

– Нет, не любой. Многие люди сами обладают даром гипноза, только не знают об этом. Такие плохо поддаются чужому гипнозу. Он встречает у них мгновенное противодействие.

– Но для вас, я вижу, преград нету? – снова улыбнулся Сталин.

– Не знаю... речь шла о моей жизни. Тут напрягаешь последние силы. – Мессинг тоже улыбнулся.

– Понимаю... Как вам теперь работается? Как живется в Минске?

– Хорошо. Я всем доволен, вот только... у меня вся семья погибла в варшавском гетто... Очень одиноко, товарищ Сталин.

– Понимаю... – чуть нахмурился Сталин и пососал потухшую трубку. – Мы все живем в трудное время, товарищ Мессинг. Мы, большевики, не скрываем трудностей от нашего народа. Мы научились их преодолевать. И вам... как человеку, одаренному такими способностями, в первую очередь следует вселять в народ веру в счастливую жизнь. Веру в то, что он преодолеет все трудности и построит социализм в отдельно взятой стране. Несмотря ни на какие происки наших врагов... – Сталин говорил, словно гвозди вколачивал, и не сводил с Мессинга темно-карих с искорками тигриных глаз. – И если вы таким образом будете работать, мы скажем вам большое спасибо, товарищ Мессинг..

– Я буду стараться именно так работать, товарищ Сталин, – ответил Мессинг.

– Не надо пугать людей войной... страданиями и смертью... Зачем это? Людей пожалейте, товарищ Мессинг.. – уже с сочувствием проговорил Сталин.

– Вы правы, товарищ Сталин. Больше ничего подобного позволять себе не буду, – усмехнулся Мессинг.

– Но война все-таки, по-вашему, будет?

– Будет, товарищ Сталин.

– Когда будет?

– Думаю, в будущем году... в июне, – твердо ответил Мессинг.

– Хорошо, товарищ Мессинг, пусть ваше пророчество останется на вашей совести, – усмехнулся Сталин. – Я ведь не из тех, кто легко поддается даже очень сильному гипнозу... Скажите, за что Гитлер назначил награду за вашу голову? Двести пятьдесят тысяч марок – это большие деньги.

– Я предсказал крах Германии, если она двинется с войной на восток.

– Сами себе противоречите, товарищ Мессинг. Предсказываете крах Германии, а видите немецкие танки в Минске, – опять усмехнулся Сталин. – Скажите, а если я попрошу вас сделать что-нибудь ... невозможное? – Сталин бросил на Мессинга испытующий взгляд..

– Готов сделать, товарищ Сталин. Только не уверен, получится ли, – пожал плечами Мессинг.

Сталин поднялся, прошел к письменному столу, достал из папки чистый лист бумаги и протянул Вольфу Григорьевичу. Тот тоже встал и подошел, чтобы взять лист.

– Получите по этому документу в сберегательной кассе сто тысяч рублей, – медленно произнес Сталин, наблюдая за реакцией Мессинга. – Недалеко от Кремля, кажется на улице Горького, есть сберегательная касса. Однажды проезжал – видел.

Мессинг еще раз посмотрел на чистый лист, потом на Сталина:

– Сейчас, товарищ Сталин?

– Да, сейчас. Вас проводят... – Сталин смотрел на него без улыбки и даже враждебно.

Мессинг повернулся и медленно вышел из кабинета...

“ЗИС” выехал из ворот Кремля и покатил через Красную площадь. Описав полукруг, машина свернула на улицу Горького, сбавила скорость и медленно поехала, держась поближе к тротуару. Вот за вывеской “Гастроном” блеснула вывеска “Сберегательная касса”. “ЗИС” встал у самой обочины.

– Дальше вы уж сами, товарищ Мессинг, – сказал один из сопровождающих, сидевший на переднем сиденье рядом с водителем.

По тротуару спешили москвичи, сквозь стеклянные витрины виднелись очереди за продуктами в магазинах. Мессинг выбрался из

автомобиля и медленно направился к сберегательной кассе. Шляпу он надвинул поглубже, почти на самые глаза, спасаясь от пронизывающего осеннего ветра.

Подождав, когда Мессинг скроется в здании, двое сопровождавших его чекистов тоже выбрались из машины и направились следом.

...В полупустом зале сберкассы находилось только несколько посетителей. Средних лет женщина в углу за столиком заполняла какой-то бланк, два человека стояли у окошка контролера. У окошка с надписью “Кассир” никого не было. Мессинг медленно направился к туда. Миловидная пожилая женщина в цветастом штапельном платье с улыбкой взглянул на него.

Мессинг долго смотрел на нее, затем молча протянул ей чистый лист бумаги.

Чекисты, вошедшие в сберкассу, остановились у входа, наблюдая за Мессингом. Переглянулись между собой и снова уставились на спину Мессинга, стоявшего перед окном кассира.

Кассирша посмотрела на лист бумаги и спросила также с улыбкой:

– Вы хотите все наличными?

– Да... – глухо ответил Мессинг. Глаза его из-под шляпы смотрели на кассира, как дула пистолетов.

– Извините, я сейчас... – отложив лист бумаги, женщина поднялась и пошла вдоль окошек к картотеке, которая занимала почти всю противоположную стену. Рядом была дверь во внутренние помещения сберкассы. Кассирша вошла в эту дверь и закрыла ее за собой.

Мессинг остался у окошка кассы. Он спокойно стоял и ждал.

– Может, она за охраной пошла? – спросил один чекист у другого.

– Зачем? – едва слышно ответил тот. – У нее кнопка под столом есть.

Дверь открылась. Женщина-кассир возвратилась в зал, держа в руке брезентовую зеленую сумку с металлическими замками. Она прошла к своему месту, улыбнулась Мессингу и, открыв замок на сумке, стала выкладывать перед собой толстые пачки денежных купюр, перетянутые банковской лентой.

– У вас есть во что положить? – спросила женщина, наклонившись к окошку.

Мессинг достал из кармана пальто матерчатую сумку, протянул ее женщине-кассиру. Она взяла ее и стала складывать в сумку пачки денег. Сложила и опять с улыбкой протянула Мессингу.

– Сто тысяч. Будете пересчитывать? Упаковка банковская – там все точно.

– Спасибо. Я вам верю, – ответил Мессинг, забирая сумку.

Он медленно двинулся к выходу, прошел мимо чекистов, открыл дверь и вышел на улицу. Чекисты сразу же пошли за ним.

На улице Мессинг молча передал им матерчатую сумку с деньгами. Старший чекист взял ее и посмотрел на Мессинга почти со страхом:

– Ну ты даешь стране угля, мелкого, но много... – пробормотал он. – Она ничего больше не говорила?

– Ничего...

– Ладно, пошли обратно. – И старший чекист вернулся в помещение сберкассы.

Женщина заполняла какой-то бланк, когда чекист наклонился к окошку и спросил:

– Гражданочка? Посмотрите сюда.

Кассирша подняла голову и увидела удостоверение капитана НКВД. Глаза ее округлились от испуга.

– Что-нибудь случилось, товарищ капитан? – тихо спросила она.

– По какому документу вы выдали эти сто тысяч? – спросил чекист и положил перед ней сумку с деньгами.

Кассирша, словно в первый раз увидев сумку, заглянула в нее и стала с растерянным видом выкладывать пачки денег. Вид у нее при этом был совершенно ошеломленный. Она взяла чистый лист бумаги, посмотрела на него с обеих сторон и вновь подняла глаза на чекиста.

– По этому пустому листу вы выдали сто тысяч рублей? – спросил тот.

Кассирша хотела что-то ответить и не могла, губы ее кривились, глаза заблестели от слез. И внезапно она выронила лист, закатив глаза, стала медленно сползать со стула, а затем тяжело упала всем телом на пол...

Две женщины из соседних окошек бросились к ней, стали поднимать.

– Клава! Клавочка, что с тобой?

Мессинг посмотрел на лежащую на полу в обмороке женщину и вдруг вновь память больно резануло... Вспомнил, как он, мальчишка, смотрел в спину контролеру поезда...

И контролер почувствовал этот взгляд, обеспокоенно оглянулся, потом открыл дверь вагона, и громче сделался стук колес и грохот поезда, и замелькали в открытой двери проносящиеся с бешеной скоростью деревья, кустарник, телеграфные столбы. А контролер вновь оглянулся – в глазах у него плескался ужас. Вот он прыгнул вниз с несущегося, грохочущего поезда, и только душераздирающий крик на какое-то время остался висеть в воздухе...

Они ехали обратно в Кремль. Вновь Мессинг смотрел в окно, а старший чекист то и дело оглядывался на него, улыбался и качал головой. Наконец не выдержал и проговорил:

– И что ж ты за человек такой, товарищ Мессинг? Вот так расскажи – никто поверит.

– Ты лучше не рассказывай, а то язык отрежут... – негромко сказал второй чекист, сидевший на заднем сиденье рядом с Мессингом.

Мессинг продолжал безучастно смотреть в окно.

Автомобиль въехал на Красную площадь и остановился недалеко от Боровицкой башни.

– Вы дорогу хорошо запомнили, товарищ Мессинг? – спросил чекист.

– Куда?

– В Кремль. В кабинет товарища Сталина.

– Кажется, запомнил...

– Тогда идите.

– Как? Мы разве не вместе? – удивленно посмотрел на чекиста Мессинг и сразу же понял. – Я один должен пройти в кабинет товарища Сталина?

– Именно так, товарищ Мессинг. У вас документы какие с собой есть?

– Паспорт.

– Давайте его сюда. – Чекист протянул руку и забрал паспорт. – Вы же, говорят, на Лубянку таким манером ходили? Ну вот теперь

здесь попробуйте. Желаю успеха, – улыбнулся чекист и, перегнувшись через сиденье, открыл дверцу со стороны Мессинга.

Мессинг выбрался из машины, постоял, оглядываясь по сторонам, потом медленно пошел к башне.

Сидевшие в машине чекисты молча наблюдали за медленно удаляющейся фигурой в темном пальто и шляпе.

В воротах стояли двое часовых и прохаживался старший лейтенант. Увидев Мессинга, он остановился, поджидая его. Мессинг подошел к нему, проговорил раздельно и четко:

– Я Лаврентий Павлович Берия. Вы меня узнали?

– Так точно, товарищ Берия, – старлей вытянулся и козырнул.

– Я – к товарищу Сталину. – И Мессинг неторопливым шагом вошел в Кремль, стуча каблуками по брусчатке.

Старлей, продолжая стоять по стойке смирно, смотрел Мессингу вслед и держал руку у козырька фуражки.

Потом Мессинг шел по коридорам, пересекал небольшие залы, освещенные приглушенными огнями ламп под потолком. Колонны отливали молочным светом, огненным блестками вспыхивала позолота на стенах.

Дойдя до двери в кабинет вождя, Мессинг открыл ее и вошел в приемную. Поскребышев, сидевший в углу за столом, поспешно встал и вытянулся по стойке смирно, вытаращив глаза. Мессинг молча прошел к двери в кабинет и открыл ее.

Сталин сидел за письменным столом, его лицо освещала настольная лампа. Увидев Мессинга, он встал и проговорил с улыбкой:

– Как вам удалось пройти, товарищ Мессинг?

– Очень просто, товарищ Сталин. Я всем говорил, что я – товарищ Берия.

Сталин негромко рассмеялся и взял со стола трубку:

– А я не знал, что товарищ Берия может пройти в Кремль, не предъявляя документов... А вы большой хитрец, товарищ Мессинг.

– А уж какой вы хитрец, товарищ Сталин, – улыбнулся Мессинг. – Пока я шел по Кремлю, чуть не умер от страха...

– Кремля не надо бояться, товарищ Мессинг, – сказал Сталин, остановившись перед Мессингом. – Меня надо бояться... Вы где остановились?

– Пока нигде. Меня с аэродрома прямо к вам привезли, товарищ Сталин.

– Что ж, вас устроят.. Поживите, посмотрите Москву.. Мы подумаем, как вам жить дальше, товарищ Мессинг. А вы сами как смотрите на свое будущее? Вы его видите?

– Нет, товарищ Сталин. О своем будущем я ничего не могу сказать. Только смутные ощущения.

– Какие?

– Я обрел новую родину – Советский Союз... я люблю эту родину и готов служить ей на любом поприще.

– На каком же поприще больше всего хочется? – спросил Сталин.

– Выступить со своими психологическими опытами.

– Немногого же вам хочется, товарищ Мессинг.

– Если меня позовут на другую работу, я буду работать, товарищ Сталин.

– Хорошо, мы подумаем о вашем будущем, товарищ Мессинг... С товарищем Берия, а? – И Сталин вновь рассмеялся.

По утрам Вольф Григорьевич выходил из гостиницы “Москва” и гулял по городу. Бродил по Александровскому саду, по улице Горького... Однажды зашел в ту сберегательную кассу.

Остановился у входа, оглядывая зал с высоким потолком, окошки кассира и контролера, небольшие очереди посетителей. Мессинг встретился взглядом с кассиршей в окошке.

Кассирша была та самая женщина, у которой он получил по чистому листу сто тысяч рублей. Она, увидев его, побледнела, мгновенно схватилась за сердце, взгляд ее затуманился.

Мессинг поспешно отвернулся и быстро вышел из сберкассы.

Он бродил по улицам, смотрел на прохожих. Долго стоял у памятника Юрию Долгорукому, у памятника Пушкину, Гоголю, у памятника Маяковскому.

Берия обсуждал судьбу Мессинга с одним из своих генералов. Лаврентий Павлович, развалившись, сидел за столом и небрежно слушал генерала НКВД, сухощавого, стриженного под ежик.

– Тут, конечно, обладание сильнейшим гипнозом, Лаврентий Павлович. Я что подумал, если этого Мессинга привлечь к работе с разведкой?

– Каким образом привлечь? – спросил Берия.

– Понимаете, я с разными психологами говорил – приемам гипноза можно обучать. Если, конечно, у ученика есть такие способности... ну хоть небольшие. При обучении эти небольшие способности можно развивать. Так вот, если этого Мессинга привлечь к обучению наших разведчиков? Которых за рубеж готовим. Думаю, большую пользу можем извлечь.

– На чем гипноз основывается, что твои психологи говорят?

– На интуиции. У обычного человека есть, предположим, десять процентов интуиции, у человека опасной профессии – охотник, разведчик, летчик – процентов тридцать, а у человека, который, предположим, воевал, у него и все пятьдесят процентов интуиции будет. Инстинкт самосохранения срабатывает... И еще, конечно, есть самородки, у которых этой интуиции и все восемьдесят–девяносто процентов. Они и становятся гипнотизерами.

– Что-то просто у твоего психолога получается. Тридцать процентов, пятьдесят процентов... А Мессинг из Лубянки вышел и на Лубянку вошел! Через все посты! К товарищу Сталину через все посты прошел! Прямо в кабинет пришел! Какая тут, к чертовой бабушке, интуиция?!

– Психологи говорили... – растерялся генерал. – Известные ученые...

– Ни хрена они не понимают, твои известные ученые, Сергей Николаевич, – усмехнулся Берия. – Определим его в школу разведки, а потом он убежит и всех наших агентов завалит. Так, да?

– Почему убежит? Он сюда прибежал, от Гитлера спасался. Ему теперь убежать некуда.

– В Англию убежит... в Америку убежит... – ответил Берия. – Не верю я ему...

– Ну, раз не верите, тогда, конечно... – развел руками генерал.

– Верю, но не до такой степени, чтобы привлекать его к работе с агентурой.

– Тогда у меня все, Лаврентий Павлович. Разрешите идти? – Генерал встал.

– Идите. Я должен подумать о будущем этого Мессинга... посоветоваться должен. Как он время проводит?

– В гостинице сидит... завтракает, обедает, ужинает... гуляет много...

– Через неделю отправляйте его обратно в Минск.
– Слушаюсь, Лаврентий Павлович
Минск, 1941 год

Я достаю из широких штанин
Дубликатом бесценного груза!
Читайте! Завидуйте! Я – гражданин!
Советского Союза!

Илья Петрович даже покраснел от натуги, выкрикивая последние слова стихотворения, и зал взорвался дружными аплодисментами.

Илья Петрович быстро откланялся и ушел за кулисы.

– Раиса Андреевна, ваш номер следующий! Где Раиса Андреевна?

– Господи, ей плохо! – отозвался взволнованный женский голос.

– Как плохо? Ей на сцену через три минуты!

– Говорят вам, плохо!

В общей гримуборной, в большой комнате с несколькими зеркальными трюмо в одном из кресел полулежала Раиса Андреевна, пожилая женщина, худая, с бледным морщинистым лицом. Судя по наряду, ей стало дурно непосредственно перед выходом на сцену – она была загримирована, в вечернем черном платье с блестками по вырезу и белой искусственной розой.. Вокруг нее толпились артисты и администратор. Врач, полная, пожилая женщина в белом халате, наматывая повязку на руку Раисы Андреевны, говорила:

– Все хорошо... сейчас уколем вас, и будет все нормально... не бойтесь, пожалуйста, не бойтесь...

– Я уже давно ничего не боюсь, моя милая... – слабым голосом ответила Раиса Андреевна.

– Анна Степановна, придется выходить вам, – тихо проговорил администратор молодой высокой женщине, одетой в вечернее платье, зеленовато-голубое, тоже с блестками по вырезу и с красной розой на груди.

– Но я должна была заканчивать концерт, Осип Ефремович, я сейчас не готова...

– Прекратите ваши вечные претензии, Анна Степановна, – вскипел администратор. – Еще скажите, что вы недостаточно

подготовились по системе Станиславского!

– При чем тут Станиславский? Просто я не готова сейчас выходить на сцену! И мой аккомпаниатор еще не готов.

– Где он, черт бы его побрал! Где эта пьянь беспробудная?!

– Он приходит в себя, – негромко ответила Анна Степановна, – к концу концерта он будет готов.

– Артем! Где Виноградов, товарищи? Где Артем Виноградов?! Пусть немедленно идет на сцену! – Администратор с криком кинулся прочь из гримуборной.

Все смотрели, как врач делает Раисе Андреевне укол.

В это время в дверях выросла фигура Мессинга, в пальто с поднятым воротником и в черной шляпе, надвинутой на глаза. Он молча стоял и смотрел на толпу вокруг кресла, в котором полулежала артистка.

– Сейчас вам станет совсем хорошо, – врач погладила Раису Андреевну по худой руке и стала складывать в саквояж тонометр и металлическую коробочку со шприцами.

– Доктор, может, ей рюмочку коньяку можно? – спросил кто-то.

– Можно, – улыбнулась врач.

– Сей момент, – мужчина метнулся к шкафчику, достал бутылку коньяку, рюмку и, быстро налив, с великой осторожностью преподнес рюмку женщине. Раиса Андреевна улыбнулась:

– Экий вы хулиган, Миша.

– Раиса Андреевна, так ведь доктор прописал.

Артисты рассмеялись. В это время в гримуборную влетел администратор, толкнув плечом Мессинга. Он недовольно взглянул на “препятствие” и вдруг расплылся в улыбке:

– О! Вы приехали? Живы, здоровы? Не арестовали, не посадили? Немедленно на сцену! Будет ваш номер! Замените Раису Андреевну – она, вон видите, заболела. Спасайте, Вольф Григорьевич! Вы же советский человек, вы не можете подвести коллектив!

– Вольф! Голубчик! – К Мессингу с раскрытыми объятиями кинулся Илья Петрович. – С чудесным возвращением!

– Отстаньте вы от него – ему надо на сцену! – рявкнул Осип Ефремович.

Мессинг молча снял пальто, бросил его на свободное кресло, положил шляпу и вышел из гримуборной. Администратор бросился за

ним.

– И самого товарища Сталина видел? – спросил Илья Петрович, выпучивая глаза.

– Видел. Даже разговаривал.

– Разговаривал? – ужаснулся Илья Петрович. – Сказки Венского леса! И чего?

– Да ничего. Спрашивал о работе, о планах на будущее. Потом пожил в Москве... посмотрел... погулял... И – домой. – Мессинг улыбнулся.

– А какой он, Сталин?

– Трудно сказать. Очень хитрый... и очень жестокий...

– Брось, брось, Вольф, этих слов не говори... Сталин – он великий!

– Великие тоже бывают очень хитрыми и очень жестокими... – без улыбки сказал Мессинг. – Я теперь не боюсь. Товарищ Берия сказал, что будет лично следить за моей работой и ни один волос не упадет с моей головы.

– Ты и Берия видел? – Это известие окончательно повергло в ужас Илью Петровича.

– Видел.

– А говорили, тебе десять лет дали и ты уже в Сибирь поехал, – полусшепотом произнес Илья Петрович, закуривая папиросу.

Они сидели за столом в комнатке Вольфа Григорьевича. Тут же стояла бутылка водки, рюмки и какая-то нехитрая закуска.

– Кто говорил?

– Да какая разница? Все говорили. Вызывали нас в Чека... по одному допрашивали...

– Кто допрашивал? – опять спросил Мессинг.

– Да какая тебе разница? Полкан какой-то! Спрашивал, вел ли ты антисоветские разговоры? Восхвалял ли буржуазный образ жизни? Я отвечаю – не слышал ни разу. А он говорит, вы не слышали, а вот другие слышали. Вот почитайте, что пишут ваши коллеги. Я читаю – точно. Вел антисоветские разговоры, восхвалял буржуазный образ жизни, критиковал вождей партии и правительства, осуждал аресты врагов народа. Я прочитал, у меня волосы дыбом встали. И знаешь кто писал?

– Знаю. Осип Ефремович, – ответил Мессинг.

– Не только... Еще Раиса Андреевна, Володька Соловцов... Вот народ, а? – Илья Петрович налил водки в рюмку и выпил.

– Я их не осуждаю. Запугали, угрожали... нервы у людей слабые...

– Да откуда ты все это знаешь, Вольф? – фыркнул Илья Петрович.

– Знаю. Ты ведь тоже написал... – улыбнулся Мессинг. – И тебя я тоже не осуждаю.

Илья Петрович поперхнулся дымом, закашлялся и проговорил сквозь кашель:

– Он сказал... с работы вышвырнут... с волчьим билетом... а куда я денусь с волчьим билетом, Вольф? На станцию вагоны разгружать? У меня сердце больное... Сорок лет – даже крыши своей над головой нету...

– Я понимаю... – снова устало улыбнулся Мессинг и вдруг взял бутылку, налил в рюмку водки и выпил. Помолчал и повторил с непонятым выражением лица: – Я понимаю...

Илья Петрович погасил папиросу и вдруг заплакал, опустив голову. Плач перешел в глухие рыдания. Мессинг с сочувствием смотрел на вздрагивающие спину и плечи.

* * *

Мессинг и его старые знакомые из угрозыска майор Дудко и капитан Васильев ехали в машине по вечернему городу.

– Ну ты понимаешь, Вольф Григорьевич, ну каждый сантиметр осмотрели, простучали – ни хрена. А я точно знаю, что ценности в квартире. И немалые ценности, доложу тебе. Паркет вскрыли... стены дрелью дырявили... Куда он мог их запрятать – ума не приложу! – возбужденно рассказывал майор Дудко. – Хитрый, гад, стреляный воробей, но чтобы так спрятать...

– Может, этих ценностей там и нет? – спросил Мессинг.

– Там! Железно там! Он никому не доверяет – в другом месте прятать не будет.

– Кто он по должности? – опять спросил Мессинг.

– Начальник снабжения трикотажной фабрики. Фургонами трикотаж воровал, гад! Мы его больше года разрабатывали. По

накладным, по бухгалтерским делам – не подкопаешься. На большие миллионы наворовал, сучий хвост.

– Семья у него есть? Дети?

– А как же! Жена, трое детей – младшему семь, старшему – четырнадцать. Все пацаны.

– Они дома?

– Нет, за городом. На даче. Он и дачу в прошлом году выстроил – хоромы! На жену дача записана.

– Так, может, эти ценности там спрятаны?

– Нет. Не будет он там их хранить. Дача часто пустует – только сторож из местной деревни в ней живет. Не будет, уверен! Дача деревянная, без присмотра и сгореть может. И потом, тайник он давно оборудовал, а дача только в прошлом году построена. Нет, нет, здесь тайник, в квартире, нутром чую! – убежденно возразил майор.

– А какие ценности там могут быть? – поинтересовался Мессинг.

– Ну какие могут быть? Ну там... бриллианты, другие драгоценные камушки, золото, конечно. Думаю, разные старые украшения – кольцо там, браслеты, часы, перстни, кольца, серьги... Он, как хорек, все в нору тащил.

– Приехали, товарищ майор, – доложил водитель, сворачивая в высокую арку нового шестиэтажного кирпичного дома.

Машина въехала в просторный двор, подкатила к одному из освещенных подъездов.

Мессинг, майор Дудко и капитан Васильев выбрались из машины и вошли в подъезд.

В квартире было полно народу – оперативники, трое понятых, сам хозяин квартиры Погребняк Семен Михайлович, широкоплечий крепкого сложения невысокий мужчина. Он сидел в кресле в углу комнаты и спокойно наблюдал за происходящим.

– Ну что, без изменений? – спросил майор Дудко, войдя в квартиру.

– Ищем, товарищ майор, – виновато ответил опер, молодой парень в гимнастерке, военных галифе и сапогах.

В квартире царил разгром. На полу посреди гостиной кучей были свалены книги, вынутые из книжных шкафов, рядом громоздилась одежда, две норковые шубы, кожаное пальто с меховым подбоем. На стенах во многих местах обои оторвали напрочь, и там виднелись

просверленные дыры. Всю мебель отодвинули от стен, ящики большого буфета тщательно выпотрошили. Большую хрустальную люстру тоже сняли с потолка и прислонили к стене. Потолок украшали беспорядочно просверленные дырки, создавалось такое впечатление, будто здесь палили из автомата.

Мессинг обошел все комнаты большой квартиры, молча глядя на старания сыщиков. Во всех комнатах царил такой же разгром, как и в гостиной. Понятые жаллись в углу, испуганно глядя на милиционеров.

И только Семен Михайлович Погребняк неподвижно и с достоинством сидел в кресле. Но когда Мессинг вошел обратно в гостиную, он с живым интересом взглянул на него, и вдруг беспокойство промелькнуло в его глазах. Погребняк заерзал в кресле, сплел пальцы рук, потом встал, взял со стола пепельницу, коробку папирос и вернулся обратно. Закурил, положив пепельницу на колено. Взгляды Мессинга и Погребняка встретились, и Семен Михайлович мгновенно увел глаза в сторону, вновь обеспокоено заерзал в кресле.

Мессинг повернулся и вновь пошел по комнатам квартиры. Заглянул в одну... вторую... третью... постоял на пороге кухни, в которой тоже были видны следы дотошного обыска – открытые ящики, просверленные стены, даже отбитый кафель возле раковины. Столешница стояла прислоненная к стене. Мессинг огляделся и пошел в ванную.

Ванная оказалась непривычно большой, светло-зеленый кафель на стенах, пол тоже выложен зеленоватой кафельной плиткой. У стены на массивных зеленых львиных лапах стояла большая эмалированная ванна, снаружи выкрашенная в зеленый цвет. Мессинг остановился на пороге и вновь долго и внимательно оглядывал стены, ванну, унитаз и биде... Умывальник снаружи был тоже выкрашен в зеленый цвет. Мессинг поковырял его ногтем, отколупнул кусочек масляной краски. Потом подошел к ванне, проделал то же самое. Потом выглянул из ванной комнаты и громко позвал:

– Товарищ майор! Николай Иванович!

– Вас Вольф Григорьевич зовет, товарищ майор, – послышалось в гостиной.

– Что? Меня? Иду! – Дудко появился в коридоре, прошел к ванной, вопросительно глядя на Мессинга.

– Ванну двигать не пробовали? – спросил Мессинг.

– Нет. А что, думаете, тайник под ней? – спросил в свою очередь Дудко.

– Думаю, в ней. Она из золота. И умывальник из золота... и унитаза, кажется, тоже...

– Да ну?! – выпучил глаза Дудко и тут же закричал: – Эй, ребята, а ну сюда!

По коридору затопали сыщики во главе с капитаном Васильевым.

Вчетвером они с трудом оторвали ванну от пола, сдвинули ее на середину комнаты, разломав трубу водостока. Все четверо встали на карачки, разглядывая зеленую масляную краску.

– Ну давай, эксперт, ковырай, – велел капитан Васильев.

– Посвети, – попросил эксперт, хотя под потолком горела небольшая электрическая люстра.

Другой сыщик включил фонарик и осветил на ванну. Эксперт поскреб ножом краску, потом достал из кармана острое небольшое долото и небольшой молоточек, постучал, поковырял, опять постучал. Поскреб долотом – засверкал желтый металл.

– Золото... – выдохнул эксперт. – Точно... золото...

– Это что же, она вся из золота? – Майор Дудко даже растерялся. – Сколько же она весит?

– Пудика четыре потянет, если не больше... – весело ответил капитан Васильев. – Мы ее вчетвером едва оттащили.

– Ну какой хитрый, гад... – пробормотал Дудко. – И унитаза, значит, золотой? И умывальник?

– Сейчас проверим, – отозвался эксперт. Поковыряв, он доложил: – И унитаза, и умывальник... и биде...

– Чего-чего? – переспросил капитан Васильев. – Какой биде?

– А вон та хреновина... – усмехнулся эксперт. – Для подмывания...

– Для какого подмывания? – опять не понял капитан.

– Ты родом откуда?

– Из Потылихи... деревня такая есть... семьдесят километров от Минска.

– Тогда все равно не поймешь, – ухмыльнулся эксперт.

– Когда ж ты догадался, Вольф Григорьевич? – спросил майор Дудко.

– А когда на него посмотрел... на вашего подопечного, – улыбнулся Мессинг. – Вы меня домой-то отвезете?

– А как же! Отвезем с почетом! С сиреной прокатим, Вольф Григорьевич!

...Черная “эмка” мчалась по улицам вечернего Минска.

– Видал, а? Как увидел свою ванну из золота и сразу раскололся! – майор Дудко засмеялся.

– Да он же уверен был, что не найдем! – тоже засмеялся капитан Васильев. – И так это его потрясло! Он мне говорит, это колдун ваш нашел, да? Я, говорит, как его увидел, понял, что погорел!

Они смеялись, и только Мессинг с мрачным видом смотрел в окно.

– Да ты чего такой мрачный, Вольф Григорьевич?

– Не знаю... на душе что-то... будто несчастье какое-то должно случиться... – проговорил Мессинг и, зябко передернув плечами, повторил: – Несчастье чувствую.

– Бро-о-ось, Вольф Григорьевич! Какое еще несчастье? Не надо, не пугай нас...

– А вы не спрашивайте... – ответил Мессинг. – Я молчать буду...

Машина остановилась у общежития артистов. Мессинг выбрался из машины и пошел к подъезду.

Он поднялся на второй этаж и, почуяв неладное, стал убыстрять шаг. Открыл дверь в свою комнату, огляделся и снова вышел в коридор. Навстречу шел администратор Осип Ефремович. Смотрел он как-то странно.

– Что-то случилось, Осип Ефремович? – спросил Мессинг.

– А, это вы? Случилось... ужас что случилось... Илья Петрович повесился...

Мессинг со страхом посмотрел на него и почти побежал по коридору.

Он распахнул дверь в комнату Ильи Петровича – у кровати стояли Раиса Андреевна, фокусник Артур Перешьян, куплетист Артем Виноградов. Они разом обернулись, и Мессинг увидел лежащего на кровати на спине мертвого Илью Петровича. И еще он увидел веревку с петлей, свисавшую с трубы парового отопления под потолком.

Мессинг подошел к кровати, протянул руку и потрогал лоб Ильи Петрович, потом взял его за руку.

– Когда это случилось? Час назад? – спросил Мессинг.

– Да, час назад примерно, – ответил фокусник Артур Перешьян. – Я постучал, хотел его позвать на ужин, а он... висит... Мертвый уже был...

– Ох, Илья, Илья... зачем же ты? – горько пробормотал Мессинг.

– Он вам записку оставил... – сказала Раиса Андреевна и протянула Мессингу тетрадный лист в клеточку.

Неровными буквами было написано: “ВОЛЬФ, ДОРОГОЙ, ПРОСТИ МЕНЯ. НИКЧЕМНЫЙ Я ЧЕЛОВЕК”.

Мессинг прочитал несколько раз и скомкал в кулаке записку.

В это время дверь открылась и вошел администратор Осип Ефремович, а за ним два милиционера. Следом зашли еще двое пожилых людей в белых халатах.

– Попрошу вас, товарищи, освободите комнату, – негромко приказал администратор.

...А ночью началась Великая Отечественная война. И уже под утро немцы бомбили Минск...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Минск, 1941 год

...Мессинг не спал. В его комнате горел свет. В эту ночь не спали многие. За небольшим столом в комнате Вольфа Григорьевича собрались Раиса Андреевна, Артур Перешьян, куплетист Артем Виноградов, еще двое артистов – аккордеонист Миша Турецкий и вокалист Дормидонт Потепалов. Почти все, за исключением Раисы Андреевны и Мессинга, курили.

– Не понимаю... хоть убейте, не понимаю, – проговорил Артем Виноградов. – Столько лет прожил и – ничего, а тут вдруг – никчемный человек. Что случилось-то? Да мы все, если разобраться, никчемные люди...

– Однако живем, в петлю не лезем, – сказал басом Дормидонт Потепалов.

– Ну зачем вы так? – вскинулась Раиса Андреевна. – Мы живем, работаем, приносим пользу людям... Зачем же всех в никчемные записывать? Просто Илюша много пил последнее время, вот и расстройство психики... Так вот и Есенин повесился... и Маяковский застрелился...

– Тоже пил много? – усмехнулся Дормидонт Павлович. – Бросьте, Раиса Андреевна, психика расстраивается совсем от другого.

– От чего же, интересно? – нервно спросила Раиса Андреевна.

– Сами, что ли, не знаете? – Дормидонт потянулся к бутылке водки, стоявшей на столе, налил в стакан и, перекрестившись, сказал: – Прости, Илья. Да успокой Господь душу твою грешную... – выпил, понюхал кусок черного хлеба и добавил: – От угрызений совести, бывает, психика расстраивается... А бывает, не расстраивается... у кого как...

– Вы все время на что-то намекаете, Дормидонт Павлович, я не пойму – на что?

– Бросьте, Раиса Андреевна, прекрасно вы понимаете, на что, – усмехнулся Дормидонт Павлович и закурил папиросу, пыхнул дымом. – Жалко Илюшку, хороший... добрый был мужик...

И за столом стало тихо. Артур Перешьян тоже взял бутылку, налил в другой стакан и молча выпил. И закурил. Мессинг стоял у

окна спиной ко всем. Стоял и молчал.

Внезапно в тишине послышался высокий, густой звук моторов. И шел этот звук откуда-то сверху, с небес. Звук быстро становился резче, с подвывом. И вдруг рванул взрыв. За ним еще и еще. Вздогнули стены дома, тонко прозвенели стекла в окнах.

– Что это? – испуганно спросила Раиса Андреевна.

Взрывы зазвучали снова и снова. Покачнулась электрическая лампа под потолком, вновь вздогнули стены домов. Распахнулась дверь, и на пороге возник администратор Осип Ефремович.

– Что это?! – с порога крикнул он.

– Война, – просто ответил Мессинг.

– Какая еще война? – нервно спросила Раиса Андреевна. – Какая война? Вы уже пророчили войну, Вольф Григорьевич, все знают, чем это кончилось...

– Это война, Раиса Андреевна... – повторил Мессинг. – Гитлер напал на Советский Союз.

И, словно в подтверждение его слов, совсем близко тяжело охнули новые взрывы, вой самолетов сделался гуще и громче, сквозь этот вой и взрывы раздались пулеметные очереди... И темные окна вдруг озарились огнем пожаров.

А по коридору уже слышался топот многих ног. Кричали полуголые, выскочившие из постелей женщины, мужчины в пижамных штанах и тапочках на босу ногу. Раздавались выкрики, ахи, отрывочные реплики:

– Что это? Может, военные учения?

– Какие, к черту, учения?! Город бомбят, а вы – учения!

– Неужели это немцы?!

– А кто же, как вы думаете? Японцы?!

– Господи, что делать-то?

– Товарищи! Спокойствие! Сохраняем спокойствие! Я сейчас поеду в горком партии и все узнаю! – прокричал Осип Ефремович. – Никакой паники!

В комнате Мессинга никого не осталось, кроме Дормидонта Павловича. Он по-прежнему сидел за столом, дымил папирсой. Наконец сказал:

– Выходит, правильно ты пророчил, Вольф Григорьевич... вот и война... Что теперь будет-то?

– Через неделю немцы будут в Минске, – сказал Мессинг.

– Через неделю? – перепуганно переспросил Дорминдонт Павлович. – Ну это ты маху даешь, Вольф Григорьевич! На границе столько войск... там же Красная армия...

– Через неделю немцы будут здесь, – жестко повторил Мессинг. – Вы пойдете в армию?

– Не возьмут – мне пятьдесят два ... – Дорминдонт Павлович налил себе водки и выпил, повторил: – Через неделю? Ну это ты зря так, Вольф Григорьевич... ей-богу, зря.

* * *

Через неделю после вторжения, 29 июня, немецкие танки ворвались в Минск, хотя Брестская крепость, истекая кровью, оборонялась больше месяца...

Немецкая пехота на понтонах и лодках переправляется через Буг... Немецкие самолеты бомбят советские города... Указатели вдоль дороги... Минск... Киев... Брест... Гомель... Харьков... По пограничным мостам на скорости идут немецкие танки... грузовики тащат тяжелые артиллерийские орудия... Немецкие батареи по команде изрыгают залпы огня...

Карты Европейской части Советского Союза, разложенные на столе, испещрены стрелами, которые устремлены к Москве... к Ленинграду... к Киеву... Вокруг стола стоят Гитлер и немецкие генералы. Один из них что-то объясняет Гитлеру, показывая пальцем по направлениям стрел. Генерал очень доволен положением дел, он улыбается, улыбаются другие генералы. Улыбается Гитлер, согласно кивает...

И вновь – танки, поднимая завесу пыли, грохочут по русским дорогам... идут колонны немецких солдат... Им жарко, лица потные и небритые, но они улыбаются в камеру, что-то говорят, смеются. Они довольны... Они завоевывают чужую землю, они наступают... А вот и первые пленные советские солдаты... израненные, многие босы, в рваных гимнастерках, в бинтах с заскорузлыми пятнами крови... Река пленных течет по дороге... на расстоянии полусотни метров едут на лошадях немцы-конвоиры...

*Поезд идет на восток,
лето 1941 года*

Поезд шел на восток. Плацкартные и общие вагоны были набиты битком. Многие спали на багажных полках, под потолком или сидя, привалившись спинами к стенам вагона или к плечу соседа. На маленьких столиках в каждом отделении одна и та же еда – шелуха от вареных яиц, помидоры и огурцы, куски вареной курицы, остатки недоеденной воблы. Где-то в конце вагона заунывно пиликала гармонь, перестукивали колеса, потрескивали переборки вагона. Везде скученно, душно... много детей... То тут, то там слышен детский смех, крики, плач... Дети беззаботно бегали друг за другом по узким, заставленным корзинами, чемоданами и узлами проходам.

Мессинг сидел у самого окна, смотрел на мелькавшую полосу леса и придорожного кустарника, на желтое раскаленное солнце. Напротив него привалился к стенке купе Дормидонт Павлович, рядом примостился фокусник Артур Перешьян, на верхней полке дремала Раиса Андреевна.

За стенкой долго и заунывно плакал ребенок.

– Ладно, пойду покурю... – Дормидонт Павлович поднялся и стал пробираться к проходу.

– Я, пожалуй, тоже. – Артур Перешьян двинулся за ним.

Мессинг продолжал смотреть в окно. Ребенок за стенкой плакал все громче и громче.

Мессинг встал, пробрался к проходу и заглянул в соседнее купе:

– Что с ним? – Он подошел к женщине, державшей на руках годовалого малыша, который заходился криком.

– Да не знаю я... – Женщина подняла на него заплаканные глаза. – Всю ночь кричал... может, съел чего не то... может, заболел чем...

– У него сильная головная боль, – сказал Мессинг. – Дайте-ка мне сесть,.

Старик, сосед женщины, поспешно встал. Мессинг сел рядом с ней и взял малыша на руки.

– Мальчик, девочка?

– Да малой. Петенька, – всхлипнула женщина.

Мессинг погладил малыша по щечкам, потом положил ему на лоб ладонь, откинулся на стенку вагона и закрыл глаза. Малыш заплакал

еще сильнее, но вдруг замолчал и тоже закрыл глаза, засопел, зачмокал губками. Стало непривычно тихо. Только громко стучали колеса.

В тамбуре курили несколько мужчин, и среди них Дормидонт Павлович и Артур Перешьян.

– Мы вот с ним первого июня в Бресте были. Так там целых две дивизии стояли, в самом городе. А сколько артиллерии! А танков сколько! Силища! – говорил возмущенно Дормидонт Павлович. – Куда все это подевалось? Как их могли разгромить?!

– Как, как! – нервно ответил пожилой человек в очках и рубахе с засученными рукавами. – Значит, разгромили!

– Да ты што? – выдохнул Дормидонт Павлович. – Чтоб такую силищу... за несколько дней? Да такого быть не может!

– Да иди ты! Ну чего пристал? Я откуда знаю? – сплюнул пожилой человек и отвернулся.

В тамбуре колеса гремяли сильнее, и из-за грохота собеседникам приходилось кричать друг на друга.

– Как же это получается, а? Каждый день войну ждали, а случилось – как снег на голову! Получается что? Не готовы были, да?

– А у нас всегда так! Пока гром не грянет, мужик не перекрестится!

– Но ведь ждали же! В газетах писали: “Если завтра война!”, “Граница на замке!”

– Отстаньте от меня, я вам говорю! Ну чего привязались?! Если б я все знал, я бы в Кремле сидел!

– Э-эх, выходит, и там мало чего знают!

– Ты лучше язык свой узлом завяжи, а то загремишь в Сибирь!

– А мы и так в Сибирь едем!

И мужчины громко беззлобно рассмеялись...

Мессинг протянул спящего малыша женщине.

– А проснется – опять кричать начнет? – шепотом спросила она.

– Не будет больше... не бойтесь, – так же тихо ответил Мессинг. – У него от духоты, от шума и грохота спазмы сосудов... Теперь ничего...

– А вы доктор? – спросила женщина, прижимая малыша к груди.

– Я-то? Ну да, вроде того... – улыбнулся Мессинг и, поднявшись, пошел в свое купе. На пороге обернулся: – Если что, я тут рядом...

А в тамбуре уходили одни курильщики и приходили новые, и разговоры крутились вокруг одного и того же.

– А чего говорили-то? Рабочий класс Германии не допустит войны, так, да? Рабочий класс Германии, как один, подыметесь на защиту первого в мире пролетарского государства Советского Союза! Солидарность трудящихся всего мира – надежный заслон любому агрессору! – кричал сквозь грохот колес сухой узкоплечий старик в линялой рубахе и смолил скрученную из газетного обрывка сигарку.

– А кто у них в армии-то? – кричал другой мужик. – Да те же самые рабочие и есть! Вот тебе и мировая солидарность! А я ить ишшо в ту германскую воевал! Немец – вояка справный!

– Ничё, дядя! Это от неожиданности мы мало-мало растерялись! Щас соберутся и двинем их аж до самого Берлина! И Гитлера этого самого с его дружками – всех за жопу и в мешок! И в пруду утопим!

– Э-эх, сынок, твои слова да в уши Господу!

В крайнем закутке сидел пожилой мужик и медленно тянул меха гармони, а паренек лет четырнадцати пел чистым, высоким голосом:

Степь да степь кругом, путь далек лежит,
В той степи глухой замерзал ямщик.
В той степи глухой замерзал ямщик.

И набравшись сил, чуя смертный час,
Он товарищу отдавал наказ.
Он товарищу отдавал наказ...

И плыла мелодия в бескрайние поля, раскинувшиеся до самого горизонта, и сияло высокое безоблачное небо, солнце плыло по нему большим расплавленным желтком. Железная дорога черной стрелой разрезала степь пополам, и по этой дороге стучал, пыхтел, пуская клубы белого пара, длинный, зеленый, похожий на червяка поезд. И стояла вековая тишина, и будто не началась война...

Вдруг, нарушив эту тишину, послышался далекий вой моторов, и в голубом просторе показались три точки, которые быстро росли, превращаясь в самолеты. Вой усиливался – самолеты пикировали

прямо на поезд. И вот первый черный взрыв вырос рядом с железнодорожным полотном.

Издав протяжный свисток, поезд медленно затормозил и наконец встал, и из вагонов посыпались люди. Они бежали в поле в разные стороны. Ахнули новые взрывы, и самолеты, выйдя из пике, взмывали вверх, но не улетели, а стали разворачиваться и вновь пошли на снижение, и снова рванули черные взрывы, и застучали длинные пулеметные очереди, словно длинными плетями стегая землю. Люди бежали с криками и падали, закрывая головы руками... Женщины прижимали к себе маленьких детей, вопили от ужаса, а пули фонтанчиками вспарывали землю прямо у их ног.

После третьего захода самолеты снова взмыли вверх и скоро растворились в бездонной синеве. Воцарилась жуткая тишина. Люди медленно поднимались, со страхом глядя в небо. Паровоз пустил большое облако пара и пронзительно засвистел.

И все побежали обратно к вагонам...

На столике вздрагивала керосиновая лампа, вагонное окно было тщательно зашторено. В карты играли до изнеможения. Громко шлепали их об столик, смеялись, выкрикивали:

– А вот вам дамочка треф, что скажете?

– А мы вашу дамочку козырным валетиком накроем!

– Не надо накрывать – все равно никто не родится!

– Раиса Андреевна, ну что вы, в самом деле? Зачем семерку пик оставили?

– А куда ж я ее дену, миленький?

– Ну вот мы и сели в лужу! Шестнадцатый раз дураки! Поздравляю!

– Не шестнадцатый, а восемнадцатый! – поправил Дормидонт Павлович.

– Нет уж, извиняйте, шестнадцатый! – яростно возразил администратор Осип Ефремович. – А будете спорить, я, когда приедем, суточные вам на неделю задержу!

– А мне правда дороже суточных! – рявкнул басом Дормидонт Павлович. – Восемнадцать раз вы дураками остались!

– Наглая беспардонная ложь! Всего шестнадцать!

– Нет, восемнадцать!

– Нет, шестнадцать! Вы – лжец и шулер!

– Сами вы лжец и безмозглый игрок!
– Шестнадцать!
– Успокойтесь, бездарный администратор, восемнадцать разочков вы остались дурачком! Круглым!

– Шестнадцать, бездарный вы артист! Пустое место!
– Я – бездарный артист?
– Вы, конечно!
– Как во городе то было, во Казани-и-и! Грозный царь пил и веселился! – взревел басом Дормидонт Павлович и протянул вперед руки, будто хотел схватить Осипа Ефремовича за горло.

Глядя на их яростную перебранку, Мессинг, Раиса Андреевна и Артем Виноградов рассмеялись. Из соседнего купе кто-то проговорил укоризненно:

– Совесть поимейте, товарищи! Люди уже спать легли!
– Ты сколько раз дураком остался? – шепотом спросил Дормидонт Артема Виноградова.

– Двадцать четыре, – улыбнулся куплетист.
– А Мессинг, проходимец, ни разу!
– Так он же карты насквозь видит...
– Что вы там шепчетесь? – улыбнувшись, спросил Мессинг.
– Артем говорит, что вы шельмуете в карты, Вольф Григорьевич, – ответил Домидонт, подмигнув Артему.

– Никогда не шельмовал в карты, – снова улыбнулся Мессинг. – Вот вы сейчас держите колоду. Хотите, скажу, какая в колоде шестая карта?

– Ну попробуйте.
– Король червей.
Дормидонт отсчитал пять карт сверху, перевернул шестую – оказался король червей, усмехнулся, покачал головой и спросил:

– Ну а двадцать первая карта сверху?
– Семерка пик, – ответил Мессинг.
Дормидонт Павлович отсчитал двадцать карт, двадцать первой выпала семерка пик. Мессинг улыбнулся. Раиса Андреевна закатила глаза к потолку, Артем Виноградов понимающе покивал головой.

– Ну ты к чертям, Вольф Григорьич, с тобой связываться – только здоровье вредить... Слушай, а ты в карты на деньги не играл?
– Один раз в жизни играл... Больше никогда...

– Зря. Богатым человеком стал бы... – засмеялся Дормидонт Павлович. – Пока не убили бы! У меня был один знакомый – катала страшный! В Ростове на большие деньги играл. И выигрывал все время! Гулять любил! Женщины, шампанское, подарки! Убили. И все дела. Но я скажу вам, Вольф Григорьевич, карты он... ну, чувствовал, что ли. Ну, вот как вы – насквозь видел! Я с ним выпивал, бывало, спрашивал – как ты мухлюешь? Ну расскажи, может, и я попробую. Он смеялся всегда – у тебя, говорит, не получится. Я карты чувствую. Они, говорит, для меня живые... Вот в чем тут дело, а?

– Для меня они тоже живые, – сказал Мессинг.

– Как живые? – спросил Артем Виноградов. – Не понимаю... как это – живые?

– Я тоже не понимаю... – с улыбкой развел руками Мессинг.

– О чем вы говорите, Господи! – всплеснув руками, простонала Раиса Андреевна. – Война идет, вы это понимаете? Враг топчет нашу землю! Я... я просто не знаю, что делать... у меня сердце так болит – я спать не могу... – Она всхлипнула и закрыла лицо ладонями.

Все подавленно замолчали. Мессинг вновь стал смотреть в черное окно, за которым мелькали в ночи редкие огни...

И вот уже все заснули в вагоне. Не спал только Мессинг. Согнувшись, он сидел на лавке и тер пальцами виски. Потом встал, пробрался в коридор, прошел через несколько купе и остановился.

Молодая женщина с ребенком тоже не спала, сидела у окна, держа малыша, завернутого в одеяльце, на коленях. Услышав шаги, она подняла голову, посмотрела на Мессинга и чуть улыбнулась.

– Ну как он? – тихо спросил Мессинг. – Просыпался?

– Просыпался. Поел немного... даже поиграл... вот опять спит...

– Ну и чудненько.. – пробормотал Мессинг и прошел дальше, в тамбур.

– Я так вам благодарна, прямо передать не могу, – вслед ему проговорила женщина.

Мессинг прислонился горячим лбом в холодному запотевшему стеклу, закрыл глаза. Грохотали колеса, вагон качало из стороны сторону. Он стиснул зубы, словно голову охватила невыносимая боль.

...Он видел черные коробки танков, ползущие по полю, их стволы изрыгали огонь, и за танками бежали неровные цепи немецких солдат... полыхающий кострами пожаров город, и вой

бомбардировщиков... вереницы беженцев на пыльных, сожженных палящим солнцем дорогах... и вновь пикирующие бомбардировщики... и трупы беженцев на дороге и на обочинах... узлы и чемоданы, детские коляски, велосипеды, тачки... и трупы... трупы... И поезда... много поездов, мчащихся по железным дорогам на восток...

И вдруг из клубящейся тьмы выплыли очертания кабинета Сталина и сам Сталин, перед столом, на котором разложена огромная карта европейской части Советского Союза, испещренная красными и черными стрелами. И черные стрелы на ней своими хищными остриями почти достигли Москвы и Ленинграда, устремились к Киеву и на юг, к Кавказу. Напротив Сталина у стола стояли генералы – Жуков и другие. Жуков что-то говорил, показывая рукой по карте. Сталин мрачно дымил трубкой...

И вновь он видел... изображение окутывалось мгlistой тьмой, кроваво-коричневой, и из этой тьмы выплыло лицо улыбающегося фюрера. Чуть наклонившись вперед, он стоял, опираясь руками о край стола, на котором тоже была расстелена огромная карта, изрезанная черными и синими стрелами, надписями и специальными значками. Гитлер слушал объяснения своих генералов, кивал, улыбался и тоже показывал рукой по карте. Он что-то сказал, и генералы засмеялись...

Новосибирск, осень 1942 года

В вестибюле театра, недалеко от входа, у небольшой двери с надписью “Администратор”, толпились люди. Вахтерша, пожилая седовласая женщина, загораживала вход в театр:

– Ну куда, куда вы идете? Тут, гляньте, сколько народу. Пусть они выйдут сначала, тогда и зайдете. На улице ждите.

Мессинг сидел за столом в комнатке администратора и читал письмо, написанное на листке, вырванном из ученической тетради. Перед ним на стуле замерла женщина средних лет со скорбным лицом. Сложив на коленях большие, натруженные, с набухшими венами руки, она смотрела на Вольфа Григорьевича с напряженным ожиданием. Волосы ее были спрятаны под плотно повязанным темным платком.

– Это последнее письмо от него?

– Да... больше ничего... вот уже пятый месяц... – тихо проговорила женщина.

– Живой он...

– Живой? – Лицо женщины просияло и сделалось очень красивым. – Слава тебе, Господи... – Она торопливо перекрестилась. – А что ж не пишет-то?

– Не может он вам пока написать, – нахмурился Мессинг.

– Раненый, что ли? Небось в госпитале? Так ведь там попросить кого-нибудь можно, медсестричку или соседа...

– Он напишет... вы ждите... он живой...

...Потом перед столом сидела пожилая женщина, почти старуха. Из-под платка на голове выбилась прядь седых волос. Мессинг рассматривал фотографии. На двух изображены молодые парни, веселые и улыбающиеся, на третьей – мужчина примерно одних лет с женщиной.

– Живы они, Прасковья Семеновна... – наконец произнес Мессинг. – Точно живы...

– Все живы? – подалась вперед женщина.

– Все живы... воюют... это точно. – И Мессинг протянул женщине фотографии.

– Что ж не пишут-то? Ну дети – ладно, молодые, ветер в голове, а Матвей-то что, черт старый?! Вот вернутся, я им покажу, я им ухватом по спидам-то пройду!

Мессинг посмотрел на нее и улыбнулся...

...Потом настала очередь мужчины лет тридцати в офицерском кителе, с пустым левым рукавом, заправленным под ремень на поясе.

– Этот человек кем вам доводится? – спросил Мессинг, вертя в пальцах фотографию.

– Друг. Воевали вместе. От смерти меня спас, – коротко ответил мужчина. – Когда меня в госпиталь из медсанбата отправляли, мы с ним фотками обменялись с адресами. Написал – не отвечает. И от него ничего нету. Уже четвертый месяц.

– Его, к сожалению, уже нет в живых, – сказал Мессинг.

– Точно нету? – вздрогнул мужчина.

– Ну не знаю, насколько я могу быть точным... я думаю, его нет в живых, – повторил Мессинг.

– Помер, значит, в медсанбате... или в госпитале помер... – огорченно пробормотал мужчина. – Э-эх, как жалко... такой замечательный мужик был... Ладно, спасибо, товарищ Мессинг. – Мужчина поднялся, забрал фотографию и направился к двери.

...И опять перед ним женщина в стареньком, изношенном пальто. Рядом с ней мальчик лет десяти, в большой, не по размеру телогрейке и солдатских ботинках с побитыми носами.

– И сколько от него нет вестей? – спросил Мессинг, рассматривая свадебную фотографию. На ней смеющиеся парень и девушка – та самая женщина, которая сидит сейчас перед столом.

– В сентябре сорок первого ушел. Два письма всего получила... С тех пор – ничего. Уже полгода ничего... А месяца два назад извещение пришло – пропал без вести, среди живых и раненых в списках воинской части не значится... – Женщина высморкалась в платок, посмотрела на Мессинга измученными глазами.

– Жив он, – сказал Мессинг. – Но не могу сказать где... мне кажется, вполне может быть в плену...

– В плену? – задыхнулась от страха женщина.

– В плену... а может, в партизанах... Но радуйтесь тому, что живой...

В вестибюле театра появился администратор Осип Ефремович в сопровождении молодой женщины, стройной, высокой, черноволосой и черноглазой. Ее изящную фигуру обтягивало темно-синее шелковое платье.

– Ну-ка, товарищи, быстренько освободим помещение театра! Быстренько! Быстренько! – Расставив короткие толстые ручки в стороны, Осип Ефремович стал выпроваживать к выходу посетителей, толпившихся перед дверью.

– Мы к товарищу Мессингу... – запротестовали люди.

– Я уже полтора часа жду!

– А я, гражданочка, третий день прихожу и все не могу попасть!

– Послушайте, товарищ, вы же за мной стояли? Почему вы вперед лезете?

– Отвали, хмырь болотный! Сейчас моя очередь!

– Товарищи! Щас милицию вызову! – уже пронзительно завопил Осип Ефремович. Он двинулся на посетителей, толкнул какую-то пожилую женщину, старика, и люди стали пятиться от двери администратора к выходу. – Совесть поимейте! Каждый день! Каждый день! Товарищ Мессинг едва живой ходит! Вы из него всю кровь выпили!

– Но он же обещал, что всех примет! – слабо возражали просители.

– Я с работы отпросилась и опять не попала! Что же делать-то?!

– Завтра приходите! Завтра! – не слушая возражений, кричал Осип Ефремович.

Наконец он вытолкал всех за дверь, с трудом задвинул тяжелый металлический засов и вздохнул с облегчением:

– Вот каждый день так, Аида Михайловна, верите?

– Верю... – улыбнулась женщина.

Дверь в комнату администратора открылась, и выглянул Мессинг:

– Что, больше никого? Странно...

– Да вы никак огорчились, Вольф Григорьевич! – хлопнул себя по бокам Осип Ефремович. – Недоступный вы моему разуму человек, как говорил Петька Чапаеву! Наполеон! Ну прямо – Наполеон!

Аида Михайловна посмотрела на растерянного Мессинга и широко улыбнулась. И тут Мессинг тоже увидел ее и уже не смог отвести взгляд.

– Что, Вольф Григорьевич? Нравится дамочка? Для вас привел! Специально для вас! Знакомьтесь! – Осип Ефремович грозно сдвинул брови. – Знакомьтесь, я вам говорю!

Старушки, гардеробщицы и вахтерша, наблюдавшие за ними, заулыбались, захихикали.

Мессинг медленно подошел к Аиде Михайловне, чуть поклонился:

– Мессинг...

– Аида Михайловна Раппопорт. – Она протянула руку, и Мессинг с готовностью схватил ее, долго тряс:

– Вольф Григорьевич... А вы... вы кто, простите? Вы работаете в театре? Нет, вы работаете в управлении культуры облисполкома? Я ошибаюсь?

– Вольф, ты меня удивляешь! – тут же влез Осип Ефремович. – Я думал, тебе взгляда достаточно, чтобы все знать об этой прекрасной даме. Я столько ей наговорил о тебе, столько...

– Не надо, Осип Ефремович, я сама как-нибудь... – с той же мягкой улыбкой перебила Аида Михайловна. – Я действительно работаю в управлении культуры облисполкома. Я бывала на многих ваших концертах, Вольф Григорьевич...

– Благодарю вас, Аида Михайловна, вы правы, мне очень нужен помощник, но не только на сцене, но и в выборе...

– Я этого еще вам не говорила... – опять улыбнулась женщина.

– Разве не говорили? А мне слышалось...

– Вот именно, вы успели прочесть мои мысли раньше, чем я их высказала вслух. С вами опасно женщине... особенно незамужней...

– А вы не замужем? – тупо спросил Мессинг.

Осип Ефремович хихикнул и сказал:

– Надеюсь, вы понравились друг другу. С остальными вопросами прошу в мой кабинет. – Он широким жестом указал на дверь с табличкой “Администратор” и вошел первым, оставив дверь открытой.

Они вышли из театра и медленно пошли по улице. Стояла холодная и ясная осень. Ледяной ветер, казалось, насквозь продувал Аиду Михайловну в ее стареньком тонком пальто, небольшая шляпка едва держалась на пышной прическе. Женщина то и дело дотрагивалась до нее рукой, словно проверяла, не сдуло ли ее с головы.

– Мне кажется, перед каждым вашим выходом нужно вступительное слово, которое объясняло бы суть ваших действий... суть вашего таланта... и какие проблемы стоят перед современной наукой в связи с телепатией и гипнозом...

– Ну что ж, – быстро взглянул на нее Мессинг, – мое следующее выступление через два дня. Сумеете вы написать такое предварительное слово?

– Я напишу... правда, не уверена, что с первого раза все получится...

– Получится, получится, – заверил ее Мессинг и переменял тему разговора: – Вы всегда жили в Новосибирске?

– Нет, мы приехали сюда в тридцать седьмом году. Отца сослали... ну и мы за ним приехали.

– Отец и мать умерли?

– Да, отец в позапрошлом, а мать в прошлом году... И живу я теперь одна... – Аида Михайловна улыбнулась. – Но не скучаю. Много работы... у меня есть хорошие друзья, хотя я больше люблю одиночество...

– Любите читать и слушать музыку, – добавил Мессинг. – Музыку классическую... Любите Рахманинова, Чайковского... Грига... я не

ошибся? – Он заглянул ей в глаза.

– Да, люблю больше всего именно тех, кого вы назвали... Я же говорю, с вами опасно... вы уже все знаете, и женщина становится беззащитной перед вами... А вам правда нужен помощник?

– Да, конечно. Я не раз говорил об этом Осипу Ефремовичу. За границей у меня долгие годы было даже два помощника. Прекрасные, замечательные люди... но они погибли... их убили фашисты на моих глазах. После чего мне удалось убежать в Советский Союз. И здесь у меня помощника нет... хотя, конечно, можно и без помощника...

– Скажите, вы принимаете посетителей, говорите им о судьбе их близких и родственников и – вы сильно устаете от этих приемов?

– Конечно, устаю... это требует большого напряжения. Потом сильно болит голова, наступает упадок сил... Но ничего, справляюсь. Какой бы ни была моя жизнь, я доволен... и благодарен судьбе...

– Вы верующий человек?

– Нет, в Бога я не верю... Правда, следует сначала понять, что такое есть Бог?

– Вы знаете это? – она пытливо посмотрела на него.

– Нет. Могу только думать об этом... могу предполагать... А вы верите?

– Я – член партии, мне не положено верить в Бога, – улыбнулась Аида Михайловна. – Мне положено считать, что все это предрассудки... Как сказал Ленин: “Религия – опиум для народа”.

– Опиум? – переспросил Мессинг. – А вы знаете, что при правильном употреблении опиум излечивает от очень многих тяжелейших болезней.

– При члене партии говорить такое небезопасно, – засмеялась Аида Михайловна.

– Ну какой вы член партии... так, для проформы. Я хоть и недавно в Советском Союзе, но уже многое понял. – Он хитро посмотрел на нее. – Прежде чем пытаться понять, что есть Бог, не мешало бы узнать, что есть человек. Мы ведь об этом так мало знаем и столько глупостей разных нагородили...

– Может, это и хорошо... – вздохнула Аида Михайловна.

– А вы не хотите пригласить меня к себе? – он вновь лукаво поглядел на нее. – Признайтесь, вы об этом только что подумали?

– Вы действительно чудовище... – покачала головой Аида Михайловна.

– Могу только добавить – влюбленное чудовище... – подсказал Мессинг.

Они проходили мимо ресторана, когда тяжелые дубовые двери с золочеными ручками распахнулись и на улицу вывалился человек в расстегнутом пальто и шляпе, сдвинутой на затылок. Это был Дормидонт Павлович, сильно пьяный и громко поющий:

На земле весь род людско-о-ой,
Чтит кумир один бесценный,
Он царит над всей вселенной,
Тот кумир телец золотой!

Простуженный бас Дормидонта гремел на всю улицу.

– Это, кажется, ваш? – тихо спросила Аида Михайловна.

– Наш, наш,.. – пробормотал Мессинг, быстро оглянулся по сторонам и бросился к Дормидонту Павловичу. – Дормидонт, Дормидонт, ты с ума сошел!

– Прочь от меня, еврейская морда! Зашибу-у! – возопил Дормидонт Павлович, царственным жестом отстраняя от себя Мессинга, и вновь завел на всю улицу так, что прохожие шарахались в стороны:

Много песен слышал я в родной стороне,
В них про радость, про горе мне пели,
Но из песен одна в память врезалась мне —
Это песня рабочей артели.
Э-эй, дубинушка-а-а, ухнем!
Э-эх, зеленая, сама пойдет!

– Прекрати немедленно! – взвизгнул фальцетом Вольф Григорьевич, и Дормидонт осекся, уставился на Мессинга, сопя и тяжело дыша.

– Тебе чё от меня надо, дьявол?

– Если ты сейчас не прекратишь орать...

– Я не ору, я пою!

– Если ты сейчас же не прекратишь петь, тебя заберут в милицию и будет страшный скандал, понимаешь? Это я тебе как Вольф Мессинг говорю, а Вольф Мессинг не ошибается, мой дорогой Дормидонт, ты это прекрасно знаешь!

– Знаю-у-у... – промычал Дормидонт. – Из всех евреев ты – самый страшны-и-ий!

Аида Михайловна тихо рассмеялась, наблюдая за ними. Дормидонт вдруг облапил Мессинга, навалился на него всем грузным телом и загудел:

– Вольфушка-а, я выпить хочу-у-у... а денег – черт-ма!

– Аида Михайловна, у вас есть дома выпить? – спросил, обернувшись, Мессинг.

– Найду что-нибудь... Только держите его, Вольф Григорьевич, а то он сейчас упадет.

Квартирка у Аиды Михайловны оказалась маленькой и опрятной. Но опрятность эта была нарушена грузной фигурой Дормидонта, развалившегося на небольшом диване и храпевшего во всю глотку.

Аида Михайловна и Мессинг сидели за разоренным столом. На одной тарелке лежали объедки и скомканная салфетка, рядом стояла пепельница, полная окурков от папирос, и пустая бутылка водки. А тарелки перед Аидой Михайловной и Мессингом сияли чистотой, рядышком лежали чистые ножи и вилки и стояла непочатая бутылка красного вина “Портвейн 777”.

– Наливайте, Аида, хоть по рюмке выпьем, – прошептал Мессинг. – А то он, не дай Бог, проснется...

Аида Михайловна тихо рассмеялась и взяла бутылку. Наполнила рюмки и спросила шепотом:

– Вы портвейн любите?

– Я вообще не пью... но портвейн пробовал... настоящий портвейн.

– Где же это? В Кремле? – насмешливо спросила Аида Михайловна.

– Нет, в Португалии...

– Тогда вас ждет большое разочарование, – усмехнулась Аида Михайловна. – Это совсем не тот портвейн, который вы пробовали в Португалии...

– Я очень рад, что познакомился с вами, Аида. – Мессинг поднял рюмку. – Знаете, какое у меня сейчас чувство?

– Знаю...

– Знаете? Вы что, тоже телепат?

– Ай, бросьте вы свои штучки, Вольф! – Аида Михайловна чокнулась с ним и, выпив портвейн, сказала: – Какая женщина не знает о чувствах мужчины, когда он пришел к ней в дом, да еще выпивает с ней... Неужели для этого нужно быть телепатом?

Она улыбалась, насмешливо глядя на него, и покачала головой:

– Ах, Вольф, Вольф... какой вы неопытный мужчина...

Мессинг медленно поднялся, обошел стол и наклонился над сидящей Аидой Михайловной, обнимая ее за плечи и наклоняясь все ниже и ниже. И вот губы их слились в поцелуе...

– Радио включите, люди! – вдруг громыхнул сонный голос Дормидонта.

Аида Михайловна и Мессинг вздрогнули и отпрянули друг от друга, как школьники.

– Тьфу, чтоб тебя! – выругался Мессинг.

– Включите радио. Сводку Совинформбюро будут передавать, – прогудел снова Дормидонт и, открыв глаза, с бессмысленным выражением огляделся. – А где это я?

Аида Михайловна подошла к черной круглой тарелке радио, висевшей на стене у окна, повернула тумблер, и в комнате зазвучал глубокий голос Левитана: “Передаем сводку Совинформбюро...”

Дормидонт заворочался на диване, тяжело поднялся, сунул ноги в башмаки, медленно встал, снял со стула куртку и пошел к двери:

– Ладно, братцы, поспал, пора и честь знать. Спасибо, что приютили несчастного забулдыгу. До скорой встречи...

Стояла ясная лунная ночь, и комнате было почти светло. Они лежали на кровати обнаженные, прикрывшись одним тонким одеялом. Голова Аиды Михайловны покоилась на руке Мессинга. Он привстал, опершись на локоть, посмотрел ей в глаза, улыбнулся:

– Почему глаза такие печальные?

Аида долго и молча смотрела на него.

– Что молчишь, красавица? Молви слово...

– Я тебя люблю. Я когда тебя увидела, сердце так и ёкнуло – это мой... это мой мужчина... – Она слабо улыбнулась.

– Странно, но я подумал то же самое, – тоже улыбнулся Мессинг. – Это называется любовь с первого взгляда?

– Мы слишком старые, чтобы влюбляться с первого взгляда?

– Я тебя не понимаю... – Он поцеловал ее в нос, глаза. – Я тебя не понимаю...

– И очень хорошо. Должен же ты хоть что-нибудь не понимать?

– Ты мне родишь сначала девочку... потом мальчика, потом еще одну девочку... а потом...

– Может, остановимся на одном мальчике и двух девочках? – вновь улыбнулась Аида.

– Ладно, там видно будет... – Мессинг стал целовать ее в губы, обнимая все крепче...

Э-эх, дубинушка, ухне-е-ем!

Э-эх, зеленая, сама пойдет, сама пойдет!

Подернем, подернем, да ухне-ем!

– выдохнул Дормидонт Павлович, стоя на сцене, и, вытянув руки перед собой, крикнул:

– А ну вместе, товарищи-и!

И зал дружно подхватил:

Э-эх, дубинушка, ухне-е-ем!

Э-э-эх, зеленая сама пойдет, сама пойдет!

Подернем, подернем, да ухне-е-ем!

С последним словом Дормидонт резко поклонился, выбросив руку до пола. Зал взорвался дружными аплодисментами. Улыбающиеся лица зрителей, обращенные к сцене, выражали восторг и восхищение. Публика в зале, в простых шинелях и потертых пальто, в матросских куртках и телогрейках, наслаждалась нечасто выпадающей минутой отдыха и, конечно же, прекрасными русскими песнями и могучим басом Дормидонта Павловича. Лицо Дормидонта тоже освещала широкая улыбка. Он был счастлив. Поднял руку, призывая к тишине. Зал медленно затихал, еще слышны были отдельные запоздалые хлопки. Дормидонт Павлович проговорил, устыдившись:

– Спасибо, дорогие товарищи. Мне прямо неловко как-то... как Шаляпину хлопаете...

В зале засмеялись, и вновь раздались аплодисменты.

– Разрешите объявить следующий номер! Всемирно известный телепат Вольф Мессинг. Психологические опыты! И его помощница – Аида Раппопорт! Готовьте ваши вопросы, товарищи!

На сцену с разных сторон кулис вышли Мессинг и Аида Михайловна. Зал вновь разразился дружными аплодисментами.

– Я понимаю, он человек важный, занятой... Мил человек, ты только фоточки ему покажи да спроси... – журчала пожилая женщина, сухонькая, сторбленная, скорее похожая на старуху. Усугубляло это впечатление и пальто с облезлым заячьим воротником, и старая шаль, закрывавшая голову, оставляя открытым только изрезанное морщинами лицо.

– Ох, бабуля... – вздохнул Осип Ефремович. – Я же говорю вам...

– Какая я тебе бабуля, милый, – улыбнулась женщина. – Мне покудова сорок семь только. Жизнь, правда, не сладкая досталась, видно, и верно старухой выгляжу...

– Нда-а... – опять вздохнул Осип Ефремович, тасуя фотографии, как карты. Потом разложил их на столе – шесть снимков. На пяти изображены молодые веселые ребята, на шестой – мужчина средних лет.

– Попроси, мил человек, уж как тебя и просить-то не знаю. Деньжонок у меня нету, но я тут собрала, что могла... яиц десяток, сальца кусочек. – Женщина взяла со стула белый тугой узелок, хотела положить на стол перед Осипом Ефремовичем, но тот отстранил ее решительным жестом.

– Вы с ума сошли, гражданка? Вольф Григорьевич помогает людям бесплатно, сколько раз говорить можно? – Осип Ефремович вновь посмотрел на фотографии. – Значит, пятеро сыновей и муж?

– Именно так, мил человек, пятеро... Иван, Петр, Гришка, Витюша и Игоречек, самый младшенький... и муж Николай Григорьич...

– Ты же сказала, что младшенькому, ну Игоречку – только шестнадцать исполнилось – как же он-то в армию попал? – недоверчиво спросил Осип Ефремович.

– Так сам убег! – горестно качнула головой женщина. – Как братья ушли, так на другой день и он убег... Разве за ими углядишь?

– А надо было глядеть, мамаша! – Осип Ефремович смешал фотографии. – Ладно, сделаю для тебя исключение... попрошу... Приходи завтра, мамаша... Все путем будет, – улыбнулся Осип Ефремович. – Да я тебе сейчас могу сказать – живы твои орлы, ей-богу, живы! И муж живехонек!

– А ты что, тоже в этом деле понимаешь? – встрепенулась женщина.

– С кем поведешься, от того и наберешься! – засмеялся Осип Ефремович. – Я с ним столько мучаюсь, что тоже сквозь время видеть научился...

– Ой, батюшки-светы, неужто правда? – заулыбалась женщина.

– Да пошутил я, мамаша, пошутил... – помрачнел Осип Ефремович. – Но твои живы, вот я сердцем чую, что живы.

– Да тьфу на тебя, шутник чертов! – Женщина сгребла со стола фотографии и пошла к двери, обернулась: – Стыда у тебя нету, э-эх, проходимец, прости Господи... – и с силой хлопнула дверью...

* * *

– Вот гражданка спрашивала, можно ли ей мысленно дать задание товарищу Мессингу? – громко проговорила со сцены Аида Михайловна. – Прошу вас, гражданочка, пройдите на сцену! Смелее! Смелее!

В середине зала встала стройная молодая женщина в гимнастерке и начала медленно пробираться к проходу. Вместо левой руки у нее был пустой рукав, заправленный под ремень. И люди поспешно вставали с кресел, освобождая ей дорогу, по-особенному, с состраданием и уважением смотрели на нее.

Женщина вышла к проходу и твердым военным шагом направилась к сцене.

Мессинг и Аида Михайловна переглянулись. Женщина в гимнастерке подошла к ступенькам, быстро поднялась на сцену. Аида Михайловна взяла ее за правую руку, улыбнулась и подвела к Мессингу.

– Вы недавно с фронта? – спросил Мессинг.

– Два месяца как из госпиталя, – ответила зрительница.

– И вас зовут Таней? – спросил полуутвердительно Мессинг.

– Да... Таней... – растерялась женщина, и на ее жестком исхудалом лице появилась улыбка. – А откуда вы... ох, простите, что я спрашиваю? Вы же – Мессинг...

– Вот ты где, мил человек! – вдруг раздался громкий, на весь зал голос. – А я тебя ждала, ждала... который день прихожу, и все никак не могу тебя увидеть, а мне ох как надо, ох как надо! Я ить в город из деревни приехала... и у сродственницы живу, уже надоела ей хуже горькой редьки.

По проходу к сцене шла та самая пожилая женщина, которая была у Осипа Ефремовича с фотографиями мужа и сыновей.

– Проходите к нам сюда, гражданка, – сказала Аида Михайловна.

– Прасковьей меня зовут! – отозвалась пожилая женщина. – Прасковьей Андреевной...

Она дошла до сцены, поднялась по ступенькам. Аида Михайловна протянула ей руку.

– Очень приятно, Прасковья Андреевна. Проходите сюда...

Мессинг уже шел ей навстречу, протянул руку, здороваясь. Зал вздрогнул от аплодисментов и тут же смолк. Женщина без руки с улыбкой смотрела на Прасковью Андреевну.

– Вы, конечно, принесли фотографии родных, которые на фронте? – спросил Мессинг.

– Конечно, мил человек... – громко ответила Прасковья Андреевна. – Как зовут тебя, опять запомновала... имя больно не русское...

– Мессинг Вольф Григорьевич, – сказал Мессинг,

– Я и говорю – никак не запомню...

– Где фотографии? – улыбнулся Мессинг.

– Да вот... – Она достала из кармана пальто фотографии и протянула Мессингу.

Он стал быстро рассматривать одну за другой. Глаза его расширились, почернели. Он протянул фотографии Аиде Михайловне.

– Глянь, Григорьич... уже полгода ни от одного никаких вестей... и похоронок нету... Живы ай нет, не ведаю... душа изболелась...

– Это все ваши дети? – спросила Аида Михайловна,

– Да, милая, дети... и муж...

– Товарищи! – громко проговорила Аида Михайловна, подняв фотографии над головой. – У Прасковьи Андреевны на фронте воюют муж и пятеро сыновей!

– Воюют, милая, воюют... что ж теперь делать-то? Воевать надо...

И вдруг весь зал стал медленно подниматься... и раздались первые хлопки... все чаще и гуще... и постепенно они переросли в грохочущие аплодисменты.

Пожилая женщина, с темным морщинистым лицом, с прядью седых волос, выбившейся из-под платка, растерянно посмотрела в зал, медленно поклонилась, и на глазах у нее выступили слезы. Она повернулась к Мессингу и дрожащим голосом спросила:

– Так ты скажи, Григорьич... живы мои ай нет?

Аплодисменты смолкли, но все зрители продолжали стоять.

– Живы они ай нет? – громче спросила Прасковья Андреевна.

Мессинг вновь взял у Аиды Михайловны фотографии, медленно посмотрел на одну... вторую... третью... четвертую... Щека у Мессинга нервно дернулась, фотографии дрожали в пальцах.

Весь зал стоял и напряженно ждал.

– Они живы... – хрипло проговорил Мессинг и посмотрел на Аиду Михайловну, повторил, переведя взгляд на Прасковью Андреевну. – Они все живы, Прасковья Андреевна...

– Живы?! – радостно воскликнула пожилая женщина. – Ох, батюшки-светы, радость-то какая! Все живы?!

– Все живы... – твердо повторил Мессинг. В глазах у него стояли слезы.

Зал снова бешено зааплодировал, а однорукая женщина в гимнастерке подошла к Мессингу, обняла его за плечо и поцеловала в щеку. И зал загрохотал еще яростнее...

– Мертвые они все, Аида! – с болью и слезами говорил, почти кричал Мессинг, сидя за столом у нее в комнате. – Не мог я сказать ей правду, не мо-о-ог!

– Но ты не мог поступить иначе, Вольф, – тихо ответила Аида Михайловна.

– В первый раз в жизни я солгал, Аида!

– Послушай, Вольф, с чего ты взял, что всегда надо говорить правду? Такой женщине? Ты убил бы ее сразу, на месте убил бы!

– Но она все равно узнает правду.

– Узнает, конечно... но не от тебя... Странно только, что она до сих пор не получила известий. Погибли смертью храбрых или пропали без вести...

– Представляешь, что будет с этой женщиной, когда она узнает правду? И какие проклятия она будет посылать на мою голову? Я все чаще и чаще думаю, Аида, что это мне подарила судьба? Дар Божий или проклятье дьявольское? – Мессинг несчастными глазами смотрел на нее. – Ты не представляешь, как мне порой бывает тяжело... жить не хочется...

Она молча подошла к нему, обняла, прижав голову к груди, поцеловала в волосы, стала медленно гладить по плечам, голове, касалась кончиками пальцев глаз, щек, губ...

Мессинг застыл, закрыв глаза... и вдруг увидел себя в далеком детстве...

...Он стоит на подоконнике перед раскрытым окном, в черном пустом небе замерла зеленоватая круглая луна, и на ней ясно видно очертание человеческого лица с темными провалами глаз. И глаза эти внимательно смотрят на маленького Волика, и он смотрит на луну, смотрит в эти большие задумчивые глаза, которые так далеко от него и в то же время так близко, что протяни руки – и можно дотронуться до них... И маленький Волик тянет руки к луне... И вдруг сзади неслышно возникает мама Сара и осторожно берет Волика на руки, прижимает к большой пухлой груди, гладит по голове, по лицу, шепчет:

– Не пугайся, родненький мой... не надо смотреть в бездну, Волик, красивый ты мой, а то бездна сама откроет глаза и будет смотреть на тебя... а это очень страшно, Волик, картинка ты моя писаная, умненький мой, драгоценный мой... – тихо говорит мама Сара, укладывая маленького Волика в постель.

Потом оглядывается и смотрит в раскрытое окно. Луна, кажется, опустилась низко, подкралась к самому окну и теперь заглядывает в комнату, отыскивая глазами мальчика.

– Пшла прочь... проклятая! – машет на нее рукой мама Сара. – Пшла прочь!

И бледно-зеленый лик луны вдруг потемнел, и черные провалы глаз сделались испуганными, и она стала медленно удаляться...

– Спаси и сохрани, Божья мать Ченстоховская... спаси и сохрани! – бормочет мама Сара, кутая Волика в тонкое одеяло...

И вдруг видение исчезло, и тишину нарушил громкий голос Левитана:

– Передаем сводку Совинформбюро. Сегодня, восемнадцатого ноября тысяча девятьсот сорок второго года в районе Сталинграда продолжались упорные ожесточенные бои. Несмотря на огромные потери, которые несет противник, ему не удалось сколько-нибудь существенно продвинуться к Волге...

Новосибирск, декабрь 1942 года

Старый обшарпанный автобус медленно катил, переваливаясь на ухабах, по снежной дороге. Натужно завывал мотор.

В автобусе ехала концертная бригада. Мессинг и Аида Михайловна устроились на заднем сиденье. Аида смотрела в небольшую проделанную в оконной наледи дырочку, то и дело протирая ее пальцами, хотя глядеть было решительно не на что – заснеженный лес тянулся сплошной стеной. Мессинг, закрыв глаза, то ли думал о чем-то, то ли просто спал. Дормидонт Павлович похрапывал где-то впереди. Осип Ефремович пытался вести какие-то подсчеты на бумажке, но это плохо получалось – автобус изрядно раскачивало. Артем Виноградов, Артур Перешьян, Раиса Андреевна и другие члены концертной бригады сидели, плотно прижавшись друг к другу. Почти все сильно устали и клевали носами или подремывали, раскачивались на сиденьях.

– А вот интересно, нас перед концертом покормят или после? – зевнув, спросил очнувшийся на очередном ухабе Дормидонт Павлович.

– Сперва работа, а потом еда, – отозвался Осип Ефремович.

– Нет, уважаемый Осип Ефремович, по моему глубокому марксистскому убеждению, сперва – еда, а потом работа, – басом возразил Дормидонт.

– Фигу тебе с маслом и с твоими убеждениями, – пробурчал Осип Ефремович. – Сперва – концерт, потом – еда.

– Самогоночки дадут, как думаете? – не отставал певец.

– Дадут во что кладут, догонят и еще добавят, – вновь пробурчал администратор.

– Ты не замерз? – тихо спросила Аида Михайловна Мессинга.

– Все хорошо, Аидочка, я совсем не замерз.

– Ты две пары носков надел или одну?

– Так я же в валенках, зачем две?

– О горе мое, – вздохнула Аида Михайловна и, открыв сумку, покопалась в ней, достала пару толстых носков. – Ну-ка, снимай валенки и надевай.

– Аидочка, клянусь тебе, ногам тепло.

– Не спорь со мной, Вольф, ты же знаешь, что это бессмысленно. Снимай валенки. – Она встала на колени в проходе между сиденьями, сама стащила валенки с ног Мессинга, проворно натянула толстые вязаные носки, потом надела валенки и вернулась на сиденье. Шумно вздохнула. Все пассажиры молча, с улыбками наблюдали за этой процедурой.

– Ты меня позоришь перед коллегами, – прошипел Мессинг.

В ответ на это Аида Михайловна только улыбнулась и лукаво покосилась на Мессинга.

...Автобус вкатил на главную улицу большого районного центра. В окнах одно- и двухэтажных бревенчатых домов тепло светились желтые огни. Автобус подкатил к дому культуры – тоже бревенчатому, только трехэтажному зданию с деревянными колоннами из вековых кедров по фронтому. Здесь окна были освещены лишь на первом этаже.

Бригада стала выгружаться из машины, артисты разминали затекшие ноги, притоптывали на твердом снегу.

– Однако, доложу вам, морозец без шуток!

– Братцы, а сдается мне – нас тут не ждут!

– Как это не ждут? Что вы мелете? Через полчаса концерт!

– А где публика? Где зрители? Не видать никого!

И в это время из дома культуры выкатился невысокий лысый человек в лисьей шубе. Мохнатую шапку он держал в руке. Издали, спускаясь по ступенькам, он закричал:

– Ка-ак?! Вы приехали?!

– Приехали! – хором ответили артисты.

– Да я же звонил! Отменяется концерт! Я еще вчера вашему начальству звонил! Аврал у нас! Всех на лесозаготовку бросили! И мужчин, и женщин! Да мужчины-то какие? Старики да инвалиды! Пацаны-подростки! Весь совхоз топорами машет!

– Да темно уже – куда в темноте-то махать? – спросил басом Дормидонт Павлович.

– Дак костры запалили по всем делянкам! А что сделаешь? Надо! Два эшелона пустые стоят на сортировочной – дрова ждут! – Мужик подбежал к артистам и встал в растерянности, дыша паром. Потом натянул шапку на лысую голову и спросил: – Голодные небось? Пойдемте, покормлю вас... у меня все приготовлено.

– Я ж говорил, сперва еда! – захохотал Дормидонт Павлович. – Ай как славно-о!

– Когда вы звонили? – свирепо спросил мужичка Осип Ефремович.

– Вчерась... Утром звонил и вечером. Предупреждал.

– Мне вы не звонили! Я с вами не разговаривал! – решительно заявил администратор.

– У нас тут военные понаехали. НКВД! Директора за грудки давай трясти! Давай, говорят, дрова, а то ты у нас десять лет в лагере махать топором будешь! Ну и стали сгонять всех – мобилизация! Трудовой фронт! – лысый вздохнул, оглядел артистов. – Ну чего, будете ужинать-то? Все приготовлено...

– Дай я тебя расцелую... – Дормидонт Павлович обнял его, похлопал по спине, расцеловал в обе щеки. – Пстой, а ты кто? Директор совхоза?

– Не, я директор клуба. Директор совхоза в лесу, с народом! И все НКВД там...

– Тоже работают? – спросил Артем Виноградов.

– Присматривают... – дипломатично ответил директор клуба. – Ну пошли, что ли, товарищи?

И все затопали к дверям клуба, весело переговариваясь.

– Нас не ждали, а ужин приготовили? – ехидно спросил Осип Ефремович.

– Да сердце чуяло, что приедете, – оправдывался директор клуба. – Говорил с какой-то секретаршей, а поди знай, передала или не передала? Ну вы-то, думаю, не против ужина?

– Не против! Мы не против! – отозвались сразу несколько голосов. – Очень даже не против!

Застолье было в самом разгаре. Все хором пели, а Осип Ефремович дирижировал руками, стоя у стола, и орал громче всех :

Кипучая! Могучая!
Никем не победимая!
Москва моя! Страна моя!
Ты самая любимая!

И все разом стали хлопать, загалдели, перебивая друг друга:
– Ах как замечательно, друзья мои! Душа поет! – пропела Раиса Андреевна. – Хочется жить и работать!
– Работайте, Раиса Андреевна, работайте! Кто вам запрещает?!
– Дормидонт, огурчик подай! И хлебца! Выпьем, братцы, выпьем тут, на том свете не дадут!
– Правильно товарищ Сталин сказал: “Будет и на нашей улице праздник!” Будет обязательно!
– А ну дайте мне! – рыкнул Дормидонт Павлович, поднимаясь из-за стола. – Дайте спеть – душа горит! Артем, подыграй!
– Дормидонт, давай! Рвани от души!
– Опять он свою “дубину” затащит, надоел, ей-богу!
– Пусть споет, жалко тебе, что ли?
Артем Виноградов взял аккордеон, растянул меха, пробежал пальцами по клавишам, и за столом все стихли.

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас грозно гнетут,
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут...

– мощно пел Дормидонт Павлович, и дальше подхватил весь стол:

Но мы поднимем гордо и смело,
Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов,
За лучший мир, за святую свободу!

– А ты чего не поешь? – шепотом на ухо спросила Мессинга Аида Михайловна и улыбнулась.

– А я слов не знаю... – так же шепотом ответил Мессинг.

За окном послышался шум мотора, потом донеслось ржание лошадей, разные голоса, но сидевшие за столом не обратили на это внимания, все продолжали с воодушевлением петь.

А Дормидонт, войдя в раж, подмигнул Виноградову, и тот, прекратив играть мелодию “Варшавянки”, вдруг перешел совсем на другую. И голос Дормидонта набрал новую силу:

Ревела буря, гром гремел,
Во мраке молнии блистали,
И беспрерывно дождь шумел,
И буря в дебрях бушевала-а-а...

И вдруг за тонкой дощатой стеной раздался топот. Кто-то шел по коридору в тяжелых сапогах, громко бухал по доскам. Дверь распахнулась, и на пороге возник высокий широкоплечий военный в расстегнутом полушубке, на котором блестели и таяли снежинки. Под полушубком виднелась гимнастерка с красными углами петлиц, и на каждой петлице три эмалевые “шпалы”.

Дормидонт Павлович осекся и, открыв рот, воззрился на подполковника НКВД.

– Гуляем, товарищи артисты? – простуженным сипловатым голосом спросил подполковник. – А народ собрался... Ждет концерт!

– Как, простите? – встрепенулся Осип Ефремович и бросился к подполковнику. – Нам сказали, что отменяется! Все на лесоповале! А мы с дороги, понимаете ли, голодные и холодные – вот предложили поужинать...

– Поужинали? – усмехнулся подполковник.

– Да, конечно, огромное спасибо хозяину...

– Тогда за работу, товарищи. Люди многие с лесоповала пешком пришли – так на концерт хотелось попасть. Едва ноги таскают, а пришли... А им на рассвете обратно на делянки, лес валить...

Артисты торопливо вставали из-за стола, гремя отодвигаемыми стульями...

Зал оказал набит битком. Все зрители в телогрейках и полушубках, другой публики здесь просто не случилось. Они стояли в

дверях и даже сидели на полу, в проходах между кресел, на исхудалых, задубевших от мороза и сибирского солнца лицах блестели искрящиеся интересом живые глаза.

Артем Виноградов, сидя на табурете посреди сцены и держа на коленях аккордеон, играл “Полет шмеля”. Он очень старался, и его пальцы так и летали по клавишам аккордеона, сверкающего перламутровыми накладками и золотыми уголками мехов.

Мелодия кончилась. Виноградов сдвинул меха аккордеона, встал и поклонился. Раздались жидкие аплодисменты.

На сцену вышел Осип Ефремович и жестом попросил Виноградова поклониться еще раз, а зрителей – усерднее поаплодировать. Вдруг мужской голос из середины зала громко спросил:

– А Мессинг здесь?

– Простите, что вы спросили, товарищ? – Осип Ефремович подошел к краю сцены.

– Спрашиваю, товарищ Мессинг здесь?

– Здесь, здесь! – закивал Осип Ефремович. – Скоро подойдет его очередь! Следующим номером нашей программы...

– Мессинга давай! А потом пушай остальные!

– Правильно! Давай Мессинга! Музыка потом послушаем! У нас важный вопрос к Мессингу имеется! – раздавались в разных местах зала голоса. – Давай Мессинга!

– Хорошо, товарищи, хорошо! Пусть будет по-вашему! – поклонился Осип Ефремович и, набрав в грудь воздуха, громогласно объявил: – Артист оригинального жанра, телепат и гипнотизер Вольф Мессинг!

И на сцену вышел Вольф Мессинг, остановился рядом с Осипом Ефремовичем, пригладил волосы. Следом за ним на сцене показалась Аида Михайловна. Она была в вечернем, черном с блестками платье и лакированных черных туфельках. Аида Михайловна прошла вперед и проговорила:

– Прошу вас, уважаемые товарищи! Приготовьте ваши вопросы к товарищу Мессингу! Подумайте над заданиями, которые должен будет выполнить Вольф Григорьевич.

– А мы уже придумали, – в зале поднялся кряжистый мужик преклонного возраста в медвежьей шубе. – Тут и думать не о чем. Все

об одном и том же думаем... Когда война кончится, товарищ Мессинг?

В зале воцарилась тишина. Сотни глаз напряженно уставились на прорицателя. И взгляды офицеров НКВД, занимавших весь передний ряд, также были прикованы к Мессингу.

Аида Михайловна с улыбкой повернулась к нему:

– Пожалуйста, Вольф Григорьевич, отвечайте зрителям.

У подполковника НКВД сделалось напряженное выражение лица и резко обозначились морщины на жестком лице.

– Не дай Бог этот еврей что-нибудь не то вякнет... – пробормотал он.

Сидевший рядом офицер услышал, наклонился и спросил шепотом:

– Может, запретить?

– Да сиди ты!..

Мессинг подошел к краю сцены и прикрыл веки... вытянул вперед руки, пальцы слегка подрагивали...

...Перед глазами космическая мгла, бесконечная, леденящая... безмолвные планеты вращаются в бесконечном пространстве космической бездны... И вот выплывает сине-зеленая, окутанная ключьями облаков Земля... Она стремительно приближается... она окутана дымом и туманом... Сквозь этот дым едва заметна бледная зеленая Луна...

Лицо Мессинга было напряжено, веки вздрагивали... пальцы вытянутых рук тоже дрожали. И зазвучал голос, чужой, неузнаваемый, словно доходящий из космической глубины... Он говорил о том, что видел... и Мессинг видел...

...Развалины Сталинграда... обгорелые почерневшие остовы домов, груды битого кирпича и щебня... колонны бредущих мимо обмороженных пленных немцев в разбитых сапогах, валенках и даже лаптях...

...Разбитое обгоревшее здание универмага. Перед входом в подвал толпятся советские офицеры, улыбаются, смеются, радуются. Многие курят. Полушубки у них расстегнуты, на гимнастерках покачиваются ордена и медали... Это победа!

...И вот подвал универмага. Большой стол, вокруг которого стоят советские офицеры. Сбились в кучку немецкие генералы. К столу подходит фельдмаршал... это фон Паулюс... садится... К нему

придвигают бумагу. На ней написано крупно, так, что можно прочесть: “АКТ о безоговорочной капитуляции!”. Паулюс берет ручку, макает перо в большую чернильницу и подписывает бумагу.

...И вдруг взгляду Мессинга открывается черная Волга с белыми заснеженными берегами... черные крутобокие волны катят к берегу... и от воды идет пар...

А зрители в зале слышали низкий, протяжный голос:

– Я вижу великую победу на Волге... вижу тысячи пленных немцев... снег и кровь, и кровь... трупы наших и немецких солдат... очень много трупов... их нельзя сосчитать... Генерал-фельдмаршал фон Паулюс подписывает акт о безоговорочной капитуляции... Это случится скоро, в феврале сорок третьего года... – продолжал звучать голос Мессинга. – Люди всего мира запомнят это сражение под названием Сталинградская битва... Но я вижу еще... я вижу весну... я вижу Берлин...

Бои за Берлин... Орудийные батареи изрыгают залп за залпом... танки на улицах города стреляют по окнам домов, наполовину разрушенных, с обгорелыми черными провалами окон... пылает здание рейхстага... Два советских солдата ползут по ребрам-стропилам обгоревшего купола... устанавливают красное знамя... И снова – толпы пленных... Гора оружия, на которую подходящие немцы бросают и бросают автоматы, винтовки, пистолеты... Колонна пленных немецких солдат под конвоем советских автоматчиков движется по дороге... Знамя победы над куполом рейхстага, дымный ветер треплет полотнище...

У стен рейхстага советские солдаты беспорядочной пальбой встречают известие о капитуляции... Пули веером бьют в стены... в колонны, оставляя выбоины... Какой-то усатый солдат в сдвинутой на затылок пилотке и лихим чубом, закрывавшем половину лба, пишет мелом на иссеченной пулями и осколками стене: “Иванов Григорий. Пришел с Волги...”

– Это будет великая победа... – произнес голос Мессинга. – И это случится в мае сорок пятого года... Да... поверьте мне – наша победа будет в мае сорок пятого года... Самая прекрасная весна в жизни нашего великого народа, который зовется советским...

Зал молчал. Все смотрели на Мессинга, внимая каждому его слову.

– В мае сорок пятого... – прошептал подполковник НКВД.
– В мае сорок пятого... – пробежал шорох по всему залу. – В мае сорок пятого...
– Ох ты, ишло два года с лишним мучаться... что ж так долго-то?
– Перекрестись, дурень, хоть в сорок пятом, а мы их одолеем...
– Да брехня все это... дурят нас, а мы слушаем...
– Кого дурят, а кого на ум наставляют. Вон отец Михаил в Троицком тоже говорил – в сорок пятом одолеем фашиста... Сам слышал...
– Говорить мы все горазды... язык без костей – мели Емеля, твоя неделя...

Мессинг открыл глаза, медленно повернулся и пошел со сцены за кулисы.

Зал продолжал напряженно молчать, не раздалось ни одного хлопка. Первым поднялся и пошел по проходу к дверям подполковник НКВД.

Москва, декабрь 1942 года

Сталин прохаживался по кабинету, время от времени дымил трубкой. Берия сидел сбоку от стола, внимательно следил за его перемещениями.

– Значит, сказал, в феврале сорок третьего?.. – задумчиво произнес Сталин.

– Да, Коба, сказал, в феврале сорок третьего закончится Сталинградская битва... – заговорил Берия.

– Чем закончится? – перебил Сталин.

– Полным разгромом гитлеровских войск и нашей победой, – ответил Берия. – Почему в феврале – непонятно?

– Потому что в феврале планируется окружение всей группировки Паулюса под Сталинградом. Неужели не знаешь, Лаврентий? – Сталин насмешливо посмотрел на него. – Что еще он говорил?

– Сказал, в мае сорок пятого мы возьмем Берлин и Германия подпишет акт о безоговорочной капитуляции. Почему в мае – непонятно! Почему сорок пятого – тоже непонятно... Не верит он в наши силы, Коба, вот что я думаю. Сказал при полном зале зрителей – теперь по всей стране расползется... Он что, разве не понимает, какую ответственность на себя берет, а? А если в мае сорок пятого ничего

такого не случится, он что думает, народ забудет, что он обещал? Думает, мы забудем? Коба, предлагаю вызвать его сюда и...

– Вызвать сюда? – переспросил Сталин, продолжая ходить по кабинету.

– Можно и там, конечно... – Берия поправил пенсне, улыбнулся. – Ты прав, Коба, там даже удобнее...

– Что удобнее? – Сталин остановился перед ним. – Убить его?

– Ну да... – развел руками Берия, и на лице его отразилось недоумение. – Он же еще черт знает чего напроорочить может...

– А что он плохого напроорочил? – удивился Сталин. – Разгром немцев под Сталинградом? Что мы Берлин возьмем? Правда, через два с половиной года, но... большая война идет, Лаврентий... и в этой войне легкой и скорой победы не будет... Русский народ – терпеливый народ. Как говорил великий поэт Некрасов: “Вынесет все, и широкою, ясную грудью дорогу проложит себе...”

Сталин остановился перед окном и замолчал, глядя на зубчатые стена Кремля, на Москву...

Молчал и Берия. Ждал.

– Зачем убивать, когда человек пригодиться может? – проговорил Сталин, глядя в окно. – С кем тогда работать будешь?

– А если убежит? Он ведь сквозь стены пройти может, ты ведь знаешь, Коба.

– Некуда ему бежать... Он к нам пришел. Он поверил в Советский Союз. Он честный человек и может быть полезен... Привези его в Москву, Лаврентий.

– С женой?

– Он уже успел жениться? – усмехнулся Сталин. – Вот видишь, Лаврентий? А ты говоришь, сбежит... Такие люди не бегают туда-сюда...

Транспортный самолет с с утробным ревом полз по ночному небу. Аида Михайловна и Мессинг сидели рядом на железных сиденьях и смотрели в иллюминатор. Мессинг приобнимал жену за плечи. Два офицера НКВД с квадратными, обветренными лицами, в белых полушубках и шапках отсутствующими взглядами смотрели в пространство, казалось, вовсе не замечали присутствия Аиды Михайловны и Мессинга.

От рева двигателей закладывало уши, и Мессинг с женой только переглядывались и улыбались друг другу. В иллюминатор была видна черная бархатная бездна, истыканная мириадами голубых огоньков.

Едва самолет приземлился и окончил бег, как к нему подкатила черная машина. Пустынный аэродром скупо освещался прожекторами, по ровной бетонной глади мела поземка. Из автомобиля выбрались два офицера в шинелях и шапках.

Из самолета тут же спустили трап-лесенку, и показавшийся в проеме офицер в полушубке быстро спустился и пошел к тем двоим.

Подошел, козырнул и за руку поздоровался со встречающими.

– Привез?

– Так точно, товарищ полковник.

На трапе появился Мессинг, спустился вниз. Потом помог спуститься Аиде Михайловне. Потом второй офицер передал вниз два чемодана и какие-то узлы. Подошли еще двое в военной форме, подхватили чемоданы и узлы, понесли их к машине. Аида Михайловна и Мессинг двинулись за ними, пряча лица в воротники от колючего снежного ветра.

Машина привезла их на небольшую, по-ночному безлюдную улицу, к четырехэтажному кирпичному дому с одним подъездом. Офицеры помогли выгрузить из машины два толстых чемодана и несколько узлов. Потом они же подхватили чемоданы и пошли к подъезду. Разобрав узлы, Аида Михайловна и Мессинг двинулись следом.

Старший офицер, полковник, ключом открыл дверь, распахнул ее и протянул ключи Мессингу:

– Прошу на новоселье, товарищ Мессинг, – без улыбки сказал он. – Там все есть. Если чего нехватка будет – завтра человек заедет, ему скажете.

– Спасибо.

Снизу раздались торопливые шаги по лестнице. Кто-то быстро поднимался на второй этаж. Скоро показался человек в зимнем пальто с меховым воротником и в меховой шапке. В руках он держал две пузатые сетки, полные свертков в белой бумаге. Он подошел к офицеру, вопросительно глядя на него.

– У двери поставь, – приказал полковник.

Мужчина поставил у раскрытой двери сетки и молча пошел вниз по лестнице.

– Счастливо оставаться! – Полковник приложил руку к фуражке и пошел вниз по лестнице, громко стуча сапогами. За ним направился второй офицер.

Аида Михайловна и Мессинг постояли, глядя друг на друга, и нерешительно улыбнулись.

– Пошли? – тихо сказал Мессинг и жестом пригласил жену в квартиру.

Она вошла, пошарила рукой справа по стене, нащупала выключатель. Загорелся свет.

Лампа в стеклянном плафоне под потолком осветила просторную прихожую с вешалкой и двумя встроенными шкафами для одежды. Она пошла дальше по коридору, толкнула дверь, и перед ней открылась большая комната. Аида Михайловна молча обвела взглядом застекленный буфет-сервант, большой круглый стол, шесть стульев, диван в чехле из серого полотна и еще один небольшой стол у окна, видимо письменный, с чернильным прибором и стопкой бумаги. Дальше была кухня с газовой плитой, небольшим столиком и навесными шкафчиками.

– Смотри, – сказала Аида Михайловна. – В буфете даже посуда стоит... и стаканы с рюмками...

– Позаботились... – криво улыбнулся Мессинг.

– Как думаешь, сколько мы будем здесь жить? – спросила она.

– Не знаю, Аидочка... – пожал плечами Мессинг. – Это только товарищу Сталину известно... и Господу Богу...

Аида Михайловна бросила взгляд на маленькие часики на руке:

– Ой, Вольф, через полчаса Новый год! У нас же ничего нет, чтобы встретить!

– Они принесли сетки со свертками, – напомнил Мессинг. – Наверняка там продукты.

– Они у двери стоят. – Аида Михайловна бросилась в прихожую...

И через несколько минут она уже выкладывала из сеток на стол свертки с колбасой, сыром, ветчиной и бужениной, селедку в промасленной бумаге, банки соленых огурцов и моченых помидоров, батоны белого хлеба, бутылки шампанского и вина, завернутые в вощеную белую бумагу.

– Бог мой, куда столько? – растерянно проговорил Мессинг, помогая жене разворачивать свертки.

– Неси посуду. Там в серванте наверняка и ножи с вилками есть, и чашки для чая...

...Вольф Григорьевич смотрел на часы на правой руке, держа в левой бокал с шампанским. Секундная стрелка быстро бежала по кругу, и вот до отметки двенадцать минутной стрелке осталось пройти всего одно маленькое деление.

– Ну, все... – сказал Мессинг, поднимаясь. – Двенадцать. С Новым годом тебя, Аидочка... Ты мое счастье, ты моя жизнь.

– С Новым годом, мой родной...

Они чокнулись, расцеловались и медленно осушили бокалы.

Потом Мессинг жадно набросился на еду и прошамкал с набитым ртом:

– Включи, пожалуйста, радио...

Черная тарелка висела в углу на стене, и Аида Михайловна повернула тумблер. Комнату наполнила мелодия гимна Советского Союза. Мессинг продолжал жадно есть.

– Спасибо товарищу Сталину за прекрасный Новый год... – жуя, неразборчиво пробормотал Мессинг. – Давно так вкусно не ел, м-м-м... Последний раз я так ел, кажется... м-м-м... даже не могу вспомнить, в каком году...

Аида Михайловна сидела напротив и, подперев щеку кулаком, смотрела на него с улыбкой.

Москва, 1943 год

Сталинград... Разбитый, сожженный город, сплошные развалины тянутся до самого горизонта... И колонна пленных немецких солдат движется через эти руины и тоже теряется за горизонтом... Советские солдаты, конвоирующие пленных, улыбаются прямо в камеру.

...Заголовки газет, сначала на русском, а потом и на иностранных языках... “ВАШИНГТОН ПОСТ”, “ТАЙМ”, “НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС”... А голос за кадром переводит: “Крах германской армии на Волге”, “Двести двадцать тысяч немецких солдат оказались в кольце под Сталинградом. Более девяноста тысяч попали в плен”, “Бесславный

конец армии Паулюса”, “Сокрушительное поражение военной машины Гитлера под Сталинградом. Русские перешли в наступление!”...

...И по заснеженным полям России на скорости идут в наступление советские танки, стелется за ними снежный дым. Теперь они идут на запад... И звучит голос Левитана, рассказывающий, сколько разгромлено немецких дивизий, сколько немецких генералов взято в плен, какие дивизии и наши генералы особо отличились в этом беспримерном сражении...

– Скажите, товарищ Мессинг, вы хорошо осведомлены о положении на фронтах?

– Я знаю только то, что сообщают в сводках Совинформбюро, товарищ Сталин, – отвечал Мессинг, сидя на краешке кресла перед письменным столом и глядя на Сталина.

– Как же вы, не зная о положении на фронте, смогли предсказать Сталинградскую операцию? Окружение армии Паулюса? Нашу победу? И что произойдет это в феврале сорок третьего... Каким образом, товарищ Мессинг? – Сталин смотрел на него в упор, и Мессингу стало не по себе от этого неподвижного, пронизывающего взгляда.

– Не знаю, товарищ Сталин... я не могу этого объяснить...

Сталин поднялся и медленно пошел по кабинету. Светлый китель, брюки заправлены в мягкие хромовые сапоги, в руке погасшая трубка – именно такой, каким его рисуют на портретах.

– В давние времена разные великие полководцы, императоры, султаны держали при себе... разных оракулов... ясновидцев... разных звездочетов. Задумал воевать против соседа и спрашиваешь звездочета: стоит выступать в поход или не стоит? Звездочет говорит – стоит, и ты с легким сердцем войну начинаешь. Уверен, что победишь. Очень хорошо... быть уверенным в победе... когда тебе ее предсказал ясновидец... А если этот ясновидец предсказал беду, можно не начинать войну. И спастись от позорного поражения... – говорил Сталин, прохаживаясь от двери к окну и опустив голову, и вдруг резко повернулся к Мессингу. – Может, и мне держать вас при себе, товарищ Мессинг? Будете работать ясновидцем при товарище Сталине... – Едкая усмешка тронула губы и усы Сталина. – Как, согласны?

– Н-нет, товарищ Сталин... – едва слышно ответил Мессинг.

– Почему? – улыбка Сталина сделалась еще шире.

– Насколько я знаю историю, все эти ясновидцы и оракулы кончали плохо – повелители рано или поздно убивали их.

– Значит, плохо работали... – продолжал улыбаться Сталин. – Неправильно предсказывали...

– Плохо...

– Правильно, плохо... А что про меня советские люди говорить будут? Товарищ Сталин не верит в свои силы... товарищ Сталин не верит в победу... не верит в будущее страны... поэтому ждет, что ему ясновидец скажет... Разве может вождь трудящихся всего мира, марксист-ленинец верить ясновидцам и колдунам? Нет, не может товарищ Сталин в них верить... не должен им верить... – Сталин подошел ближе к Мессингу, пососал потухшую трубку. – Вы хорошо устроились? Может, какие просьбы будут?

– Хорошо, товарищ Сталин. Спасибо.

– Жена довольна? – Сталин усмехнулся.

– Да, товарищ Сталин. Она очень довольна.

– Товарищ Берия предложит вам одну работу... Посмотрите. Может быть, сможете. Если нет, продолжайте работать... артистом... – Сталин вновь широко улыбнулся, – если не хотите работать артистом при товарище Сталине.

– Я не сказал, что не хочу, товарищ Сталин... – привстал со стула Мессинг.

– Зато я понял... Я ведь тоже немного телепат, товарищ Мессинг, хе-хе-хе... – негромко рассмеялся Сталин. – Что ж, хочу пожелать вам успеха. Товарищ Поскребышев даст вам номер моего прямого телефона. Случится что-нибудь – звоните, не бойтесь.

– Иногда он становится страшным. Вот подходит – и у меня жар в груди, и вдруг больно становится, понимаешь?

– Больно? – испуганно переспросила Аида Михайловна.

– Ну да! Будто, приступ стенокардии, понимаешь? Отходит от меня и – все нормально.

– У него такое сильное энергетическое поле?

– По-видимому... – Вольф Григорьевич налил себе в чашку заварки из чайничка, добавил кипятку из большого чайника, зачерпнул ложку варенья из вазочки, размешал. Отхлебнув глоток чая, проговорил задумчиво: – Примерно то же самое я ощущал, когда разговаривал с Гитлером...

– С Гитлером? – еще больше испугалась Аида Михайловна. – Ты никогда мне не рассказывал, что разговаривал с Гитлером.

– Ну что ты так испугаешься, Аидочка? – улыбнулся Мессинг. – Гитлер, Геббельс... Канарис – это все в прошлом...

– А Сталин и Берия – в будущем? – уже сухо спросила Аида Михайловна.

– Сталин – это совсем другое... – нахмурился Мессинг. – По крайней мере, у меня есть к нему чувство доверия... Не знаю почему, но есть... Может, он мне его внушил? – Мессинг посмотрел на жену с веселой улыбкой.

Аида не ответила, тоже зачерпнула из вазочки ложку варенья и стала маленькими глоточками пить чай.

– Ладно, давай о другом... Вот что мне пришло в голову. У меня скопилось немало денег на сберкнижке. Я ведь очень мало тратил и даже за три года сумма набежала немалая... а сейчас, когда идет такая страшная война... отечественная война.

– Я все понимаю, Вольф... – Аида Михайловна улыбнулась и положила руку на руку мужа. – За это я тебя и люблю...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Москва, 1943 год

– Замечательный поступок, а? – весело сказал Берия, разглядывая Мессинга, сидевшего в кресле у невысокого столика. – Поступок настоящего советского человека! Передать свои трудовые сбережения на строительство боевого самолета! Выходит, советская власть вам хорошо платит за ваши фокусы, товарищ Мессинг?

– Хорошо платит.

– А там... за границей... вам хорошо платили? – прищурился Берия. – Много платили, а, товарищ Мессинг?

– Много...

– Наверное, миллионы, да? – В глазах Берии вспыхнул жадный интерес.

– Да, у меня было много миллионов долларов, – ответил Мессинг.

Сидевшие за столом три офицера – два полковника и подполковник – молча переглянулись.

– Сколько же миллионом долларов у тебя было, товарищ Мессинг? – после паузы спросил Берия.

– Не знаю точно. Дела вел мой импресарио. Его убили фашисты в Варшаве. Думаю, миллионов двадцать–тридцать было...

– Где? На счете в каком-нибудь швейцарском банке? – быстро спросил Берия.

– Честное слово, не знаю... Возможно, в швейцарском... может, и в Париже или в Лондоне...

– Ну не может так быть, товарищ Мессинг, чтобы я зарабатывал деньги и не знал, где импресарио их хранит. Да что я, последний дурак буду, а?

– Он никогда меня не обманывал, – ответил Мессинг. – Его убили фашисты. Это произошло неожиданно, на улице в Варшаве... Об этих деньгах я больше никогда не думал...

– Да кто тебе поверит, товарищ Мессинг? – И Берия захохотал.

Негромко рассмеялись сидевшие за столом офицеры. Хохот наркома резко оборвался. Берия серьезно посмотрел на Мессинга:

– Если в швейцарском – никуда они не денутся. Война кончится, мы тогда твоими миллионами займемся, товарищ Мессинг. Она ведь в

мае сорок пятого кончится? Так ты обещал товарищу Сталину и всему советскому народу?

– Да... в мае сорок пятого, товарищ Берия... – Мессинг облизнул пересохшие губы

– Смотри, если обманешь... знаешь, что с тобой будет?! – Берия шутливо погрозил Мессингу пальцем и снова захохотал.

Два полковника и подполковник вновь негромко рассмеялись, посматривая на Мессинга, и взгляды их не обещали ничего хорошего.

На заснеженном военном аэродроме мела поземка. Группа людей в шинелях и темных пальто с меховыми воротниками стояла у приземистого и длинного бревенчатого здания. Рядом со зданием находились несколько зенитных установок и полосатый конус для указания направления ветра. На кромке поля напротив маячили длинные ряды ангаров, рядом с ними несколько самолетов. По полю в разных направлениях сновали люди, проехали два бензовоза, полуторка, груженная какими-то ящиками.

Неподалеку от того места, где стояла группа людей, почти посередине поля готовился к полету штурмовик “Илюшин”, и около него возились три человека в летных меховых комбинезонах.

В небе загудело, гул приблизился, и скоро из мутной пелены облаков вынырнул самолет и, опуская нос, зашел на посадку. Через пару минут он уже катил по аэродрому, поднимая клубы снежной пыли.

Люди в шинелях и штатских пальто медленно двинулись по направлению к “ИЛу”. В середине группы шагал Мессинг. Он шел, наклонив вперед голову и придерживая шляпу, чтобы ее не сдуло ветром.

Подошли совсем близко, остановились, негромко переговариваясь.

– Вольф Григорьевич, посмотрите, что на фюзеляже написано? Видите?

– Плоховато вижу... – взгляды в штурмовик, пробормотал Мессинг.

– А вы присмотритесь, присмотритесь, – с улыбкой посоветовал усатый человек в генеральской шинели и серой смушковой папахе.

Мессинг пригляделся и сквозь снежную пелену различил на боку самолета большие красные буквы: “ВОЛЬФ МЕССИНГ”. Он

несколько растерянно посмотрел на генерала:

– Мне кажется, это лишнее...

– Вот уж нет, Вольф Григорьевич! – весело возразил генерал. – Гитлер объявил награду за вашу голову. И все фрицы в армии это знают. И летчики в том числе. Вот пусть и любят в небе. Они наверняка знают о ваших способностях – вот и будете на них страх наводить! – генерал рассмеялся и протянул Мессингу небольшую красную папку с тисненым золотым гербом СССР.

– Что это?

– Сейчас летчик подойдет, который будет воевать на вашем самолете, – вот вы ему и вручите эту грамоту владельца.

Из кабины штурмовика вылез летчик в меховом комбинезоне и летном шлеме, спрыгнул на бетонку и быстро пошел к ним. Подойдя, он вскинул руку к виску и отрапортовал:

– Товарищ генерал, осмотр штурмовика “Илюшин” закончил. Машина в полном порядке. К вылету готов. Капитан Ковалев!

– Хорошо, капитан. Вот послушай, что тебе на дорожку сам товарищ Мессинг скажет.

Мессинг растерянно посмотрел на капитана Ковалева, кашлянул в кулак и проговорил:

– Я очень рад, что вы будете летать на этом самолете. Воюйте хорошо, товарищ капитан... как надо воюйте... Я всегда буду думать о вас. – И Мессинг зачем-то посмотрел на генерала, словно спрашивал у него: правильно он говорит?

– Слышал, капитан? Товарищ Мессинг будет о тебе думать. Значит, будешь жечь фашистов в небе на все двести! С удвоенной силой! Я в тебе уверен.

– Служу Советскому Союзу, – рявкнул капитан Ковалев.

Мессинг протянул ему красную папку:

– Вот держите... сказали вам передать...

Ковалев взял папку, долго тряс руку Мессингу:

– Вот вы какой, товарищ Мессинг... а ребята тут всякое про вас рассказывали... будто вы сквозь время видите... и все про всех знаете...

– Да ну... – улыбнулся Мессинг. – Сочиняют ваши ребята...

– Товарищ генерал, разрешите взлетать?

– Разрешаю. Воюй, капитан! Штурмовик у тебя в руках особенный. Об этом штурмовике сам товарищ Сталин знает. Так что не

подкачай.

– Есть не подкачать, товарищ генерал! – вновь вскинул руку к виску Ковалев.

И пошел обратно к самолету.

Все стояли и смотрели, как Ковалев вернулся к “Илюшину”, взобрался по стремянке в кабину, механик спустился с крыла. И дверца захлопнулась.

Зафыркал, заревел двигатель самолета, крутнулись и превратили в сплошной серебряный круг винты. Машина вздрогнула и медленно тронулась с места, покатила к взлетной полосе, набирая скорость, все быстрее и быстрее...

– Он сразу на фронт? – спросил Мессинг.

– На фронт. В воздушную армию генерала Громова.

Штурмовик оторвался от земли и, мигая красными огнями, медленно пошел вверх, в мутное белесое небо.

Москва, весна 1944 года

Подмосковная проселочная дорога петляла от шоссе через густой березовый лес. В голых черных сучьях запуталось белое холодное солнце. Черная “эмка” быстро ехала по укатанному снежнику.

Скоро березняк поредел и показался высокий бревенчатый забор, сторожевые вышки, тяжелые тесовые ворота и небольшой домик КПП. За забором виднелась длинная высокая крыша какого-то двухэтажного строения.

Из домика КПП вышли два автоматчика в полушубках. Один остановился перед шлагбаумом, поджидая катившую к нему машину.

Полковник НКВД Федюнин, доверенное лицо Лаврентия Павловича Берии, опустил стекло машины и спросил у охранника с погонами лейтенанта:

– Нефедов здесь?

– Так точно, товарищ полковник, – козырнул лейтенант и стал поднимать шлагбаум.

“Эмка” въехала на территорию, подкатила к двухэтажному бревенчатому зданию, остановилась у подъезда. Первым из машины выбрался полковник Федюнин. Новенькие полковничьи погоны сверкали на солнце. Следом за ним из машины вылез Мессинг, потопал ногами, разгоняя кровь. Твердый снег громко скрипел под подошвами.

По расчищенной дорожке они пошли к зданию, на дверях которого не было никаких вывесок.

На вахте у входа сидел молодой парень с лейтенантскими погонами. При появлении полковника Федюнина и Мессинга лейтенант вскочил со стула, вытянулся, отдал честь.

– Все собрались?

– Все, товарищ полковник. В комнате отдыха на втором этаже.

Федюнин направился к лестнице на второй этаж. Мессинг двинулся следом.

Они поднимались по широкой деревянной лестнице и на середине марша слышали голоса сверху. Полковник остановился и сделал знак рукой Мессингу, чтобы тот тоже встал. Наверху громко разговаривали.

– Это, по всей видимости, электромагнитный спектр, хотя он изучен во всем диапазоне. От сверхжестких гамма-лучей до сверхдлинных радиоволн... В нем нет ни одного участка, на котором могла бы осуществляться телепатическая связь.

– Парапсихологическая связь... – добавил второй голос.

– Не, ребята, тут дело не в терминах...

– Понимаю, что не в терминах, но слово “телепатия” давно скомпрометировано всякими буржуазными всезнайками. И я тоже уверен, что материального поля, которое бы служило для передачи информации непосредственно из мозга в мозг, не существует.

– Да брось ты, Геныч, всего сто лет назад, если смотреть с этих позиций, не было материального поля для передачи звуков и изображения на большие расстояния. Ведь радиоволны были открыты Герцем еще в тысяча восемьсот восемьдесят шестом году.

– Ты думаешь, существуют еще какие-нибудь поля?

– А почему бы и нет?

– Почему же их до сих пор не заметили ученые?

– С помощью приборов, предназначенных для изучения электромагнитного поля? А ты попробуй с помощью безмена или простых весов измерить скорость и частоту радиоволн...

– Черт его знает, может, ты и прав... Интересно будет поглядеть на этого Мессинга.

– А вот посадить его в заземленную медную клетку – сможет ли он оттуда читать мысли?

– Кто это? – шепотом спросил Мессинг полковника Федюнина.

– Курсанты разведшколы... толкуют про ваши уникальные способности, – так же шепотом ответил полковник.

– В клетку меня посадить хотят? – усмехнулся Мессинг.

– Эти могут...

– Вообще-то, подслушивать нехорошо...

– Это не подслушивание, это – контроль, – холодно возразил Федюнин. – Ладно, пойдете вверх...

Они поднялись в холл второго этажа. Вдоль стен располагались диваны и кресла, длинный низкий стол с начищенным самоваром, чайными чашками и большим цветастым фарфоровым чайником с заваркой. Курсанты толпились у стола, оживленно спорили и разом смолкли при появлении полковника и Мессинга.

– Здравствуйте, товарищи курсанты, – негромко поздоровался полковник Федюнин.

– Здра... жла... товарищ... полковник! – разом гаркнули курсанты.

Пятнадцать курсантов сидели за отдельными партами. Все они были в одинаковых гимнастерках без погон и знаков отличия, все коротко стриженные и с одинаково ясными, полными жгучего интереса глазами.

– Вы все люди наблюдательные и образованные и могли видеть, наверное, как, скажем, общаются пожилые муж и жена, прожившие вместе не один десяток лет. Они разговаривают только взглядами. Он смотрит на нее, и она вдруг встает, идет на кухню и приносит мужу стакан чая или воды. Она смотрит на него, и он вдруг разводит руками и говорит: “Да не волнуйся ты, пожалуйста, у него все будет хорошо. Я совсем забыл, он звонил вчера и передавал тебе привет”. Мы часто говорим: эти люди понимают друг друга с полувзгляда. – Мессинг замолчал, оглядывая курсантов. – Как назвать такое общение? Телепатическая связь? Передача мыслей на расстоянии?

– Наверное, это телепатия. Но извините, товарищ Мессинг, эти люди, вы сами говорите, знают друг друга не один десяток лет, – проговорил один из курсантов, высокий, с черным ежиком волос и темными внимательными глазами. – Но я совсем не уверен, что два человека, которые видят друг друга первый или во второй раз, смогут таким же образом общаться – понимать друг друга с полуслова.

– Думаю, не смогут... – согласился Мессинг. – А вы видели, как одна собака разговаривает с другой? Долгий пристальный взгляд одной

на другую, и эта другая вдруг вскакивает, подбирает кость, подходит к первой собаке и кладет кость перед ней. Или, например, рядом с местом обитания стаи бездомных собак появляется чужак, хочет покопаться в их помойке, но взгляд вожака останавливает его. Чужак смотрит вожаку в глаза и мгновенно ретируется... Каким образом вожак смог передать ему свою угрозу? Ведь не раздалось рычания, и поза вожака осталась прежней. А видели они друг друга первый раз... Или, например, вы кладете кусок мяса перед своей собакой и пристально смотрите ей в глаза, мысленно повторяя: “Это есть нельзя”. И собака, посмотрев вам в глаза, отходит в сторону от куска мяса. Разве это не передача мысли на расстоянии?

– А я слышал, как говорили, что вы можете принимать вид любого животного, – весело проговорил другой курсант, немного постарше остальных. – В собаку можете превратиться, в тигра или змею...

– Ну зачем же в змею? – обиженно сказал Мессинг. – Я змей боюсь и не люблю.

Все негромко рассмеялись.

...В кабинете полковника Федюнина динамик звучал негромко. Было хорошо слышно, о чем разговаривали Мессинг и курсанты в классной комнате. Полковник курил и внимательно слушал.

– Да, конечно, – отозвался один из курсантов. – Но каким образом происходит передача мысли на расстояние? Тоже телепатия?

– Конечно! А вы думаете, животные на это не способны? – улыбнулся Мессинг. – Ведь они древнее нас, товарищи... намного древнее... и случается, видимо, так, что иногда эти способности вдруг обнаруживаются у отдельных людей... каким образом?

– Не только нам хотелось бы это знать, – улыбнулся еще один курсант, со светлым ежиком волос, синеглазый, могучего сложения.

– А я все-таки думаю, это сильнейший гипноз. Нам рассказали, как вы вышли из наркомата внутренних дел, не предъявив никакого документа.

– И зашел обратно, – улыбнулся Мессинг.

– И охрана в один голос утверждает, что вообще вас не видела. Ведь это, я полагаю, сильнейший гипноз. Вы внушили каждому охраннику, что они вас не видят. Разве не так?

– В этом случае, наверное, так и было... Вы, вероятно, знаете, что даже во время самого напряженного интеллектуального труда в

человеческом мозге задействованы и работают с полной нагрузкой только десять процентов нервных клеток. Если не знаете, то примите к сведению... Остальные девяносто процентов просто спят... Но иногда... по неизвестным причинам в работу включаются еще пятнадцать процентов... двадцать процентов... и тогда человек начинает излучать избыточную энергию... Тогда он способен на значительно большее... в том числе и передавать эту энергию на расстояния... читать чужие мысли... и, наверное, видеть будущее... Кстати, вы обращали внимание на нимб, который всегда присутствует на изображениях христианских святых?..

– Светящийся нимб? – переспросил первый курсант.

– Да... светящийся нимб... – медленно проговорил Мессинг.

Он посмотрел на них и замолчал... смотрел на каждое лицо в отдельности... Молодые, крепкие, умные лица... решительные... даже жесткие... Какое-то смутное видение промелькнуло перед глазами, и Мессинг невольно провел рукой по лицу, словно прогонял его. Постоял секунду-другую молча. Курсанты напряженно смотрели на него. Мессинг встрепенулся и с улыбкой обратился к курсантам:

– Ладно, немного повеселю вас. Перейдем, как говорится, от теории к практике... Ну, пожалуйста, отдавайте мне мысленно приказание... ставьте задачу... что я должен сделать? Ну, кто?

– Можно я? – поднялся из-за столика чернявый курсант, в его карих глазах мелькали лукавые искорки.

– Пожалуйста, молодой человек. Вас, кажется, Сергеем зовут?

– Да... но ведь я...

– Вы не представлялись, – улыбнулся Мессинг. – Это я просто догадался.

Курсанты рассмеялись.

– Слушаю вас, Сергей... Или вы уже поставили мне задачу?

Сергей молча смотрел в глаза Мессингу. И Мессинг смотрел ему в глаза...

...И вдруг движущаяся дымная мгла окутала сознание... она медленно клубилась, принимая самые удивительные формы... хвосты пламени... дыма... редкие огни во мгле... и вот он увидел лицо курсанта с черным ежиком волос... а потом и его всего... истерзанного, в наручниках... кровоточащее, все в ссадинах и ранах тело... лицо в синяках... Прошло мгновение, и он увидел второго курсанта... в

изорванной одежде, избитого... стоящего у серой бетонной стены... звучат громкие щелчки выстрелов, и курсант медленно сползает по стене, оставляя кровавые следы... Проходит мгновение, и перед ним третий курсант... Он в темном костюме, в белой рубашке с галстуком... голова свесилась на грудь... он сидит за рулем пылающей машины... Четвертый курсант... он в комнате и стреляет из пистолета в закрытую дверь. В ответ гремят выстрелы из коридора, скоро вся дверь в пулевых дырках. Ее начинают ломать. Курсант смотрит, как трещит дверь под ударами прикладов, потом медленно подносит ствол пистолета к виску... гремит выстрел, и курсант ничком падает на пол...

Мессинг пошатнулся и взялся за спинку стула... лицо его было мокрым от пота. Курсанты повскакивали со своих мест. Черноглазый бросился вперед:

– Товарищ Мессинг, вам плохо? Что случилось, товарищ Мессинг?..

– Ничего, товарищи курсанты... ничего... голова что-то закружилась... – Мессинг с трудом улыбнулся, приходя в себя. – Ладно, приступаю к выполнению вашего задания. Должен признаться, оно непростое...

Курсанты вновь расселись по местам, ждали. Мессинг направился к двери. Открыв ее, он обернулся с улыбкой:

– Правда, должен сказать вам, Сергей, я не курю...

Когда дверь закрылась, все разом повернулись к курсанту Сергею. Тот ошеломленно пробормотал:

– Он все понял...

– Какое ты ему задание придумал? – спросили сразу несколько человек.

Вольф Григорьевич спустился на первый этаж, прошел по коридору и остановился перед дверью, обтянутой черной кожей. Постучал в косяк.

Полковник Федюнин быстро убрал маленький динамик со стола, выключил его и сунул в ящик.

– Войдите.

Вошел Мессинг. Полковник встретил его улыбкой:

– Что, уже закончили?

– Нет. Выполняю установку одного из ваших курсантов. – Мессинг взял со стола коробку папирос “Казбек”, открыл, достал одну

папиросу и вставил в рот. Остальные папиросы Мессинг сгреб в кулак и с силой сжал руку. Ломающиеся папиросы громко захрустели.

– Что вы делаете, Вольф Григорьевич? – нахмурился полковник.

Мессинг, не отвечая, выбросил поломанные папиросы и смятую коробку в мусорную корзину, стоявшую у стола.

– Надо бросать, товарищ полковник, – улыбнулся Мессинг и, взяв со стола спички, прикурил папиросу, торчавшую у него изо рта, и неумело затянулся. Тут же громко закашлялся и погасил папиросу в пепельнице.

– Ну вот, кажется, сделал все, как приказали...

– Это мои разбойники такое задание дали? – грозно спросил полковник Федюнин, поднимаясь из-за стола. – Ну-ка, пойдете.

– Не надо, товарищ полковник, вы их что, ругать собрались?

– Я им сейчас шеи намылю, стервецам! Что это за панибратство?!

– Почему панибратство? Веселые ребята – это даже хорошо, – улыбнулся Мессинг.

– Нет, нет, пойдете... – И полковник первым пошел к двери.

* * *

– Вы что это себе позволяете, товарищи курсанты? – С этими словами Федюнин появился на пороге классной комнаты.

Курсанты разом с грохотом вскочили.

– Папиросы мои ломать человека заставили... некурящего курить заставили, что это за хулиганство? Леднев, это все твои штучки? Узнаю буйную фантазию...

– Вообще-то, и правда бросили бы курить, товарищ полковник, – улыбаясь, проговорил чернявый.

– А зачем некурящего человека курить заставил?

– Да я когда установку давал, не знал, что товарищ Мессинг некурящий.

– А где твоя наблюдательность была? Какой ты, к черту, разведчик, если курящего от некурящего отличить не можешь? Ну что ж, по разделу “Наблюдательность” пять лишних занятий.

– Слушаюсь... – чернявый курсант сконфуженно опустил голову.

– Ладно, продолжайте. И смотрите у меня, чтобы без фокусов. – И полковник Федюнин вышел.

В классной комнате было тихо. Курсанты смотрели на Мессинга.

Мессинг смотрел на них... на каждого в отдельности... и вдруг сознание его будто пронизал удар тока... и мгла окутала его... бездна шевелящейся, дымящейся мглы... и вновь из этой мглы стали выплывать лица курсантов... и Мессинг увидел их мертвыми... горящими в машине... расстрелянными... лежащими на полу комнаты в окровавленных рубашках...

– Должен сказать вам... я понимаю, вы будете очень недовольны... Будете жаловаться на меня товарищу Берии, но я... все равно не смогу вести занятия с вашими курсантами...

– Но почему? – огорченно переспросил полковник Федюнин. – Что случилось, Вольф Григорьевич? Опять мои подопечные какой-нибудь фокус выкинули? Вы уже час толкуете мне, что не можете заниматься с курсантами, но не желаете сказать почему. Я думаю, вы просто не хотите помочь нам. Прослушав ваши беседы, позанимавшись с вами, наши будущие разведчики были бы подготовлены полнее и надежнее... Может, они научились бы у вас методам телепатии... Это очень способные ребята. Мы их долго отбирали. Они рассчитаны на долгое внедрение... они предназначены для важной нелегальной работы.

Мессинг молчал, глядя в окно на заснеженную территорию разведшколы... на забор... на стройные ели и сосны. Ветви прогнулись под налипшим снегом... на сторожевой вышке маячила фигура красноармейца в светлом полушубке и с автоматом. Рядом торчал ствол станкового пулемета...

– Так вы не хотите сказать, почему отказываетесь от занятий, Вольф Григорьевич? – чуть помолчав, спросил полковник.

– Да ничего особенного я сказать вам не могу, – отвернулся от окна Мессинг. – Просто я ничем не смогу быть полезен вашим курсантам. Ведь они прошли специальный курс психологии... они изучили механику гипноза, но... даром гипнотизера ни один из них не обладает... поэтому мне учить их нечему. Дар гипнотизера вложить в их мозг я, в великом сожалении, не могу... Зачем же водить за нос вас и остальное руководство? Поэтому я и отказываюсь...

– Не хотите, значит? – побарабанил пальцами по столу Федюнин. – Жалованье не устраивает?

– Жалованье тут ни при чем. Если бы я видел, что смогу принести пользу, я и бесплатно работал бы, – ответил Мессинг и повторил: – Жалованье тут абсолютно ни при чем... Да если бы я хотел вас обмануть, я бы... ну, занимался бы с ребятами и занимался. Ставил бы оценки... показывал бы какие-то фокусы... им было бы интересно, да и мне тоже... только обманывать я не хочу...

– Что ж... я доложу о вашем отказе товарищу Берии. Ведь он вас направил к нам... вот ему и доложу... – Федюнин пристально посмотрел на Мессинга. – Не боитесь?

– Боюсь... – пожал плечами Мессинг. – Только сути дела это не меняет. Повторяю, я не хочу обманывать.

– И я повторяю, Вольф Григорьевич, – не боитесь? Лаврентий Павлович очень не любит, когда отказываются от его поручений...

– Что поделаешь, товарищ полковник, чему быть, того не миновать.

– Да вы, как я посмотрю, фаталист, Вольф Григорьевич, – усмехнулся полковник Федюнин.

– А вы только сейчас это поняли?

Полковник Федюнин то и дело вытирал платком мокрый лоб и, стараясь не смотреть в глаза Берии, докладывал:

– Причину отказа я так и не установил... Он сказал, что боится...

– Чего боится? – едва сдерживая ярость, спросил Берия. – Кого боится?

– Сказал, что не может принести курсантам никакой пользы, что не может сделать их гипнотизерами... что к телепатии курсанты тем более неспособны... Я пригрозил ему, но он все равно отказался...

– Значит, плохо пригрозил! Плохо! – рявкнул Берия, приподнимаясь из-за стола. – Зачем отпустил?! Тебе приказ был дан! А ты отпустил?!

– Да как я его держать буду, Лаврентий Павлович, если он отказался работать? – почти умоляющим голосом спросил полковник Федюнин.

– Кто он такой, чтобы отказываться?! Фокусник паршивый! Вот он и показал свое вражеское нутро! Ладно, иди! Через неделю сам приеду на твоих курсантов посмотреть! Готовься!

– Слушаюсь, Лаврентий Павлович, – полковник поспешно встал и заторопился через весь кабинет к дверям.

Когда он вышел, Берия некоторое время сидел глядя в окно и выбивая пальцами по столу замысловатую дробь. Потом взял трубку телефона и набрал короткий номер, всего из двух цифр. Подождал, достал платок и вытер вспотевшую шею, проговорил вдруг охрипшим голосом:

– Коба, здравствуй, Берия тебя беспокоит. Да, важное... Этот Мессинг, ты понимаешь, отказался работать в разведшколе... Говорит, не сможет их ничему научить. Я думаю, цену набивает. Говорит, что никто из курсантов не способен к телепатии. Как так не способны? Он, понимаешь, способен, а будущие разведчики ни один не способен! Кто так может рассуждать, Коба? Так только скрытый враг может рассуждать!

– Ну почему враг? – ответил Сталин. Он сидел за столом у себя в кабинете, проглядывая какие-то бумаги. Свет настольной лампы под зеленым абажуром падал на его лицо. – А ты считаешь, что все курсанты разведшколы должны быть гипнотизерами? Провидцами должны быть? Я думаю, это такие таланты, которые далеко не всякому даются... Кем даются? – Сталин усмехнулся. – Природой, товарищ Берия, природой... Ничего с ним делать не надо. Пусть работает там, где раньше работал. Зачем в Новосибирск? Разве в Москве нет Госконцерта? Вот пусть там и работает... А живет пусть в гостинице “Москва” – всегда у тебя на виду будет. Он еще пригодится... Таких людей, товарищ Берия, далеко отпускать от себя нельзя. Но и близко подпускать тоже нельзя. На расстоянии, товарищ Берия, держать надо... И хватит об этом, разве других дел мало? Что у тебя еще?

Мессинг с женой сидели в гостиной своего номера. Они только что поужинали и теперь пили чай.

– Ты плохо выглядишь, Вольф... Там было много работы?

– Да нет... не особенно... Я просто отказался от этой работы... – Мессинг выпил чаю, поставил чашку на блюде. – И у меня могут быть неприятности.

– От Берии? За то, что ты отказался? – спросила Аида Михайловна. – Думаешь, могут быть?

– Думаю, могут... – кивнул Мессинг и еще отпил чаю.

– Зачем же ты тогда отказался? – резонно спросила Аида Михайловна и сочувственно улыбнулась. – Ты всегда так, Вольф, сначала сделаешь, а потом подумаешь...

– Я увидел их мертвыми, – резко ответил Мессинг. – Понимаешь, Аида, я увидел их мертвыми! Всех! Мне впервые стало так страшно – передать не могу. Передо мной сидели молодые, красивые, умные ребята... очень добрые – я это чувствовал. И вдруг... – Мессинг схватил чашку, попытался отхлебнуть чаю, но чашка предательски задергалась в его руке, и он выронил ее. Зазвенели по полу осколки. Мессинг несчастными глазами посмотрел на жену. – Ты понимаешь, Аида, я понял, что где-то там... куда они будут посланы, их скоро схватят... и будут страшно пытаться... и потом убьют...

– Вольф, родной мой, успокойся. – Аида подошла к нему, обняла за плечи, прижала к себе и стала пальцами массировать голову, тихо приговаривая: – Успокойся, милый... сейчас будет хорошо... сейчас... сейчас... Ты просто очень устал... тебе надо хорошенько отдохнуть...

– Отдохнуть? – с закрытыми глазами спросил Мессинг. – А на что мы будем жить, дорогая?

– Ты же у нас богатый, – улыбнулась Аида, продолжая массировать Мессингу голову. – Ты же целый самолет на свои деньги купил... А значит, ты стал бедным, дорогой мой? – Она наклонилась, поцеловала его в голову. – Это хорошо. Таким я тебя больше люблю...

– Как там наши артисты в Новосибирске? – после паузы проговорил Мессинг. – Что-то я заскучал по ним... живут, как перелетные птицы... ни кола, ни двора... на подъем легкие, на ногу быстрые.

– А у нас с тобой, можно подумать, и кол, и двор есть.

– Ну все-таки... живем в самой знаменитой гостинице Советского Союза... хотя, конечно, свою крышу иметь не мешало бы...

– Ну как, получше стало? – тихо спросила Аида Михайловна, продолжая массировать ему голову. – Правда, лучше?

– Да, да, мне совсем хорошо... – не открывая глаз, Мессинг улыбнулся. – Я просто чувствую, как в меня вливается живая сила...

– Ты просто очень устал, Вольф... – задумчиво повторила Аида Михайловна и добавила после паузы: – Мы все устали... вся страна... Эта война высасывает из нас все силы... Я не о нас с тобой сейчас

думаю, Вольф, я думаю о наших солдатах – хватит ли сил еще на целый год?

– Хватит... – не открывая глаз, ответил Мессинг. – Победа будет в мае сорок пятого. Я ее видел... Победа будет.

По заснеженным полям движутся советские танки. За ними тяжело бежит, утопая в глубоком снегу, пехота. То и дело вырастают фонтаны черно-белых взрывов. Падают на снег раненые и убитые... Но танки идут вперед... их теперь очень много, наших танков... И вот освобожденные поселки и города – сплошные заснеженные руины... деревни без единого уцелевшего дома, останки печей с черными трубами, и вокруг этих развалин сидят бездомные коты... Груды обломков, бревен и кирпича, черные обгоревшие провалы окон, сквозь которые видно небо... Но танки идут... И наступает пехота... Захлебываются яростью пулеметы, ведя огонь по врагу... Артиллерийские батареи залп за залпом изрыгают огонь и смерть... На самодельных носилках несут раненых... Санитарки на поле боя перевязывают бойцов... Медсанбаты полны искалеченных людей... Растет количество крестов и деревянных, с красными звездами надгробных памятничков на сельских и городских кладбищах... И вновь, поднимая вихри снежной пыли, идут на запад танки... И рвется в бой наша пехота... И звучит голос Левитана, сообщающий о новом наступлении Красной армии, об освобожденных наших городах, о разгромленных немецких дивизиях, о количестве взятых в плен немецких солдат и офицеров...

Москва, 1944 год

Небольшой актовый зал госпиталя был битком набит ранеными. Даже на полу в проходах сидели. Белели загипсованные руки и ноги, повязки бинтов на головах. Среди серых халатов раненых попадались и белые – посмотреть на знаменитого телепата пришли врачи и санитарки.

На небольшой сцене едва поместились Аида Михайловна и Мессинг. Между ними притулился небольшой столик на одной ножке, и на нем кучкой лежали сложенные бумажки.

Аида Михайловна держала в руке одну такую бумажку. Развернув ее, она громко прочитала:

– “Уважаемый Вольф Григорьевич, вы – самоучка или где-то учились телепатии и гипнозу?”

– Самоучка, – улыбаясь, ответил Мессинг. – Таким уж уродился... Я, вообще-то, лунатиком с рождения был. Может, поэтому такой вот конфуз получился...

Зал оживился, раздались смешки, потом веселый голос сказал:

– А у нас тут тоже лунатик есть!

– Интересно! Он тут? Встаньте, пожалуйста, товарищ лунатик.

В зале засмеялись, в середине послышалась возня, наконец несколько пар рук силой заставили подняться худенького вихрастого паренька с загипсованной рукой.

– Давай, давай, Васек, не тушуйся!

– Покажись товарищу Мессингу!

– Расскажи ему, как ты нам спать не даешь...

– Может, ты, как Мессинг, тоже все видишь да молчишь?

– Да отстаньте вы! – здоровой рукой отпихивался от товарищей паренек. – Ну чего зубы скалите, придурки!

Мессинг спустился по ступенькам и подошел к пареньку. Его кресло было третьим от прохода.

– Вас зовут Василием?

– Ну, да, Василий, а чего?

– Да ничего, будем знакомы. Как лунатик лунатику хочу пожать вам руку. – И Мессинг, пройдя чуть вперед, протянул Василию руку.

Тот смущенно пожал ее.

– Как же вы спать товарищам не даете?

– Да врут они все, вы их не слушайте, – хмуро ответил Василий.

– Кто врёт? От дает, Васек! А кто в окошко за луной полез? – тут же раздалось веселое возмущение.

– Едва перехватили, а то б с третьего этажа спикировал!

– Мы тревожить его боимся, товарищ Мессинг! Проснемся и молчим – не дай Бог спугнем! Говорят, ежели спугнешь, он совсем чокнуться может!

– А потом вы спите хорошо, Василий? – спросил Мессинг.

– Ну сплю... голова только болит... – хмуро ответил Василий.

– А что снится?

– Не помню... ну война все время снится...

– А вот то, что вы письмо получите, приснилось? – неожиданно спросил Мессинг.

Василий вздрогнул и дикими глазами посмотрел на него. И все раненые, сидевшие вокруг Василия, притихли и тоже обалдело смотрели на Мессинга.

– Вы... кажется, позавчера получили письмо из дома?

Василий молчал, приоткрыв рот.

– Вам перед этим не приснилось, что вы письмо получите? – настаивал Мессинг.

– П-приснилось... – наконец, выдавил из себя Василий. – А в-вы откуда з-знаете?

– Так ведь я тоже лунатик, – улыбнулся Мессинг. – И могу вам сказать, что дома у вас хорошо. Ваша мать жива и здорова, и ваша сестра, и младший брат живы и здоровы и даже ваша собака по кличке Атаман тоже жива и здорова...

– Откуда вы все это знаете? – уже с ужасом на лице спросил Василий.

– Сейчас это долго объяснять, Василий. Я оставлю тебе мой адрес и телефон. Когда выздоровеешь, обязательно мне позвони или приходи ко мне домой. Я попробую с тобой заниматься... – Мессинг улыбнулся, потрепал солдатика по плечу. – Лунатики – люди ужас какие способные!

Раненые вокруг засмеялись, те, кто сидел дальше, жадно выпрашивали:

– Чё он сказал? Чё он сказал?

– Домой к себе позвал. Лечить будет.

– Не лечить, а учить...

– Чему учить-то?

– Отстань ты! Дай послушать!

– Ай да Вася! Ай да лунатик!

– А теперь, Василий, загадай что-нибудь, – предложил Мессинг громким голосом, чтобы слышал весь зал. – Что-нибудь такое, что бы я смог сделать сейчас... Загадаешь?

– Ну попробую... – Василий все еще с испугом смотрел на Мессинга.

– Ну тогда загадывай. – Мессинг с улыбкой развел руками.

Парень тупо смотрел на Мессинга и что-то напряженно соображал. Раненые ждали. Вдруг Василий неуверенно хмыкнул, а затем его конопатая толстогубая физиономия расплылась в хитрой

улыбке. Теперь он совсем не походил на испуганного деревенского дурачка.

– Загадал? – после паузы спросил Мессинг.

– Ага... – улыбаясь, кивнул Василий.

Мессинг некоторое время молча смотрел на парня, потом тоже улыбнулся и медленно пошел по проходу между рядами кресел. Раненые и сидевшие в разных местах врачи медленно поворачивали головы, следя за Мессингом.

Он прошел почти до конца зала и вдруг остановился, поискал глазами по лицам зрителей, попросил посторониться сидевшего с краю парня с забинтованной головой и загипсованной рукой.

– Ничего, ничего, сидите, я пройду... – Мессинг медленно пробрался вдоль ряда, дошел до середины и остановился перед статной блондинкой в белом халате, красивой, с большими синими глазами. Мессинг кашлянул в кулак и громко проговорил: – Уважаемая Настасья Егоровна, сколько вы еще будете мучить гвардии капитана Никиту Суворова и когда дадите согласие выйти за него замуж?

Девушка покраснела так, что лицо ее сделалось темным, а синие глаза черными. Она вздрогнула, вскочила и хотела было броситься по проходу, но Мессинг загораживал дорогу. Она взглянула на него чуть ли не с ненавистью. По залу прокатились ахи, шепотки, раздался смех, и кто-то выговорил удивленно:

– Во дает волшебник! Так Настасья в капитана влюблена, а я-то думал...

– Да не она в него, а он в нее...

– Ну, Васька, стервец, вот это загадал желание!

– Вы... – задохнулась Настасья. – Вам-то что? Чего вы лезете?! – Девушка повернула в другую сторону и пошла вдоль ряда, стучаясь коленями, наступая на ноги сидящих и спотыкаясь. Добравшись до конца, она бегом бросилась к двери.

– Настя! Я не виноват! Я ему ничего не приказывал, Настя, ей-богу, Настя! – из первого ряда встал высокий мужчина лет тридцати, с черными кудрями, черноусый, халат едва держался на широченных плечах, в одной руке – костыль. Это, видимо, и был капитан Никита Суворов.

Девушка, не обернувшись, выскочила из зала. Громко хлопнула дверь.

– Ну, Вася! Я тебе, придурок, руки-ноги обломаю! В штрафбат пойду, но тебя, сучонка, задавлю! – Капитан Суворов пробирался вдоль ряда кресел, прыгая на одной ноге и размахивая костылем. Раненные поспешно вскакивали, уступая дорогу.

Когда капитан выбрался, стало видно, что у него нет левой ноги. Опираясь на костыль, капитан двинулся по проходу к тому ряду, где стоял Василий.

– Капитан Суворов! Немедленно прекратите! – вскочил с места пожилой мужчина, тоже в белом халате, видимо главный врач госпиталя. – Я приказываю!

– Никита Иваныч, вы чё? Я ж как лучше хотел, – оправдываясь, забормотал Вася. – Я ж вам помочь хотел!

Но капитан стучал костылем, двигаясь по проходу. И тут нервы у Васьки не выдержали, он тоже стал проворно пробираться вдоль кресел, выставив перед собой загипсованную руку.

– Ну, Васек, держись! Он тебе точно башку открутит!

– И товарищ Мессинг не поможет!

– Слышь, а как он задачку-то Васькину угадал, а?

– А чё тут угадывать-то? Про ихний роман весь госпиталь знает.

– Да Мессинг-то не знал ничего! А угадал сразу! Вот тебе и Мессинг!

Василий выскочил в проход между рядами и бросился к дверям. Капитан, понимая, что догнать его не сможет, изо всей силы швырнул ему вслед костыль. Не достал.

Василий выскочил из зала. И снова громко хлопнула дверь. Капитан, потеряв равновесие, грохнулся всем телом в проход. Несколько раненых бросились его поднимать. Подняли, поддержали за локти.

– Ладно тебе, Никит, ну дурачок, он и есть дурачок, чего на него нервы тратить? – гудел здоровенный малый в сером халате, с загипсованной рукой и забинтованной головой.

– Успокойся, Никита, у меня в загашнике пузырь припасен, вечером посидим, по душам потолкуем, – шептал на ухо капитану другой раненый.

Зал гудел, переговаривался, и все с сочувствием смотрели на капитана Суворова.

– Стерва она, замутила мужику голову...

– Да ладно, стерва! Сам он к ней прилип, проходу не давал... про это все в госпитале знали.

– Хоть так, хоть эдак – несчастная любовь получается.

– Ну Васька-то, хрен собачий, зачем их на позорище выставил?

– Говорит, помочь хотел – ишь, добряк нашелся!

Мессинг медленно подошел к капитану, посмотрел ему в глаза. Капитан тяжело дышал, смотрел со злостью.

– Вы меня извините, прошу вас, – негромко сказал Мессинг и вдруг спросил: – Ногу вы потеряли под Котельниковым? Вы танкист?

– Танкист... под Котельниковым... – растерянно ответил Суворов.

Мессинг вдруг протянул руку и дотронулся до лба капитана, подержал секунду.

– Вы чего? – спросил Суворов, дернув головой.

– Держитесь, капитан, – улыбнулся Мессинг. – Она будет вашей женой...

– Да вы чего? – вконец растерялся капитан. – Чё вы мне сказки плетете? Я ж одноногий...

– Настасья будет вашей женой, – повторил Мессинг. – И у вас будет четверо детей.

– Ты понял, Никита? – гоготнул здоровяк с забинтованной головой. – Целый танковый экипаж!

– Я прошу меня извинить, но на сегодня мне хотелось бы закончить наши психологические опыты. Благодарю за внимание. – Мессинг поклонился и пошел по проходу к сцене, поднялся, еще раз поклонился.

Зал, будто проснувшись, разразился аплодисментами. И громче всех отбивал ладони одноногий капитан Никита Суворов.

Мессинг взял за руку Аиду Михайловну, и вместе они медленно ушли за кулисы.

– Товарищ Мессинг, подождите! Товарищ Мессинг! – главврач бросился к проходу, побежал к сцене, на бегу оглянулся и рявкнул: – Хлопайте! Хлопайте!

Главврач тяжело взбежал на сцену и скрылся за кулисами. Зал продолжал дружно хлопать.

Они лежали на кровати в спальне, обнаженные, едва прикрытые тонким одеялом, на тумбочке светил небольшой ночник, а за окном монотонно моросил дождь, и на стеклах искрились мелкие капельки

влаги. Мессинг заворочался, и тонко пропели пружины кровати. Приподнявшись на локте, он посмотрел на Аиду сверху, поцеловал ее в нос:

– Я эту кровать скоро выкину. Она мне надоела. Она нам мешает заниматься любовью.

Аида выпростала полные руки из-под одеяла, обняла его за шею и плечи, вдруг сказала серьезно:

– Все собираюсь тебе сказать... все собираюсь и никак не могу собраться...

– Зачем собираться? Говори, и все. Что там у тебя стряслось?

– У меня не будет детей. – Она смотрела ему в глаза. – Я не могу иметь детей...

– Почему? У нас есть отличные врачи. Кстати, наши хорошие знакомые.

– Много лет назад я сделала аборт. Делала подпольно, боялась родителей... и все прошло очень неудачно... Вот с тех пор...

– Это врачи так говорят или ты сама так решила? – спросил Мессинг.

– Врачи... кстати, те самые... наши хорошие знакомые... Вольф, я давно хотела сказать, если ты... если ты решишь бросить меня, ты правильно сделаешь...

– Ты уверена, что я без тебя смогу жить?

– Почему нет? – она слабо улыбнулась. – Ты красивый мужичок... в самом соку. Женишься снова...

– Да, женюсь снова... и снова на тебе. – Он вновь поцеловал ее в щеки и в нос, откинул прядь волос со лба, рассматривая ее лицо, будто видел впервые. – Я ведь однолюб, Аида, ты уж извини. И куда я пойду от тебя? У меня ни кола ни двора... В Польше дома тоже нет... Так что, чует мое сердце, будем мы вместе... навсегда, до самой смерти... – И он стал целовать ее в губы и обнимал все крепче и крепче.

Василий лежал в кровати, прикрытый до пояса тонким серым одеялом, и смотрел в окно, выставив перед собой загипсованную руку. В глазах у него стояли слезы.

Рядом двое раненых играли в шашки, азартно переговариваясь:

– Ну, Прохор, один сортирчик я тебе обеспечил. Щас второй соорудим.

– А я вот тут в дамки, во как, а!

– Одна дамка – пустое место! Я тебе щас второй сортирчик обязательно устрою. Люблю я сортирчики устраивать...

Еще на одной кровати лежал раненый с раскрытой книгой в руках и читал, хотя свет тусклой лампочки под потолком едва позволял различать буквы.

Трое раненых спали на своих кроватях. Двое лежали, бездумно глядя в потолок.

– Вот думаю, думаю – никак в толк не возьму, – проговорил один, средних лет, с рыжими усами. – Как же он угадывает-то? Ведь Васька-то ему ни словечка не сказал, он сразу к этой Настасье пошел... Как вот угадал, а?

– А поди знай, – хмыкнул второй, пожилой, с обеими загипсованными ногами. – На то он и Мессинг...

– А все же объяснение-то какое-никакое должно быть? Ведь марксистская наука чего нам говорит? Чудес на свете не бывает. Всему есть научное объяснение... Вот я и думаю, какое тут могёт быть объяснение?

– Много не думай – мозги сломаются...

Дверь в палату отворилась, и вошла медсестра Настасья. Все разом примолкли, уставясь на нее. Она, не глядя ни на кого, прошла к кровати Василия, обожгла его взглядом и бросила на одеяло сложенную вдвое бумажку.

– Чё это? – Василий взял бумажку, развернул.

– Товарищ Мессинг адрес тебе свой написал. И телефон, – сказала Настасья и посмотрела на Василия с ненавистью. – Зачем ты это сделал, Васька?

– Да я ж как лучше хотел, Настя, – взмолился Васька, чуть не плача. – А он меня прибить грозился...

– Он и щас грозитя... и поделом тебе, дураку, – сказала Настасья.

– Чего поделом? А чё ты его тогда мучаешь, а?

– А твое какое дело? Чё ты в чужие дела нос суешь?

– А вы все равно поженитесь! – злорадно улыбнулся Василий. – Товарищ Мессинг так сказал. И четверо детишков у вас будет.

– Дурак твой Мессинг! – вспыхнула Настасья и пошла из палаты.

– Товарищ Мессинг сквозь время видит! – в спину ей закричал Василий.

Громко хлопнула дверь. Один из спящих проснулся, ошалело посмотрел вокруг и просипел:

– Вы чё тут разорались? Поспать дайте... – и снова захрапел.

– Товарищ Мессинг все видит, да, видать, теперь не скоро скажет, – задумчиво проговорил один из раненых, глазевших в потолок.

– Только и знает, что дрыхнет, и все ему мало, – буркнул Василий.

– А вот тебе и другой сортирчик, – довольно воскликнул один из игроков. – Какой у нас счет? Двадцать семь – один, во как! – и довольно рассмеялся. – Пятьдесят четыре сортира я тебе соорудил, хе-хе-хе...

Поздним вечером Мессинг возился в маленькой комнате, которую они оборудовали под кухню. Она была без двери и соединялась сразу с большой гостиной. Здесь стояли керогаз и керосинка, на небольшой тумбочке теснились несколько кастрюль и сковородок. Надев поверх белой рубашки фартук Аиды Михайловны, Мессинг готовил ужин. На керогазе грелся чайник, а на керосинке шипела на сковороде яичница с колбасой.

На столе были приготовлены тарелки, чашки, ножи и вилки. Уютно светила лампа под матерчатым бежевым абажуром. По радио негромко звучала музыка.

В прихожей щелкнул замок входной двери.

– Аидочка! Уже все готово! – громко проговорил Мессинг, выключая горелку под сковородой. – Не хватает только хлеба и карамелек к чаю!

Послышались тяжелые шаркающие шаги, и на кухню вошла Аида Михайловна в расстегнутом габардиновом плаще и с пустой сумкой в руках. Вошла, обессилено опустилась на табуретку у двери. Мессинг с тревогой посмотрел на нее.

– Что случилось, Аидочка? Я чувствую, тебя обокрали...

– Да. Все продуктовые карточки... и на будущий месяц тоже... – Аида вдруг всхлипнула. – Я кошелек все время в руке держала, один раз в карман сунула, когда платок носовой доставала... как он успел, паразит, кошелек вытащить, ума не приложу...

– Ну и хорошо... ну и наплевать. – Мессинг подошел, обнял жену. – У нас сухари есть... чай с сухариками – прекрасно!

– И без сахара... – слабо улыбнулась Аида Михайловна, прижавшись всем телом к Мессингу.

– Кусочек достанем – будем пить вприглядку, – улыбнулся Мессинг. – Я в детстве так часто чай пил... Кусок сахара лежит на блюде на столе, и все пьют горячий чай и смотрят на этот кусок... Не поверишь, честное слово, было полное ощущение, что я пью сладкий чай...

– Я себе такого внушить не смогла бы, – усмехнулась Аида Михайловна. – Ты действительно гений гипноза, Вольфушка...

– А у нас, между прочим, весь следующий месяц сплошные гастроли... по воинским частям... на заводе “Красный пролетарий” – а там везде всегда накормят, – с облегчением в голосе проговорил Мессинг. – Так что и карточки не понадобятся...

Из коридора раздались осторожный стук в дверь и слабое дребезжание звонка.

– Я никого не жду! – громко сказал Мессинг, выходя в прихожую.

Когда Вольф Григорьевич открыл дверь, то увидел толпившихся у двери Осипа Ефремовича, Дормидонта Павловича, Артема Виноградова, Артура Перешьяна и Раису Андреевну. Раздался многоголосый дикий визг и радостные крики:

– Вот он! Вот он где окопался!

– Бояре, а мы к вам пришли!

– Не орите вы, ради Бога, сейчас вся администрация сбежится!

– Смотрите, братцы, а он совсем не рад – рожа ки-и-ислая!

– Не кислая, а обалдевшая! – засмеялся Мессинг. – Проходите же, проходите! Аидочка, смотри, кто к нам приехал!

И скоро в номере стало тесно и шумно. Дормидонт, сидя за столом, быстро и ловко вскрывал банки с тушенкой и деликатесными шпротами, Артем Виноградов разделявал малосоляного омуля, разложив его на старой газете. Аида Михайловна чистила картошку, Осип Ефремович складывал ее в большую кастрюлю и мыл под умывальником, а Артур тут же крошил ее на большую сковороду. Раиса Андреевна на уголке стола медленно, тонкими, почти прозрачными ломтиками нарезала сыр. И галдеж стоял невообразимый.

– Умоляю, товарищи, тише! – просила Аида Михайловна. – Дежурная прибежит, орать будет как зарезанная.

– А тут, понимаешь, начальником Москонцерта назначили Вадьку Свинопасова... – продолжал тараторить Осип Ефремович.

– Отличная фамилия! – усмехнулся Дормидонт Павлович.

– А то! А мы с ним старые знакомцы – в Тбилиси работали вместе, потом в Баку... Вот он и звонит, как снег на голову – хочешь, говорит, в Москве работать? У меня дыханье сперло, даже ответить не могу. Все понял, говорит, бери с собой самых лучших и дуй в Москву... – рассказывал, заикаясь от торопливости, Осип Ефремович. – И вот мы здесь, Вольф Григорьевич! Пока поселили в общежитие на Трифоновской... ничего, прилично. В Новосибирске, помните, и похуже жили... В барак сами уголек таскали...

– Я безумно рад! – ответил Мессинг. – Я просто счастлив!

– А мы про ваши успехи там наслышаны были! – проговорил Артур Перешьян. – Как вы на заводах выступали! В воинских частях! Вы теперь знаменитость – на весь Советский Союз!

– Что вы, Артур, скажете тоже... – отмахнулся Мессинг.

– А это правда, что вы с товарищем Сталиным встречались? – со священным трепетом в голосе спросила Раиса Андреевна. – Говорят, что...

– Сплетни, Раиса Андреевна, – заверил ее Мессинг, честно глядя в глаза пожилой женщине. – Яуже столько про себя сплетен слышал – иной раз волосы дыбом встают...

– Братцы, пора за стол! – громыхнул басом Дормидонт.

Артур Перешьян расставлял тарелки, Аида Михайловна раскладывала рядом ножи и вилки, ставила рюмки.

– Подождите! Сейчас картошечка дойдет! – проговорил Осип Ефремович.

– Закуски выше крыши! Омулечек! Тушеночка! Сыр-р-р! Прошу наполнить бокалы! – Дормидонт уже разливал водку по рюмкам. – Со свиданьем, друзья дорогие Аида Михайловна и Вольф Григорьевич!

Милый друг, наконец-то мы вместе,
Ты плыви, моя лодка, плыви,
Сердцу хочется радостной песни
И хорошей большой любви-и-и! —

пропела Раиса Андреевна.

Все захохотали и стали чокаться.

– Со свиданьем, Вольф Григорьевич!

– Со свиданьем, мои дорогие!

Восточный фронт, 1944 год

В безоблачном небе вели бой пять самолетов. Четыре “юнкерса” и один наш “Илюшин” выписывали замысловатые круги и петли, стараясь зайти друг другу в хвост. Четверо охотились за одним, и этот один, с красными звездами на крыльях, семью звездочками у кабины пилота и с большой надписью “ВОЛЬФ МЕССИНГ” на обоих боках, вертелся чертом, уходил от них, обрушиваясь в пики и взмывая свечой вверх. Глухо стучали пулеметы, и на фюзеляже “Илюшина” появлялись все новые и новые черные отверстия. Но вот он круто развернулся и успел зайти в хвост одному из “юнкерсов”. Застучал пулемет, и немецкая машина вдруг задымила черным дымом, короткие хвосты пламени стали вырываться из-под крыльев, из мотора, и “юнкерс”, истошно воя, стремительно пошел к земле и вонзился в нее. Хлестанул короткий взрыв.

А бой в небе продолжался. Осмелевший “Илюшин” снова выписал петлю в небе и нырнул под брюхо второму “юнкерсу”. И хотя за “Илюшиным” по пятам шел еще один “юнкерс”, стреляя из пулемета, и трассирующие траектории снарядов пропарывали воздух вокруг русского самолета, тот все же вынырнул под брюхом у противника и чуть ли не разрезал его пополам очередями из пулемета в упор. И взмыл вверх, уходя в светлую синь неба.

Второй “юнкерс” загорелся сразу, черный дым окутал его, и раздался взрыв – обломки немецкого самолета закружились, завертелись в воздухе, падая вниз.

Два оставшихся “юнкерса” отвалили в сторону, истошно воя, и скоро растворились в небе.

“Илюшин” вынырнул из синевы, снизился и потянул над землей в другую сторону...

...Израненный истребитель, кренясь на правый бок, все же удачно совершил посадку, подпрыгнул и покатился по полосе, поднимая тучу пыли. Остановился и замер. Все медленнее вращались винты мотора. И по всему фюзеляжу, по красным буквам “ВОЛЬФ МЕССИНГ” и звездочкам, означаям количество сбитых самолетов, были

рассыпаны черные пулевые пробойны от пулеметных выстрелов. Винты остановились, медленно отодвинулся блистер, но пилот из кабины не вылез. Видимо, не мог сам выбраться.

По краям летного поля тянулись ряды ангаров, перед которыми стояли боевые самолеты, и вокруг них и внутри возились люди в комбинезонах. Они оглядывались на садящийся самолет, через некоторое время к нему уже бежали люди в бушлатах и гимнастерках.

Приставив стремянку, здоровенный механик Коля поднялся на крыло:

– Константин Сергеич? Ранен?

– Ранен... черт бы ее... нога... в унту столько крови натекло – шевельнуть не могу... – морщась от боли, ответил летчик Ковалев.

– Смотри ты, первый раз тебя угораздило – все Мессинг берег...

– Да там такая каша была, что никакой Мессинг не уберег бы.. – чертыхнулся Ковалев. – Четверо на одного, суки поганые...

– Живой все же, – подмигнул механик Коля. – Значит, помог Мессинг ...

Механик закинул руку Ковалева себе на шею, обхватил его под мышки и стал вытаскивать из кабины.

Ковалев, морщась и пыхтя, старался помочь. Наконец механик вытащил летчика на крыло, крикнул:

– Давай, принимайте. По стремянке он не сможет – нога у него!

Двое встали под крыло и протянули вверх руки. Механик Коля начал осторожно спускать грузное тело Ковалева вниз. Механики на земле подхватили его и так же бережно поставили, придерживая с двух сторон. Ковалев опирался на них, держа раненую ногу на весу, с мохнатого унта на землю стекали частые капли крови.

– Гляди, как из унта льет... – пробормотал один из механиков.

– Я ж говорю, полные крови... внутри хлюпает, – ответил Ковалев.

В это время подбежали два санитары с носилками. Ковалева уложили на них, подняли и понесли.

Механик Коля оглядел самолет, тихо присвистнул:

– И-э-эх, латать нам не перелатать...

Санитары понесли Ковалева к двухэтажному деревянному строению. У входа их поджидал командир полка, полковник Иван Суходрев в расстегнутом кожаном пальто, из-под которого виднелась гимнастерка с множеством орденов и медалей. Комполка курил

папиросу и смотрел, как через поле на носилках тащат раненого. Рядом с ним стоял майор средних лет в перетянутой ремнями шинели. Комполка помахал рукой, и санитары поднесли Ковалева поближе к нему.

– Ну что, Костя? – комполка двинулся навстречу носилкам, присел на корточки. – Куда зацепило? Ногу? Живот?

– Да ногу, будь она неладна... – Ковалев приподнялся, усмехнулся. – Разрешите доложить, товарищ командир полка. В разведывательном полете нарвался на четверку “юнкерсов”. Принял бой. Поджег две машины противника. У меня все в порядке. Много дырок в фюзеляже, и гашетку пулемета заклинило.

– Слава Богу, бензобак не рванул, – ответил комполка Суходрев и ухмыльнулся. – А ведь точно, тебя этот Мессинг охраняет. Один против четверых и живой вернулся – я тебе говорю, точно охраняет!

– Выходит, так... – тоже улыбнулся Ковалев. – Я его каждый день вспоминаю...

Подошел майор в шинели, молча пожал Ковалеву руку.

– Надо же – двоих сжег, – покачал головой Иван Суходрев. – Молодец. Считаю, представление об очередной награде уже написал.

– Служу Советскому Союзу! – Ковалев приложил руку к кожаной ушанке с большими очками-консервами.

– Я к тебе в госпиталь загляну. Держись, – сказал комполка Суходрев и поднялся. – Несите.

– Когда выйду, чтобы машина была как новенькая, – сказал Ковалев, когда его уносили внутрь здания.

– Будет, будет. Сам прослежу... – усмехнулся полковник Суходрев.

Москва, 1944 год

А Вольф Мессинг в это время выступал в заводском цехе. Молчали ряды станков, и между рядами толпились рабочие и работницы, в промасленных телогрейках и брезентовых куртках. Головы женщин повязаны платками, видны только их лица, глубоко запавшие глаза, худые, провалившиеся щеки. Рядом со станками – раскладушки, иногда людям приходилось спать после смены прямо здесь, не уходя из цеха.

Мессинг стоял на невысоком помосте вместе с заводским начальством, тремя мужчинами в полувоенных френчах и фуражках. Они держались чуть в сторонке, а Мессинг, выступив вперед,

разговаривал с рабочими, вертя головой во все стороны, потому что слушатели окружили его плотной стеной. Вот он сказал какую-то фразу, и все рассмеялись, захлопали. Потом на помост взобрался шустрый подросток лет четырнадцати, тощенький, лопухий, с худым личиком и большущими шустрыми глазенками. На нем была телогрейка, явно с чужого плеча, и большие, не по размеру, растоптанные сапоги. Мессинг поздоровался с ним за руку и о чем-то спросил, низко наклонившись. Подросток смущенно ответил, постреливая глазами по сторонам.

Рабочие снова засмеялись и захлопали. Начальство, стоявшее на помосте, тоже улыбалось и сдержанно аплодировало. Потом подросток зажмурился и замер – по просьбе Мессинга он загадал желание. Мессинг поглядел на него, затем достал из кармана черную повязку и подошел к одному из начальников, протягивая повязку ему. Тот удивился, пожал плечами, завязал Мессингу глаза. Вольф Григорьевич осторожно спустился с помоста по перекладинам короткой лесенки и медленно пошел по цеху с закрытыми глазами. Рабочие расступались, глядя на Мессинга с суеверным страхом – человек с завязанными глазами уверенно шел по цеху, обходя станки, ящики, ведра, груды готовых деталей и стоящих перед ним людей.

Вдруг Мессинг остановился перед девочкой лет пятнадцати, худенькой, с тонкими косичками, как рожки торчащими в разные стороны, с большим ртом на исхудалом лице и большими голубыми глазами. Вид у нее был такой же усталый, как у всех, и одета она была неказисто – телогрейка поверх ситцевого платица и сапоги явно не по размеру. Мессинг протянул к девочке руку, и она испуганно попятилась. Но Мессинг успел взять ее за руку и повел обратно к помосту. Девчушка чуть сопротивлялась, но шла, с растерянной улыбкой глядя на лица рабочих.

Мессинг подвел ее к помосту и жестом предложил ей подняться. Она стала отказываться и даже спрятала руки за спину. Мессинг что-то сказал ей на ухо, улыбнулся и снова предложил подняться на помост. Девочка нехотя повиновалась.

Она взобралась по ступенькам и сердито зыркнула глазами на подростка. Начальники заулыбались и перекинулись парой фраз. Мессинг стоял перед молоденькой работницей, повернувшись к ней лицом, и она смотрела на него как замороженная. Потом Мессинг

медленно снял повязку и взглянул прямо в глаза девочке. Она смущенно улыбнулась.

В это время подросток медленно подошел к ней, взял за руку и тоже поглядел ей в глаза. Она замерла, а потом вдруг придвинулась к нему, продолжая улыбаться, и поцеловала подростка в щеку. На губах мальчишки появилась дурашливая улыбка, и он тоже поцеловал ее в щеку.

И тут она пришла в себя. Стыд и гнев окрасили румянцем ее щеки, а глаза вспыхнули, как у разъяренной кошки. И девочка с силой хлестнула паренька по лицу ладонью.

Цех разразился смехом, рабочие стали хлопать, что-то кричали. Это еще больше разозлило девочку, она бросилась с кулаками на Мессинга, и если бы он не перехватил ее тонкие ручки, то наверняка тоже получил бы по физиономии. Он наклонился к девочке, держа ее за руки, заглянул ей в глаза и стал что-то говорить, успокаивая...

Паренек, поняв, что дело плохо, быстро спустился с помоста и юркнул в толпу рабочих. Он пробирался между людьми, получая со всех сторон тычки и подзатыльники от женщин.

И тут взревела сирена. Начальники на сцене демонстративно повернулись к часам, висевшим на стене цеха. Рабочие и работницы нехотя начали расходиться к своим станкам. Девочка вырвалась из рук Мессинга и стала быстро спускаться по лесенке, топая большими сапогами. Спрыгнула на бетонный пол и побежала к станку. На бегу обернулась, посмотрела на Мессинга веселым взглядом и помахала ему рукой.

И Мессинг, улыбнувшись, помахал ей рукой в ответ. Тут к нему подошел один из начальников, жестом пригласил куда-то и еще что-то сказал, улыбаясь.

– Так где вы живете? – спросил Мессинг, сидя в машине рядом с шофером и повернувшись к заднему сиденью, где примостились паренек и девушка. Они были в тех же телогрейках и сапогах, что и в цеху. Парочка, улыбаясь, глазела на Мессинга.

– В Марьиной роще... третья Мещанская, дом девять, во дворе барак стоит... – бойко ответил паренек.

– Значит, в одном бараке живете?

– В одном, – подтвердил паренек. – У нас коридор общий.

– Зоя, ну ты больше на него не сердисься? – Мессинг глянул на девчонку.

– Что с него взять? – вздохнула она. – Опозорил перед всеми...

– Да ладно, опозорил... – обиженно протянул паренек. – А то ты ходишь, как эта... спящая красавица.

– А ты Иванушка-дурачок, – ответила Зоя. – На весь цех посмешище... Тебя же ни один человек всерьез не воспринимает.

– А тебя воспринимают, да? Воспринимают? Пигалица! – взъярился паренек.

– Кажется, вы давно друг друга знаете? – спросил, улыбаясь, Мессинг.

– Да мы родились в один день! – ответил паренек. – И в школу вместе пошли, и до школы... в одном коридоре... и потом... даже рассказывать скучно.

Мессинг тихо рассмеялся и спросил:

– И до сих пор она ни разу тебя не поцеловала?

– Да ну ее! Больно надо!

– Он хотел меня поцеловать. Когда наши отцы на фронт уходили. Так я ему так дала – у него зуб сломался! – Зоя засмеялась.

Мессинг тоже засмеялся, покачал головой:

– Ну, какая ты суровая девушка!

– Да я тогда выпимши был, – скривился паренек. – Не соображал... А так и не больно-то и надо!

– Ах, не надо? – вскинулась Зоя. – А чего ж тогда такое желание товарищу Мессингу загадал? Какой ты все-таки подлый, Венька, видеть тебя не хочу! – и Зоя отвернулась, стала смотреть в окошко, за которым проплывала ночная темная Москва. Лишь в редких окнах домов светили огни.

– Ну вот ваша третья Мещанская, – сказал водитель. – Где сворачивать?

– А вон третий барак начнется, сразу за ним можно... – ответил Веня.

– На работу когда вам? – спросил Мессинг.

– В шесть утра.

– Пять часов осталось, – посмотрел на часы Мессинг. – Ну хоть выпитесь...

– Выспимся! – улыбнулся Веня. – Мы привыкли совсем мало спать.

Газик, обтянутый брезентом, урча, свернул за бараком во двор, остановился. Окна длинного барака почти все были освещены. Ребята выбрались из машины.

– Спасибо, товарищ Мессинг... До свидания, – сказал Веня.

– Спасибо, что к нам приехали, – поблагодарила Зоя. – Все рабочие очень довольны.

– Спасибо вам, – ответил Мессинг. – Вы золотые ребята... Да, чуть не забыл, когда поженитесь, на свадьбу обязательно позовите. Договорились?

– Мы не поженимся... – покачала головой Зоя. – Ни за что...

– Поженитесь! Это я вам говорю, Вольф Мессинг! – И он захлопнул дверцу.

Газик взревел и дернулся с места, покатил. Зоя и Веня посмотрели друг на друга и побрели к бараку.

И снова неутомимые артисты давали представления, и это происходило не только в Москве и Подмосковье, но и почти на всей освобожденной территории Советского Союза.

Выступление перед рабочими танкостроительного завода уже подходило к концу. Крыша в цехе во многих местах была проломлена, сквозь нее виднелось темнеющее небо, и легкий дождичек накапывал сквозь дыры прямо на ряды станков, ящики с продукцией, на рабочих, сгрудившихся вокруг сколоченного из досок помоста. Люди с азартом хлопали, провожая артистов, а те, взявшись за руки, кланялись, с усталыми и счастливыми лицами.

– Так, товарищи, теперь у нас торжественный ужин, – сообщил артистам плечистый человек в военной фуражке, в шинели поверх полувоенного френча, на котором сверкали два ордена Красного Знамени, два ордена Красной Звезды и множество медалей. – Прошу следовать за мной. У нас там есть закуточек, где крыша целая и тепло – там мы и стол накрыли.

– Нам бы до ночлега поскорей добраться, – жалобно проговорил кто-то из артистов. – Мы третью ночь не спим...

– Вас проводят, товарищи, выспитесь, – улыбнулся человек в шинели и повел артистов с помоста в глубь цеха – там начинались еще какие-то строения. – Ну не могу же я отпустить вас без ужина! Вот

особенно с товарищем Мессингом все инженеры по рюмочке выпить хотят – сами на стол собирали, из своих пайков. Отказываться никак нельзя...

– А мы вам товарища Мессинга одного делегируем, а сами баиньки пойдем, – сказал кто-то.

– Нет, нет, никак нельзя...

Они вышли во двор завода – громадное пространство, тянувшееся в обе стороны от входа. Вдали виднелись остовы разрушенных снарядами зданий, груды кирпича и щебня, погнутых и искореженных металлических конструкций.

– Бодренько идем за мной, товарищи! – скомандовал человек в шинели и первым пошел через двор.

Артисты двинулись за ним. Мессинг шел и оглядывался по сторонам. Присмотревшись, он понял, что на развалинах работают не рабочие, а военнопленные. Небритые исхудавшие немцы в обгоревших рваных шинелях, русских телогрейках и вообще в каком-то немыслимом гражданском тряпье.

Мессинг замедлил шаги и подошел ближе к развалинам. Немцы разбирали кирпичные завалы. Целый кирпич грузили на носилки и относили в глубь двора, где складывали в штабеля. Мессинг смотрел, как они работают, и вдруг увидел...

Он даже вздрогнул... он увидел Генриха Канариса. Его трудно было узнать – похудевший, с черной густой щетиной, почти бородой, в солдатской немецкой кепке, натянутой на глаза, на шее грязный шерстяной шарф, и поверх свитера телогрейка, рваная во многих местах. На ногах – русские кирзачи.

...Словно молния осветила прошлое, и Мессинг увидел Канариса в черной ээсовской форме, стоящего у автомобиля. Он улыбался и что-то говорил Мессингу.

А по варшавской улице бежали Цельмейстер и Лева Кобак, бежали тяжело, медленно. И вот прогремели выстрелы, и они попадали на булыжную мостовую... один за другим...

А Канарис продолжал что-то говорить Мессингу, жестом приглашая его сесть в машину.

...И тут же вспомнилось ему варшавское гестапо – Вольфа Григорьевича обыскивали двое ээсовцев, а Канарис стоял у стола и снова что-то говорил и победоносно улыбался...

Мессинг подошел еще к работающим немцам поближе и громко позвал:

– Канарис! Генрих! Господин группенфюрер!

Канарис услышал и выронил кирпич, который держал в руках. Он отвернулся и хотел было уйти в глубь развалин, но Мессинг вновь громко заговорил, подойдя еще ближе:

– Куда же вы, господин группенфюрер? Я все эти годы мечтал встретиться с вами.

Канарис обернулся, с ненавистью посмотрел на Мессинга и закусил губу.

– Вы ведь группенфюрер? Я читал в Советском Союзе польские оккупационные газеты и позавидовал вашему успешному продвижению по службе.

– Что вам от меня надо? – тихо спросил Канарис.

Они говорили по-немецки, и другие пленные стали оборачиваться на них. А русские солдаты конвоя, человек двенадцать стояли вокруг костра, закинув автоматы за спины, грелись у огня и не обращали на разговор внимания.

– Мне от вас? – удивился Мессинг. – Всегда было так, что вам от меня что-то требовалось... Помните, я спасал вас от долгов? Помните, вас за долги хотели даже убить? Скажите, а почему вы, высший офицер СС, среди простых военнопленных? Среди солдат? Опять выдаете себя не за того, кто вы есть? Мне жаль вас, Канарис, всю жизнь вы прожили мошенником... Думаете, вам опять сойдут с рук ваши кровавые дела?

– Вы меня выдадите? – выдавил из себя Канарис.

– Неужели вы в этом сомневаетесь? – улыбнулся Мессинг. – На вас кровь моих родных... кровь моих друзей... на вас кровь десятков тысяч людей...

– Дуррак... – процедил Канарис. – Ничтожный, еврейский дур-рак, возомнивший себя провидцем... Говоришь, на мне кровь десятков тысяч? А я сейчас жалею только об одном – что на мне нет твоей крови... Мне надо было прикончить тебя там... в океане... на борту теплохода... Будь ты проклят. Мессинг. – Лицо Канариса передернулось.

Он повернуля и пошел за груды битого щебня.

Мессинг не стал его догонять. Оглядевшись, он направился к солдатам у костра, спросил:

– Скажите, а где начальник конвоя?

– Ну я начальник, – обернулся к нему молодой парень в полушубке с погонами старшего лейтенанта и пистолетной кобурой на ремне.

– Там, среди пленных, находится военный преступник, – сказал Мессинг. – Я его узнал. Это замначальника варшавского гестапо группенфюрер СС Генрих Канарис. Он повинен в массовых расстрелах евреев и польских сопротивленцев...

– Где, где? – восторженно спросил старший лейтенант. – Пойдемте, покажете. Семенов, Галкин, за мной!

...Канарис увидел, что к нему направляется начальник конвоя и двое красноармейцев и следом за ними идет Мессинг.

Генрих подул на окоченевшие пальцы и присел за глыбой сплавившегося, обгоревшего кирпича. Он медленно сунул руку за пазуху, вытащил пистолет, с трудом передернул плохо слушавшимися пальцами затвор и приставил дуло к виску.

Когда старший лейтенант и Мессинг были в трех шагах от глыбы кирпича, в сумрачном воздухе сухо щелкнул выстрел...

Аида Михайловна лежала на диване в гостиной номера, закутавшись в серую шерстяную шаль, и читала книгу. Над головой светила лампочка торшера с золотистым матерчатым абажуром с мелкими кисточками. Вдруг она положила раскрытую книгу на грудь и чуть поморщилась от какой-то боли, медленно опустила руку на живот и закрыла глаза. Некоторое время лежала неподвижно, прислушиваясь к боли внутри себя.

Из прихожей донесся громкий стук. Аида Михайловна встала, сунула ноги в домашние тапочки и медленно пошла открывать.

На пороге стояла администратор в черном мужском костюме и белой шелковой блузке, строгая и неприступная:

– Здравствуйте, Аида Михайловна. Тут к вашему мужу... Я им сказала, что Вольфа Григорьевича нет дома, а они... – Она оглянулась.

За ней стояли капитан Никита Суворов и медсестра Настасья. Легкое платье девушки обтягивало фигуру, и было видно, что она беременна. На ее лице играла спокойная, умиротворенная улыбка. Капитан Суворов немного кренился набок, но на ногах держался

твердо, хотя и не без помощи костыля. Вместо одной ноги у него была деревянная култышка. В шинели без погон, в фуражке с красным околышем, черноволосый и черноглазый, он выглядел веселым и счастливым. Капитан стащил с головы фуражку, плечом грубовато отодвинул администратора и проговорил, волнуясь:

– Извиняюсь... а Вольфа Григорьевича нет?

– Он на концерте. Должен скоро быть. Он вам очень нужен? Можете подождать его. Проходите, пожалуйста. Я вас чаем угощу. – Аида Михайловна строго глянула на администраторшу, которая стояла рядом, жадно прислушиваясь. – Спасибо, Таисия Никодимовна, я вас больше не задерживаю.

Администраторша презрительно фыркнула и застучала каблучками по длинному, как кишка, коридору.

– Проходите... – вновь предложила Аида Михайловна.

– Да нет, спасибо... пойдём мы. Вы ему передайте, пожалуйста, заходили Суворов Никита и Настасья.

– А кто вы?

– Да он в госпитале выступал... зимой. Вы не помните? А мы... я то есть, лежал тогда, а Настя медсестрой там... Она и щас там работает. Так вы передайте... поженились мы и уже ребеночка ждем, – капитан Суворов улыбнулся жене, и Настасья улыбнулась в ответ. – Так что все идет, как Вольф Григорьевич сказал, по плану... Спасибо ему передайте...

– Обязательно передам. Зря не хотите подождать – он был бы очень рад.

– Спасибо, в другой раз... – капитан опять улыбнулся, – с детьми уже зайдем...

И медсестра Настасья тоже улыбнулась, и Аида Михайловна улыбнулась им в ответ. Они повернулись и пошли по коридору. Капитан одной рукой оперся о жену, она чуть приподняла плечо и подстроила свой шаг под его ковыляющую походку, и так они шли вдоль поблескивающих в свете плафонов дубовых дверей с серебряными номерами.

Аида Михайловна смотрела им вслед, и выражение ее лица было печальным и светлым одновременно.

Стадион еще пустовал, хотя самые рьяные болельщики уже рассаживались на скамейках. Осип Ефремович буквально тащил

Мессинга за руку по проходу, а тот упирался:

– Смотри, сколько свободных мест, Осип, куда ты меня тащишь?

– Через полчаса все эти места будут заняты. А у тебя место в ложе. Не дури, Вольф, ты мне надоел со своей скромностью. Я эти билеты зубами выдирал!

Они поднимались по ступенькам все выше и выше и наконец подошли к ложе, огороженной деревянным барьером. Возле маленькой калитки стоял милиционер. Он проверил у Осипа Ефремовича и Мессинга билеты, козырнул и открыл калитку. Они прошли внутрь ложи. Здесь тоже было много свободных мест, в противоположной от входа стороне стоял круглый стол, вокруг которого расположились на стульях четыре человека, видимо очень важные персоны. Один, в расстегнутом генеральском кителе, что-то все время оживленно говорил и громко смеялся. Остальные трое мужчин за столиком казались старше его по возрасту, но смотрели на молодого генерала подобострастно и даже угодливо улыбались.

Мессинг и Осип Ефремович сели подальше от стола и поближе к барьеру. Отсюда футбольное поле отлично просматривалось. Подошел официант, и Осип Ефремович заказал:

– Две бутылки “Жигулевского”, пожалуйста.

Один из спутников молодого генерала, мужчина средних лет в светлом костюме, что-то тихо сказал ему, скосив глаза в сторону Мессинга. Генерал всем телом повернулся и с интересом уставился на Вольфа Григорьевича.

В ложу вошли еще три важных зрителя в темных габардиновых плащах, под которыми виднелись зеленые полувоенные френчи. Они расселись за столиком посередине ложи. К ним подскочил официант и стал выслушивать заказ, подобострастно склонившись вперед.

Молодой генерал резко встал из-за столика, прошел через ложу, остановился, пристально и с усмешкой глядя на Мессинга.

– В чем дело, товарищ генерал? – спросил Мессинг.

– Ты Вольф Мессинг? – широко улыбнулся генерал и сел на свободный стул. – А я – Василий Сталин. Ну что, будем знакомы? – И он протянул руку.

– Будем знакомы. – Мессинг протянул руку, и состоялось крепкое рукопожатие.

Василий Сталин щелкнул пальцами, и тут же из-за столика, где он сидел раньше, поднялся мужчина в светлом костюме, взял большую рюмку, бутылку коньяка и, быстро подойдя, поставил коньяк перед сыном Сталина.

– Еще пару рюмок сообрази, а? – поморщился Василий.

Мужчина быстро отошел.

– Говорят, ты с отцом моим встречался? – поинтересовался Василий Сталин.

– Да, товарищ Сталин оказал мне честь и пригласил на встречу, – улыбнулся в ответ Мессинг.

– И с Берией встречался? – вновь ухмыльнулся Василий.

– Да, встречался...

Вновь подошел мужчина в светлом костюме, поставил на стол две пустые рюмки и остался стоять, ожидая дальнейших приказаний.

– Ну иди, чего встал? – недовольно глянул на него Василий Сталин.

Тот молча удалился, бросив на Мессинга изучающий взгляд.

– Ну и как тебе Берия? – весело спросил Василий, разливая коньяк по рюмкам. – Тебя как по батюшке?

– Григорьевич.

– И как тебе товарищ Берия? – повторил Василий Сталин, поставил бутылку на стол и небрежно ухватился за рюмку.

– Выдающийся большевик, верный соратник вождя и учителя товарища Сталина, – спокойно сказал Мессинг, глядя Василию Сталину в глаза.

И младший Сталин вдруг захохотал, так громко и заразительно, что Мессинг не выдержал и тоже рассмеялся, а следом угодливым смешком разразился и Осип Ефремович.

– А ты хохмач, Вольф Григорьевич, с юмором мужик! – отсмеявшись, проговорил Василий Сталин и, еще раз чокнувшись своей рюмкой о рюмку Мессинга, махом выпил, повторил: – Хохмач ты, товарищ Мессинг.

Стадион между тем заполнился, и на поле под свист трибун выбежали футболисты в сине-белой и красной форме и судья в черном. Началась игра. Стадион сдержанно гудел, иногда взрывался криками и свистом.

Василий Сталин был весь в игре. Он смотрел, вытянув шею, то и дело стучал себя по колену кулаком и кричал:

– Гринин, собака, выгоню! Николаев! По краю работай, по краю! – Вдруг он повернулся к Мессингу, и тот увидел горящие восторгом глаза, нервно искривленные губы. – Видал, а? Мои с бериевскими сражаются! Молодцы ребята! Гвардейцы!

– А какие ваши? – спросил Мессинг, тоже глядя на поле.

– А ты не знаешь? Ты что, с Луны свалился, Мессинг? Мои – ВВС! Бело-голубенькие! Ты чего, первый раз на футболе? – искренне изумился Василий Сталин. – Да ты тогда ничего в жизни не видел! Смотри!

Мессинг стал старательно смотреть на футбольное поле. Он видел, как бело-голубая фигурка стремительно бежала вдоль кромки поля, а ее догоняли две красные фигурки, всячески мешая бело-голубому продвигаться вперед и пытаясь отнять мяч. Но тот все же умудрился проскочить к самому краю и подал мяч прямо в штрафную площадку, куда в это мгновение прибежали еще несколько красных и бело-голубых фигурок. И одна бело-голубая высоко подпрыгнула и головой перевела мяч прямо в угол ворот. Стадион взревел густым ревом, люди вскакивали со скамеек, размахивали руками, что-то кричали, свистели и смеялись.

Василий Сталин резко повернулся к Мессингу, стукнул его кулаком в плечо и заорал с безумными глазами:

– Ты понял, да? Ты понял, как он их сделал?! Как последних фраеров!

В это время в окружении нескольких мужчин спортивного телосложения в штатских костюмах в ложу вошел еще один генерал, высокий, статный, с внушительной орденской колодкой на груди. Увидев его, Василий Сталин осекся, лицо его сделалось каменным.

– День добрый, Василий Иосифович, – сухо улыбнулся генерал.

– Добрый... товарищ Абакумов, – едва слышно ответил Василий Сталин и быстро налил себе еще коньяка. Выпил и вдруг улыбнулся: – Как мои вашим воткнули? Лиха беда начало! Еще пару баночек вам закатим!

– Посмотрим, Василий Иосифович, посмотрим. Как говорится, цыплят по осени считают.... – улыбнулся Абакумов, присаживаясь на

свободный стул у барьера. – Немцы тоже у Москвы были, а где они сейчас, а? – И Абакумов захохотал, довольный своей фразой.

Василий Сталин хмуро смотрел на поле, и под скулами у него играли желваки. Вдруг он перевел взгляд на Мессинга, весело подмигнул ему и улыбнулся.

По зеленому полю носились бело-голубые и красные фигурки футболистов. Стадион ревел, словно море во время хорошего шторма...

Вдруг Василий Сталин переставил стул поближе к Мессингу, сел и, наклонившись, тихо спросил:

– Ну скажи, кто выиграет? Мои летуны или динамовцы?

– Не знаю... – пожал плечами Мессинг, глядя на поле.

– Как не знаешь? – удивился Сталин-младший. – А мне говорили, ты будущее запросто предсказываешь. Врали, да?

– Да нет... не совсем... – ответил Мессинг и вновь почувствовал на себе царапающий взгляд всемогущего начальника контрразведки.

Стоявший рядом с Абакумовым человек в светлом штатском костюме наклонился и стал что-то шептать ему. Абакумов вновь покосился в сторону Мессинга.

– Ну попробуй, угадай, товарищ Мессинг, – горячо зашетап Василий Сталин. – Очень хочется этим гадам шип в задницу вставить.

– Ваши... то есть ВВС, выиграют... – сказал Мессинг. – Три—один выиграют...

– Ну ты даешь, товарищ Мессинг! Ну если выиграют – ящик коньяку тебе ставлю!

И в это время бело-голубые забили второй гол в ворота красных. Снова стадион взорвался аплодисментами, одни болельщики вскочили со скамеек, размахивая руками. Другие удрученно скребли в затылках и даже плевались с досады.

Абакумов сидел с каменным лицом, потом вдруг опять покосился в сторону Мессинга, и тот встретился с ним глазами. Взгляд Абакумова не предвещал ничего хорошего.

А Василий Сталин налил себе еще коньяку, выпил и закурил папиросу. Он сидел радостный, глядя на поле и потирая руки...

Мессинг посмотрел на Осипа Ефремовича, который вел себя так, будто его разбил паралич – не шевелился, молчал, не пил и не ел от страха. Поймав взгляд Мессинга, он сразу поднялся. Василий Сталин немедленно отреагировал:

– Вы куда?

– Мы на минуту заехали. Нам пора. Работа, Василий Иосифович, – сказал Мессинг.

– Какая работа? Матч кончится – в “Асторию” поедem, отметим победу! Я вас с футболистами познакомлю! Геройские ребята! Повеселимся от души!

– Спасибо, Василий Иосифович, но у меня концерт. Я не имею права опаздывать ни на минуту – за опоздание на работу тюрьма, разве не знаете? – Мессинг поднялся из-за стола.

– Да знаю, знаю! – поморщился Василий Сталин. – Я скажу – вашему начальству позвонят, все будет нормально.

– К сожалению, зрителям, которые будут меня ждать, ваши люди позвонить не смогут.

– Ладно. Жаль. Ты мне понравился, товарищ Мессинг. Так три—один, говоришь?

– Три—один, – ответил Мессинг.

– Ладно, буду ждать третьего. – Василий встал, протянул руку. – Ну, будь здоров, Мессинг! Приходи! Когда ВВС играет, я всегда здесь! Слушай, а ты хоккей видел? – вдруг спохватился Василий Сталин.

– Н-нет... а что это? Тоже игра?

– Ну ты даешь, Мессинг! Прямо Ванек из брянского леса! Это такая захватывающая игра! Это... – он задумался, махнул рукой. – Ладно, не мешай смотреть! Будь здоров!

– До свидания. Увидимся в другой раз. – Мессинг пожал протянутую руку и не спеша направился из ложи.

В спину ему смотрел Абакумов...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Москва, лето 1944 года

Сталин медленно прохаживался вдоль длинного стола, за которым сидели маршалы Жуков, Рокоссовский и Конев и члены Государственного комитета обороны – Берия, Маленков, Ворошилов и другие.

– Тут Международный Красный Крест к нам обратился, – медленно говорил Сталин. – Они обеспокоены положением немецких военнопленных в наших лагерях... Положением наших военнопленных в немецких лагерях они не обеспокоены. Там, надо понимать, все очень хорошо, и наши военнопленные как сыр в масле катаются, а вот в наших лагерях немцам очень плохо...

Маршалы и члены ГКО заулыбались, глядя на Сталина.

– Я предлагаю провести этих пленных немцев по Москве. Они сюда так рвались... даже парад Гитлер назначил... Вот я предлагаю провести их по Москве. Пусть посмотрят столицу нашей Родины. И москвичи пусть посмотрят на этих... горе-победителей... И пусть наши операторы снимут всю эту... процессию. И надо показать ее во всех городах Советского Союза... во всех деревнях. Пусть советские люди смотрят – это результат их героического труда... результат побед нашей героической Красной армии. Пусть все видят... Товарищ Берия, распорядитесь, чтобы среди пленных отобрали тех, кто участвовал в наступлении на Москву и был под Сталинградом... Пусть господа из Международного Красного Креста посмотрят, как выглядят эти пленные... Скажите им, что можно было бы и всех пленных прогнать через Москву, но боимся – это займет очень много времени... их теперь у нас миллионы... – Сталин остановился у стола, положил на него трубку. – Я полагаю, лучшего агитационного материала и придумать невозможно. Это сама жизнь...

Большая колонна пленных немцев, солдат и офицеров, медленно движется по залитым солнцем улицам Москвы. Конвойные – наши солдаты – идут по бокам колонны на расстоянии пяти–семи метров друг от друга. На тротуарах толпятся москвичи, в основном пожилые люди и старики, а также женщины средних лет и старше, угрюмые подростки, мальчишки и девчонки... Немцы бредут с

опущенными головами, иногда поднимают взгляд... встречаются с глазами москвичей, стоящих вдоль тротуаров, и тут же поспешно опускают глаза... отводят в стороны... Москвичи молча смотрят... И в конце этой бесконечной многотысячной колонны, следом за конвоем медленно едут две поливальные машины, и струи воды омывают асфальт, смывая нечистые следы оккупантов...

В этой толпе москвичей вместе со всеми стояли Мессинг и Аида Михайловна, а также почти вся концертная бригада Осипа Ефремовича. Светило яркое солнце, в синем-синем небе медленно плыли кучерявые белоснежные облака. Стояло жаркое лето 1944 года...

Мессинг смотрел на изможденные небритые лица солдат и офицеров, на рваные мундиры, разбитые сапоги, и в памяти, словно ураганым ветром, проносились совсем другие картины...

...Бесконечные ряды стальных германских шлемов, ряды начищенных сапог, печатающих шаг по мостовой... Свастика на знамени... Гитлер стоит на трибуне и благоговейно взирает на колыхающиеся шеренги проходящих перед ним солдат.

...Колонна немецких войск, входящая в Париж... немецкие танки с ревом въезжают под Триумфальную арку.

...Германские солдаты ломают шлагбаум на границе с Польшей... Горящие здания на улицах Варшавы... Немецкие танки и пехота движутся по дорогам Польши... Бредут колонны пленных поляков.

...Гитлер разговаривает с Мессингом... улыбается... и рядом стоит Геббельс и тоже улыбается.

...Цельмейстер и Лева Кобак бегут по улице... Они пытаются спастись, уже зная, что им не убежать. И отчаяние написано на лице обернувшегося Левы Кобака... предсмертное отчаяние... Мессинг ощущает ужас и боль, боль от сознания, что он ничем не может им помочь... Канарис с усмешкой смотрит на Мессинга, потом вынимает из кобуры пистолет и медленно, хладнокровно прицеливается. Нелепо взмахнув руками, Цельмейстер мешком плюхается на влажный блестящий асфальт... и следом гремят еще выстрелы, и падает сраженный Лева Кобак.

– Пауль, проверьте, точно ли я стрелял, – приказывает Канарис, убирая пистолет в кобуру.

Эсэсовец козыряет и быстро бежит к лежащим на асфальте Цельмейстеру и Кобаку.

...Генрих Канарис что-то говорит Мессингу в своем кабинете, улыбается. На нем черный мундир штандартенфюрера СС с серебряными погонами, свастиками и серебряными нашивками. И эмблема – череп со скрещенными костями. Лицо Канариса нервно подергивается, глаза с ненавистью смотрят на Мессинга...

Мессинг вздрогнул, приходя в себя, и вновь увидел пленных немцев, бредущих перед ним по улице Москвы... Сияло июльское солнце... сверкали купол звонницы Ивана Великого и звезды на кремлевских башнях... На обочинах тротуаров плотной толпой стояли москвичи, глядя на людей, которые пришли их завоевать ...

Потом Мессинг с женой устало брели по пустынным улицам, и редкие прохожие попадались им навстречу.

– Господи, когда же она наконец кончится, эта война... – тихо сказала Аида Михайловна. – Мне кажется, когда их победят, наступит золотой век человечества...

– Не наступит... – негромко задумчиво ответил Мессинг.

– Почему? Неужели люди и теперь не поймут, что хорошо, а что плохо? Неужели столько смертей и страданий их ничему не научат? – встрепелась Аида Михайловна.

– Разве до этой войны было мало войн? И чему они научили человечество? Ужасно то, что, закончив одну войну, люди сразу начинают готовиться к новой...

– Да ну тебя, Вольф! – махнула рукой Аида Михайловна. – Тебя послушать, так и жить не захочется... Лучше помолчи.

– Молчу, молчу.

Москва, начало 1945 года

Рано утром Мессинг и Аида Михайловна собирались уходить из номера. Мессинг помог жене надеть шубу из ярко-рыжей лисы, затем надел теплое пальто. Они топтались в маленькой прихожей номера, оглядывая себя в зеркало.

– Давно хотел тебе сказать, ты в этой шубе похожа на тетю Песю, – ухмыльнулся Мессинг.

– Что за тетя Песя? Никогда не слышала ни о какой тете Песе.

– Соседка наша в Горе-Кальварии. Она через три дома от нас жила и зимой всегда проходила мимо нашего дома, чтобы показать матери, какая у нее шикарная шуба. А мама смотрела на нее и ехидно говорила: “Ох ты и доходишься в этой шубе, Песя, ох и доходишься!”

И надо же было так случиться, что у другого соседа, кожевника Моисея, со двора выскочили две злые собаки. И встретили на улице тетю Песю. Боже мой, что они сделали с ее шикарной шубой! Красочные лохмотья! Тетя Песя кричала так, что было слышно в Варшаве! Она подала в суд на кожевника Моисея и судилась с ним до Первой мировой войны – десять лет! Это мне мама рассказала, когда я навестил их после моих странствий.

Аида Михайловна засмеялась. Они вышли из номера и не спеша пошли по коридору. Навстречу им кастелянша катила на тележке гору грязного белья. Увидев чету Мессингов, она громко поздоровалась и спросила:

– У вас прибраться, Аида Михайловна?

– Не надо, Верочка. Белье только оставьте, я сама все сделаю.

Дежурная по этажу, издали завидев супругов Мессингов, встала из-за стола и чуть ли не с поклоном приветствовала их:

– Аида Михайловна, Вольф Григорьевич, рада видеть вас. Никаких просьб? Пожеланий?

– Никаких просьб и никаких пожеланий, – сухо ответил Мессинг.

Аида Михайловна вежливо поздоровалась с дежурной. Когда они уже спускались по лестнице, она спросила у мужа:

– Почему ты с ней так грубо разговариваешь?

– Ты думаешь, она простая дежурная? Она старший лейтенант НКВД и каждую неделю составляет подробный отчет о всех постояльцах своего этажа. Про нас она составляет отдельный отчет.

– Ты до сих пор способен негодовать по этому поводу? – Аида Михайловна насмешливо посмотрела на него. – Ты действительно ребенок, Вольф...

– Оглядываешься, и не по себе становится, – пробормотал Мессинг. – Вокруг одни старшие лейтенанты и капитаны НКВД...

– Ну почему же? Тебе и генералы часто встречаются, – усмехнулась Аида Михайловна.

И в эту минуту рядом с ними у тротуара резко затормозил черный “ЗИС”, распахнулась дверца, и из машины выскочил Василий Сталин в генеральской шинели и фуражке с голубым кантом набекрень.

– Товарищ Мессинг! Я тебя издалека признал! – он протянул руку, но Мессинг отступил на шаг и выдвинул вперед жену:

– Познакомьтесь, Василий Иосифович, моя жена.

– А? Ну да, понял! Очень приятно.

Аида Михайловна протянула ему руку:

– Аида Михайловна.

– Сталин! – брякнул Василий Сталин и, увидев, как вздрогнула женщина, добавил поспешно: – Василий Сталин.

– О-очень п-приятно... – прошептала Аида Михайловна, все еще не придя в себя от шока.

Но Василий уже забыл про нее:

– Поехали, Мессинг! Мы на хоккее были – сейчас ужинать едем. Поехали с нами! Я ребятам рассказал, какой ты сногшибательный мужик. Они сдохнут от счастья с тобой познакомиться!

– Да... но у нас были другие планы... – забормотал Мессинг, смешавшись.

– Да какие планы! Я тебя зову вечер вместе провести! Погуляем от души! Такой хоккей был – голоса посрывали – так кричали!

– Но я не один... – Мессинг посмотрел на жену.

– Простите, как вас? – Василий повернулся к Аиде Михайловне. – Аида...?

– Михайловна...

– Поедьте с нами, Аида Михайловна. Я приглашаю вас и вашего мужа на товарищеский ужин. – И Василий схватил Аиду Михайловну за руку и почти насильно повел к машине.

Но она выдернула руку и остановилась:

– Простите, Василий Иосифович, но я вынуждена отказаться. Это, как я понимаю, чисто мужская будет попойка, и женщине на ней делать нечего. Но мужа я охотно отпускаю с вами. Я за него спокойна.

– Аида... – начал было Мессинг, но жена перебила его с улыбкой:

– Поезжай, дорогой. Постарайся вернуться не очень поздно...

– Но, Аида... – вновь попытался возразить Вольф Григорьевич, но Сталин-младший захохотал:

– Он постарается! Постарается! – Василий схватил Мессинга за руку и стал запихивать в машину на заднее сиденье. Потом захлопнул дверцу и сам сел спереди, рядом с водителем, опустил стекло. – Он скоро вернется, Аида Михайловна! Поехали, Артем!

“ЗИС” рванул с места, покотил, быстро набирая нешуточную скорость. Аида Михайловна поглядела машине вслед, зябко передернула плечами и пробормотала:

– Господи, упаси нас от гнева царского, но пуще от милости царской...

В просторной машине сзади можно было сидеть втроем, так и сидели – Мессинг и двое молодых парней в драповых пальто, клетчатых шарфах и черных кепках.

– Знакомься, Мессинг! Это Леха Гринин! Центральной нападающий экстра-класса! Удар пушечный! Гроза вратарей! А это – Семичастный! Правый крайний! Такие финты выдает – защитники только рты разевать успевают! Фокусник! В будущем году, когда добьем Гитлера, ВВС чемпионами Союза будут, помани мое слово! Чемпионами и ни грамма меньше! – Василий сидел на переднем сиденье, повернувшись к ним лицом и спиной к дороге.

Мессинг по очереди пожал футболистам руки.

– Не кажи гоп, пока не перепрыгнул, – улыбнулся Гринин.

– Я сказал – будете! Значит, будете! – Василий посмотрел на часы. – Артем, опаздываем! Нас уже ребята ждут!

– Да мы уж приехали, Василий Иосифович, – отозвался водитель, останавливая машину у обочины тротуара напротив освещенных окон и дверей ресторана “Савоя”.

Как только черный “ЗИС” остановился, из ресторана выскочили два рыжих швейцара в черных, отделанных золотом ливреях. Один держал нараспашку входную дверь, другой бросился к машине, открыл дверцу, низко кланяясь. Василий Сталин первым выбрался из машины – генеральская шинель расстегнута, под ней виден китель с генеральскими погонами, ордена позвякивали, фуражка едва держалась на затылке. Василий потрепал по плечу швейцара и открыл заднюю дверцу. Из нее выбрался Мессинг, следом за ним – футболисты. И вся компания не спеша направилась к распахнутым дверям “Савоя”.

Накрытый стол стоял отдельно от других, хотя и в общем зале. Рядом в бассейне журчал небольшой фонтан. За столом уже сидели четверо молодых ребят, плечистых, с простыми крестьянскими лицами. В глаза била роскошь лепных, с позолотой потолков, мраморных колонн, расписанных стен.

Когда появился Василий Сталин, со всех сторон раздались голоса: “Сталин, Сталин! Это же Василий Сталин!”, и все посетители начали

вставать. Послышались сначала отдельные, затем дружные аплодисменты.

Василий Сталин нахмурился, громко крикнул:

– Прекратить! Вы не на торжественном собрании! И не на митинге! Отдыхаем и гуляем! Но все же всем спасибо за аплодисменты! – И Сталин-младший тоже несколько раз ударил в ладоши, потом плюхнулся на кресло у стола, присоединяясь к четверке футболистов. Следом за Василием на свободных местах разместились Мессинг, Гринин и Семичастный.

– Видал, хлопают... – усмехнулся Василий, покосившись на Мессинга. – Хотелось бы знать, когда отец умрет, так же будут мне хлопать, как думаешь, Мессинг?

– Нет, не будут... – негромко ответил Мессинг.

– Вот и я про то же... – Василий весело поглядел на Мессинга. – Ладно, давай, Серега, разливай!

Один из футболистов стал разливать по рюмкам коньяк. Василий первым взял рюмку и окинул взглядом присутствующих:

– До войны у нас был хороший футбол, а после войны будет еще лучше! Всех на лопатки положим! И хоккей будет отличный! За это и предлагаю выпить, ребята!

И все, перечокавшись, выпили, Мессинг тоже. Стол ломился от тарелок с закусками. Все молча стали накладывать себе в тарелки и есть. Василий Сталин нетерпеливо прищелкнул пальцами, и футболист Гринин тут же снова наполнил рюмки. Василий уставился на Мессинга:

– Мне тут говорили – ты предсказал, что Гитлера окончательно расколошматим весной сорок пятого?

– Да, я предсказал это... – Мессинг смутился. – Хотя я всегда сомневаюсь в том, что предсказываю.

– Почему? – напрямик спросил Василий Сталин.

– Я прежде всего человек, а человеку свойственно ошибаться.

– Брось, – усмехнулся Василий. – Сталин тоже человек, хочешь сказать, он может ошибаться?

Мессинг молчал. Василий насмешливо смотрел на него и вдруг рассмеялся:

– Что, поймал я тебя, а, Мессинг? А знаешь, что мне отец сказал? Ошибается тот, кто не боится ошибиться, понял, да? Вот так-то! А

вообще я тебя уважаю. Вот их уважаю. – Он ткнул пальцем в сторону футболистов. – Золотые парни! И тебя уважаю! А на всех остальных плюю! Давай за тебя, Мессинг! – И Василий чокнулся с его рюмкой и махом выпил коньяк.

Следом за ним выпили все и снова стали молча закусывать. Василий Сталин нервно защелкал пальцами и уставился на одного из футболистов:

– Ты чё-то мышей не ловишь, Паша?

Паша поспешно схватил бутылку с коньяком и стал наполнять рюмки...

Улицы уже опустели. Редкие машины с ревом проскакивали мимо. И в переулке, где находился “Савой”, почти все окна в домах погасли, светились только большие окна-витрины ресторана. На дверях изнутри висела табличка: “Свободных мест нет”.

Все швейцары толпились в дверях у входа в ярко освещенный зал. Дальше стояли группой официанты с подносами наготове, а впереди них замерли два метрдотеля в черных смокингах, с белыми цветками в лацканах и елейными улыбками на губах.

Ресторан был пуст. Только у фонтана стояли два сдвинутых стола, и за ними гуляла компания Василия Сталина. Теперь там, кроме футболистов и Мессинга, сидели еще четыре размалеванные девицы, с ярко накрашенными губами и прическами “мода 45” с округлыми челками на лбу, в шелковых платьях с глубоким декольте. Вся компания залихватски пела:

Все выше и выше, и выше!
Стремим мы полет наших птиц!
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ!

Аккордеонист и скрипач стояли поблизости от стола, старательно подыгрывали. И вдруг аккордеонист резко пробежал рукой по кнопкам и сменил мелодию. Хор голосов сразу запел другое:

Дождливым вечером, вечером, вечером,
Когда пилотам, скажем прямо, делать нечего,

Мы соберемся за столом, поговорим о том о сем,
И нашу песенку любимую споем!
Пора в путь-дорогу!
Дорогу дальнюю, дальнюю, дальнюю идем,
Над милым порогом
Качну серебряным тебе крылом!

Мессинг пел со всеми, и одна из девиц, блондинка с завитыми кудряшками, льнула к нему, смотрела влюбленными глазами и дымила папирсой, которую держала между указательным и средним пальцами, оставив руку далеко в сторону.

– Вольф, а ты лапочка! Я от тебя без ума! – томно выговаривала она и другой рукой гладила Вольфа по голове, перебирая пальцами волосы. – У меня никогда не было кавалера с таким заграничным именем – Вольф. Ты чё, немец, что ли?

– Нет, я еврей... – улыбнулся Мессинг.

– Ой, слава Богу, не хватало мне еще с немцем роман завести. – И девица чмокнула его в щеку.

– А ты считаешь, что уже завела со мной роман? – улыбаясь, спросил Мессинг.

– Ну ладно, не будь противным, лапочка... – Девица обняла Мессинга и поцеловала, уже страстно, в губы.

На Сталине-младшем тоже висела девица, гладила его, забираясь рукой под борт расстегнутого генеральского мундира, целуя в губы и щеки. Остальные накрашенные и развеселые “жрицы любви” расположились на коленях футболистов.

– Потапы-ич! – загремел голос Василия Сталина. – Конья-ак кончился-а-а!

Сразу два официанта метнулись во внутренние помещения и тотчас пулей вылетели обратно. Каждый нес по подносу, на котором красовались откупоренные бутылки армянского коньяка.

– И еврейский пенициллин давай! – приказал Василий Сталин.

– Сей момент, Василий Иосифович. Давно готов! Тройной! Такой наваристый! Как вы любите!

– Это что за еврейский пенициллин? – удивился Мессинг.

– А ты не знаешь? – глянул на него осоловелыми глазами Василий. – Ха-ха-ха! Это ж первое лекарство для протрезвления! Неужели не знаешь? Ха-ха-ха!

– Так вы скажите – буду знать.

– Бульон куриный, чудак-человек! – радостно сообщил Василий Сталин, и все за столом также радостно заржали. – Хмель как рукой снимает!

А официант уже принес на подносе несколько больших чашек бульона и принялся расставлять их перед Василием и футболистами.

– Точно тройной? – грозно хмурясь, спросил Сталин-младший и понюхал бульон, вдыхая аромат. – М-м-м, перший класс, Мессинг! Настоятельно рекомендую! Только им и спасаемся! – И Василий, обжигая губы, стал ложкой хлебать бульон.

Футболисты, освободившись от своих девиц, тоже принялись за бульон.

Официант поставил перед Мессингом чашку с бульоном, положил чистую салфетку и на нее деревянную, раскрашенную русским орнаментом ложку.

– Деревянной сподручнее, товарищ Мессинг, – шепнул официант. – А то обожжетесь...

Мессинг помешал ложкой бульон и попробовал. Отпил один глоток с ложки, другой, третий.

– А нам, негодяи? А нам еврейского пенициллину! – хором взвыли девицы.

Официанты метнулись из зала за новыми порциями. Уставшие аккордеонист и скрипач продолжали играть – теперь звучало модное танго.

Гуляки хлебали наваристый бульон, сгоняя с себя тяжелый хмель. Василий Сталин весь взмок, на лбу высыпали крупные капли пота, и он при каждом глотке рычал и кряхтел... И футболисты охали и пыхтели, прихлебывая бульон из раскрашенных деревянных ложек.

– Ешьте, ешьте, птенчики! – сказала одна из девиц. – После такого бульончика вы в постельке арабскими скакунами будете!

И все принялись хохотать. Метрдотели с официантами угодливо улыбались, платками утирая потные лица. В пустом ресторане звучало томное танго, сверкала позолотой лепнина на потолке и колоннах, журчал фонтан... Шла зима сорок пятого года.

“ЗИС” подвез его к гостинице “Москва” под утро. Мессинг с трудом выбрался из автомобиля и на нетвердых ногах побрел к подъезду.

С большим трудом он открыл тяжелую дверь и, покачиваясь, миновал просторный холл. В креслах дремали разных возрастов люди – все ожидали, когда освободится хоть какой-нибудь номер. К окошку администратора стояла очередь из десятка человек.

Шляпа едва держалась на голове Мессинга, шарф сполз на одну сторону и, казалось, сейчас упадет. Мессинг наступил на него, поднимаясь по лестнице, и шарф действительно упал на ковер на ступеньках, но Мессинг этого не увидел, продолжая подниматься и старательно держась за перила.

Зато это заметили дежурный администратор этажа и еще одна дежурная, сидевшая в холле за столом. Женщины понимающе переглянулись, администратор подняла шарф и бросилась догонять Мессинга.

– Вольф Григорьевич!

– П-приветствую вас, сьборина... – Мессинг, пошатнувшись, развернулся. – Ч-чем м-могу быть п-полезен?

– Вы шарф обронили, Вольф Григорьевич. – Администратор протянула ему шарф.

– Б-благодарю вас, сеньорина. – Мессинг взял шарф, неловко набросил его на плечи. – П-позвольте в-вас поблагодарить, сеньорина... – он запустил руку в карман пальто и, вынув шоколадку “МОСКВА”, протянул администраторше.

Женщина испуганно попятилась:

– Да что вы, Вольф Григорьевич... нам нельзя... нам не положено...

– Почему не п-положено? Ах да, извините, забыл... А вы кто, если не секрет? Вы капитан НКВД или пока старший лейтенант? – пьяновато ухмыльнулся Мессинг.

– Что вы говорите, Вольф Григорьевич? – не на шутку перепугалась администраторша. – Я вас не понимаю. Я старший администратор гостиницы.

– Я вижу вас насквозь! – Мессинг поднял вверх палец. – Я всех насквозь вижу! Вы – майор НКВД! От меня никто не скроется! Я – Вольф Мессинг! – И он с силой ударил себя в грудь, пошатнулся и упал бы, если бы не схватился рукой за перила.

– Вольф Григорьевич, дорогой, пойдёмте, я провожу вас. – Женщина взяла его под руку, прижала к себе и вместе с Мессингом стала медленно подниматься по лестнице. – Ничего, ничего, Вольф Григорьевич, сейчас потихоньку дойдем до вашего номера... там вас Аида Михайловна спатеньки уложит, лекарства вам даст... все будет хорошо... Где же это вы так погуляли, Вольф Григорьевич? Вот уж никак от вас ничего такого не ожидала... всегда такой серьезный, степенный мужчина... такой интеллигентный и – нате вам... назююкались, как... не знаю кто... Небошь, собутыльник во всем виноват, да? Сманил, напоил... знаю я таких лиходеев, знаю...

– С-собутыльник... – нетвердо проговорил Мессинг. – О да, собутыльник! В-василий! Ч-чудовищно много может выпить! Чудовищно!

– Василий, говорите? – лестница кончилась, они пошли по коридору, и администраторша продолжала поддерживать Мессинга под руку. – А фамилия его как, этого Василия?

– Фамилия? Василий Сталин его фамилия... – ответил Мессинг, и администраторша дернулась и сама чуть на упала, споткнувшись о ковер.

– Что с в-вами? – Мессинг тоже пошатнулся, ноги его подкосились, и он сполз по стенке на пол. Шляпа свалилась с его головы.

Администраторша вдруг встала на четвереньки, приблизила свое лицо к лицу Мессинга и спросила со священным ужасом:

– Сталин? Василий Иосифович?

– С-свершено верно... Веселый, добрый человек... – с готовностью кивнул Мессинг и вдруг заулыбался, прогудел басом: – Но чудовищно много пьет! Чудовищно! А его футболисты – просто бочки для коньяка!

– Тихо... Умоляю вас, Вольф Григорьевич, не кричите... нас могут услышать... – женщина с трудом помогла Мессингу подняться и потащила по коридору, поддерживая под руку.

– Это что-то новенькое... – тихо говорила Аида Михайловна, прикладывая ко лбу Мессинга мокрый платок. – Муженек вспомнил молодость... хорошо вспомнил, да?

– Хорошо-о... коньяк... женщины... – бормотал Мессинг.

– И женщины были? – тихо удивилась Аида Михайловна.

– Были, Аидочка, были...– бормотал Мессинг, но тут же спохватился, привстал в постели. – Но я к ним не прикасался, Аидочка!

– Ни к одной не прикоснулся? – улыbnулась Аида Михайловна.

– Ни к одной! – приложил руку к сердцу Мессинг. – Зачем мне другие женщины, когда у меня есть ты?

– Действительно, зачем? – продолжала улыбаться Аида Михайловна.

– О-ох, как худо, Аида... сделай что-нибудь... о-ох, не могу-у... помереть хочется!

– Так хорошо погулял, что помереть хочется, да?

– Хочется... помереть хочется, Аида... – простонал Мессинг. – Клянусь тебе, больше никогда... ни капли... проклятый коньяк...

Аида Михайловна рассмеялась, качая головой:

– Я счастлива, Вольф... я просто счастлива...

– Я умираю, а она счастлива... – простонал Мессинг. – Посмотрите, люди, у меня не жена, а чудовище.

– Ты заговорил, как местечковый еврей.

– Что поделаешь, Аида, это в крови. Я ведь сын своей мамы!

– Ладно, потерпи, сейчас я тебе бульончик сварю. Я в буфете по знакомству полкурицы достала...

– О-о, еврейский пенициллин! – громче прежнего застонал Мессинг. – А после него – коньяк, да? Нет, я больше не могу... Оставь меня, Аида, я хочу умереть...

Аида положила мокрый платок на лоб Мессингу, поднялась и вышла из спальни, прикрыв за собой дверь.

Мессинг глубоко вздохнул и закрыл глаза. И вдруг он услышал далекий гул, который медленно приближался...

...Он увидел космическую пустоту, в которой плыли и вращались планеты... и вдруг из вечной космической тьмы стали выплывать лица футболистов, с которым он гулял в ресторане “Савой”... футболисты улыбались, губы беззвучно шевелились... и вдруг он увидел зелено-голубую Землю... она стремительно приближалась... и гул усиливался... этот гул походил на рев авиационного мотора... а потом прозвучал удар и страшный взрыв... и дым черным пологом стелился над землей...

Мессинг вздрогнул и открыл глаза. Он сорвал с лица мокрый платок и сел в постели, уставясь в окно на розовеющее, подсвеченное утренним солнцем небо...

9 мая 1945 года, День Победы... Победоносные салюты в разных городах Советского Союза... Киев... Минск... Одесса... Харьков... Мурманск... Москва... Гитлеровское командование подписало полную и безоговорочную капитуляцию... Разноцветные огни вспыхивают в небе... Толпы людей ликуют... Они смеются... они плачут... подбрасывают вверх детей... дети смеются, хлопают в ладоши... на праздничных улицах инвалиды на костылях... с деревянными култышками вместо ног... с пустыми рукавами вместо рук... И вот снова изрешеченный пулями купол рейхстага... и наши солдаты укрепляют на нем Знамя Победы... и знамя полощется на майском ветру...

Москва, 1946 год

На этот раз Вольф Григорьевич выступал не в концертном или театральном зале, а в лекционной аудитории института. Она амфитеатром поднималась к самому потолку, и на скамейках сидели студенты в белых халатах.

Вместе со студентами посмотреть и послушать знаменитого телепата и гипнотизера пришли и преподаватели – пожилые и средних лет люди, тоже в белых халатах. Мессинг стоял за кафедрой, менее привычной для него, чем сцена.

– Парапсихология – это наука, которая включает в себя множество других наук, и в первую очередь науки медицинские. Ведь многие способности человека совсем не изучены и потому считаются чудесами, а то и дьявольщиной. Мы много знаем обо всех органах человека – как работает сердце, и печень, и селезенка, и желудок, но как же мы мало знаем о том, как работает мозг, как устроены его нервные клетки... как он запоминает окружающую жизнь, как и где он хранит память...

А что мы знаем о способности нервных клеток хранить память о прошлой жизни человечества?.. Я не оговорился – именно о прошлой жизни человечества, когда, например, меня и на свете не было, но память моя хранит воспоминания о временах Петра I или какой-нибудь Екатерины... Каким образом? Каким чудом это происходит? Ведь находились люди, которые, пережив какую-то катастрофу, вдруг

начинали говорить на языке, который они никогда не знали и знать не могли, который и существовал-то за сотни лет до их рождения? В каких уголках памяти хранились знания об этом языке?

А будущее? Вы полагаете, Нострадамус – шарлатан? А вот, например, гадалка предсказала императору Александру II двенадцать покушений на его жизнь и закончила словами – на тринадцатый раз тебя убьют. И все произошло в точности, как предсказала эта гадалка. А Пушкину гадалка нагадала смерть от белого человека в белом. Действительно, блондин Дантес на дуэли был в белом мундире. Что это, удачные совпадения? Или предсказатели видели будущее во времени и пространстве? Ведь таких примеров великое множество! Значит, должно быть и научное объяснение этим явлениям...

Я мечтаю о том, что когда-нибудь, надеюсь, при моей жизни, будет создана специальная лаборатория по изучению телепатических явлений. Я предлагаю себя в качестве подопытной мыши для научных экспериментов. Поверьте, я сам не знаю, кто я есть на самом деле... А как хотелось бы знать. – Мессинг на секунду замолчал, глядя на внимательно слушающую аудиторию, повторил: – А как хотелось бы знать... Я много ездил по миру со своими психологическими опытами, за эти годы прочитал много книг по всем этим проблемам, но так и не получил ответа на вопросы, которые волнуют и мучают меня... Я говорю вам об этом с одной только целью, чтобы вы смотрели на мои психологические опыты не только как на занимательные курьезы. Может быть, кого-то из вас, будущих врачей, исследователей человека, заинтересуют всерьез те проблемы, о которых я вам только что говорил...

Мессинг опять замолчал. Студенты неуверенно захлопали.

В первых рядах поднялся средних лет человек с аккуратной бородкой и усами, в очках в роговой оправе:

– Вольф Григорьевич, вы несколько раз точно предсказывали большие исторические события... Вы видели эти события в своем сознании? Скажите, что вы чувствовали, когда увидели эти события? Это как раз очень интересно прежде всего с точки зрения медицины.

– Что я чувствовал? Не знаю, скажу честно...

– Вы пытаетесь вызвать это состояние души и тела или оно само приходит?

– Это состояние приходит само... приходит неожиданно. Но я перед этим много думаю о самом событии, оно непременно должно волновать меня. Я должен быть в нем... так сказать, кровно заинтересован...

– Давайте перейдем к опытам, Вольф Григорьевич, – проговорил один из студентов с верхнего ряда.

– Ну что ж, давайте... – улыбнулся Мессинг. – Прошу первого желающего подойти ко мне. Кто будет первым? Смелее, товарищи...

Поднялся высокий, худой парень. Халат болтался на нем, как на вешалке. Он быстро спустился по ступенькам, подошел к кафедре.

– Вы студент третьего курса? – спросил Мессинг.

– Да. – Студент удивленно посмотрел на него, но быстро спохватился. – Простите, забыл, с кем имею дело. Да, я студент третьего курса. Имя назвать или тоже знаете?

– Подожди, попробую... – Мессинг пронзил его взглядом. – Кажется, Юрий... правильно?

– Да, Юрий... с вами страшно разговаривать, Вольф Григорьевич.

– А вот фамилию назвать не могу... – развел руками Мессинг.

– Куликов... – улыбнулся студент.

– Вы задание уже придумали, Юрий?

– Да... – кивнул Юрий Куликов и с улыбкой оглянулся на аудиторию.

Мессинг задумался, потом попросил:

– Дайте мне вашу руку, пожалуйста, Юрий.

Юрий Куликов протянул руку, и Мессинг взял его за запястье, подержал, склонив голову, и отпустил.

– Ну что ж, приступим к выполнению... – сказал Мессинг и вновь оглядел аудиторию.

Студенты и преподаватели, притихнув, ждали. Студент Юрий Куликов застыл возле кафедры и смотрел на Мессинга с едва заметной улыбкой.

Мессинг постоял, задумавшись, потом взглянул на Куликова и тоже улыбнулся:

– Вы оригинальный молодой человек. Но мне нечего выполнять. Вы не дали мне задания. Признаться, я был удивлен и потому несколько раз проверял себя.

– Вы правы, я ничего вам не задал и с интересом ждал результата, – сказал Куликов, и вся аудитория разразилась аплодисментами.

– Но я могу сказать больше, – перекрывая шум аплодисментов, громко заявил Мессинг. – Не давать никакого задания – это было ваше решение в последнюю секунду. А я могу вам поведать, что вы хотели мне задать, когда шли к кафедре. Хотите?

– Конечно, – улыбнулся Юрий.

– Вы хотели, чтобы я пошел в соседнюю аудиторию, взял там гипсовый бюст Сеченова, который стоит на книжном шкафу, и принес этот бюст сюда. Правильно?

– Здорово... – с искренним удивлением и восхищением Куликов посмотрел на Мессинга. – Здорово... Я действительно хотел дать вам такое задание, но потом передумал.

И аудитория вновь взорвалась аплодисментами.

Они коротали поздний вечер вдвоем в номере гостиницы. Мессинг развалился в кресле и при свете торшера читал газету, нацепив на нос очки. Аида Михайловна сидела за столом, лампа под матерчатым абажуром освещала страницы лежащей перед ней книги.

– Чушь какая-то... – вдруг возмущенно проговорил Мессинг и зашуршал газетой. – Не понимаю, как умные люди могут писать такую чушь.

Аида Михайловна не ответила, продолжая читать.

– Аида, ты ждешь гостей? – вдруг спросил Мессинг.

– Нет, никого не жду... – продолжая читать, откликнулась Аида Михайловна.

– И я не жду... Но тем не менее у нас скоро будут гости...

Немного погодя в номер постучали, и не успел Мессинг сказать: “Войдите”, как в прихожей появился Артем Виноградов, в шляпе и светлом габардиновом плаще. В руке он держал свернутую трубкой газету. Следом за ним вошел администратор Осип Ефремович. Выражение лица у него было озабоченное и встревоженное. Последним в номер ввалился Дормидонт Павлович, тоже в плаще и шляпе, надвинутой на глаза.

– Просим прощения за неожиданный визит, Вольф Григорьевич и Аида Михайловна. Проходили мимо и решили заглянуть на огонек, – проговорил Артем Виноградов, раздеваясь в прихожей.

– Так уж проходили мимо? – насмешливо переспросил Мессинг.

– Тяжело с тобой жить, Мессинг, – со вздохом прогудел Дормидонт Павлович. – Словечка соврать не даешь...

– И тем не менее все врут напрапалую, – сказал Мессинг, сворачивая газету. – Аидочка, может, чаю гостям?

– Уже делаю. – Аида Михайловна ушла в маленькую комнатку рядом с ванной и туалетом, служившую кухней.

– Ты это читал? – Дормидонт Павлович бросил на стол свернутую газету.

– Только что. – Мессинг положил рядом свою.

– И что скажете, Вольф Григорьевич? – с тревогой спросил Артем Виноградов. – Честно говоря, я ничего не понимаю... Я же рассказы Зощенко с эстрады читаю. Что я теперь буду читать? И почему они антисоветские? Почему они на службе у буржуазной пропаганды?

– А как можно назвать Анну Ахматову беспросветным нытиком, проповедующим безнравственность? – тихо проговорил Осип Ефремович. – А у нас Ахматову читает Родненко. Три стихотворения читает. И номер идет на бис в любой аудитории. Что теперь Родненко будет читать? Вообще, что я теперь буду делать? Как я буду формировать репертуар? Я поставлю какого-нибудь сатирика, а он окажется безродным космополитом? Сумасшедший дом, да и только! И что будет дальше? Яспрашиваю вас, что будет дальше?

– Чем дальше в лес, тем больше дров, – прогудел Дормидонт Павлович.

Они расселись за столом, освещенные висящей над ними лампой с абажуром, и все молча уставились на Мессинга. Мессинг приложил палец к губам и выразительно посмотрел на стены и потолок, сказал тихо:

– На полтона ниже, пожалуйста...

– Что? И здесь? – выпучил глаза Дормидонт Павлович.

– Ты тупее, чем я думал, Дормидонт, – улыбнулся Артем Виноградов. – Где же еще, как не здесь?

– Как же ты живешь тут, Вольф Григорьевич? – просипел Дормидонт Павлович.

– А где мне прикажешь жить, милейший Дормидонт Павлович? Квартиру не дают... Живу вот и даже за номер не плачу...

– А кто платит? – спросил Осип Ефремович.

– А я откуда знаю? – вскинулся Мессинг. – Ямогу только догадываться.

Осип Ефремович захихикал и погрозил Мессингу пальцем.

Аида Михайловна принесла поднос с чашками, заварным чайником, вазочками с печеньем и вареньем, стала молча составлять все на стол. Потом также молча разлила по чашкам заварку, принесла чайник с кипятком и наполнила до самого верха, раздала всем ложки и блюдца для варенья. Гости принялись чаевничать.

– А как теперь Шаляпина петь? – вдруг тихо спросил Дормидонт Павлович.

– Про Шаляпина там ничего не говорится.

– Ну как же, по всем статьям – космополит, враг советской власти... – развел руками Дормидонт Павлович.

– А я весь репертуар представлю в цензуру: что разрешат, то и будете исполнять, – буркнул Осип Ефремович. – И голова болеть не будет.

– Боже мой, как мне все это надоело... – тихо простонал Артем Виноградов, качая головой. – И для чего все это делается, кто мне объяснит?

– А по-моему, тебе все объяснили, разве нет? – сказал Дормидонт Павлович. – Делай что приказано и не нуди! А будешь нудить – пожалте бриться...

– Ну хватит, хватит! – пристукнул по столу ладонью Осип Ефремович.

И все замолчали: пили чай, зачерпывали маленькими ложечками варенье, сопели и вздыхали. И старались не смотреть друг на друга. Наконец Осип Ефремович сказал тоном, не допускающим возражений:

– В стране ничего не делается без ведома товарища Сталина. И если про Ахматову, Зощенко и других так написано в “Правде” и написал это товарищ Жданов, значит, и товарищ Сталин знает об этом и одобрил эту статью. Вождь ошибаться не может.

В ответ никто не проронил ни слова. Осип Ефремович попытался заглянуть в глаза своим артистам, но все поспешно отводили взгляды в сторону. Только Мессинг сказал:

– Наверное, я мог бежать от фашистов в другие страны... хотя бы в Индию... или Южную Америку, но я решил жить в СССР. Я поверил товарищу Сталину и буду верить ему всегда...

И вновь ответом ему было молчание. Аида Михайловна заботливо подливала всем чай.

– Их теперь, наверное, арестуют? – тихо спросил Артем Виноградов.

– Давайте лучше о женщинах! – гулко сказал Дормидонт Павлович.

– Ах, оставьте вы! – Артем вскочил из-за стола, нервно заходил по номеру. – Я надеялся... я думал... люди столько пережили за эту страшную войну... столько смертей, крови, страданий... столько оборвавшихся молодых жизней... Я думал, после всей этой страшной войны люди станут добрее друг к другу, роднее, ближе... Ведь мы вместе победили. А что получается? – Он резко остановился, уставился на товарищей большими страдающими глазами.

– Что же получается? – спросил Дормидонт Павлович.

– Не знаю... ничего не понимаю! – он шлепнул себя ладонями по голове и вновь заходил по номеру.

Остановился возле буфета, оперся на него рукой и стал смотреть в окно, машинально забарабанив пальцами по стенке буфета. Потом пальцы Виноградова машинально нащупали радио, стоявшее на буфете, и машинально же повернули ручку тумблера. И сразу же на весь номер зазвучал бодрый голос диктора:

– В заключение наших спортивных новостей можем сообщить, что хоккейная команда ВВС завтра отправляется в Свердловск, где встретится в товарищеском матче с командой спортивного клуба Южно-Уральского военного округа. Партия и правительство после войны особое внимание уделяют развитию спорта. С командой хоккеистов ВВС летит генерал-лейтенант Василий Сталин. Василий Иосифович огромное внимание уделяет спорту в Военно-воздушных силах...

Мессинг слушал радио вполуха, но прозвучавшее имя Василия Сталина заставило его вздрогнуть:

– Что там сказали? Василий Сталин? Куда летит?

– С командой хоккеистов ВВС, – ответил Дормидонт Павлович. – Я слышал, он покровительствует футболистам и хоккеистам. Души в них не чаёт...

– Куда летит? – вновь спросил Мессинг. – В Свердловск? Самолетом?

– В Свердловск. На самолете. Там у них товарищеский матч... – ответил Дормидонт Павлович.

– Ладно, братцы, пора мне и в Москонцерт заглянуть. Любезнейшая и очаровательнейшая Аида Михайловна, позвольте поблагодарить за прекрасный чай и варенье, за теплоту души... – Осип Ефремович посмотрел на часы и встал из-за стола. – Дормидонт, тебе со мной тоже надо бы поехать в Москонцерт. Гастроли у нас через две недели, а репертуар ваш еще уточнять и уточнять...

Дормидонт Павлович молча поднялся, поклонился Аиде Михайловне, поцеловал у нее руку:

– Спасибо за чай...

– Да, и мне пора... – очнулся от мыслей Артем Виноградов. – Вольф Григорьевич, всего наилучшего...

Мессинг встал, пожал Виноградову руку, сказал тихо:

– Не надо отчаиваться, Артем...

– А что надо? – невесело улыбнулся Виноградов. – Не отчаиваться? Легко сказать, да трудно сделать...

– Все образуется... – Он положил ему руку на плечо. – Ведь у нас бывало и похуже...

– Тебе виднее, Вольф Григорьевич, – вновь невесело улыбнулся Виноградов. – Ты у нас один сквозь время видишь. А я... я вот буду басни читать! – вдруг тряхнул головой Артем и победоносно на всех посмотрел. – А что? Давно пора переходить на эзопов язык! Хоть и в кармане, а все равно фига!

– Давай! И твой эзопов язык засунет тебя в далеко не эзопову жопу, гы-гы-гы... – гулко заржал Дормидонт Павлович.

– Прекратите вы, труба иерихонская... – брезгливо поморщился Артем Виноградов.

– Когда, вы сказали, гастроли? – спросила Аида Михайловна, прощаясь с Осипом Ефремовичем.

– Должны быть через две недели, а там как Бог даст... – развел руками администратор. – Сами видите, что творится... Нужно заново утверждать весь репертуар.

– И Вольфу Григорьевичу тоже? – спросил Дормидонт Павлович.

– А вот ему не надо! – почти со злостью ответил Осип Ефремович. – Вольф Григорьевич не вам чета!

Они попрощались в прихожей. Закрыв дверь, Аида Михайловна вошла в номер и удивилась, не увидев там Мессинга. Она прошла в спальню и обнаружила его лежащим на кровати, на спине, с закрытыми глазами.

– Что-то случилось, Вольф?

Мессинг не отвечал, лежал неподвижно.

– Ты слышал что-то про Василия Сталина? – снова спросила Аида Михайловна.

Мессинг резко поднялся и вышел в гостиную, подошел к тумбочке с телефоном, положил руку на трубку и замер, не решаясь ее снять. Аида Михайловна стояла в дверях спальни и с тревогой наблюдала за его действиями. Наконец Мессинг снял трубку и набрал совсем короткий номер.

– Алло, простите, это приемная товарища Сталина? Это Мессинг Вольф Григорьевич. У меня настоятельная просьба, товарищ Поскребышев. Вы не могли бы соединить меня с товарищем Сталиным? Нет, я не сошел с ума. Это очень важно. Да, он дал мне этот телефон при нашей последней встрече, сказал звонить при срочной надобности. Я бы не стал по пустякам беспокоить его, но это очень важно. Речь идет о его сыне Василии... Спасибо, жду... – И Мессинг замер с трубкой в руке, глядя в окно.

Аида Михайловна все так же стояла в дверях спальни и молчала. Наконец Мессинг встрепенулся:

– Да, товарищ Поскребышев. Живу там же... в гостинице “Москва”. Да, с тех пор... Хорошо, я буду на месте... – Он положил трубку и посмотрел на жену. – За мной сейчас приедут...

Аида Михайловна подошла к столу, налила себе чаю, отпила глоток и медленно сказала:

– Если бы ты знал, как все это печально...

– Что именно? – спросил Мессинг.

– Тебя так встревожила судьба Василия Сталина, что ты стал звонить по телефону, который даже вспоминать боялся... Ну конечно, это же Василий Иосифович... Не дай Бог с ним что-нибудь случится! Только слышал и уже успел подумать... А ты подумал, что с Зощенко может случиться? Или с Анной Ахматовой? Или с другими такими же? Или это тебе неинтересно? А вот Василий Иосифович – это да! Это важно! Это же сын самого Сталина, вождя и учителя всех народов!

Неужели ты не понимаешь, как это ужасно выглядит? Как унижительно! Для тебя, для Вольфа Мессинга!

Аида Михайловна хотела еще что-то сказать, но в дверь громко и требовательно постучали. Тут же она распахнулась, и на пороге вырос высокий офицер с капитанскими погонами на шинели, с малиновыми петлицами и околышем на фуражке. Капитан козырнул и уточнил:

– Товарищ Мессинг?

– Да, я сейчас. Одну секунду.

– Я жду вас. – Офицер исчез в коридоре, прикрыв за собой дверь.

Мессинг подошел к платяному шкафу, рывком открыл дверцы и сдернул с вешалки пальто, шляпу. Он нервно шагнул в прихожую, но с порога обернулся:

– Если бы ты знала, как ты меня сейчас оскорбила! Обидела! – он вышел, с силой захлопнув дверь.

Аида Михайловна вернулась к столу. Она отхлебнула чай и вновь пробежала глазами по строчкам лежащей перед ней газеты “Правда”. Крупный заголовок гласил: “ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС О ЖУРНАЛАХ „НЕВА“ и „ЛЕНИНГРАД“”. В который раз она перечитала строчки статьи: “товарищ Зоценко... воспевание мещанства... прославление буржуазного образа жизни... Анна Ахматова... воспевание враждебной советскому человеку идеологии упадочничества и преклонение перед западными ценностями, тоска по буржуазной России...” Аида Михайловна отшвырнула газету и уронила голову на стол, на скрещенные руки...

Мессинг сел в черный “опель-адмирал” на заднее сиденье, захлопнул дверцу, и машина тронулась с места.

...И вот он снова шел по кремлевскому коридору в сопровождении двух офицеров МГБ. В приемной Сталина его встретил Поскребышев. Вымуштрованные офицеры охраны застыли в дверях, как будто бы и не дыша...

...Сталин стоял у кресла, в которое усадил Мессинга. Погасшую трубку он держал в опущенной руке. Он спросил, как всегда, медленно:

– Вы уверены в том, что говорите, товарищ Мессинг?

– Да, товарищ Сталин... – Мессинг попытался встать из кресла, но Сталин жестом остановил его:

– Сидите, Вольф Григорьевич, сидите, пожалуйста... Значит, если он поедет в Свердловск поездом, он будет жив?

– Да, товарищ Сталин, он будет жив... – Мессинг все-таки встал из кресла.

– А остальные? – выдержав паузу, внезапно спросил Сталин.

Мессинг молчал – впервые он не знал, что отвечать, вопрос ошеломил его.

– Что же остальным спортсменам делать, Вольф Григорьевич? – повторил Сталин и медленно пошел по кабинету, опустив голову.

Мессинг молчал, и лоб его заблестел от пота.

– Значит, остальные спортсмены полетят на самолете и погибнут? – издали, стоя у стола, спросил Сталин, и зловещая улыбка тронула его усы.

– Судьба остальных спортсменов мне неизвестна... – с трудом проговорил Мессинг.

– Вам неизвестна? – голос Сталина прозвучал насмешливо, и под усами проскользнула улыбка. – Разве такое может быть?

– Я думал только о вашем сыне, товарищ Сталин. Но рейс самолета надо, конечно, отменить, – ответил Мессинг.

– Конечно, Вольф Григорьевич... Или все-таки пусть летят самолетом? – Сталин замолчал и пронзительно посмотрел на Мессинга.

– Думаю, лучше будет, если вся команда поедет поездом... Поездом, товарищ Сталин.

– Это хорошо, Вольф Григорьевич, что вы так близко к сердцу приняли судьбу моего сына... Это, наверное, происходит потому, что вы близко принимаете к сердцу... мою судьбу?

– Ваша судьба не вызывает у меня тревоги, товарищ Сталин, – ответил Мессинг. – Как и судьба страны, которая стала мне второй родиной... благодаря вам, товарищ Сталин.

Сталин долго смотрел на Мессинга. За его спиной на стене висела громадная карта Советского Союза. Сталин повернулся и, окинув взглядом эту карту, спросил:

– Вы по-прежнему живете в гостинице “Москва”, Вольф Григорьевич?

– Да, товарищ Сталин, в гостинице “Москва”.

– Хорошо, Вольф Григорьевич, мы подумаем, как решить ваш квартирный вопрос... – Он отвернулся от карты и теперь уже спокойно улыбался.

Оставшись один, Сталин взял трубку телефона, приказал:

– С Берия соедини, а? – и после паузы заговорил: – Послушай, Лаврентий Павлович, был у меня сейчас Мессинг. Не забыл еще товарища Мессинга? – Сталин усмехнулся. – Да, он сказал, чтобы Василий не летел в Свердловск самолетом... говорит, беда будет. Ты позаботься, чтобы Василий не полетел самолетом, а поехал поездом... Остальные? Пусть летят. Как иначе мы убедимся, что Мессинг сказал правду?

* * *

В ночи, посверкивая бортовыми огнями, гудел самолет. Пассажирский салон был небольшим, и хоккеисты сидели вплотную друг к другу на жестких сидениях. Кто спал, откинувшись на спинки, кто задумчиво смотрел в иллюминаторы на черную звездную ночь. Двое играли в шахматы, разложив доску на коленях, несколько человек наблюдали за игрой, улыбались и подшучивали, давая игрокам советы, а те отмахивались и сердились. В хвосте самолета были свалены в кучу спортивные сумки, клюшки в чехлах и без чехлов. На одной из клюшек отчетливо виднелась надпись: “ВВС. СССР”.

Партия была разыграна. Один из игроков озадаченно поскреб в затылке, все остальные заговорили, засмеялись, но из-за гула моторов слов не было слышно, приходилось практически кричать...

Вольф Григорьевич пришел домой поздно ночью. Аида Михайловна не спала, лежала в кровати и слышала, как Мессинг хлопнул дверью в прихожей, разделся, прошел в гостиную, звякнул чашкой и чайником, видимо, наливал чай. Потом его фигура появилась в дверном проеме. Он разделся и лег в кровать, натянул одеяло до подбородка и закрыл глаза. Аида Михайловна лежала рядом и смотрела в потолок.

– Я сегодня спас людей... – сказал Мессинг.

Аида Михайловна не ответила.

...И едва он заснул, как вдруг увидел в черном ночном небе самолет, освещенные иллюминаторы и мигающие красные бортовые огни... Он увидел играющих в шахматы хоккеистов... Два лица были ему знакомы. С ними и с Василием Сталиным он гулял в “Савое”. Они смеялись и о чем-то переговаривались... Потом он увидел Василия Сталина. Тот мирно спал в мягком купе вагона, поезд мчался в ночи... И через секунду он увидел аэродром, и горящий покореженный самолет на самом краю посадочной полосы... грузовики и пожарные машины вокруг... множество пожарных... Клубы пара поднимались над горящим самолетом – струи брансбойдов били в пламя со всех сторон...

Мессинг проснулся и сел в постели, ладонями потер лицо, проговорил тихо, глядя в ночное окно:

– Нет, нет, этого не может быть...

Утром Мессинг сидел за столом в гостиной и завтракал. Он выпил сок и принялся очищать вареное яйцо. Хлопнула дверь, и в номер быстро вошла Аида Михайловна. По тому, как она вошла, Мессинг понял – что-то случилось. Он ничего не спросил, закончил очищать яйцо, отделил ложкой верхушку и съел. Аида Михайловна проговорила дрожащим голосом:

– Мне только что сказала... дежурная по этажу... самолет с хоккеистами разбился в Свердловске при посадке. Отказали шасси и взорвались топливные баки... они все погбли...

Лицо Мессинга не изменилось. Он медленно пережевывал вареное яйцо и смотрел в окно, только в глазах была горечь отчаяния.

– Обманул... – прошептал Мессинг. – Он меня обманул...

* * *

Поздним вечером они сидели в отдельном кабинете в том же “Савое” – Василий Сталин и Мессинг. Из зала доносилась негромкая музыка и голос певицы. В дверях кабинета стоял официант, ожидающий приказаний. Василий Сталин в генеральском мундире, с орденской колодкой на груди, был уже пьян и мрачен. Говорил отрывисто и нетвердо, глядя мутными глазами в стол:

– Это друзья были до гроба. А спортсмены какие! Сказка! Настоящие таланты, а не то что... Они англичанам в сорок пятом столько голов наколотили – те только ахали и за головы хватались! Как детей их сделали, как детей! А в Англии играть в футбол умею-ут! Там традиции-и! – Сталин-младший налил себе водки, выпил, надкусил яблоко. – Нету больше друзей! Были и – нету! У тебя-то друзья есть, Вольф?

– Были... теперь тоже нету... погибли в Польше в тридцать девятом... – ответил Мессинг. – Теперь только один остался...

– Это кто же?

– Жена...

– Жена? Да ну их, жен этих! – Василий Сталин снова налил себе и выпил. – Пей, чего не пьешь? Поминки все-таки... – Он взял бутылку и налил Мессингу.

Тот выпил глоток, поставил рюмку на стол. Василий Сталин тоже выпил, пристукнул кулаком по столу:

– Ну вот на кой хрен ты меня спас, а? А что ж ты их-то не спас? – он уставился на Мессинга осоловевшими глазами. – Я тебя спрашиваю, хрен собачий, чего ты остальных-то не спас? Всю команду!?

Мессинг молчал. Василий Сталин пьяно рассмеялся:

– Понятно... сына Сталина спас, а об остальных нехай Господь Бог позаботится... Хитрый ты мужик, Мессинг, одно слово – еврей! Среди вашего брата простаков не бывает... Давай, пей, провидец! Чё ты на меня вызверился? Небось жалеешь, что спас меня? Не жалея, тебе сторицей окупится! Я скоро главкомом ВВС стану! А потом и министром обороны, понял? Я тебя не забуду! – и Василий махом опрокинул содержимое рюмки в рот. С хрустом зажевал яблоко, глянул на Мессинга. – Что, думаешь, отец скоро умрет? Не умрет! Грузины по сто лет живут! А если помрет – они все равно от него трястись будут! Тридцать лет трястись и еще триста трястись будут! Что, удивляешься, провидец? Думаешь, я одним футболом интересуюсь? – криво усмехнулся Сталин-младший и вдруг рванул ворот мундира и запел с пьяной старательностью:

Все выше и выше, и выше!

Стремим мы полет наших птиц!

И в каждом пропеллере дышит

Спокойствие наших границ!

Он перестал петь, схватился за бутылку, заорал так, что на шее вздулись вены:

– Эй, кто там!? Певицу сюда давай! И цыган давай! В “Кармен” пусть сгоняют и привезут! Быстро! Одна нога здесь – другая там!

Официант, стоявший в дверях, метнулся вон, а Василий вновь уставился на Мессинга пьяными глазами:

– Молчишь, провидец? Хитрый ты... твою мать... Отец мой никому не верит, даже мне! – Василий вновь ударил кулаком в стол. – А тебе верит! Слушай, а как ты предсказываешь, а? Что там за машинка у тебя в башке такая хитрая!? Гляди не ошибись! По лезвию бритвы ходишь! Пей давай! Не будешь? Ну а я еще на грудь приму! – И Василий вновь стал наливать себе водку.

Мессинг смотрел на него и молчал, и в глазах у него светилось искреннее сожаление.

Москва, 1953 год

5 марта 1953 года, скончался Иосиф Сталин... Гроб с телом Сталина выставлен в Колонном зале. Члены руководства партии и правительства стоят в почетном карауле... Хрущев... Булганин... Маленков... Ворошилов... Берия... Толпы людей собираются на улицах и площадях, слушают сообщение Левитана о смерти Сталина... Москва запруженалюдьми... Народ вышел на улицы Ленинграда... Минска и Киева... Ташкента и Алма-Аты... Еревана и Тбилиси... Баку и Кишинева... И везде траурные флаги и портреты вождя...

А вот это уже сообщение прессы – крупные заголовки газет: “Арест бывшего министра внутренних дел, члена Политбюро КПСС Берия Лаврентия Павловича. Сообщение ТАСС...”

А жизнь Вольфа Григорьевича и Аиды Михайловны шла привычной чередой... Концерты, представления... и опять кочевая жизнь... и опять выступления в разных уголках необъятного Советского Союза...

Афиши на театральных тумбах, на щитах у входа в кассы театров неизменно гласили: “ВОЛЬФ МЕССИНГ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ”. Его с триумфом встречали разные города: Ленинград, Свердловск, Минск, Киев, Одесса... Афиши самые разные – красочные, отпечатанные в типографиях и простые объявления... На многих афишах помещены фотографии Мессинга... во фраке и в

разных костюмах... он улыбается... он задумался. На многих фотографиях Мессинг запечатлен вместе с Аидой Михайловной, его неизменной помощницей на всех представлениях. Вот они на сцене и смотрят в зрительный зал... И сами зрители – улыбающиеся и смеющиеся, аплодирующие, подносящие букеты цветов...

Мелькают годы и города: Новосибирск... Владивосток... Красноярск... Чита... Челябинск... Переполненные зрительные залы, афиши на тумбах, кочевая жизнь, состоящая из сплошных изнурительных гастролей и бесконечных переездов... И снова афиши... афиши... афиши... И зима сменяет осень, а зиму сменяет весна... и афиши с портретами Мессинга перелистываются, как календарные дни... как годы...

Москва, 1956 год

Никита Сергеевич Хрущев выступает на XX съезде КПСС... Хрущев на трибуне, он говорит о культе личности Сталина и о его страшных последствиях... Настороженные, встревоженные лица делегатов в зале... Делегаты перешептываются, что-то пишут в блокноты... И далее зал бешено аплодирует...

Крупные заголовки газет “Правда”, “Комсомолка”, “Фигаро”, “Либерасьон”, “Дейли миррор”, “Таймс”: “Хрущев с трибуны партийного съезда резко осудил культ личности Сталина и его многочисленные преступления...”, “В СССР наступает пора оттепели”...

...Выступление Хрущева слушают рабочие в заводских цехах... студенты МГУ... На заседании президиума Академии наук СССР обсуждают речь первого секретаря партии. В зале и на трибуне выдающиеся деятели науки... Выступление Хрущева обсуждают на пленуме Союза писателей СССР... Союза художников... Союза композиторов... Союза архитекторов... И вновь известные всей стране лица..

...Но на фасаде Мавзолея на Красной площади по-прежнему две крупные надписи: “ЛЕНИН” и “СТАЛИН”....

Мессинг пил чай на кухне своей небольшой двухкомнатной квартирке на Песчаной улице.

– Тебе глазунью или омлет делать? – спросила Аида Михайловна, стоя у плиты.

– Омлет, если можно... – не отрывая глаз от газеты, ответил Мессинг. Он отложил газету, снял очки, потер уставшие глаза и сказал глухо: – И все же я не верю, что он был злодей сродни Гитлеру... не верю... Я всегда уважал этого человека...

– Не один ты! – весело отозвалась Аида Михайловна.

– И что теперь прикажешь мне делать? – зло посмотрел в спину жене Мессинг. – Присоединиться к хору хулителей? Превратиться в осла, который пинает мертвого льва?

Аида Михайловна разбила в кастрюльку три яйца, добавила молока и принялась взбалтывать омлет вилкой.

– Никто тебя не заставляет пинать мертвого льва...

– Думаю, попытаются заставить, – ответил Мессинг.

– Ты не веришь, что все, о чем говорил Хрущев, правда?

– Не верю. – Мессинг вновь устало потер пальцами глаза. – Интересно, где был товарищ Хрущев, когда все это творилось?

– Там же, где и остальные...

– Вот потому я и не верю, – упрямо возразил Мессинг. – Легко валить все на мертвого... Все кричат – это Гитлер! Исчадие ада! Негодяй! Человеконенавистник! Простите, господа, но вы сами выбрали этого Гитлера! На демократических выборах! Вы сами потом присягали на верность Гитлеру! Вся Германия единодушно! А теперь, выходит, он один во всем виноват? Он обманул нацию! Он повел ее не туда! Простите, господа, он повел ее туда, куда вы захотели пойти...

– Что ты хочешь всем этим сказать?

– Хочу сказать, что Гитлер был в каждом из них. Значит, и Сталин был в каждом из нас...

– Ты-то здесь при чем, Вольф! – Аида Михайловна с улыбкой обернулась. – Тебя здесь тогда и в помине не было.

– Был. Я пришел в Советский Союз перед войной, и я тоже в ответе за все, что тут делалось.

– Это уже чушь какая-то, Вольф. Даже слушать не хочу!

– А вот слушай! И нечего им всем теперь строить из себя невинную барышню, которую изнасиловали пьяные хулиганы... Ну что, готов омлет? Я есть хочу.

Аида Михайловна молча переложила омлет со сковородки на тарелку, поставила перед Мессингом, положила нож и вилку, придвинула хлебницу с нарезанным батоном.

И тут в прихожей заверещал звонок. Аида Михайловна вопросительно посмотрела на Мессинга, тот недоуменно пожал плечами, и Аида Михайловна пошла открывать.

Она вернулась в сопровождении худого небритого мужчины в солдатской шинели, усеянной бледными карболочными пятнами, в грязных, сбитых кирзовых сапогах. В руке он держал потрепанную кепку-“восьмиклинку”. Мессинг смотрел на него, не узнавая. Аида Михайловна улыбалась и молчала.

– Здравствуйте, Вольф Григорьевич. Не узнаете? – человек широко улыбнулся. – Я Константин Ковалев. Летчик капитан Ковалев! Которому вы самолет купили!

– Боже мой! – Мессинг вскочил, рванулся к нему, опрокинув табуретку.

Он долго тряс руку Ковалева, и вдруг они порывисто обнялись...

Потом на столе появились пол-литра водки и колбаса, нарезанная тонкими дольками, и огурцы, и моченая капуста, и другая закуска.

Ковалев жадно и быстро ел, и Аида Михайловна только успевала подкладывать. Один раз он остановился, смутившись, посмотрел на нее:

– Я не слишком много ем?

– Перестаньте, Константин, что за глупости!?! – возмутилась Аида Михайловна и сама взяла бутылку. – Еще выпьем для пущего аппетита?

– Да я уже захмелел, – улыбнулся Ковалев, а когда выпил рюмку, заговорил, продолжая свой рассказ. – Ну так вот... если б я приземлился, ну, на пяток километров южнее – точно к своим попал бы. А то – едва парашют погасил, слышу – немцы из лесочка гавкают. А потом и сами выбежали. Ну и... – Ковалев положил в рот сразу три кружка колбасы, откусил немалый кус хлеба и стал жевать. – Сперва плен, потом американцы освободили, – проговорил с набитым ртом, – передали нашим... а там разговор короткий – в товарняк и в Сибирь. Хорошо хоть не на Колыму. Там, говорят, зэки за три-четыре месяца на нет сходили.... А срока, по червонцу, нам досылкой приходили. Мы уже в лагере и – как раз срока приходят. Десять лет. Особое Совецание. По-нашему ОСО, – Ковалев усмехнулся, – осиноый кол и колесо...

– Не понимаю... – Мессинг пребывал в растерянности. – Ты же Герой Советского Союза!

– Там не я один был Герой Советского Союза, – вновь усмехнулся Ковалев

– Ничего не понимаю... – недоуменно повторил Мессинг. – А что теперь?

– Не знаю... Думаю, летать мне теперь не разрешат... Ладно, прорвемся. Устроюсь где-нибудь... может, механиком на авиационном заводе, если повезет...

– Нет, подожди, Константин, – не успокаивался Мессинг. – А Сталина писать не пробовал?

– Э-эх, Вольф Григорьевич... – Ковалев вздохнул, нахмурился, и под скулами у него обозначились твердые желваки. – Ему столько народу писало... Наверное, письма не доходили. А может, он и вправду считал нас предателями... Ладно, давайте еще выпьем. Вы, правда, извините меня – все ваши продукты съел...

– Я женщина запасливая, – отмахнулась Аида Михайловна, – могу снова такой же стол накрыть. Так что вы ешьте, Константин, ешьте. У меня душа радуется, когда гость так хорошо ест!

– М-м-м! – глухо, с отчаянием замычал Мессинг и потряс головой. – Я ничего не понимаю-у-у...

– А чё тут понимать, Вольф Григорьевич, – осклабился Ковалев и поскреб небритую щеку. – Я пока сидел, все понял... Родина – это одно, Вольф Григорьич, а товарищ Сталин – совсем другое...

– Я вас умоляю, Константин, больше нигде так не говорите, – почти прошептала Аида Михайловна.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Москва, 1957 год

В кабинете Осипа Ефремовича былолюдно. Сам хозяин кабинета сидел за письменным столом, вокруг толпились артисты, и Осип Ефремович едва успевал отвечать на бесчисленные вопросы. Часть артистов были из старого состава концертной бригады, приехавшего в Москву еще из Новосибирска, однако появилось и много совсем новых, незнакомых лиц – времена менялись. Мессинг стоял чуть в стороне и с усмешкой наблюдал за происходящим.

Осип Ефремович то и дело снимал трубку телефона, коротко рявкал:

– Занят! Позже! – клал трубку и кричал охрипшим голосом: – Сто раз говорил – автобус сломан!

– Это безобразие! У нас их четыре! – возмутился кто-то из артистов.

– Все четыре сломаны! И водители – больны! – отбивался администратор.

– Может, пьяны?

– Может, и пьяны! Кто там у нас самый умный!? Я сказал сто раз – все едут на электричке!

Затрезвонил телефон, Осип Ефремович схватил трубку:

– Занят! Позже! – И вновь администратор выверился на окружающих его артистов: – И на вокзал все добираются своим ходом! – Услышав негодующий ропот, Осип Ефремович сипло взвизгнул. – Именно – своим! Великих я тут не вижу! До Дмитрова полтора часа электричкой! Доедете как миленькие – не рассыплетесь!

Артисты вновь негодующе загудели, а Осип Ефремович забарабанил ладонями по столу:

– Все! Все! Все!

Опять вклинился телефонный звонок. Администратор в который раз просипел:

– Занят! Позже! Все, товарищи, все! Расходитесь!

Вновь раздался негодующий хор голосов, но тут дверь отворилась и на пороге возник человек в длинном черном пальто и черной шляпе,

надвинутой на брови. Из-под полей шляпы на мир глядели светлые пронзительные глаза.

И хотя человек просто стоял и не издавал никаких звуков, толпа артистов разом смолкла и обернулась к двери. Осип Ефремович, привстав, поглядел на вошедшего, и у него невольно отвисла челюсть.

Мужчина медленно переступил порог и также медленно двинулся к столу. Артисты невольно расступились. Осип Ефремович поперхнулся, ослабил узел галстука и плюхнулся на стул. Человек остановился перед столом, сказал глуховатым голосом:

– Ну, здравствуй, Ёся...

– Здравствуй, Витюша... – И Осип Ефремович вдруг встал и первым протянул руку человеку, которого назвал Витюшей. – Какими судьбами?

– Ты мне эту судьбу устроил и теперь спрашиваешь? – усмехнулся Витюша и пожал протянутую руку. – Ладно, Ёся, что было – то былшем поросло...

Артисты продолжали молча глазеть на них. Осип Ефремович очнулся от первого потрясения, окинул присутствующих злым взглядом и скомандовал:

– Па-апрашу всех покинуть кабинет!

Большинство артистов направились к двери, почти каждый, выходя, оглядывался на Витюшу в длинном черном пальто и черной шляпе. Остались только Раиса Андреевна, Дормидонт Павлович и Артем Виноградов. Остался и Мессинг, продолжая с интересом смотреть на Витюшу, и тот, почувствовав этот взгляд, повернул голову и посмотрел Мессингу в глаза. И вдруг раздался жалобный голос Раисы Андреевны:

– Витюша... Витенька... Ты меня забыл разве? – Раиса Андреевна смотрела на него со слезами на глазах.

– О господи, Раиса Андреевна, – улыбнулся Витюша, блеснув четырьмя или пятью металлическими зубами. – Я так часто вспоминал вас, голубушка... – И Витюша подошел к ней, осторожно обнял и трижды расцеловал в дряблые морщинистые щеки. Отстранился, посмотрел в глаза. – А вы все поете?

– И даже пляшу... – грустно улыбнулась Раиса Андреевна. – А что делать, голубчик? Я сразу умру, если уйду на пенсию.

– Какая пенсия, Раиса Андреевна, если я вернулся, о чем вы говорите? – Витюша еще раз поцеловал пожилую актрису в щеку и обратился к Дормидонту Павловичу: – Ну, здорово, неумирающий Шаляпин! Цветешь и пахнешь? И все тебе нипочем?

– Что за тон, Витюша? – вдруг набылчился Дормидонт Павлович. – В чем мы все тут перед тобой виноваты? Ты как освободился-то? По амнистии? Или как?

– Узнаю брата Дормидонта, – усмехнулся Витюша. – Тебе справку об освобождении показать?

– Покажешь там, где тебя об этом спросят. Я поинтересовался, тебя амнистировали?

– Реабилитировали, – нахмурился Витюша. – Документы лежат в реабилитационной комиссии при Верховном Совете СССР. Устраивает ответ?

– Да конечно устраивает. Но ведь еще не реабилитировали?

– Еще нет. Пока только освободили.

– А ты уже обличающей совестью сюда пришел, скажешь нет? – не терял агрессивности Дормидонт Павлович. – Но моя совесть, например, чиста.

– Не понимаю, как может быть чистым то, чего у тебя нет? – усмехнулся Витюша.

– Ты... – Дормидонт Павлович дернулся и сжал кулаки. – Ты в свою совесть почаще заглядывай, враг народа!

– Дормидонт Павлович, держите себя в руках! – предостерегающе крикнул Осип Ефремович. – Что вы себе позволяете?

– Что я себе позволяю? – повернулся к нему Дормидонт Павлович. – Дорогой Осип Ефремович, разве не вы на собрании в сентябре... да, если не ошибаюсь, в сентябре тридцать восьмого объявили нам: “К великому сожалению, и в наши ряды пробрался враг народа! Виктор Подольский оказался таким врагом! И не он один!” Не забыли? А теперь вы мне говорите, что я себе позволяю?

– Значит, я не один оказался? – весело спросил Витюша. – Кто же еще?

– Прекратите... – голос Раисы Андреевны задрожал. – Если бы видели, как выглядите со стороны! Это же низко... подло... Это отвратительно! – Старая актриса быстро вышла, почти выбежала из кабинета.

– Я – враг, а ты – друг? – вновь безмятежно улыбнулся Витюша. – И поэтому ты строчил на меня доносы?

– Я... я не писал! – задохнулся Дормидонт. – Ты лжешь, Витюша... я только сказал на допросе, что ты рассказывал политические анекдоты... я ничего не писал...

– Но ведь вы тоже писали, Виктор Александрович, – негромко сказал Мессинг.

– Что? – Подольский резко повернулся к Мессингу. – Вы кто? А-а, догадываюсь... наслышан... гражданин Мессинг... Все видит и все знает. Вам бы следователем работать. Или прокурором... Да, писал... в тюрьме написал три доноса... Вас когда-нибудь били до полусмерти? Яйца в дверях защемляли? Пальцы ломали? – Подольский протянул прямо к лицу Мессинга руку с двумя изуродованными пальцами. – Интересно, что бы вы написали после таких экзекуций?

– Я не имел в виду обстоятельства, я только сказал о факте. Извините. – Мессинг медленно вышел из кабинета...

– Ну вас всех к чертям кошачьим! – плюхнулся в кресло Осип Ефремович.

– Почему кошачьим? – спросил Дормидонт Павлович. – Всегда говорят – к чертям собачьим.

– А мне “кошачьи” больше нравится! – рявкнул Осип Ефремович. – Что смотришь? – заорал он на Подольского. – Пиши заявление на работу!

Москва, 1960 год

Никита Хрущев в своем кабинете просматривал свежие газеты.

– Вот, пожалуйста, о чем я говорил, во всех газетах пишут! Вот письма рабочих... писателей... инженеров, понимаешь... И требование одно и то же – убрать Сталина из Мавзолея! Вот, почитайте, если еще не читали!

– Читали, Никита Сергеевич, – кивнул Подгорный, высокий мужчина в светлом костюме. Он сидел в кресле, закинув ногу на ногу.

– А я больше и читать не буду – все ясно! Выносить его нужно из Мавзолея к едрене фене! – Хрущев швырнул газеты на стол.

– Все же необходимо все взвесить... – сказал Подгорный. – Могут быть внутривнутриполитические осложнения...

– Я не продавец в магазине, чтобы взвешивать! Осложнения! – Никита Сергеевич вскочил, забегал по кабинету. – Если бы я все

осложнения учитывал, мы бы сейчас на Колыме сидели! А тут Берия заправлял бы! Никто вам гарантию в сто процентов не даст! Всегда рисковать надо, если дело большое! А тут – разве не большое дело? Искоренить до конца! Сказал “а”, говори и “б”! И еще проверим, кто у нас из скрытых сталинистов в правительстве и руководстве партией засел! Уж тут они не выдержат, выскажутся при таком деле... Вот Семичастный все время молчит! Ты не молчи, ты говори свое мнение! Я не Сталин – у нас руководство коллективное!

– Никита Сергеич, – добродушно улыбнулся Семичастный. – Комитет госбезопасности особенных протестов со стороны общественности не ожидает! Более того, множество граждан, пострадавших при Сталине, будут приветствовать такое решение... – Семичастный закурил папиросу, бросил спичку в большую хрустальную пепельницу, стоявшую перед ним. – А может, нам к этому делу привлечь... ну, этого... телепата знаменитого... как его, черт возьми! Мессинга. Он же на каком-то своем выступлении конец войны предсказал. И правильно дату назвал... А было это, кажется, в сорок втором году...

– Да, да, да... – остановился пораженный Хрущев. – Правильно говоришь, Семичастный.... Он и Ваську Сталина от смерти спас... Тот поездом в Свердловск поехал, а самолет разбился... Правильно мыслишь, Семичастный, правильно, голова – два уха! – Хрущев засмеялся, покрутил лысой круглой головой. – Этот Мессинг фигура известная... про него все знают – и рабочие, и ученые...

– Вот и я про то, Никита Сергеич! Он же по всему Союзу со своими концертами ездит. Если он, к примеру, объявит где-нибудь принародно, что ему... ну, приснилось, что ли... что Сталина требуют вынести из Мавзолея...

– Кто требует? – спросил Подгорный.

– Да, кто требует? – повторил вопрос Хрущев.

– Да не знаю... ну высшие силы, что ли... – пожал плечами Семичастный, затягиваясь папиросой.

– Марксизм-ленинизм высшие силы отрицает, Семичастный, ты тут религиозный дурман не наводи... – вновь покачал головой Хрущев и невольно посмотрел в сторону Сулова.

Сулов сидел в дальнем углу кабинета у края стола и сосредоточенно смотрел в окно.

– Михал Андреич... что ты думаешь по этому поводу?

– По поводу чего? – спросил Суслов, не отрывая взгляд от окна, за которым видна была Старая площадь, свободная от машин, и милицейские патрули недалеко от здания ЦК партии.

– По поводу Мессинга, конечно!

– А что вы хотите от этого Мессинга? – глядя в окно, скрипучим фальцетом ответил Суслов. – Обыкновенный шарлатан... фокусник... чем он лучше Кио?

– Но Кио – он, как это?.. – Хрущев глянул на Подгорного, и тот подсказал:

– Иллюзионист...

– Все они... иллюзионисты... – с каменным выражением лица заявил Суслов и поправил чуб надо лбом

– Так что, с Кио поговорить советуешь? – уже неуверенно спросил Хрущев и сам себя оборвал: – Да какой Кио? У Мессинга авторитет среди зрителя... Телепат! Мысли чужие, как свои, читает! Мне многие рассказывали...

– За его голову в тридцать восьмом году Гитлер обещал двести пятьдесят тысяч марок, – сказал скромно сидевший в углу аккуратно причесанный молодой человек в темном костюме.

– Гитлер? Двести пятьдесят тысяч? За что? – вскинулся Хрущев.

– Мессинг предсказал ему поражение, если он пойдет на восток, и насильственную ужасную смерть, – таким же безучастным голосом сообщил молодой человек.

– Мне помощники докладывали – он все какие-то записки мне писал...

– Какие записки? – насторожился Семичастный.

– Какую-то лабораторию предлагал создать, – усмехнулся Хрущев. – Для изучения его чудесных способностей... Хе, черт, такое самомнение – не приведи Господи! Лабораторию целую – вот ведь наглость какая у людей бывает!

Воцарилось молчание. Семичастный снова закурил и сказал:

– Да, да... в Комитете есть такие сведения... Он и в Германии какую-то лабораторию создавал. По изучению телепатии и парапсихологии. Вместе с неким Ганусеном – приближенным к Гитлеру и ко всей фашистской верхушке доктором-телепатом. Тоже занимался предсказаниями.

– Ты слышишь, Михал Андреич, слышишь? – вновь воодушевился Хрущев.

– Слышу... – скрипуче отозвался Сулов. – Продолжайте, пожалуйста.

– Вроде Гитлеру это не понравилось, эти игры с лабораторией. Он приказал Ганусена и Мессинга ликвидировать. Ганусена ликвидировали, а Мессингу удалось бежать сначала в Польшу, а потом в Советский Союз. Семья вся погибла в варшавском гетто... Не уверен, что все сведения точны, но... это все, что у нас есть по Мессингу, – развел руками Семичастный.

– Откровенно говоря, товарищи, я не вижу такой уж настоящей необходимости сейчас убирать Сталина из Мавзолея. Куда спешим? Нельзя идти на поводу у толпы, – тем же скрипучим фальцетом проговорил Сулов и посмотрел на Хрущева: – Впрочем, Никита Сергеич, если ты настаиваешь, я не возражаю...

Хрущев переглянулся с Подгорным и Семичастным, и все трое с облегчением улыбнулись. Но Сулов успел перехватить эту “переглядку” и проговорил:

– Я слышал, он вышел с Лубянки от Берии без документов?

– Да, Михаил Андреевич, – подтвердил Семичастный. – Сотрудники комитета рассказывали. Он еще по чистому листу бумаги получил в отделении госбанка сто тысяч рублей.

– А что он сейчас делает? – уже заинтересованно спросил Сулов.

– Работает в Москонцерте. Ездит с гастролями по нашим городам.

– Надеюсь, за границу его не выпускают? Это опасный человек, за ним смотреть надо, – велел Сулов.

– Мне Семичастный о нем докладывает, Михал Андреич. Так что ты зря беспокоишься, – сказал Хрущев и остановился перед Семичастным: – Давай-ка ко мне этого фрукта послезавтра. Часикам к двенадцати.

Товарищ Сталин! Вы большой ученый,
В языкознании познали толк,
А я простой советский заключенный,
И мне товарищ – серый брянский волк...

Витюша Подольский хорошо играл на гитаре и задушевно пел хрипловатым, простуженным голосом:

За что сижу, по совести, не знаю,
Но прокуроры, видимо, правы,
И вот сижу я Туруханском крае,
Где при царе сидели в ссылке вы...

В гримуборной было тесно: артисты сидели на стульях, на диванчике, многие устроились прямо на полу, рядом с ними стояли стаканы и кружки и просто бутылки с пивом. Мессинг с Аидой Михайловной, Дормидонт Павлович, Артур Перешьян, Артем Виноградов и Раиса Андреевна и еще много других артистов Москонцерта...

Я вижу вас, как вы в партийной кепке
И кителе идете на парад,
Мы рубим лес по-сталински, а щепки...
А щепки, разумеется, летят! —

продолжал петь Витюша Подольский.

Рядом с ним, на низком пуфике, вытянув длинные красивые ноги в тренировочных рейтузах, сидела девица лет двадцати с небольшим, большеглазая, большеротая, с полными чувственным губами. Она курила сигарету и не отрываясь смотрела на Подольского. И в глазах у нее было столько открытого обожания и страсти, что всем вокруг даже неловко становилось. А Витюша делал вид, что не замечает этого обжигающего взгляда, смотрел то на одного, то на другого слушателя, подмигивал, улыбался и пел:

Вчера мы хоронили двух марксистов,
Тела накрыли красным кумачом,
Один из них был левым уклонистом,
Другой, как оказалось, ни при чем!

Подольский встретился глазами с Мессингом, неожиданно нахмурился и быстро отвел глаза в сторону. И девушка в черных рейтузах тут же посмотрела на него. Вольф Григорьевич выдержал ее взгляд, и она отвернулась, снова сосредоточив внимание на своем кумире.

Дверь в гримуборную отворилась, и на пороге возник администратор:

– Вольф Григорьевич здесь? – Он пошарил глазами. – Вольф Григорьевич, дорогой, пойдемте ко мне в кабинет. Срочно! – И Осип Ефремович сделал страшные глаза, давая понять, что дело очень важное.

Мессинг поднялся, стал пробираться между сидящими на полу артистами.

– Что это у вас тут? – покачал головой Осип Ефремович. – Вы знаете, сколько времени? А завтра на репетициях будете, как сонные мухи.

– У нас концерт самодеятельной песни, – улыбнулся Подольский.

– Однажды вы уже огребли за свою самодеятельность, – презрительно процедил администратор и, когда Мессинг вышел, хлопнул дверью.

– Урод сталинский, – процедил Подольский и вновь ущипнул струны гитары:

Живите тыщу лет, товарищ Сталин,
И пусть в тайге придется сдохнуть мне,
Я верю, хватит чугуна и стали
На душу населения в стране...

...В кабинете администратора при виде вошедшего Мессинга с дивана дружно поднялись двое мужчин средних лет в светлых габардиновых плащах. По их лицам и выправке Мессинг сразу определил, какого это поля ягоды.

– Вольф Григорьевич, здравствуйте. Мы приехали за вами. С вами хочет поговорить Никита Сергеевич.

– Ну здравствуйте, здравствуйте, товарищ Мессинг, здравствуйте... Давно хотел познакомиться, – Хрущев тряс руку

Мессингу, улыбался и смотрел ему в глаза. – Такие про вас легенды ходят – прямо оракул... С Гитлером был знаком... со Сталиным был знаком... С кем еще-то довелось познакомиться? – Хрущев был в светлом костюме, под пиджаком виднелась украинская рубаха, вышитая красным узором.

– С Пилсудским... – с заметным равнодушием ответил Мессинг.

– Ого! Как в народе говорят, наш пострел везде поспел! – Никита Сергеевич мелко рассмеялся и отпустил руку Мессинга. Прошел к письменному столу, жестом короткой толстой руки пригласив Мессинга садиться.

Вольф Григорьевич сел за стол, стоявший перпендикулярно к столу Хрущева, и оказался к нему боком. Чуть повернулся, глядя на толстое, по-лисьи хитрое, улыбающееся лицо первого секретаря.

– Ну как вам живется? Рассказывайте. Мне про вас все интересно. Работаете в этом... как его?..

– В Москонцерте... в отделе сатиры и юмора, – подсказал Мессинг.

– Сатиры и юмора? – озадаченно переспросил Хрущев. – Почему сатиры и юмора?

– Другого, более подходящего отдела для меня нет. Нельзя же открыть отдел телепатии и ясновидения. Никита Сергеевич, я отправлял вам записку. Объяснил, как мог, необходимость создания специальной лаборатории по изучению гипноза и телепатии. Но мне сказали – нельзя.

– Почему это нельзя? – вскинулся Хрущев и даже как будто обиделся. – Надо будет – создадим такой отдел. Конечно, марксизм-ленинизм все эти ясновидения и телепатии считает шарлатанством, вы уж не обижайтесь, товарищ Мессинг, это я вам, как коммунист, прямо говорю: если надо... мы сделаем такой отдел... Чтобы, так сказать, изучить проблему, внутрь проникнуть... может, чего и полезного можно будет из этого дела извлечь! – Никита Сергеевич сжал кулак и взмахивал им в такт своим словам. – Марксизм-ленинизм, товарищ Мессинг, самая научная наука, какая только может быть!

– Да, да... – кивнул Мессинг, потому что не знал, как еще отреагировать.

Хрущев помолчал, разглядывая его, и вдруг спросил в упор:

– Значит, встречались со Сталиным?

– Встречался...

– Слышал... еще тогда слышал, только значения этому не придал... Ну и что? Как вам товарищ Сталин?

– Не знаю даже, что ответить, Никита Сергеевич... Настоящий... большой, очень большой человек...

– Большой, говоришь? – помрачнел Хрущев. – Ты мое выступление на двадцатом съезде читал?

– Читал.

– А статьи в газетах и журналах разных... наших ученых, историков и других... деятелей читаешь?

– Иногда... не все...

– Не все... – повторил Хрущев и еще больше помрачнел. – Но ты хоть понял, товарищ Мессинг, с кем встречался?

– С кем встречался? – повторил вопрос Мессинг.

– Со злодеем ты встречался. У которого руки по локоть в крови... Страшно сказать, сколько людей он загубил! Невинных людей, честных коммунистов! У народа душа страхом, как мхом заросла!

– Я тогда об этом ничего не знал, Никита Сергеевич.

– Теперь-то знаешь? Теперь, товарищ Мессинг, народ спасать надо – страх с его души соскребать надо! А это значит искоренить всякую память об этом диктаторе! Об этом злодее, понимаешь! Думаешь, это легко и просто? Ой как нелегко и как непросто! У злодея осталось много сторонников... которые не хотят согласиться с решениями двадцатого съезда партии! Которые перешли на такую хитрую позицию – дескать, у Сталина были отдельные ошибки, но вообще – это великий человек, вождь и учитель, и тому подобное... С Лениным его равняют!

– Я понимаю, понимаю... – пробормотал Мессинг, стараясь не смотреть на разошедшегося Первого секретаря.

А тот все более распалялся:

– С великим Лениным равняют, сволочи! Выкинуть его из Мавзолея к чертовой матери – вот мое мнение! И я своего добьюсь! И народ меня поддержит!

Дверь в кабинет открылась, и вошел пожилой человек в темном костюме, русоволосый, с сильной проседью. Его густой чуб был зачесан надо лбом. Он бесшумно прошел ближе к столу и сел в кресло у окна. Мессинг, увидев его, привстал было, чтобы поздороваться, но человек властным жестом остановил его – дескать, не стоит

беспокоиться. Он сидел у окна и сквозь очки внимательно разглядывал Мессинга.

Хрущев тоже посмотрел на этого человека, на лице его промелькнула тень недовольства, но он тут же отвернулся и уставился на Мессинга:

– Сталина из Мавзолея надо убрать! И ты, товарищ Мессинг, должен нам в этом деле помочь. Ты – человек известный... в народе про тебя такие сказки гуляют... будто ты по пустому листку бумаги в сбербанке сто тыщ получил. Было такое?

– Было... – кивнул Мессинг.

– Во, фокусник, Михал Андреич, видал, а? – обернулся к Суслову Хрущев, и физиономия у него почему-то была очень довольная, он даже засмеялся. – Выпусти такого на Уолл-стрит, так он там все ихние банки обчистит! – И Никита Сергеевич залился радостным, почти детским смехом.

На лице Суслова не дрогнул ни один мускул. Он молча смотрел на Мессинга.

– Простите, Никита Сергеевич, не понимаю, каким образом я могу вам помочь, – сказал Мессинг.

– Объяви, что тебе приснилось... или там привиделось, или как там еще по-научному – что тело Сталина требуют вынести из Мавзолея, – улыбаясь, вкрадчивым бархатным голосом проговорил Хрущев. – Сразу во всех газетах напечатают... Вся страна прочитает...

– Кто требует? – переспросил Мессинг.

– Как кто? Народ требует... или как там? Высшие силы... Бог требует... – Хрущев искал подходящее определение и не мог найти. – Ты в этом деле мастер – тебе и карты в руки... Кто тебе являлся, когда ты увидел, что война кончится в мае сорок пятого?

– Никто не являлся...

– Как это никто? А кто ж тебе сказал, когда война кончится? – допытывался Хрущев.

– Никто не сказал. Я увидел... увидел в кипящем космосе цифры... я их почувствовал...

– В космосе... почувствовал... – растерялся Хрущев и вновь посмотрел на Суслова. – Ты академика Королева знаешь?

– Нет, не знаю...

– Ну и не надо, незачем тебе про него знать... В космосе, говоришь? Не надо никакого космоса. Просто, по-человечески скажи, что тебе знамение было – вынести надо труп Сталина из Мавзолея, и дело с концом.

– Нет, я этого сделать не смогу, – тихо, но твердо выговорил Мессинг.

– Как не сможешь? – опешил Хрущев. – Тебя руководитель партии и государства просит...

– Я никогда не врал и врать не смогу. Извините.

– Это не ответ, товарищ Мессинг. Такие ответы у нас не принимаются. Не врал он никогда! Да еще как врал-то! Думаешь, я поверю, что человек столько лет прожил и никогда не врал! Так вообще быть не может! Не хочешь нам помочь – это я понимаю. Но тогда и с тобой, товарищ Мессинг, другой разговор будет. Не как с другом, а как... с человеком, который... живет тут, понимаешь, всеми благами советской власти пользуется, лабораторию научную создать просит... а вот помочь этой самой власти не хочет!

Мессинг молчал, опустив голову. Хрущев тяжело смотрел на него.

– Чудной ты человек, Мессинг, ей-богу! – хмыкнул он. – Сам на гастроли за границу просится и сам же нам помочь не хочет, а? Ну где логика, Мессинг? Или ты так Сталина любишь?

– Я уважаю этого человека, – глухо ответил Мессинг.

– Вот если бы Сталин тебя о таком деле попросил бы – что, тоже отказался бы? Сказал бы, врать не могу? И что с тобой было бы, знаешь? А я тут цацкаюсь с тобой, уговариваю... Ладно, не хочешь помочь, не надо. Ступай отсюда к чертовой матери... Только вот ты у меня за границу поедешь! – и Никита Сергеевич показал Мессингу кукиш из толстых пальцев.

Мессинг встал, проговорил:

– Прошу извинить меня, товарищ Хрущев...

Он хотел уйти из кабинета, но Хрущев остановил его громким криком:

– Не извиняю! Видал засранца? – Первый секретарь партии посмотрел на Сулова и снова обернулся к Мессингу. – Интеллигенция паршивая! Как премию, звание, орден, квартиру – дай, дай, дай, а как о чем-нибудь попросишь – рыло воротят, совесть не позволяет, не врал никогда! Говнюки чертовы! Ни одному верить нельзя! Ну ты у меня

еще попляшешь! – Хрущев гневно посмотрел на Мессинга и погрозил пальцем. – Так и будешь по провинциям гастролировать, гастролер хренов! И никаких крупных городов! В колхозных клубах будешь телепатию свою показывать! Вы свободны, товарищ Мессинг! Больше не задерживаю!

Мессинг медленно вышел из кабинета, бесшумно закрыв за собой дверь.

Мессинг без стука вошел в кабинет Осипа Ефремовича, молча уселся в кресло у письменного стола и спросил глухо:

– Прости, Осип Ефремович, у тебя выпить нету?

Администратор молча раздвинул книжки в застекленном стеллаже, извлек бутылку армянского трехзвездного коньяка, два стаканчика и, откупорив бутылку, налил доверху, не жалея. Потом достал из ящика стола апельсин, очистил его, бросая толстую оранжевую кожуру на стеклянный журнальный столик – последний писк моды. Только потом спросил:

– Ну что, был?

– Был... – Мессинг равнодушно смотрел в пространство.

– У самого?

– У самого...

– И что в результате? – Осип Ефремович разломил апельсин на две половины и одну положил перед Мессингом.

– Ты знаешь, Осип, я, наверное, прекращу выступления... У Аиды со здоровьем стало хуже, да и вообще... устал я... – медленно проговорил Мессинг. – Интересно, пенсию мне какую-нибудь дадут? – Он со слабой улыбкой посмотрел на Осипа Ефремовича. – Или у меня трудового стажа не наберется?

– Что за дурацкие разговоры, Вольф? – поморщился администратор. – На твоих выступлениях бюджет всего отдела держится. В других отделах о такой прибыли только мечтают... А если бы мне дали развернуться, я бы... э-эх! – Осип Ефремович махнул рукой и, выпив коньяк, запихнул в рот дольку апельсина и стал жевать, причмокивая. – Мы бы с тобой миллионерами стали, Вольф.

– Я уже был миллионером, Осип... это скучно...

– А я вот, представь себе, никогда не был! – хлопнул себя по бедрам Осип Ефремович. – И очень хотел бы попробовать!

– Убейте в себе это желание, – вздохнул Мессинг. – Иначе это сделает ОБХСС – так, кажется, называют эту милую организацию?

– О да! – Администратор вновь наполнил рюмки. – И потому ваши разговоры о пенсии – полный бред! Что же... – Он помолчал и спросил осторожно: – У Хрущева разговора не получилось?

– Получился разговор, получился... Он пообещал мне концерты только в колхозных клубах... никаких больших городов...

– Что-о?! – взревел Осип Ефремович. – Он что, с ума... – Старший администратор вовремя осекся. – А что ты ему такого сказал, Вольф?

– Успокойся... про тебя ничего не сказал, – усмехнулся Мессинг и выпил коньяк.

– А что такого особенного про меня можно сказать? – обиделся Осип Ефремович.

– Вот потому я ничего про тебя и не сказал, – повторил Мессинг и поднялся. – Спасибо за коньяк... А насчет пенсии, Осип, узнай, пожалуйста... хотя... если потребуется, буду выступать и в колхозных клубах, разница невелика... – И Мессинг вышел из кабинета.

Товарища Сталина все-таки вынесли из Мавзолея. Только произошло это некоторое время спустя, осенью 1961-го. И вновь над входом краснели только большие буквы: “ЛЕНИН”, и двое часовых замерли друг напротив друга.

А Сталина захоронили совсем неподалеку, рядом с Мавзолеем, и поставили гранитный бюст на длинном постаменте... в ряду других вождей, калибром помельче, чем великий Ленин...

* * *

Вольф Григорьевич прошел по коридору мимо многочисленных дверей с табличками, спустился на первый этаж и, миновав просторный холл, оказался в пустом буфете. Только у окна за столиком сидела девушка в черном облегающем свитере и короткой юбчонке. Она курила, глядя в темное окно, на вечернюю улицу, и перед ней стояли бокал с красным вином и пепельница. Мессинг прошел мимо нее, остановился у прилавка, негромко поздоровался. Буфетчица, полногрудая, сорокалетняя, с травленными хной длинными волосами,

собранными на затылке в некое подобие лошадиного хвоста, приветливо спросила:

– Вам кофе, Вольф Григорьевич?

Мессинг кивнул.

– Сейчас сделаю. А что Аиды Михайловны давно не видно?

– Болеет...

– Ах, боже мой, привет ей передавайте, пусть выздоравливает, – затараторила буфетчица, насыпая в чашку растворимый кофе и сахар и наливая кипятку.

– Она постарается... – Мессинг отвечал почти машинально, думая о чем-то своем.

– Привет ей передавайте. – Буфетчица протянула чашку Мессингу.

– Непременно. – Мессинг забрал кофе, повернулся и посмотрел, за какой столик сесть, и почему-то подошел к тому, за которым сидела девушка.

– Простите, к вам можно присесть?

– Конечно, Вольф Григорьевич, садитесь... – Девушка шмыгнула носом, поспешно отерла глаза.

– Вы вот меня знаете, а я вас не очень что-то... уж простите великодушно. Как вас зовут?

– Вас все знают – вы человек знаменитый, – слабо улыбнулась девушка. – А зовут меня Викой.

– Виктория, значит. Прекрасное имя. Победительница.... – Мессинг отпил глоток кофе и спросил: – У вас неприятности? Я даже догадываюсь, какие...

– Мне уже говорили, что с вами опасно разговаривать, – усмехнулась Виктория. – Вы сразу все знаете, и от вас ничего не скроешь.

– Ерунда... Я про себя-то ничего не знаю, а уж про других... – И он махнул рукой. – Ну посудите сами. Позднее время, пустой буфет, сидит в одиночестве красивая девушка и пьет вино – наверное, не от большой радости, не так ли? Значит, неприятности. Как видите, все просто, и никаких чудес.

– Я бы вам поверила, если бы не побывала на ваших психологических опытах.

– Неужели бывали?

– Несколько раз. – Девушка отпила глоток вина, затянулась сигаретой и, заметив, как недоверчиво посмотрел на нее Мессинг, прижала руку к сердцу. – Нет, правда, Вольф Григорьевич, и мне было страшно интересно. Скажите, ну а честно: как вы понимаете, о чем человек в эту минуту думает?

Мессинг долго смотрел ей в глаза, отхлебывая кофе, потом медленно сказал:

– Понимаете, Виктория... Витюша Подольский – человек прекрасный, но...

– А почему вы о нем заговорили? – выпрямилась и нахмурилась Виктория.

– Потому что вы все время о нем думаете и отчаиваетесь. Разве не так?

Она закурила новую сигарету, допила вино, оставила бокал и наконец сказала:

– Ну, пусть так... Ну и что?

– Да ничего... – пожал плечами Мессинг. – Сказал, что увидел.

– Скажите, Вольф Григорьевич... а он... любит меня? – с тревогой спросила Виктория.

– К сожалению, Виктория, он больше всего любит свои страдания... это понять можно. Когда его посадили?

– В тридцать девятом, кажется...

– Почти восемнадцать лет лагерей – это... честно говоря, я даже не могу себе представить, что это такое...

– Говорят, он был очень талантливый... Ему было всего двадцать три, а слава уже гремела на весь Союз... – с жаром заговорила Виктория. – Его все обожали, поклонницы на гастролях у гостиниц ночевали... Я фотографии тех лет видела – он такой красивый, такой... одухотворенный...

– Ну, вот видите? Ушел юным красавцем... одухотворенным, а вернулся...

– А он сейчас еще красивее! – вспльчиво возразила Виктория. – А то, что он злой на всех, – так разве это непонятно? Вы бы посидели с его... да ни за что... Представляете? Семнадцать лет просидеть ни за что... – голос Виктории дрогнул, в глазах заблестели слезы.

– Нет... не представляю... не могу представить, – серьезно ответил Мессинг и покачал головой. – Хочу и не могу... страшно становится...

честное слово, Виктория... страшно...

– Ну вот, а вы говорите, он такой озлобленный. Но это правда, что он стал много пить, и пьяный всегда старается обидеть меня побольнее... – с упреком проговорила Виктория. – Да я все от него вынесу, любые обиды, лишь бы он... любил меня...

И тут в буфете появился Витюша Подольский. Он был сильно навеселе, в углу рта закушена папироса. Его мутный осоловевший взгляд с трудом сфокусировался на сидящих вдалеке Виктории и Мессинге. Подольский остановился и долго пялился на них, потом нетвердой походкой направился к буфетчице.

Мессинг и Виктория сидели к буфету спиной и не видели Подольского. Они смотрели друг на друга, и Виктория тихо спрашивала, волнуясь и едва сдерживая слезы:

– Я много раз хотела спросить вас, но боялась... Всегда считала себя сильной и уверенной, считала, что добьюсь всего, чего хочу. Но, кажется, силы мои кончились...

– Вы так молоды, Виктория, и говорить об этом просто глупо... Вы просто измучились и устали... – сказал Мессинг.

– Наверное... – Виктория пальцем смахнула слезу с уголка глаза. – Я знаю, вы всегда говорите правду, потому и боялась... Скажите, он любит меня? Он не бросит меня?..

Она смотрела на него страдающими глазами и ждала. Мессинг на несколько секунд прикрыл глаза, потом попросил:

– Дайте вашу руку...

Он взял ее за руку, легонько сжал и долго молчал.

– Вы будете вместе, Виктория... он любит вас... но жизнь эта принесет вам много страданий...

– Кончай врать, Мессинг, – раздался над ними голос Витюши Подольского.

Мессинг и Виктория вздрогнули. Разом обернулись. За спиной Мессинга со стаканом водки в руке стоял Подольский и пьяно и зло улыбался. Он повторил:

– Кончай врать доверчивым и несчастным душам... Могу поспорить, что ни одно твое предсказание относительно этой прекрасной девушки не сбудется. Во-первых, мы не будем вместе, во-вторых, я ее не люблю, и, в-третьих, страдать от меня она, естественно, не будет.

– Я буду счастлив, если так случится, – ответил Мессинг.

– Значит, будь счастлив, Мессинг. – И Подольский выпил стакан до дна, фыркнул, утер мокрые губы рукавом пиджака и добавил: – И проваливай, тебя дома жена больная ждет.

Мессинг поднялся, взглянул на Подольского:

– До свидания... – и повернулся к девушке: – До свидания, Виктория. Все будет хорошо...

– Ха-ха-ха! – рассмеялся Подольский и вдруг стал декламировать:

Господа, если к правде святой
Мир дорогу найти не сумеет,
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой!

Ха-ха-ха! – снова громко захохотал Подольский.

Буфетчица встревоженно поглядывала в их сторону. Виктория резко встала, схватила Подольского за руку:

– Виктор, прекрати немедленно, умоляю тебя...

– Все будет хорошо, – повторил Мессинг и не спеша пошел из буфета.

– Это ты Сталину говорил, когда перед ним оракула разыгрывал?! – вслед закричал Подольский.

Мессинг не остановился и не оглянулся.

Врач только что сделал Аиде Михайловне укол и теперь протирает ваткой место укола, потом положил шприц в подставленную медсестрой металлическую ванночку. Аида Михайловна лежала на спине, на подушках, неподвижным взглядом смотрела в потолок. Потом глубоко, с облегчением вздохнула и закрыла глаза.

Врач был пожилой, с седой аккуратной бородкой и усами, в очках в тяжелой роговой оправе. Белый халат накинут на плечи поверх костюма. Рядом, около кровати молодая медсестра держала в руках медицинский саквояж, сосредоточенно перекладывая в нем лекарства и инструменты.

Мессинг стоял чуть в стороне. Врач подошел к нему, сказал вполголоса:

– Это хорошее обезболивающее, Вольф Григорьевич. Она поспит, и ей будет много лучше... Поздновато вы к нам обратились, голубчик.

– Какое обезболивающее?

– Пантапон. Успокойся, это наркотик, который применяют в подобных случаях. Дай Бог, чтобы помогло...

– Дай Бог, чтобы помогло, – как эхо повторил Мессинг.

– Вольф Григорьевич, сам-то не хочешь обследоваться? Я тебя распотрошу по всей форме. Все анализы сделаем, на рентгене просветим. Мне не нравится, как ты выглядишь.

– Со мной все нормлально.

– А мне было бы интересно обследовать такого человека, как ты, – усмехнулся врач. – Оч-чень интересно. Ты Антона Евграфовича помнишь? Ну, я вас на моем дне рождения знакомил...

– Нейрохирург, что ли?

– Он самый. Так он мне всю плешь проел – пригласи Мессинга к нам да пригласи... Мы его пообследуем... поговорим...

– Раньше я мечтал об этом, – равнодушно ответил Мессинг. – Сталину писал, чтобы создали лабораторию... Хрущеву писал... А теперь как-то перегорело... старый я, Сергей Михалыч, о другом думаю...

– Перестань, Вольф Григорьевич, – нахмурился врач. – Понимаю, время сейчас не то...

– Сергей Михайлович, – подала голос медсестра. – Может, я на ночь тут останусь? Вдруг хуже станет?

– Не стоит, – резко отказался Мессинг. – Я тут для чего? Уколы делать я умею... А вы поезжайте. Если что, я позвоню...

– Я сам позвоню, Вольф Григорьевич. – Врач пожал руку Мессингу, снял халат и отдал его медсестре. – Слышь, Вольф Григорьич, а что ты стал так сильно хромать?

– Ноги болят... Что-то с суставами... припухают, болят...

– Так приезжай – обследуем, лечение назначим.

– Благодарю тебя, Сергей Михайлович, непременно подъеду...

В прихожей Мессинг еще раз раскланялся с ними и закрыл дверь. И сразу навалилась тишина. Он постоял неподвижно, медленно прошел на кухню, подошел к окну. Вечерние сумерки расплылись по городу, светили многочисленные окна в домах, внизу мелькали белые и

красные огни автомобилей, горели фонари. Мессинг прислонился лбом к холодному стеклу и закрыл глаза...

...И вдруг подлая память вернула его в далекое прошлое... Вот маленький мальчик Вольф с ужасом смотрит из-под лавки, как старый контролер рассматривает клочок газеты, как он прокалывает его компостером и возвращает Вольфу, и что-то говорит ему, улыбаясь... А потом, как вспышка молнии – тамбур и открытая дверь вагона и старый контролер в проеме двери держится за поручень, и за его спиной мелькают деревья и телеграфные столбы. Контролер оборачивается, и теперь ужас на его лице такой же, как минуту назад был на лице мальчика. Губы контролера судорожно шепчут: “Не надо... не надо...”, и глаза умоляют о пощаде...

Но мальчик Вольф стоит в дверях тамбура и смотрит черными огромными глазами на контролера. И тот медленно разжимает руку, отпуская поручень, и прыгает в темноту с душераздирающим протяжным криком...

...Мессинг вздрогнул, приходя в себя, ладонями провел по лицу, словно стирая видения прошлого, и медленно пошел в спальню.

Аида Михайловна не спала, она посмотрела на Мессинга большими лучистыми глазами и чуть улыбнулась:

– Ты знаешь, Вольфушка, мне стало много лучше...

Мессинг присел на край кровати, взял руку жены в свои, медленно наклонился и ткнулся в ладонь лицом, прижался губами.

– Ты ужинал? – тихо спросила Аида.

– Ужинал... – не отрывая лица от ее ладони, глухо ответил Мессинг.

– А что ты ужинал?

– Кашу ел... гречневую... с молоком...

– Какую кашу? Я не варила тебе каши.

– Я вчерашнюю съел. – Мессинг поднял голову и посмотрел на Аиду Михайловну.

– Зачем ты врешь, Вольф? Не было вчерашней каши. Я даже кастрюли все вымыла.

– Я правда сыт, Аида, я не хочу есть... ну что ты в самом деле? Нашла время говорить об ужине...

– Господи, какой же ты все-таки несносный человек, – Аида Михайловна вдруг отстранила его руки и медленно поднялась,

спустила ноги с кровати. – Подай мне халат, пожалуйста.

– Аида, два часа ночи!

– Я не смогу заснуть, зная, что ты голодный.

– Я совсем не голоден, Аида, честное слово! – доставая из шкафа халат и подавая его жене, поклялся Мессинг. – Зачем ты сама себе придумываешь дела?

– Кто же еще будет их мне придумывать? – Аида Михайловна надела халат, сунула ноги в домашние тапочки и пошла из спальни. – Не беспокойся, я чувствую себя нормально.

Прошло совсем немного времени, и на кухонном столе уже стояли тарелка с омлетом и салат – нарезанные помидоры, огурцы, редиска и зеленая редька, сдобренные подсолнечным маслом – и чашка дымящегося крепкого чая. Мессинг с аппетитом поедал омлет и салат, запивая их чаем. Аида Михайловна сидела напротив, подперев кулаком щеку, и смотрела на него с едва заметной улыбкой.

– Вольф, – тихо позвала Аида Михайловна.

– Что? – не сразу оторвавшись от еды, спросил Мессинг.

– С концертами завязали, да?

– Почему? Завтра Ёся обещал сказать маршрут гастролей.

– В райцентрах и совхозах? – улыбнулась Аида Михайловна.

– А чем совхозы и райцентры хуже областных центров? Такие же залы, такие же люди... даже лучше... Ну хочешь, откажусь?

– Решай сам, Вольф... только что ты будешь делать дома?

– Как что? Мы будем вместе... Между прочим, мне пенсия полагается... И тебе тоже...

– Это радует, – опять улыбнулась Аида Михайловна. – Пустячок, а приятно...

– А что, действительно приятно... Будем в Сокольниках гулять... зимой на лыжах кататься, будем читать по вечерам... чай гонять, в шахматы играть...

– Завораживающая перспектива... – тихая улыбка не сходила с лица Аиды Михайловны. – Знаешь, Вольф, мне придется пожить подольше, а то ты без меня... долго не протянешь... ты ведь совсем не умеешь жить, Вольф...

Мессинг снова перестал есть, долго смотрел на жену, пожал плечами и пробормотал растерянно:

– Наверное, ты права... действительно не умею... и теперь уж не научусь...

– Ты ешь, Вольфушка, ешь, дорогой...

– Я ем, ты же видишь... – И Мессинг вновь склонился над тарелкой, доедая омлет, вдруг спросил. – А как ты поняла, что я голодный?

– Сама удивляюсь, как же я догадалась?

Господь немилостив к жнецам и садоводам,
Звеня, косые падают дожди,
И прежде небо отражавшим водам
Пестрят широкие плащи.
В подводном царстве и луга, и нивы,
А струи вольные поют, поют,
На взбухших ветках лопаются сливы,
И травы легшие гниют...

Мессинг читал стихи глуховатым ровным голосом, потом посмотрел на Аиду Михайловну. Она лежала с закрытыми глазами.

– Ты спишь, Аида?

– Нет... Помнишь, в сорок втором на Новый год нам подарили маленькую баночку черной икры?

– Помню, конечно... а что такое? Тебе захотелось икры?

– Нет, нет, Вольф, я просто вспомнила... читай дальше... замечательные стихи. А как твои ноги, болят?

– Немного...

– Ты шерстяные носки надеваешь?

– Конечно. Вот, посмотри, если не веришь. – Он поднял ногу в тапочке, задрал брючину.

Аида Михайловна приподняла голову, удостоверилась и сказала:

– Тебе обязательно надо показаться Николаю Федоровичу. С ногами шутить нельзя, Вольф, – она вытерла испарину со лба и вновь закрыла глаза.

– Так читать или не надо? – спросил Мессинг.

– Читай... Да, Вольфушка, давно хотела тебе сказать – ты меня в больницу не отдавай, – неожиданно проговорила Аида Михайловна. –

Операция бесполезна, так я лучше дома...

– Откуда ты знаешь, Аида. Сергей Михайлович говорил...

– Я знаю, – властно перебила Аида Михайловна. – И я хочу умереть дома...

– Что ты говоришь, Аида...

– Не надо, Вольф. Лучше читай...

Он сошел с троллейбуса и медленно, прихрамывая, двинулся вниз по улице Горького... По тротуару густо текли прохожие... толкались, обгоняли друг друга и почти не смотрели по сторонам. Яркими огнями светились витрины магазинов. Мессинг медленно дошел до Елисейевского, с трудом открыл тяжеленную дверь.

В гастрономе – огромное количество прилавков и к каждому тянулись очереди покупателей. Стоял слитный гул голосов и шарканья ног по мраморным плитам. Ослепительно сияли хрустальные люстры на высоком потолке с красочной лепниной. Мессинг медленно подошел к гастрономической витрине. За стеклом теснились рыбные деликатесы – осетрина и скумбрия горячего и холодного копчения, балык, пирамидки консервных банок – печень трески, частик в масле и томатном соусе, шпроты. Отдельно располагалась пирамида больших и маленьких банок с черной икрой.

Вольф Григорьевич встал в очередь и медленно двигался к продавцу, продолжая смотреть на банки с черной икрой. Потом достал из кармана пиджака несколько сложенных пополам мелких денежных купюр, поморщился и убрал деньги обратно в карман.

Наконец подошла его очередь, и продавщица вопросительно посмотрела на Мессинга. Обычная женщина – средних лет в темном крепдешиновом платье с вырезом и белом переднике поверх платья. Мессинг внимательно взглянул ей в глаза, словно притягивая к себе. Женщина взяла с витрины две банки черной икры, завернула их в бумагу, потом взяла батон колбасы, потом большой кусок балыка, тоже завернула, потом отрезала большой кусок ветчины, отмотала связку сарделек, сложила в пакет несколько банок печени трески и пару банок шпрот. Гору свертков она придвинула поближе к Мессингу, глядя на него и не говоря ни слова. Тот достал из кармана пиджака сетчатую авоську, положил в нее свертки и медленно пошел от прилавка, мгновенно растворившись в толпе покупателей.

Вольф Григорьевич продвигался к дверям гастронома, ссутулившись и глядя перед собой остановившимися глазами. Вдруг резко повернулся и пошел обратно, сталкиваясь с идущими навстречу людьми. Он вернулся к прилавку, плечом отодвинул очередного покупателя и выложил из сетки два свертка – балык и колбасу. Так же быстро отошел от прилавка и стал энергично пробираться сквозь толпу, к дверям.

Продавщица растерянно смотрела на свертки с продуктами...

Когда он вышел из магазина, как раз подошел троллейбус, и Мессинг ринулся в толпу у остановки, пробиваясь к задним дверям...

...Он ворвался в квартиру, прошел, прихрамывая, на кухню, достал из кухонного стола нож-открывалку и осторожно вскрыл стеклянную баночку икры. Потом отрезал два ломтя от батона и стал аккуратно намазывать на хлеб толстый слой черной икры. Положил бутерброды на маленькую тарелочку и пошел в спальню.

Аида Михайловна спала, лежа на спине, и лицо ее было спокойным. Мессинг поставил тарелочку на тумбочку рядом с кроватью, сел на стул и взял в руки томик Ахматовой. Но не читать не стал, а сидел и смотрел на спящую жену... На тарелочке чернели два бутерброда с икрой...

Москва, лето 1960 года

Врач Сергей Михайлович и Мессинг негромко разговаривали на кухне. На столе, сервированном сиротливо, по-мужски, – поджаренная картошка с колбасой и бутылка водки, уже наполовину пустая.

– Я тебе, Вольф Григорьевич, кто есть?

– Ну-у... ты-ы... – задумавшись, тянул Мессинг и раскачивал головой над столом.

– Именно! Я – лучший онколог в нашей стране. – Врач назидательно поднял вверх палец.

– Бери выше... – мотнул головой Мессинг.

– Хочешь – бери выше, – согласился Сергей Михайлович. – Только я тебе совершенно авторитетно говорю – с такой онкологией живут долго... бывает, и больше десяти лет живут... так что, дорогой мой, рано ты отчаиваешься, рано... давай еще по одной, – врач посмотрел на часы. – А то за мной скоро машина придет.

– А ты напрасно мне баки забиваешь или горбатого лепишь, уж не знаю, что тебе больше подходит?.. – спокойно сказал Мессинг,

разливая водку по рюмкам.

– Что-что? – нахмурился Сергей Михайлович. – Откуда у тебя этот позорный жаргон, как у фраера, который трется вокруг честных воров?

– От тебя набрался... – усмехнулся Мессинг.

Сергей Михайлович рассмеялся, потом сразу посерьезнел и взял рюмку:

– Я сейчас серьезно говорю, Вольф Григорьевич, с такой опухолью живут по много лет... Приезжай, в больнице я тебе покажу истории болезней...

– Ты забываешь, с кем ты имеешь дело, Сергей Михайлович. Я хоть теперь и не выступаю, но я – по-прежнему Вольф Мессинг. И меня надуть нельзя... – Он посмотрел на врача страшными черными глазами. – Она умрет 2 августа, в шесть часов вечера...

Врач вздрогнул, и водка из рюмки расплескалась на стол. Он медленно поставил рюмку, пробормотал, уведя взгляд в сторону:

– Извини, я действительно все время забываю, с кем имею дело... Хотя, случается, что и живут довольно долго. И подобные истории болезней у меня действительно есть...

– Не надо, Сергей Михайлович, – сморщился Мессинг. – Давай лучше выпьем и помолчим... Я тебе страшно благодарен, что ты приезжаешь и торчишь тут со мной целые вечера...

Он смотрел на лежащую в кровати Аиду Михайловну, на ее мертвенно-бледное лицо, закрытые глаза, и вдруг вновь молния осветила память. Мессинг вздрогнул и медленно согнулся на стуле, опустил голову, потер пальцами виски и тихо застонал.

...А коварная память услужливо высветила лицо Лауры, дочки аргентинского миллионера-скотопромышленника сеньора Ферейры... Они с Лаурой ушли далеко в саванну, и высокая трава почти по пояс закрывала их. Они держали в руках бокалы с вином и смотрели друг на друга...

– Вы умеете видеть сквозь время... свое будущее вы тоже видите?

– Никогда не думаю о своем будущем, – он встретил ее взгляд. – Не получается.

– И что же вы могли бы сказать о моем будущем?

– Нет, Лаура, нет... – твердо выговорил Мессинг. – Я не буду говорить о вашем будущем. Не могу. Я ничего не вижу. – И Мессинг

повернулся, медленно пошел обратно к столам, где громко переговаривались и смеялись участники пикника.

Лаура смотрела ему вслед, и слезы туманили ее взгляд. Тонкие длинные пальцы с силой стиснули бокал, и стекло лопнуло, осколки врезались в руку, выступила и потекла кровь. Но Лаура, не чувствуя боли, продолжала глядеть в спину уходящему Мессингу.

И вдруг он повернулся и пошел обратно к Лауре. И она ждала его, смотрела расширившимися глазами, блестящими от слез счастья. Мессинг подошел и обнял ее, прижал к себе и стал целовать в губы. Ее окровавленные руки обвили его шею, пальцы коснулись щеки, оставляя кровавый след...

...Мессинг застонал глухо, встал и вышел из спальни. Он сел в темной кухне, сгорбился, уперев локти в колени и тихо заплакал, стиснув голову ладонями.

...А память вновь ярко осветила те давно ушедшие времена... Он знал, что спит в спальне у себя в гостиничном номере, и одновременно отчетливо видел Лауру... Вот она приезжает в автомобиле в свой замок... вот поднимается по широкой лестнице, и ее встречает отец, что-то говорит ей, но Лаура его не слушает... Она рукой отстраняет отца, проходит мимо горничной, мимо двух слуг в белых куртках и идет по широкому холлу... Вот она входит в свою спальню... Огромная кровать под широким шелковым балдахином, смятая простыня лежит на полу...

Лаура оглядывает спальню рассеянным взглядом, медленно подходит к туалетному столику с большим, в бронзовой оправе зеркалом, медленно выдвигает один из ящичков – вороненым стволom блестит кольт. Лаура берет его, медленно проворачивает барабан... Смотрит на себя в зеркало... и медленно подносит кольт к груди... упирает ствол в грудь напротив сердца... громко звучит выстрел...

...Мессинг вздрогнул и резко выпрямился. В мокром после дождя окне маячило оранжевое солнце Мессинг платком утер слезы, шумно высморкался и посмотрел на деревянные часы-ходики с виде избенки с круглым окошком для кукушки.

Часы показывали без трех минут шесть, и на отрывном календарике, висевшем рядом с часами, значилось 2 августа 1960 года.

Мессинг, прихрамывая, тяжелыми шаркающими шагами прошел в спальню.

Аида Михайловна лежала в кровати на спине, вытянув руки вдоль тела, и глаза ее остекленело смотрели в потолок. Мессинг тяжело подошел к кровати, рухнул на колени и долго смотрел на лицо жены, потом медленно закрыл ее черные остановившиеся глаза, положил голову ей на грудь, обнял ее и застыл, прижавшись лицом... И в это время протяжно зазвонил телефон...

Москва, 1962 год

Пенящиеся воды Атлантики... Карибское море... Карта, на которой показано расположение острова Куба... Лозунг "Куба – остров Свободы".

В море американские авианосцы и эсминцы, на мачтах развеваются звездно-полосатый флаг... На палубы авианосцев садятся самолеты и тут же взлетают новые... Выступает Фидель Кастро... Голос диктора сообщает: американская авиация обнаружила, что на Кубе русские оборудовали пусковые установки для советских ракет. Никогда еще так близко от американских границ не находился враг. Америка охвачена страшной паникой. Президент Кеннеди потребовал от правительства СССР немедленно демонтировать пусковые установки и убрать ракеты с Кубы. Правительство Советского Союза ответило отказом.

...Джон Кеннеди отдает приказ о блокаде Кубы. Это означает, что все суда, идущие на остров Свободы, будут заворачиваться. Особенно – корабли СССР и стран Варшавского договора. Первый секретарь компартии и руководитель Советского Союза Никита Сергеевич Хрущев в своем заявлении сказал, что Советский Союз в случае нападения на его корабли, следующие на Кубу, ответит адекватным ударом, вплоть до применения ядерного оружия.

На многих улицах Нью-Йорка толпы людей стоят перед громадными телевизионными щитами, на которых бегущей строкой сообщают последние новости. Толпа напряженно читает сообщения, и вдруг раздается истеричный женский крик:

– О боже! Это война! Это ядерная война!!

Заседание Политбюро КПСС. С гневной речью выступает Хрущев. Затем говорит Громыко, следом за ним высказываются Устинов и Сулов... Диктор говорит, что сложившаяся по вине американского президента и его администрации напряженная

обстановка обсуждалась на Политбюро КПСС. Наглые притязания американских империалистов были отвергнуты...

В кабинете Хрущева за длинным столом собрались Суслов, Брежнев, Устинов, Семичастный и Микоян. Хрущев сидел во главе. Он был без пиджака, только в своей любимой рубашке с украинской вышивкой.

– Полагаю, пока никаких кораблей, ни военных, ни торговых, на Кубу направлять не следует, – глуховатым голосом докладывал Устинов. – В ГДР, Венгрии и Польше наши войска приведены в полную боевую готовность. Танки заправлены горючим полностью.

– Сколько? – спросил Хрущев.

– Все танковые дивизии в ГДР, в Венгрии, пять танковых дивизий в Польше. Во всех странах Варшавского блока мы привели в состояние полной боевой готовности сорок семь танковых дивизий, авиацию, все ракетные подразделения и артиллерию... Мы готовы. Никита Сергеевич, но...

– Что “но”?

– Не хотелось бы... Думаю, следует подождать...

– Мы приготовились, и они, я уверен, тоже приготовились. Какие шаги они сейчас могут предпринять? – Хрущев посмотрел на Громыко.

– Вопрос поставлен в Совете Безопасности ООН. Обсуждение назначено на пятнадцатое.

– Сегодня десятое. А если они начнут раньше?

– Думаю, начать первыми они не решатся... – неуверенно возразил Брежнев.

– Спровоцировать удар ничего не стоит, – проговорил Хрущев. – Что, нам их повадки неизвестны, что ли? Что, войны боимся?

– Ядерной войны, Никита Сергеич... – напряженно уточнил Устинов.

– Ты прямо как Кеннеди заговорил! – набычился первый секретарь. – Не будет никакой ядерной войны. Не решатся они на это!

– А если решатся? – вдруг спросил молчавший до сих пор Сулов. Наступила тягостная тишина.

– Вот и задачка... решатся или не решатся? – пробормотал Брежнев. – В Вашингтоне сейчас, уверен, о том же думают.

– Могут решиться, – сказал Микоян. – Кеннеди – мужик решительный. И ястребы на него давить будут всюду.

– Нет, думаю, не решатся, – покачал головой Семичастный. – Мы с Кубы их с гарантией достанем... в самые жизненно важные точки.

– Судьба мира решается, а мы... – грохнул кулаком по столу Хрущев. – Народ не простит нам ошибки!

– А что делать остается? Разве что на кофейной гуще гадать? – пожал плечами Микоян. – Да и то гадалка нужна – сами не пойдем ни хрена...

– Зачем на кофейной гуще? Зачем гадалка? – вдруг встрепенулся Никита Сергеевич и нажал кнопку на селекторе. – Николай Федорович, зайти-ка...

Через секунду в кабинет вошел помощник первого секретаря, мужчина средних лет в темно-сером костюме, и остановился в нескольких шагах от стола в выжидательной позе.

– Слышь, Николай Федорыч, этот... Мессинг... ну да, Вольф Мессинг... живой он еще, не слышал?

– Не слышал... – растерянно ответил помощник.

– Быстро узнай, где этот Мессинг и что с ним. Если жив и здоров, ко мне его немедленно, – приказал Хрущев.

Николай Федорович кивнул и вышел из кабинета.

– Слышали про такого? – спросил Хрущев, когда дверь за ним закрылась.

– И зачем он тебе нужен, Никита Сергеевич? – спросил Семичастный.

– Ты же про него все знаешь.

– Да знаю. Про него и знать-то нечего. Жену схоронил. Не работает. Наверное, мемуары пишет. Что ему еще делать остается? – перечислил Семичастный.

– Что, совсем один живет? Гости к нему не ходят?

– Плохо помню... Я докладную давно читал. Ходят, конечно. А, да! Академик Блохин навещает регулярно... другие разные... журналисты, ученые... ничего подозрительного...

Мессинг сидел за письменным столом и писал в толстую тетрадь. Стол был завален фотографиями, рулонами афиш, блокнотами. Преобладали фотографии: большие и маленькие, современные и совсем старинные, сделанные еще в начале века... военные

фотографии... фото Буэнос-Айреса и Рио-де-Жанейро, других знаменитых городов.

Он писал быстро и небрежно, часто зачеркивал целые куски и переписывал заново. Затем отложил авторучку и стал перебирать снимки...

В прихожей прозвенел звонок. Мессинг тяжело поднялся, взял прислоненную к столу палку с черным набалдашником и, прихрамывая, направился в прихожую.

Хрущев, увидев входящего в кабинет сгорбленного Мессинга с палкой в руке, поднялся из-за стола и пошел навстречу:

– Здравствуйте, Вольф Григорьевич, душевно рад видеть! Что такое с вами? Хвораете? С ногами что-то?

– Да, с ногами... суставы очень болят. Здравствуйте, Никита Сергеевич. Я тоже рад вас видеть...

– Ноги-то лечить надо. Что у нас, хороших врачей нету? Чего-чего, а врачей хороших у нас всегда было хоть пруд пруди. Хотите, мы посодеествуем? Положим вас в кремлевскую больницу – там обследуют, подлечат, поправят... Вы теперь один живете? Одному-то, наверное, туговато приходится? – Хрущев проводил Мессинга до кресла, продолжая тараторить.

– Прошу прощения, вы меня по делу вызвали, Никита Сергеич? – перебил Мессинг. – Тогда, пожалуйста, говорите, что за дело.

– Гм-н-да, кха-кха... – поперхнулся от неожиданности Хрущев. – По делу вызвал, Вольф Григорьевич, по делу. Газеты читаете?

– Последнее время не читаю...

– Как же так можно жить, без газет? А радио-то хоть слушаете?

– Редко... но слушаю.

– Про Кубу слышали? Про Фиделя Кастро?

– Слышал, конечно...

– А про наше столкновение с Америкой из-за Кубы? Из-за наших ракет, которые мы там разместили. Про это слышали?

– Слышал. – Мессинг внимательно взглянул на Хрущева. – Хотите узнать, будет война или нет?

– Да, Вольф Григорьевич. – Хрущев слегка смутился. – Это очень важно. Дело тут не во мне. Тут судьба всего советского народа... Если война начнется, тут, сами понимаете, до атомной бомбы рукой подать...

– Понимаю.

– Так что же... вас эти события совсем не волнуют? – спросил Хрущев.

– Я давно этим не занимался. С тех пор, как умерла жена, – тихо сказал Мессинг. – Боюсь, не смогу...

– Я знаю, что вы в сорок втором году во время своего выступления назвали судьбоносную дату для всего советского народа – месяц и год нашей победы в Великой Отечественной войне, – торжественно объявил Хрущев. – Сегодня дни не менее судьбоносные, Вольф Григорьевич – быть или не быть новой войне...

– Я понимаю... – вздохнул Мессинг. – Я постараюсь...

– Постарайтесь, Вольф Григорьевич... – тихо проговорил Хрущев. – Очень вас прошу... можно сказать, от имени всех советских людей прошу...

Мессинг долго молчал. И вдруг резко встал, отложил палку и, почти не хромая, прошел к окну. Он смотрел на город, на площадь внизу, на проезжающие машины и постовых милиционеров, на спешащих по своим делам прохожих... Потом закрыл глаза...

...И он снова увидел маленького мальчика, идущего босиком по холодным доскам пола к окну. Мальчик подошел, взобрался на лавку и толкнул створки окна. Яркая светло-зеленая луна была прямо над ним. Она смотрела на него и проливала свои бледные лучи на густой яблоневый сад, на дом, стоявший перед садом, и на самого мальчика. И мальчик смотрел на луну, подавшись вперед и протянув к ней руки... Луна царила над миром... и руки маленького мальчика тянулись к ней, словно спрашивали о чем-то, и лицо его было обращено к луне, и губы едва заметно шевелились, словно спрашивали о чем-то...

А потом он увидел бушующий океан... и Карибское море... авианосцы, самолеты, взлетающие с палуб... И ракетные установки на острове Куба... Он увидел Кеннеди, в глубокой задумчивости стоящего перед столом в Овальном кабинете... И он увидел бесчисленные шеренги танков... огромные дивизии в ГДР... Венгрии... Чехословакии...

...Хрущев сидел за столом и напряженно следил за Мессингом.

Тот по-прежнему стоял перед окном, закрыв глаза, и пальцы вытянутых рук мелко вздрагивали... Наконец он открыл глаза. Пот крупными каплями стекал со лба, с морщинистых щек. Мессинг

глубоко вздохнул, словно освобождаясь от тяжести. Потом медленно подошел к креслу и взял свою палку.

Хрущев вопросительно смотрел на него, ждал.

– У меня просьба, Никита Сергеич. Меня домой не отвезут?

– Отвезут, конечно, Вольф Григорьевич. Что вы скажете?

– Войны не будет... Вы уступите ракеты на Кубе, Кеннеди уступит что-то очень существенное для США... что-то в Турции... Если я не ошибаюсь, они тоже уберут свои ракеты из Турции... Но войны не будет – могу сказать уверенно... По крайней мере, пока я жив...

В это время на столе зазвонил телефон. Хрущев взял трубку и услышал взволнованный голос Громыко:

– Никита Сергеевич, срочно. У меня в кабинете посол США. Он просит немедленной аудиенции с вами. Говорит, что привез новые конкретные предложения от президента. Они хотят торговаться. Они боятся военных действия больше нас!

– А я про это уже знаю! Откуда? От верблюда! – торжествующим голосом ответил Хрущев, посмотрел на Мессинга и заговорщически подмигнул ему. – Скажи послу, пускай едет ко мне. Приму, как положено! – Хрущев с заметным облегчением улыбнулся, платком утер вспотевшее лицо и снова подмигнул Мессингу: – Ну, Мессинг... ну, сукин сын! – Потом нажал кнопку и приказал: – Николай Федорыч, давай собирай всех членов Президиума... чтобы через два, нет, через три часа все были у меня... – Хрущев опять посмотрел на Мессинга, шагнул к нему с распростертыми объятиями, прижал к себе и стал хлопать по спине, по плечам: – Ну, Мессинг! Дай я тебя расцелую! – Он трижды чмокнул Мессинга в щеки. – Ну теперь... раз войны не будет, мы с них три шкуры спустим... мы им покажем кузькину мать!

Никита Сергеевич Хрущев с суровым лицом на трибуне... Люди в зале напряженно слушают руководителя Советской страны... Голос диктора объявляет: “Советский Союз демонтирует свои ракетные установки на Кубе. В ответ Соединенные Штаты гарантируют ненападение на Кубу и демонтируют свои ракетные установки в Турции. Волевая выдержка и принципиальная позиция, которую заняли руководители Советского Союза, позволили выйти из политического кризиса, в котором оказались ведущие державы мира и который впервые после Второй мировой войны реально грозил человечеству

ядерной катастрофой. Президент Кеннеди объявил о снятии блокады Кубы и отдал приказ о демонтаже ракетной базы США в Турции...”

Центральные газеты Советского Союза “Правда”, “Комсомольская правда”, “Известия”, “Труд” выходят с портретами Хрущева... с большими заголовками “Достигнуто соглашение между СССР и США”... с фотографиями наших ракетных баз на Кубе... и американских авианосцев в Карибском море... Все газетные заголовки и передовицы подчеркивают, что Советский Союз одержал огромную дипломатическую победу благодаря стойкой принципиальной позиции, которую занял Президиум ЦК КПСС и лично председатель Президиума Никита Сергеевич Хрущев...

Москва, 1970-е годы

Мессинг регулярно приезжал на кладбище, на могилу Аиды Михайловны. Подолгу сидел на маленькой лавочке, опершись на палку с набалдашником. И здесь, среди могил и деревьев, шумевших кронами под слабым ветром, среди криков воронья и щебетания мелких пичуг, одиночество Мессинга проступало до боли печально и безысходно. Он долго смотрел на небольшой черно-серый памятник с маленьким портретом Аиды Михайловны, потом встал, наклонился к памятнику, поцеловал портрет и побрел по узкой тропинке между могил, сильно хромя и опираясь на палку. Поскользнулся на раскисшей после дождей глине, упал, выронив палку. Долго поднимался. Пальто и брюки перепачкались в рыжей глине, и отряхивать их было бесполезно. Мессинг побрел дальше, тяжело опираясь на палку...

И вот квартира Вольфа Григорьевича Мессинга опустела окончательно и бесповоротно.

Виталий Блинов, пришедший сюда по следам своего героя, медленно открыл входную дверь и замер на пороге, не решаясь войти. Потом шагнул в прихожую, снял плащ и не спеша прошел в гостиную комнату. Включил свет и огляделся.

Письменный стол... застекленный сервант... диван, тумба с телевизором... Над диваном портрет Мессинга, написанный маслом. Великий телепат смотрит с полотна бесконечно печальными глазами. Журналист остановился перед портретом, посмотрел в глаза Мессингу и тихо покачал головой, печально размышляя: “Я изучил твою жизнь день за днем и теперь знаю о тебе еще меньше, чем знал до сих пор...”

До сих пор никто не может понять, каким образом ты мог читать чужие мысли, как ты мог мысленно приказывать людям и животным... как ты мог видеть будущее? Чем больше я узнавал тебя, тем сложнее мне было ответить на эти вопросы... Твои загадочные таланты не раз спасали тебе жизнь и предвещали смерть другим, не оставляя места ни страху, ни надежде... Но и к тебе смерть пришла в положенное время... И ты не смог ее отстранить или отдалить. Или ты сам ее позвал, потому что здесь тебе больше делать было нечего?”

Журналист в задумчивости прошелся по комнате, остановился перед письменным столом. Сел и медленно стал перебирать многочисленные фотографии, вглядываясь в лицо Мессинга... И спросил уже вслух, обращаясь в пространство:

– Так что же все-таки это было? Что ты носил в себе? Божественный дар или дьявольское проклятие? – Журналист осторожно взял со стола старый истрепанный молитвенник, перелистал его страницы и положил обратно на стол. – В сущности, ты был страшно одинок, великий Вольф Мессинг. Единственным человеком, которого ты любил, была жена.. и она ушла раньше тебя, оставив совсем одного на этом свете, на котором тебе и так жилось очень неудобно... Великий иль-Мутанабия сказал: “Величайшее из несчастий, когда нет истинного друга...”

Виталий Блинов вытащил из кармана толстый блокнот, почти полностью исписанный, в нем оставалась только одна последняя чистая страница, взял со стола ручку и написал: “Величайшее из несчастий, когда нет истинного друга. – Он немного помедлил, держа руку на весу, потом перо его быстро заскользило по бумаге. – Эти слова в полной мере относятся к Вольфу Мессингу, одной из самых любопытных загадок двадцатого века... Он не желал использовать свой дар во зло, но так и не научился делать добро... Он всю жизнь читал глупые мысли множества людей. Он не хотел делать мир хуже, но не знал, как его сделать лучше... Жаль, что он не стал раввином...”

На кладбище рядом с могилой Аиды Михайловны появился скромный обелиск с барельефом Мессинга. Разные люди приходили сюда, по большей части те, в чьей судьбе он оставил свой след – летчик Константин Ковалев, бывший политэка Витюша Подольский и его возлюбленная Виктория... Приходил к нему и журналист Блинов,

который долгое время пытался осмыслить судьбу и предназначение великого и неразгаданного Вольфа Григорьевича Мессинга.

И именно ему, задумчиво глядящему на профиль Мессинга на обелиске, вдруг привиделась картина...

...Маленький мальчик медленно идет босиком по холодным доскам пола к раскрытому окну. Сказочный изумрудный свет льется на землю, и круглая огромная луна сияет между черных туч, и на ней можно отчетливо увидеть человеческое лицо со скорбным выражением. Это лицо смотрит на мальчика с печальным сожалением, словно видит весь его жизненный путь и все те страдания, которые ему предстоит перенести...

И мальчик, стоя на подоконнике, протягивает к этому неземному лицу руки, запрокинув голову и словно о чем-то спрашивая...

Январь 2007 года

Содержание

Эдуард Яковлевич Володарский Вольф Мессинг. Видевший сквозь
время

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА ПЯТАЯ

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ